

ROSSICA

Литературные СВЯЗИ И КОНТАКТЫ

2021 № 1

ISSN 2782-3792

ROSSICA

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И КОНТАКТЫ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2021

№ 1

ROSSICA

LITERARY CONTACTS & CONNECTIONS

SCHOLARLY JOURNAL

Москва

Moscow

РЕДАКЦИЯ

О.Ю. Панова

(МГУ им. М.В. Ломоносова; ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, Москва) –
ответственный редактор

С.И. Панов

(Издательство «Литфакт», Москва) – **издатель**

О.И. Щербинина

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) – **секретарь редакции, редактор**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К.М. Азадовский (Германская академия языка и литературы,
Дармштадт, Германия / Санкт Петербург, Россия)

А.А. Арустамова (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь,
Россия)

В.Е. Багно (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

К.А. Болдуин (Тулейнский университет, Новый Орлеан, шт. Луизиана, США)

Е.Е. Дмитриева (ИМЛИ им. А.М. Горького РАН; РГГУ, Москва;
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук,
Санкт-Петербург, Россия)

Ф.Б. Поляков (Институт славистики Венского университета, Австрия)

А.Ф. Строев (Университет Новая Сорбонна–Париж 3, Париж, Франция)

Р.Д. Тименчик (Еврейский университет, Иерусалим, Израиль)

С. Филипс (Университет Индианы, Блумингтон, шт. Индиана, США)

М. Шруба (Миланский университет, Милан, Италия)

Учредитель

ООО издательство «ЛИТФАКТ»

EDITORS

Olga Yu. Panova

(M.V. Lomonosov Moscow State University; A.M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia) –

executive editor

Sergei I. Panov

(Litfact Publ., Moscow, Russia) – **publisher**

Olga I. Shcherbinina

(M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia) – **editorial secretary, editor**

EDITORIAL BOARD

Konstantin M. Azadovsky (German Academy for Language and Literature,
Darmstadt, Germany / St. Petersburg, Russia)

Anna A. Arustamova (Perm State University, Perm, Russia)

Vsevolod E. Bagno (Institute of Russian Literature (The Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia)

Kate A. Baldwin (Tulane University, New Orleans, Louisiana, USA)

Ekaterina E. Dmitrieva (A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow; Russian
State University for the Humanities, Moscow; Institute of Russian Literature
(The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia)

Sarah Phillips (Indiana University, Bloomington, Indiana, USA)

Fedor B. Poljakov (Institute of Slavic Studies, University of Vienna)

Alexander F. Stroev (New Sorbonne University – Paris 3, Paris, France)

Roman D. Timenchik (The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel)

Manfred Schrub (Milan University, Milan, Italy)

Publisher:

Limited Liability Company LITFACT

СОДЕРЖАНИЕ

от редактора	6
--------------------	---

ТРАВЕЛОГИ. ПУТЕШЕСТВИЯ

Е.А. Легенькова, Т.С. Тайманова. Воображаемое путешествие в страну Советов Жюлья Ромена: реальность и литературный вымысел	7
М.М. Гудков. Американец на 100-летнем юбилее Л.Н. Толстого в СССР	19
Е.В. Юшкова. «Я приехал в этот край, чтобы поучиться»: визит Рабиндраната Тагора в СССР в 1930 г.	55
А.В. Добряшкина. «Эстеты в Советском Союзе»: А. Жид, Л. Фейхтвангер, М. Кольцов.....	79

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОНТАКТЫ И РЕЦЕПЦИЯ

Н.Ю. Харитонова. Первая революционная миссия Р. Альберти в СССР (1932–1933).....	112
А.В. Голубцова. В.И. Ленин в «советских» произведениях Курцио Малапарте	130
Ю.А. Скальная. G.B.S. и Sig Gay: «неисповедимы пути искусства»	143
М.М. Гудков. Поздние пьесы М. Горького в театре США как результат транснациональной политики Коминтерна	157

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Е.А. Легенькова, Т.С. Тайманова. Судьба Виктора Сержа как переводчика	181
П р л о ж е н и е: Виктор Серж. Письма к В.Н. Фингер. – Совесь писателя. (Трагедия советских писателей). – Виктор Серж в воспоминаниях Ж. Дюамеля	208

VARIA

К.М. Азадовский. Вечер Рильке в ФОСПе	224
С.И. Панов, О.Ю. Панова. Сокрытый диалог двух классиков. (Драйзер и красноармеец)	232
Аминадав Дикман. Анна Ахматова на иврите	244

CONTENTS

Editor's Note.....	6
--------------------	---

TRIPS & VISITS. TRAVEL BOOKS

Elizaveta A. Legen'kova, Tatiana S. Taimanova. Jules Romain's Travel Fictional Books about the Soviet Country: Reality and Literary Imagination.....	7
Maxim M. Gudkov. The American at Leo Tolstoy Centenary in the USSR.....	19
Elena V. Yushkova. "I Came to This Country to Learn": Rabindranath Tagor's Visit to the USSR, 1930.....	55
Anna V. Dobryashkina. "The Aesthets in the Soviet Union": André Gide, Lion Feuchtwanger, Mikhail Koltsov.....	79

LITERARY CONTACTS AND RECEPTION

Natalia Yu. Kharitonova. First Revolutionary Mission of Rafael Alberti in the USSR, 1932–1933.....	112
Anastasia V. Golubtsova. Vladimir Lenin in the "Soviet" Works by Curzio Malaparte.....	130
Yulia A. Skalnaya. G.B.S. & Sir Gay: The Inscrutable Ways of Art.....	143
Maxim M. Gudkov. Maxim Gorky's Late Plays in American Theatre and the Transnational Policy of Comintern.....	157

LITERARY HERITAGE

Elizaveta A. Legen'kova, Tatiana S. Taimanova. Victor Serge the Translator.....	181
Addendum: Victor Serge. Letters to V.N. Figner. — Conscience de l'écrivain. La tragédie des écrivains soviétiques. — Victor Serge Remembered by Georges Duhamel.....	208

VARIA

Konstantin M. Azadovsky. Rilke Memorial Soiree at the Federation of Associations of Soviet Writers (FOSP).....	224
Sergei I. Panov, Olga Yu. Panova. Hidden Dialogue of Two Classics (Dreiser and a Red Army Soldier).....	232
Aminadav Dykman. Anna Akhmatova in Hebrew.....	244

ОТ РЕДАКЦИИ

«Rossica. Литературные связи и контакты» – научный рецензируемый журнал открытого доступа. Выходит два раза в год в печатной версии, ознакомиться с которой можно на сайте учредителя журнала – издательства «Литфакт» <http://lfizdat.ru/>.

Издание специализированного историко-литературного журнала, посвященного российско-зарубежным литературным связям и контактам, который объединил бы специалистов по отечественной и всемирной литературной истории, – давно назревшая потребность нашей гуманитарной науки. Журнал предоставляет хорошие возможности для консолидации профессионального сообщества, стремится снабдить ученых, чьи интересы так или иначе связаны с вопросами взаимосвязей русской и зарубежных литератур, собственным периодическим изданием и тем самым способствовать быстрому и успешному развитию россики как самостоятельного направления исследований, которое с каждым годом становится все более востребованным как у нас, так и во всем мире.

Научный профиль журнала предполагает, что немалую часть материалов будут составлять работы, ориентированные на историко-литературную конкретику – ввод новых материалов, реконструкция как личных писательских, так и институциональных контактов, история переводов и изданий, рецепция западной литературы в России и *vice versa*. Журнал также призван стать печатной площадкой для публикации новых материалов: художественных текстов, эпистолярных, дневников, документов. Еще одной ключевой задачей является объединение историко-литературных штудий, биографики и поэтики с типологией, имагологией, социологией, культурологией, искусствознанием, социальной и политической историей, что позволяет создать комплексный и разносторонний поход к россики, исследовать литературный материал в широком контексте.

В журнале предполагается возможность самых разнообразных научных публикаций: исследовательские статьи, аналитические обзоры, рецензии, репринты, заметки, научная хроника, справочно-библиографические материалы, публикации в академическом формате и т.д.

Сочетание постоянных и дополнительных, варьирующихся рубрик оставляет достаточно простора для различных типов исследований и обеспечивает широкий проблемно-тематический спектр. Мы надеемся, что журнал «Rossica. Литературные связи и контакты» восполнит лакуну в «номенклатуре специальностей» отечественной научной периодики и станет открытой площадкой для профессионального диалога отечественных и зарубежных коллег.

Воображаемое путешествие в страну Советов Жюль Ромена: реальность и литературный вымысел

© 2021 Е.А. Легенькова, Т.С. Тайманова

УДК 82.091

https://doi.org/10.54791/27823792_2021_1_7_18

Jules Romain's Travel Fictional Books about the Soviet Country: Reality and Literary Imagination

© 2021 Elizaveta A. Legen'kova, Tatiana S. Taimanova

Информация об авторах:

Елизавета Александровна Легенькова, кандидат филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкого и романского языков, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Россия. E-mail: kaf_roman@gup.ru
Татьяна Соломоновна Тайманова (1954–2020), доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

Ключевые слова: Жюль Ромен, «Этот великий свет с Востока» (1941), русская революция, Л. Троцкий, литература путешествий, франко-российские литературные связи, образ России, имагология.

Аннотация: В статье рассматривается образ большевистской России, созданный в романах Ж. Ромена «Этот великий свет с Востока» (1941) и «Мир – твоё приключение» (1941) в контексте существующей на тот момент во Франции обширной нефикциональной литературы о советской России (travelogi, публицистика, очерки и т.д.), авторами которой были очевидцы «русского эксперимента» (А.Барбюс, А. Виллис, Л. Дюртен, А. Жид, Р. Роллан и др.). Ромен, создавая свои романы о России, с одной стороны опирается на эту литературу, а с другой – подвергает ее критической ревизии. Изучая разные, часто противоречивые мнения и оценки своих соотечественников, он предлагает собственное художественное и философское осмысление советского социального опыта. Не в меньшей степени Ромена интересует тема

Information about the authors:

Elizaveta A. Legen'kova, PhD., Chair Professor, Department of German and Roman Languages, Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Russia. E-mail: kaf_roman@gup.ru

Tatiana S. Taimanova (1954–2020), Doctor of Philology, Professor, Saint-Petersburg State University.

Keywords: Jules Romain, *Cette grande leueur à l'Est* (1941), Russian revolution, L. Trotsky, travel literature, French-Russian literary connections, image of Russia, imagology.

Abstract: The paper is dedicated to the image of the Russian revolution and Bolshevik Russia created in the novels by Jules Romain – *Cette grande leueur à l'Est* (1941) and *Le monde est ton aventure* (1941) in the context of the vast nonfictional literature on Soviet Russia that existed in France (travel books, essays and other documentary writing) by writers and journalists, that were eyewitnesses of the 'Russian experiment' (Henri Barbusse, André Viollis, André Gide, Romain Rolland, Luc Durtain, etc.). On the one hand, Jules Romain's novels about Russia are based on this massive of eyewitness literature; on the other, he critically assessed and revised it. Having considered a wide spectrum of various accounts and contradictory opinions of his fellow-citizens, Romain strives for his own literary and philosophical understanding of the Soviet experience. Romain is interested as well in the European attitudes towards Bolshevism and Soviet Russia, that he himself didn't have a chance to visit. Leon

европейского восприятия большевизма и советской России, которую ему не довелось посетить самому. Приводятся оценки творчества Ромена Л. Троицким. Особое внимание уделяется образу русской литературы, культуры и истории в романах Ромена о Советском Союзе.

Trotsky's assessment of Romain's works are quoted and analysed in the paper. A special attention is paid to the way Russian literature, culture and history are presented in the Romain's novels about the Soviet Union.

Принятые сокращения:

CGLE – Romain J. *Les Hommes de bonne volonté. Tome XIX.*

Cette grande leueur à l'Est. Paris: Flammarion, 1958.

MTA – Romain J. *Les Hommes de bonne volonté. Tome XX.*

Le monde est ton aventure. Paris: Flammarion, 1958.

Метафора Жюль Ромена «этот великий свет с Востока» превратилась в термин, которым охотно пользуются для обозначения восприятия российского постреволюционного опыта на Западе. По словам Жана-Луи Лубе дель Бейля, в нем заключена симпатия Запада к большевизму и русской революции и восприятие советской России как «земли обетованной»¹.

В этом ракурсе изучается паломничество представителей Запада в советскую Россию: не только интеллектуалов (журналистов, писателей, идеологов социализма и коммунизма), но и инженеров, рабочих, а также активистов профсоюзного, феминистского движений. Как мотыльки, привлеченные «великим светом с Востока», они приезжали в Россию и очень часто опалили свои крылышки в ее революционном пламени. Термин «этот великий свет с Востока» настолько прочно укоренился в обиходе исследователей, занимающихся историческими, культурными и литературными связями между Россией и Францией, что можно подумать, что он возник одновременно с проявлением первого интереса западного мира к Октябрьской революции и ее результатам. По сути же, он подводит итог осмыслению на Западе двадцатилетнего опыта строительства «нового общества» в советской России и свидетельствует об утрате иллюзий и крушении надежд. В этом контексте данная метафора приобретает некий привкус иронии или горького сожаления.

Этот термин воспроизводит название одного из романов Жюль Ромена ретроспективного эпического цикла «Люди доброй воли» (1932–1946), в котором философски осмысливается европейская история в период между 1908 и 1933 гг., ее социальные проблемы и проблемы удела человеческого. Оценка

¹ Loubet del Bayle J.L. *L'illusion politique au XXe siècle. Des écrivains témoins de leur temps: Jules Romain, Drieu La Rochelle, Aragon, Camus, Bernanos, Malraux.* Paris: Economica, 1999.

воображаемое путешествие в страну советов Жюль Ромена этого гигантского 27-томного романного цикла всегда была неоднозначной: от презрительной его квалификации как собрания газетных вырезок, о чем пишет автор монографии о Ж. Ромене Андре Кюмзень², до рассмотрения его как документального источника для историков, социологов и политологов, изучающих социальную, политическую и идеологическую эволюцию французского и, шире, европейского общества первой половины XX века³. В то же время нельзя обойти вниманием достаточно прозорливую оценку творчества Ж. Ромена Львом Троцким: «Ему как писателю (тем более как политику) не хватает, видимо, **характера**. Он зритель, а не участник». Троцкий ставил в упрек автору отстраненность, которая «у него не только оптическая, а и моральная», и резюмировал: «Его нравственные очки позволяют ему видеть все только на известном, неизменном расстоянии. <...> У участника “distance” меняется в зависимости от характера его участия, у зрителя – нет. Зритель, как Romain, может быть **замечательным** писателем, но не может быть **великим** писателем»⁴. И это при том, что сам Ж. Ромен параллельно с литературной деятельностью в период работы над циклом романов активно занимался политикой, слыл «серым кардиналом» правительственных кругов III Республики, был советником некоторых политических руководителей (например, главы партии радикалов Эдуара Даладье), выполнял за границей от лица французского правительства неофициальные миссии и даже в 1934-м после фашистского путча 6 февраля патронировал группу молодых интеллектуалов и чиновников, разработавших план общей реформы французского общества, известный как «План 9 июля», к которому он написал предисловие⁵. Собственно, упоминание Ж. Ромена в дневнике Л. Троцкого возникает именно в связи с этим документом. Троцкий пишет:

Jules Romains <...> предлагает себя в спасители (Общество 9 июля). В одной из последних книг своей эпопеи Romains выводит, видимо, себя под именем писателя Strigelius'a (кажется, так). Этот S[trigelius] может все то, что умеют другие писатели, а кроме того, еще кое-что сверх того. Но он умеет не только как писатель. Он понял, что «умень» (гений) универсально. Он умеет и в других областях — в частности, в политике — больше, чем другие. Отсюда Общество 9 июля и книга J. R[omain] об отношениях между Францией и Герм[анией].

² Cuisenier A. *Jules Romains et l'unanimité*. Paris: Flammarion, 1935.

³ Loubet del Bayle J.L. *L'illusion politique au XXe siècle*, p. 25.

⁴ Троцкий Л. Дневник 1935 года: <http://iskra-research.org/Trotsky/sochineniia/1935/dnevnik-1935.html>. Запись от 21 марта.

⁵ Loubet del Bayle J.L. *L'illusion politique au XXe siècle*, p. 28–29.

Несомненно, у этого даровитого писателя закружилась голова. Он много понимает в политике, но скорее зрительно, т. е. поверхностно. Глубокие социальные причины явлений остаются от него скрыты⁶.

Созданная Роменом эпопея – это амбициозный проект, охватывающий разнообразные политические и интеллектуальные течения первой половины XX в. Часто писатель прибегает к художественному воспроизведению событий, прожитых другими людьми, тех, что не входят в его собственный жизненный опыт. Так, Ромен, который в отличие от многих французских писателей своего поколения (Р. Мартен дю Гара, Ж. Дюамеля, Ж.-Р. Блока) не был на полях сражений Первой мировой войны, посвятил ей два тома своей эпопеи: «Прелюдия к Вердену» (*Prélude à Verdun*, 1937) и «Верден» (*Verdun*, 1938). Огюстен Фожель пишет: «Он постоянно действовал и писал против войны <...> он описал Верден <...>. Он создал настоящее свидетельство. И это благодаря его работе в государственных и частных архивах и вчувствованию романиста, позволившим ему напряженно прожить как жизнь простых солдат, так и генералов»⁷.

Приступая к теме европейского восприятия большевизма и путешествия французов в советскую Россию, которую ему не довелось посетить самому, в романах «Этот великий свет с Востока» (*Cette grande lueur à l'Est*, 1941) и «Мир – твоё приключение» (*Le monde est ton aventure*, 1941) романист поступает таким же образом. Если можно описать войну, в которой сам не участвовал, ещё при жизни её непосредственных очевидцев и ветеранов, можно описать и вымышленное путешествие, которое никогда не совершал, – благо, что есть свидетельства настоящих путешественников с их впечатлениями, энтузиазмом и сомнениями по поводу русской революции.

Роман «Этот великий свет с Востока» был опубликован в Нью-Йорке, куда писатель эмигрировал из оккупированной нацистами Франции⁸. К этому времени Запад был уже довольно хорошо осведомлен о том, что произошло в СССР за межвоенный период. Благодаря публикациям в иностранных, эмигрантских и даже социалистических изданиях многие иллюзии рассеялись. Поэтому разоблачения Ромена, «открывавшего глаза» западному читателю на советскую Россию и на разочарование тех, кто симпатизировал ей вначале, запаздывали на десятилетие.

Художественной интерпретации «Этого великого света с Востока» и вымышленному путешествию главных героев романа в Россию 1922 года

⁶ Троцкий Л. Дневник 1935 года. Запись от 21 марта.

⁷ Voegele A. Les deux corps de Jules Romains. Écrire la guerre quand on ne l'a pas faite. *Carnets. Revue électronique d'Etudes françaises de l'APEF*. Deuxième série, novembre 2015, no 5: "Imaginaires de guerre et autres conflits" // https://www.researchgate.net/publication/309543676_Les_deux_corps_de_Jules_Romains_Ecrire_la_guerre_quand_on_ne_l'a_pas_fait. Здесь и далее перевод наш.

⁸ См.: Loubet del Bayle J.L. *L'illusion politique au XXe siècle*.

воображаемое путешествие в страну советов жюля ромена предшествовало появлению множества свидетельств и предостережений очевидцев, имевших возможность увидеть собственными глазами последствия Октябрьской революции. Среди них были и те, кто в начале революции искренне в стихийном порыве стремились принять участие в преобразовании общества на основе социальной справедливости, и те, кого советское государство в целях борьбы с экономической разрухой нанимало для внедрения их профессионального опыта в среду неграмотных масс. Были также и организованные путешественники (главным образом, журналисты и писатели), способные, как надеялись советские власти, представить положительный образ СССР и его достижения в строительстве нового общества. Первая волна путешествий иностранцев в СССР падает на годы революции и гражданской войны; затем идут массовые посещения СССР профсоюзными, рабочими, коммунистическими и феминистскими активистами, организованные с пропагандистскими целями, которые достигают кульминации во время празднования десятой годовщины Октябрьской революции⁹.

Таким образом, благодаря этим свидетельствам французы были хорошо информированы. Авторы, сознавая международное значение того исторического события, которое произошло в России, стремились, каждый по-своему, нарисовать свою «маленькую историческую картинку», как писал Жорж Дюамель, который был среди первых французских писателей, посетивших советскую Россию¹⁰. Список гостей, в числе которых были А. Виоллис, Л. Дюртен, А. Фабр-Люс, П. Истрати, А. Барбюс, А. Жид, Р. Роллан и многие другие, достаточно длинен: только между 1917 и 1930 гг. во Франции было уже опубликовано более сотни таких свидетельств¹¹. К ним следует добавить разоблачения Б. Суварина, П. Паскаля, В. Сержа, Ивона, Чилига и др., появлявшиеся в малотиражных газетах и журналах, обычно проходившие мимо внимания широкой публики. Таким образом, у читателя могло сложиться собственное мнение в зависимости от используемых им источников широкого диапазона – от капиталистической прессы, открыто негативная позиция которой претила либералам, таким как Р. Мартен дю Гар и Ж. Дюамель¹², и до коммунистических изданий, зачастую направляемых из Москвы, хвалебный тон которых был не менее лживым.

⁹ Подробное исследование этого паломничества проведено французским историком Софи Кёре: Cœuré S. *La grande lueur à l'Est. Les Français et l'Union soviétique (1917–1939)*. Paris: Seuil, 1999.

¹⁰ Dédicace à F. Mauriac sur l'exemplaire de *Voyage de Moscou*. Paris: Mercure de France, 1927. См.: *Correspondance François Mauriac – Georges Duhamel (1919–1966): Le croyant et l'humaniste inquiet*. Paris: Klincksieck, 1997, p. 37.

¹¹ Kupferman F. *Au pays des Soviets: Le voyage français en Union soviétique, 1917–1939*. Paris: Gallimard, 1979.

¹² Roger Martin du Gard — Georges Duhamel, *correspondance 1919–1958*. Paris: Minard, 1987, p. 151.

Жале, один из протагонистов цикла «Люди доброй воли» и иногда выразитель мнения Ж. Ромена, давая свою оценку этим материалам об СССР, подчеркивает их навязчивый и противоречивый характер, не внушающий никакого доверия. Это обилие травелогов дает эффект, похожий на тот, что производят «свидетели в суде, которые, как только они встают за трибуну, настраивают благожелательных заседателей против, и каждое слово которых тут же вызывает желание поверить в истинность противоположных утверждений» (CGLE: 206).

Лоскутное одеяло противоречивых мнений крепко сшито общим представлением Запада о русских. Восприятие революции, Ленина, объективность информации, достигшей Франции, вырождение французского социализма в духе Жореса в коммунизм, действующий «по указке Москвы» (CGLE: 63), великий голод в России – все это входит в ткань роменовского нарратива.

Роман «Этот великий свет с Востока» предваряет описание вымышленного путешествия французов в большевистскую Россию, составляющего сюжет следующего романа цикла «Мир – твое приключение». Люди разных профессий, социального происхождения, разных национальностей, включая русскую эмиграцию, и различных политических убеждений бесконечно рассуждают на животрепещущую тему своего времени – о России и ее уникальном социальном эксперименте. Этот интерес к России был порожден усилившимся во время Первой мировой войны стремлением к социальной справедливости и к созданию нового мира. Эти искания породили дискуссии, в которых обнаруживается растерянность французов перед новой реальностью и недостаток информации из первых рук. Именно в таких условиях в романе формируется группа людей, целью которых становится увидеть собственными глазами «этот великий свет с Востока».

Великая послевоенная растерянность проявляется в страхе буржуа перед недавно вышедшими из траншей рабочими, которые мечтают об изменении режима. Эти буржуа думают: «Русские парни подали им пример <...> Коммунистическая партия гарантирует, что у нее есть рецепты и расчеты <...> Жорес всегда говорил, что Революция будет бескровной. Но Ленин – парень пожестче» (CGLE: 226). В лагере левых люди, разочарованные деградацией социалистической партии после съезда в Туре, приходят к выводу: «Если энтузиазм и чистота и существуют, так только в Москве» (CGLE: 57). Но лицо революции все они видят сквозь призму знаменитого русского характера. Ромен возвращается к этому неоднократно: «И все-таки это народы не такие, как мы <...> Эти типы с Волги и Урала <...> Что уж говорить, в них есть что-то дикое» (CGLE: 22–23), «русские – это животные» (CGLE 224), «может быть, они и сильные, но сухие, как удары палки... не любят они нас» (CGLE: 226), «это люди Востока» (CGLE: 256).

воображаемое путешествие в страну советов жуля ромена

Особый характер русских объясняет сложности революционного процесса: «У этого народа столько практических недостатков. <...> Они лжецы и воры. Они мухлюют, как только могут. <...> Тут не только большевики виноваты; любой бы оказался в сложном положении, взяв Россию в том состоянии, в котором она была» (CGLE: 163). Некоторые персонажи романа считают, что эта варварская страна не может обойтись без твердой руки и деспотизма (CGLE: 163). Другие же верят в возможность построения нового мира на французский манер и считают, что «все м этим следовало бы заняться Франции» и что «тогда бы это было бы по-другому» благодаря претворенным в жизнь революционным идеям Мишле, Эдгара Кинэ, Гюго (CGLE: 225).

Ромен подхватывает стереотипы, введенные в обиход в Европе со времен Принца де Линя и Астольфа де Кюстина (CGLE: 257). Так, о Генуэзской конференции он пишет: «Все смотрели на русских. Смотрели и удивлялись, что они умеют носить визитку и приветствовать даму, а не щипать ее за мягкое место, и есть в ресторане, сняв картуз и не плюя на пол». Так описывает Генуэзскую конференцию Жале и признается: «Хотя русские из делегации уже не удивляли меня, они еще не начали мне нравиться, а главное – меня обнадеживать. Мне они кажутся то слишком учтивыми, то слишком беспокойными, то наглыми, то очаровательными, то бесцеремонными, то болтливыми, то скрытными и молчаливыми» (CGLE: 142).

Среди персонажей – знатоков новой России есть Лолерк. Он познакомился с Лениным в бытность того в Швейцарии и находит его «довольно-таки пугающим <...> очень самоуверенным», «очень оптимистичным, бессовестным, человеком, для которого политический реализм это <...> обладание высшей проницательностью, позволяющей вам воспользоваться противником в тот момент, когда он думает, что использует вас» (CGLE: 72, 74). Лолерк приводит поступки Ленина и факты из его жизни, которые шокировали Европу: лозунг превратить империалистическую войну в социальную революцию, возвращение в Россию в запломбированном вагоне, слухи о денежной помощи из Германии, пополнение кассы его революционной организации при царском режиме «путем вооруженного грабежа банковских инкассаторов» (CGLE: 74). Такой «ореол дьявольщины», окружающий этого человека действия, смущает тех, кто верит, что «Ленин благороден и чист» и что Россия – «последняя надежда», потому что «если бы там не было СССР, даже со всеми его заблуждениями и иллюзиями, мир <...> казался бы <...> совсем уж безнадежным» (CGLE: 75, 100).

Смысл этой надежды объясняет Жерфаньон перед своим отъездом в Россию:

е.а. легенькова, т.с. тайманова

Она есть у всех, даже у тех, кого русская революция ужасает <...> Тут, на нашем Западе, где не происходит ничего важного, и уж ничего ни возбуждающего, ни решающего, сидя среди наших развалин, усталые и растерянные <...> мы замечаем этот великий свет на Востоке <...> в том, что привлекает нас в этой стране <...> есть идущий издалека вихревой призыв и этот свет. Да, этот великий свет... Возможно, это заря; а может быть, – пожар; но те, кто верит в зарю, как и те, кто верит в пожар, приходят в движение ... (CGLE: 260–261).

Это же он подтверждает при посещении Москвы: «Возможно, они в чем-то не правы и их методы неверны, но они дают надежду и воодушевляют» (CGLE: 238).

Эти поиски смысла продолжаютя в романе «Мир – твоё приключение», в котором Жерфаньон и Жале, каждый своим путем и на свой страх и риск, отправляются в 1922 г. в СССР, с которым у Франции еще не установлены дипломатические отношения и где свирепствует ужаснувший весь западный мир голод.

Во избежание ложной картины Жале отказывается от идеи путешествия, организованного «гидами, предоставленными советскими властями» (CGLE: 143–149), и действует в рамках Нансеновской миссии под предлогом изучения голода на месте.

Ромен ставит своих вымышленных персонажей в условия, в которые были поставлены реальные путешественники. Жале и его попутчик американский журналист Бартлет прибывают в Одессу на корабле. Как и герои настоящих травелогов, персонажи Ромена совершают прогулку по этому южному городу, который напоминает им одновременно и Алжир, и Геную, и Палермо. «Изда- лека Одесса впечатляла бульварами, большими зданиями, прямыми широкими улицами, дворцами. <...> Она выглядела имперски и немного варварски» (МТА: 89). Но «впечатление пустынности отягощалось впечатлением разрухи <...> [и] кладбища» (МТА: 91).

Не будучи ни дельцами, ни «политиками или интеллектуалами, которых можно завоевать сразу же или надеяться завоевать» (МТА: 154), Жале и Бартлет не пользовались расположением со стороны советских властей: один хотел увидеть «бесплатно» то, что скорее «повредило» бы их репутации (МТА: 154), а другой «заявлял о своем праве самостоятельно получить собственное пред- ставление и тоже сперва увидеть то, <...> что ему никак не хотели показывать» (МТА: 154). Поэтому ожидание разрешения посетить районы, где свирепствовал голод, было долгим.

Так они оказались «в положении контролируемой свободы» (МТА: 113). На экскурсии по достопримечательностям Одессы их сопровождал гид и еще

воображаемое путешествие в страну советов жоля ромена

один русский, который «слушал <...> и, казалось, часто понимал» (МТА: 131). Позднее девушка из службы по культурным связям с границей поедет с ним в Поволжье. «Милая шпионка, – подумает Жале. – Наверно, каждый вечер она пишет о нас свой отчет» (МТА: 231). Тут вспоминаются отчеты гида Андре Виллис, которая жаловалась начальству на неукротимый характер журналистки, отказывавшейся от навязываемых ей экскурсий и настаивала на посещении объектов, которые могли бы повредить приукрашенному образу советских достижений¹³. Почти все те, кто посещал в действительности СССР, отрицательно отзывались о своих навязчивых и лицемерных гидах.

Главный вопрос, который обсуждают персонажи, – это причины Великого голода. Жители деревни российских немцев, которые «в обычные времена имели более высокий уровень жизни, чем у русского мужика» (МТА: 156), говорят, что «засуха без большевиков не была бы столь великим несчастьем... но <...> большевики и без засухи – это ужасное несчастье» (МТА: 178). Действительно, засуха сыграла свою пагубную роль. Но Ромен подчеркивает, что большевики на местах опираются на «отребье, на несколько сотен лентяев, неумех и пьяниц», образующих комбеды, заправляющие всем в деревнях (МТА: 179). Сегодня отечественные историки стали признавать значение человеческого фактора среди причин голода 1921–1922 гг.¹⁴ Последствия этого разгула комбедов особенно проявились в Поволжье, где, как пишет Ромен, можно было наблюдать следующую картину: «На въезде в некоторые деревни – сотни трупов. <...> Эти трупы настолько бестелесны, что продолжают и дальше усыхать. Они как ломкие мумии. <...> А в сотне шагов оттуда встречались привидения, которые уже были такими же трупами, но еще передвигались» (МТА: 154). В годы Великого голода на Западе с различными целями (благотворительными и пропагандистскими) широко распространялись фотографии и открытки, запечатлевшие эти ужасы. Даже на Украине, всегда считавшейся богатейшей житницей страны, тоже были голодающие, которых Ромен описывает со знанием дела: «Двое детей, лет десяти-двенадцати, были совершенно голыми. Прежде всего, в глаза бросался их огромный живот, как земляного цвета пузырь, затем, после этого волдыря, в поле зрения попадали ноги и грудная клетка, которые казались тонюсенькими и хрупкими, как у огромного насекомого» (МТА: 195). Это точное и повергающее в ужас описание лишено того сострадания, которое можно встретить, например, у П. Истрати, который тоже мог судить об этом только по

¹³ См. письмо переводчицы Людмилы Пастигер-Понской в: Stern L. *Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920-40: From Red Square to the Left Bank*. London; New York: Routledge, 2007, p. 111.

¹⁴ См.: Борисов В.И. Комитеты бедноты юга России в системе продовольственной политики советской власти в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) // Вестник Брянского гос. ун-та. 2012. № 2-1. С. 47–50; Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: ВШЭ, 2010.

фотографиям из Сератовского музея Великого голода, из которого он вышел потрясенным до слез¹⁵.

Другим животрепещущим вопросом был нэп. Ромен считает его «военной хитростью» и паузой, которую взяли большевики для передышки, и подчеркивает цинизм их заявлений в прессе, где они обещают расстрелять тех, кто «больше всех обогатится» (МТА: 165). Казалось бы, это должно было встревожить кулаков, продолжающих думать, что переход к нэпу доказывает ошибку Ленина, которую тот отказывается открыто признать (МТА: 165). С точки зрения иностранных капиталистов, работающих в России, нэп – это двойная политика. Нэп для внутреннего употребления можно проиллюстрировать историей взломщиков, «которые проникают в дом пожилой дамы и запихивают ей в рот кляп, связывают ее... Но так как затем им не удастся найти ее кубышку, они вынимают кляп, чтобы она им указала место, ключи и все остальное» (МТА: 249). Нэп для внешнего употребления состоит в колониальном подходе: «Надо вспомнить менталитет людей, которые когда-то высадились в Африке, в Индии... и имели дело с негритянскими вождями, <....> господствовавшими над обширным туземным населением» (МТА: 250). Возмущенный Жерфаньон думает: «Неужели правда на стороне этих молодчиков с их опытом, цинизмом, мерзкой философией? Ведь для нас величие революции заключалось в попытке одним махом освободить мир от их присутствия» (МТА: 253).

Следуя канонам травелога, Ромен воспроизводит типологию историй путешествий, которые он прочитал. Тогдашние путешественники не могли особенно выбирать, что посещать и с кем встречаться. Их программы пребывания в СССР разрабатывались с пропагандистскими целями в ВОКС, и можно найти множество совпадений в разных свидетельствах: места посещения, маршруты поездок, представители государства, с которыми были назначены встречи, – одни и те же. География путешествий отражена в заглавии репортажа А. Виоллис «От Каспия до Балтики»¹⁶. Путешественники часто описывают одинаковые сюжеты, интерпретация которых зависит от отношения к ним автора. Везде можно встретить описания посещаемых городов; прежде всего, это Москва, об улицах которой подробно и с восхищением пишут Л. Дюртен¹⁷ и иронично А. Фабр-Люс, отдающий себе отчет, что ему показывают «Москву для туристов»¹⁸. Путешествие на корабле по Волге тоже относилось к приоритетным направлениям.

¹⁵ Samios-Kazantzaki E. *La véritable tragédie de Panaït Istrati*. Paris: Lignes; Saint-Germain-la-Blanche-Herbe: IMEC, 2013, p. 51.

¹⁶ Viollis A. *Seule en Russie: de la Caspienne à la Baltique*. Paris: Gallimard, 1927.

¹⁷ Durtain L. *L'autre Europe: Moscou et sa foi*. Paris: Gallimard, 1928.

¹⁸ Fabre-Luce A. *Russie 1927*. Paris: Grasset, 1927.

воображаемое путешествие в страну советов жуля ромена

Поскольку Жале, который познает все негативные стороны пребывания в России (клопы, стукачество, убогое существование простых людей), посажен в тюрьму за тайную пересылку своей статьи в американскую газету, Москву посещают его друг Жерфаньон и его патрон – французский министр, приглашенный советским правительством с целью сближения двух стран. Им оказывают пышный прием и поселяют в «старинном особняке, который правительство... конфисковало и отдает в распоряжение почетных гостей» (МТА: 210), они ужинают в ресторане «Савой», куда ходят «американские воротилы» (МТА: 211). Они прекрасно понимают, что все это не имеет ничего общего с реальной жизнью, но предпочитают наслаждаться своим положением почетных гостей. Ромен иронизирует над гастрономическими и любовными слабостями французских политиков, которые легко поддаются пропагандистскому манипулированию. Помимо впечатлений героев от московской архитектуры, позволяющих Ромену предаться экфрастическим описаниям, дается представление о различных сторонах жизни москвичей. Читатели следуют маршрутами реальных путешественников: театр, завод или фабрика, школа и ясли, больницы, дома отдыха. Если в качестве эталона взять книгу Дюртена «Другая Европа», то среди обсуждаемых в ней тем мы найдем такие сюжеты, как государственный капитализм, положение интеллигенции, алкоголизм, школа, книги и их переводы; судьба писателей, театр, нравы, положение женщин и детей, коммунальные квартиры, бюрократия, противники режима, внешняя политика. Жерфаньон и французский министр посещают Большой театр, обсуждают достижения советского драматического искусства, осматривают завод «Динамо» и Трехгорную мануфактуру, встречаются с академиками, а для бесед об экономике видятся с Красиным и Богдановым.

Ромен не может обойтись без пространных рассуждений о русской литературе и об углубляющейся «пропасти между двумя культурами» (МТА: 304). Это становится темой беседы между Жерфаньоном, министром и неким советским поэтом Вяткаевым на набережной Нижнего Новгорода, с которой открывается великолепный вид на знаменитую ярмарку, столько раз описанную во французских травелогах.

Заключение, к которому вместе приходят и автор, и его персонажи, в конечном счете подводит читателя романа к мысли, что значение Октябрьской революции ограничено, что она «становится чисто русским делом» (МТА: 306).

е.а. легенькова, т.с. тайманова

Литература

Борисов В.И. Комитеты бедноты юга России в системе продовольственной политики советской власти в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) // Вестник Брянского гос. ун-та. 2012. № 2-1. С. 47–50.

Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.

References

Borisov V.I. Komitety bednoty iuga Rossii v sisteme prodovol'stvennoi politiki sovetsoi vlasti v gody grazhdanskoi voiny. (1918–1920 gg.) [Poor Peasant's Committees in the South of Russia within the system of Soviet Food Policy during the Civil War, 1918–1920]. *Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no 2-1, pp. 47–50. (In Russ.)

Cœuré S. *La grande lueur à l'Est. Les Français et l'Union soviétique (1917–1939)*. Paris: Seuil, 1999.

Cuisenier A. *Jules Romains et l'unanimisme*. Paris: Flammarion, 1935.

Kupferman F. *Au pays des Soviets: Le voyage français en Union soviétique, 1917–1939*. Paris: Gallimard, 1979.

Loubet del Bayle J.L. *L'illusion politique au XXe siècle. Des écrivains témoins de leur temps: Jules Romain, Drieu La Rochelle, Aragon, Camus, Bernanos, Malraux*. Paris: Economica, 1999.

Orlov I.B. *Sovetskaia povsednevnost': istoricheskii i sotsiologicheskii aspekty stanovleniia [Soviet Everyday Life: Historical and Sociological Aspects of Its Formation]*. Moscow: Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshei shkoly ekonomiki publ., 2010. (In Russ.)

Samios-Kazantzaki E. *La véritable tragédie de Panaït Istrati*. Paris: Lignes; Saint-Germain-la-Blanche-Herbe: IMEC, 2013.

Stern L. *Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920–40: From Red Square to the Left Bank*. London; New York: Routledge, 2007.

Дата поступления в редакцию: 29.06.2021

Дата публикации: 20.11.2021

Received: 29.06.2021

Published: 20.11.2021

Американец на 100-летнем юбилее Л.Н. Толстого в СССР

© 2021 М. М. Гудков

УДК 82.091

https://doi.org/10.54791/27823792_2021_1_19_54

The American at Leo Tolstoy Centenary in the USSR

© 2021 Maxim M. Gudkov

Информация об авторе:

Максим Михайлович Гудков, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия. E-mail: m.gudkov@spbu.ru.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, Г.У.Л. Дейна, 100-летний юбилей Л. Толстого, советско-американские литературные и культурные связи.

Аннотация: В обстоятельствах политической изоляции странами Запада в большевистской России в 1928 г. с помпой отмечался 100-летний юбилей Л.Н. Толстого. Торжественное празднование писателя выходило за пределы чисто культурного события и носило идеологически-пропагандистский характер. Оно явилось важной частью культурной дипломатии молодого советского государства, вопросом его престижа, – поскольку ожидалось много иностранных гостей. Единственным представителем США на Толстовском юбилее оказался тот, чье имя почти неизвестно ни отечественному толстоведению, ни вообще российской науке – Генри Уодсворт Лонгфелло Дейна (Henry Wadsworth Longfellow Dana, 1881–1950). Детальная реконструкция – день за днем – участия американского профессора на юбилейных торжествах, продлившихся неделю, дается на основе так называемого «Русского дневника» Г. Дейны, хранящегося в одном из архивов США, а также отечественной периодики. Принадлежа к числу наиболее просоветски настроенных интеллектуалов США, он сыграл за океаном существенную роль

Information about the author:

Maxim M. Gudkov, Senior lecturer, Saint Petersburg State University, Russia. E-mail: m.gudkov@spbu.ru.

Keywords: Leo Tolstoy, Henry Wadsworth Longfellow Dana, Leo Tolstoy centenary, Soviet-American literary and cultural links.

Abstract: Under the conditions of political isolation of Bolshevik Russia by Western countries, the 100th anniversary of Leo Tolstoy (1928) was celebrated in the USSR with great pomp. The solemn celebration went beyond a cultural event and acquired an ideological and propagandistic character. It was an important part of the cultural diplomacy of the young Soviet state, a matter of its prestige, since many foreign guests were expected. The only representative of the United States at Tolstoy's centenary was Henry Wadsworth Longfellow Dana (1881–1950), an American scholar and university professor, whose name is practically unknown in the field of Tolstoy studies and in the Russian academia in general. The paper gives a detailed day-by-day reconstruction of H.W.L. Dana's participation in the centenary based on the materials of the Soviet press and Dana's Russian diary stored in one of his archives in the US. As a pro-Soviet intellectual and a friend of new Russia, Dana played a significant role in enhancing public interest to the creative heritage of Tolstoy in the States. The paper introduces in scholarly discourse unpublished materials from the Department of Manuscripts of the

в популяризации творческого наследия Л. Толстого. В работе привлекаются неопубликованные ранее материалы из Отдела рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого (Москва), Архива А.М. Горького ИМЛИ имени А.М. Горького РАН (Москва), а также неизвестные у нас американские источники, в том числе из фондов музея «Дом Лонгфелло – Национальный исторический объект штаб-квартиры Вашингтона» (*The Longfellow House – Washington's Headquarters National Historic Site*, Кембридж, шт. Массачусетс) и Библиотеки Хоутона при Гарвардском университете (*Houghton Library, Harvard University*, Кембридж, шт. Массачусетс).

Автор статьи выражает глубокую признательность заведующей Отделом рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого (Москва) Светлане Дмитриевне Новиковой за разрешение работать с материалами музея, а также за доброжелательное отношение и бесценные советы, полученные в процессе работы над этим текстом. Кроме того, данное исследование не состоялось бы без великодушной помощи архивиста музея «Дом Лонгфелло – Национальный исторический объект штаб-квартиры Вашингтона» (*The Longfellow House – Washington's Headquarters National Historic Site*, Кембридж, США) Кейт Хэнсон Пласс, а также сотрудников Библиотеки Хоутона при Гарвардском университете (*Houghton Library, Harvard University*, Кембридж, США) Майи Терхун и Кристин Джейкобсон, дистанционно снабжавших автора уникальными архивными материалами, в том числе фотографиями Г. Дейны и его советской визы 1927 г.

State Museum of Leo Tolstoy (Moscow), A.M. Gorky Archive at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow) as well as unknown American sources, including The Longfellow House – Washington's Headquarters National Historic Site (Cambridge) and The Houghton Library at Harvard University (Cambridge).

Acknowledgements: The author of the article expresses his deep gratitude to Svetlana Novikova, Head of the Department of Manuscripts at the Leo Tolstoy State Museum (Moscow), for permission to work with the Museum's materials, as well as for the friendly attitude and invaluable advice received while working on this text. In addition, this study would not have been possible without the generous help of the archivist of The Longfellow House – Washington's Headquarters National Historic Site (Cambridge, USA) Kate Hanson Plass, as well as the staff of The Houghton Library at Harvard University (Cambridge, USA) Maya Terhune and Christine Jacobson, who remotely supplied the author with unique archival materials.

В сентябре 1928 г. в Советском Союзе торжественно отмечался 100-летний юбилей Льва Толстого. Событие это носило «сугубо официозный характер»¹ и оказалось во многом окрашено в идеологически-пропагандистские тона. Распорядителем на торжествах стал народный комиссар просвещения молодой советской республики А.В. Луначарский.

В самом начале 1928-го нарком заявлял в печати:

За границей злостно распространяются слухи, что мы не только не чтим великих классиков русской литературы, но даже изымаем их из библиотек и запрещаем их читать. <...> По отношению к Толстому, одному из величай-

¹ *Велеминский К.* Толстовские торжества 1928 года / Пер. с чешского И.М. Порочкиной // Ясная Поляна: Неизвестные страницы (Чешские и словацкие воспоминания о Льве Толстом). СПб.: Росток, 2013. С. 279.

американец на 100-летнем юбилее л.н. толстого в ссср
ших наших классиков, вполне возможно было бы при такой нетерпимой прямолинейности, которую нам приписывают, встать в положение враждебное или, в лучшем случае, нейтральное. <...> Нет никакого сомнения, что в эти дни в Москву прихлынет достаточное количество иностранцев. Пусть они увидят наш импозантный, светлый и в то же время честный, не допускающий никаких недоразумений праздник по поводу столетия со дня рождения великого писателя, пусть они увидят, как умеем мы анализировать культурное наследие и вместе с тем чтить его, пользоваться им, расскажут об этом повсюду, чтобы замолчала ехидная клевета о нашем отрыве от всего прошлого, о нашей сепаратской узости, о нашем невнимании к тончайшим проявлениям культуры и о прочих наших мнимых пороках, которые нам нисколько не присущи².

Инициатором юбилейных торжеств выступила еще в 1926 г. семья покойного классика. Его младшая и любимая дочь Александра Львовна (1884–1979), основательница и первый руководитель музея в Ясной Поляне, вспоминала:

Мысль о праздновании столетия со дня рождения отца (1828–1928) явилась у нас главным образом как самозащита. Коль скоро Советы согласятся устроить празднование, пригласить иностранных делегатов и удастся даже и за границей нашуметь этим юбилеем, Советам придется некоторое время считаться с именем Толстого и, таким образом, нам удастся сохранить толстовские учреждения в неприкосновенности. <...> Толстой, толстовские учреждения были ему [Сталину. – М. Г.] безразличны. Большевики смотрели на этот юбилей как средство пропаганды за границей и думали о том, как бы им отделаться от этого подешевле³.

Действительно, на юбилейные торжества из-за рубежа были приглашены выдающиеся и обязательно лояльные большевистскому режиму деятели литературы и науки. Совершенно справедливо утверждает праправнучка писателя Ф.Н. Толстая: «Юбилей был важен для престижа советской власти, ожидалось много иностранных гостей»⁴. Однако наиболее ожидаемые – такие как Р. Роллан, Т. Драйзер⁵, Э. Синклер, К. Гамсун и М.К. Ганди – по разным причинам

² Луначарский А.В. Предстоящее чествование Льва Толстого // Огонек. 1928. 8 января. № 2. Цит. по: Луначарский А.В. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1: Русская литература. Статьи, доклады, речи (1903–1933). М.: Художественная литература, 1963. С. 314, 318.

³ Толстая А.Л. Дочь. М.: Директ-Медиа, 2015. С. 291, 294.

⁴ Толстая Ф.Н. Толстой нам не принадлежит // Огонек. 2018. 3 сентября. № 33. С. 31.

⁵ Т. Драйзер побывал в СССР накануне, в ноябре 1927 – январе 1928 гг., по приглашению на 10-летие революции. Посетил он и усадьбу Толстого в Ясной Поляне, где провел целый день, беседовал с дочерью писателя и слушал записанный на фонографе голос «яснополянского старца». На столетний юбилей отозвался статьей в одной из калифорнийских газет (См.: Драйзер Т. О Толстом / Пер. Б.А. Гиленсона // Литературное наследство. Т. 75: Толстой и зарубежный мир. М.: Наука, 1965. Кн. 1. С. 148.

так и не приехали. Но и без них зарубежных делегатов было около четырех десятков человек: из Австрии прибыл писатель С. Цвейг, из Германии – Б. Келлерман, из Испании – романист Х.А. дель Вайо-и-Ольоки, поэты из Эстонии, Грузии, Персии и др. Наиболее многочисленным оказалось представительство от Чехословакии⁶.

В обстоятельствах политической изоляции, когда между СССР и США еще не были установлены дипломатические отношения⁷, Кремлю крайне важным представлялось присутствие на Толстовском юбилее участников из Соединенных Штатов. Не приехавший Э. Синклер⁸, которому в 1928 г. исполнилось 50 лет и который только что написал по свежим следам после казни Сакко и Ванцетти роман «Бостон», «отделался» поздравительной телеграммой со словами: «Рад отдать дань Толстому, способствовавшему оформлению моих социальных симпатий»⁹. В ТАСС Э. Синклер прислал письмо, в котором сообщал:

Толстой принадлежит к числу величайших художников мира. Несмотря на реакционность и ложность многих его убеждений, он, тем не менее, сослужил колоссальную службу человечеству, противопоставив свое моральное сопротивление дикости царского милитаризма. Толстой возвышается как монумент героических размеров, напоминающий каждому молодому художнику бесплодность мысли, будто искусство не имеет ничего общего с пропагандой и будто художник может совершенно отгородиться от великих социальных и моральных проблем его времени¹⁰.

Очень ждали из-за океана и знаменитого изобретателя Т. Эдисона, но он также не смог приехать и прислал письмо. В нем среди прочего было такое признание:

⁶ См.: *Велемичский К.* Толстовские торжества 1928 года. С. 279–285.

⁷ Напомним, что США одной из последних стран признали СССР: официальные дипломатические отношения между государствами были установлены лишь 16 ноября 1933 г., после прихода к власти президента США Ф.Д. Рузвельта.

⁸ В личной библиотеке Л. Толстого в Музее-усадьбе «Ясная Поляна» хранится роман Э. Синклера «Джунгли», присланный им русскому писателю в марте 1906 г. Толстой назвал роман «удивительной книгой» (цит. по: *Иванян Э.А.* Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей. М.: Международные отношения, 2007. С. 40) и высказался за его издание на русском языке.

⁹ Приветствия из-за границы. Толстовские дни в СССР // *Известия.* 1928. 11 сентября. № 211 (3445). С. 4.

¹⁰ Эптон Синклер о Толстом // *Правда.* 1928. 11 сентября. № 211 (4043). С. 5. Примечательно, что в 1960 г., когда в Москве отмечалось 50-летие со дня смерти Толстого, 82-летний Э. Синклер посвятил русскому писателю статью (*Синклер Э. Толстой* // *Правда.* 1960. 21 ноября; вошла в: *Литературное наследство.* Т. 75: Толстой и зарубежный мир. Кн. 1. С. 287).

американец на 100-летнем юбилее л.н. толстого в ссср

Я впервые читал Толстого еще мальчиком. Это чтение оставило в моем сознании много ярких картин из русской жизни. «Война и мир» является потрясающей книгой. Это целая литература. Я смиренно хочу присоединиться к русскому народу и писателям всего мира в выражении моей любви к этому великому русскому человеку¹¹.

Ситуацию отчасти спас американский профессор по имени Генри Уодсворт Лонгфелло Дейна (Henry Wadsworth Longfellow Dana, 1881–1950).

Потомок бостонских браминов

Надо признать, что личность Г.У.Л. Дейны и его наследие крайне мало исследованы не только в нашей стране, но и у него на родине – в Соединенных Штатах. Его обширный личный архив, частично хранящийся в Гарвардском университете (Кембридж, шт. Массачусетс)¹², Массачусетском историческом обществе (Massachusetts Historical Society, Бостон) и музее «Дом Лонгфелло – Национальный исторический объект штаб-квартиры Вашингтона» (The Longfellow House – Washington's Headquarters National Historic Site) в Кембридже¹³, а также в престижном частном Суортморском колледже (Суортмор, шт. Пенсильвания)¹⁴, был систематизирован и открыт лишь недавно.

Интерес к России и ее культуре возник у Дейны отнюдь не случайно. В отличие от большинства просоветски настроенных американских общественных деятелей, побывавших в стране социализма между двумя мировыми войнами, этот страстный почитатель СССР и убежденный социалист не являлся выходцем из американской «разночинной» интеллигенции. Дейна принадлежал к самой

Генри У.Л. Дейна. Москва, 1928 г. Фотоателье И.И. Капустянской, Столешников пер., 10. *Источник:* Музей «Дом Лонгфелло – Национальный исторический объект штаб-квартиры Вашингтона» (Кембридж, США). H.W.L. Dana Papers, Series IX. Collected Materials, Photographs. Courtesy of National Park Service, Longfellow House – Washington's Headquarters National Historic Site.

¹¹ Заявление Эдисона // Правда. 1928. 11 сентября. № 211 (4043). С. 5.

¹² См.: Henry Wadsworth Longfellow Dana Additional Papers, 1914–1950, Correspondence, *2006MT-125r, Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

¹³ См.: Finding Aid to the Henry Wadsworth Longfellow Dana (1881–1950) Papers <https://www.nps.gov/long/learn/historyculture/upload/HWLD%20Finding%20Aid.pdf>.

¹⁴ См.: Henry Wadsworth Longfellow Dana Papers (1914–1950). In Swarthmore College Peace Collection. Online at <https://www.swarthmore.edu/Library/peace/DG001-025/DG011HWLD.html>.

верхушке общества – так называемым «бостонским браминам», представителям нетитулованной аристократии, политической, деловой и интеллектуальной элиты северо-востока США и, прежде всего, Бостона. С легкой руки поэта-романтика О.У. Холмса, «браминами» называли себя также новоанглийские литераторы, принадлежащие к узкому кругу «лучших семейств» Новой Англии, которые «вели род, как правило, от первопоселенцев-пуритан, дав стране на протяжении первых двух столетий ее истории священнослужителей, судей, политиков, публицистов»¹⁵. Бостон тех лет справедливо называли «американскими Афинами»:

К середине XIX века монопольным владельцем духовной жизни молодого государства стал [именно этот город] (с близлежащим Гарвардским университетом), в котором находились редакции всех крупных журналов и книжных издательств. Ни один провинциальный писатель не был признан американской публикой, пока он не проходил крещения в этой культурной столице¹⁶.

Генри Дейна родился 26 января 1881 г. под Бостоном – в небольшом университетском городке Кембридже, шт. Массачусетс. Почти все члены его семейства, чьи корни в Америке уходят еще в 1640-е гг., являлись интеллектуалами – писателями, юристами, государственными деятелями¹⁷. Так, его отдаленный родственник, прапрадед – Фрэнсис Дейна (Francis Dana, 1743–1811) стал первым американским посланником в России при дворе Екатерины II:

Санкт-Петербург был первоначальным местом расположения дипломатической миссии США в России, учрежденной в 1780 году. Назначенным посланником стал Фрэнсис Дейна. За три года, что г-н Дейна провел в Санкт-Петербурге, он так и не смог представить свои верительные грамоты¹⁸.

Хотя официальной аудиенции Екатерины II Ф. Дейна не удостоился, однако начало дипломатическим отношениям между Россией и США тогда было

¹⁵ Венедиктова Т.Д. Бостонская школа [Поэзия] // История литературы США. Т. III: Литература середины XIX в. (поздний романтизм). М.: ИМЛИ РАН, 2000. С. 222–223.

¹⁶ Радько Е.Б. Децентрализация культуры и культурная идентичность (На материале культурного процесса в США конца XIX века) // Американская культура: глобализация и регионализм. М.: МГУ, 2001. С. 158.

¹⁷ Более подробную биографию Г. Дейны и династии Лонгфелло-Дейна см.: Гудков М.М. «Фонд Горького» в США и революционная Россия: из истории советско-американских контактов 1920-х гг. // Литература двух Америк. 2020. № 8. С. 347–381.

¹⁸ Генеральное консульство Соединенных Штатов Америки в Санкт-Петербурге: 40 лет истории в цифрах и фактах. СПб., 2013. С. 2.

американец на 100-летнем юбилее л.н. толстого в ссср все-таки положено. И произошло это во многом благодаря участию именно дальнего родственника героя нашего исследования:

Если формального признания [Российской империей] США как независимого государства в то время не произошло (после заключения мира с Англией, опасаясь вовлечения в европейскую систему политики, само американское правительство не проявляло интереса к установлению дипломатических отношений с С.-Петербургом), то, по существу, можно с полным основанием говорить о признании нового государства де-факто. На это дает право прежде всего... ответ русского правительства Ф. Дейне от 3 (14) июня 1783 г.¹⁹.

Сын Ф. Дейны Ричард Генри Дейна (Richard Henry Dana, 1787–1879), который приходился прадедом американскому профессору-участнику 100-летнего юбилея Л. Толстого в СССР, близко знал Э.А. По и сам прославился готическими романами, а особенно сочинением о безумии и убийстве «Пол Фелтон» (*Paul Felton*, 1822).

Однако самыми знаменитыми предками Г. Дейны были два его деда-писателя.

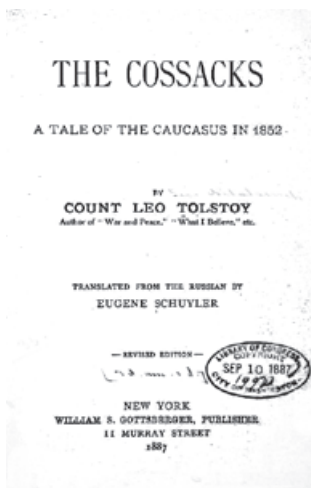
По материнской линии он приходился внуком Генри Уодсворту Лонгфелло (1807–1882), особо почитаемому в России как автор «Песни о Гайавате» (1855). Поэму неоднократно переводили на русский язык, и, пожалуй, лучшим ее переводчиком считается И.А. Бунин. Его перевод, впервые появившийся в 1896 г., Академия наук удостоила Пушкинской премии (1903), а сам Г.У. Лонгфелло еще ранее – в 1872-м – был избран почетным иностранным членом Академии²⁰. Родство американского профессора с автором «Песни о Гайавате» окажется впоследствии крайне важным для его репутации в СССР, где он будет восприниматься (и на Толстовских торжествах 1928 г. в том числе) именно как потомок великого американского поэта и вообще представитель всей литературы США.

Два классика – Лонгфелло и Толстой – более или менее знали творчество друг друга. Так, создатель «Песни о Гайавате» в начале января 1879 г. слушал чтение повести «Казачи» (1862) – одного из первых произведений русского писателя, переведенных на английский (1878) Ю. Скайлером²¹. В дневниковой

¹⁹ Болховитинов Н.Н. Россия открывает Америку. 1732–1799. М.: Международные отношения, 1991. С. 88.

²⁰ См., например: Зверев А.М. «...Эти сказки и легенды с их лесным благоуханьем» // Лонгфелло Г.У. Песнь о Гайавате. Поэмы. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1987. С. 7.

²¹ Tolstoy L. *The Cossacks: A Tale of the Caucasus in 1852*, transl. by E. Schuyler. New York: Charles Scribner's Sons, 1878. – 313 p. Этот перевод нравился Л. Толстому (См.: Алексеева Г.В. Юджин Скайлер о Льве Толстом в эпоху написания «Войны и мира» // Материалы научных сессий 2017 года в Государственном музее Л.Н. Толстого / Отв. ред. Л.В.Гладкова; сост. Л.Г. Гладких. М.: РГ-Пресс, 2018. С. 13–14).

Первое американское издание повести Л. Толстого «Казачи» (1878).

М. М. Гудков

записи от 8 января 1879 г. Лонгфелло отметил: «Приходил вечером Куртин и читал отрывок са-мобытной повести о русских казаках, живущих без закона и безудержных в своей вере»²².

Русский писатель также читал своего американского современника: «С сочинениями <...> Лонгфелло Толстой был знаком с юности, к некоторым из них он вновь обращается в зрелые годы»²³.

Примечательно, что Г.У.Л. Дейна в свой первый приезд в Советский Союз видел в Московском театре для детей²⁴ сценическое воплощение «Песни о Гайавате» (под названием «Гайавата – вождь ирокезов»; премьера: январь 1923 г.). Пьеса по мотивам поэмы была создана писателем Николаем Огнёвым (наст. имя Михаил Григорьевич Розанов) специально для этого театра²⁵.

В полном согласии с планами театра автор положил в основу своей работы не только «Песнь о Гайавате» Лонгфелло, но и другие записи сказаний о Гайавате. Таким образом, была создана не инсценировка, но совершенно самостоятельная пьеса, соединяющая в себе материал, взятый из индейского эпоса²⁶.

²² Цит. по: Александров В.А. Лонгфелло о России // Альманах библиофила. М.: Книга, 1983. Вып. 15. С. 218.

²³ Алексеева Г.В. Лев Толстой в диалоге с Америкой // Литературоведческий журнал. 2011. № 2. Материалы III Международного симпозиума «Русская словесность в мировом культурном контексте». С. 82.

²⁴ Сейчас это Российский академический Молодежный театр (Москва). См.: Гайавата – вождь ирокезов // <https://ramt.ru/museum/previous-years/ys-9/play-4337/> (дата обращения: 17.11.2020).

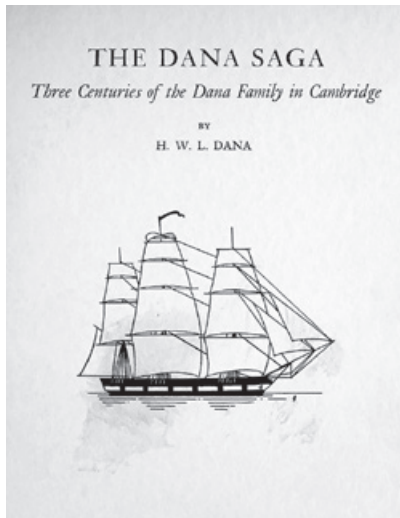
²⁵ Огнёв Н. Гайавата, вождь ирокезов: Представление в четырех действиях // Детский театр. (Пьесы для детей) / Ред. Ю. Соболева. Сб. 2. М.: Государственное издательство, 1925. С. 79–146. Также существуют и другие инсценировки поэмы Лонгфелло: Арбатов Н.Н. Песнь о Гайавате. (Сочинение Лонгфелло, перевод И.А. Бунина, приспособленный для сцены) [Машинопись]. СПб., 1908. 21 с.; Токунова Н.П. Когда не было Капитолия: Эпическая хроника по мотивам «Песни о Гайавате» [Машинопись]. Л., [б. г.]. 73 л.; Токунова Н.П. Следы под асфальтом: Эпическая хроника в 3 ч., 8 карт. с прологом и эпилогом по мотивам «Песни о Гайавате» [Машинопись]. Л., [б. г.]. 77 л.; Макарьев Л.Ф. Гайавата: Героическая легенда по мотивам «Песни о Гайавате» Лонгфелло в переводе И.А. Бунина [Машинопись]. Л., 1966. 77 л.

²⁶ Сац Н., Розанов С. Театр для детей. (Серия «Дети и театр»). Л.: Издательство Известий ЦИК СССР и ВЦИК, 1925. С. 78.

американец на 100-летнем юбилее л.н. толстого в ссср

В репертуаре этого детского театра постановка «Гайавата – вождь ирокезов» пользовалась наибольшим успехом²⁷. Можно предположить, насколько Г. Дейне было лестно увидеть своими глазами на советской сцене спектакль по поэме своего знаменитого предка²⁸.

Другим дедом Г. Дейны был писатель Ричард Генри Дейна–младший (Richard Henry Dana Jr., 1815–1882), чьим дедом в свою очередь был уже упомянутый первый американский посланник в Россию Ф. Дейна. Р.Г. Дейна–младший сделал карьеру государственного чиновника, а также написал роман «Два года на палубе» (или «Два года простым матросом» – *Two Years Before the Mast*, 1840), который был издан и в СССР²⁹. Это сочинение, посвященное описанию морского путешествия автора в качестве матроса на паруснике из Атлантического в Тихий океан вдоль берегов Северной и Южной Америки, пред-

Американское издание книги Г.У.Л. Дейны «Сага семьи Дейны: Три столетия семейства Дейны в Кембридже» (1941).

ставляет собой и подробный дневник, и поэтическое описание морской стихии и ее обитателей, а также интересный этнографический документ о жизни и быте полинезийцев, калифорнийских индейцев и мексиканцев. Наконец, это социологический очерк, характеризующий положение матросов торгового флота Нового Света того времени. За океаном книга Р.Г. Дейны–младшего «была признана в своем роде классической».³⁰

Дана создал настоящую поэму о кораблях <...>, эту одиссею времен клиперов и бригов, когда матросы на американских торговых судах были наполовину юные выходцы из Новой Англии. Книга Дана открыла в литературе новый мир³¹.

²⁷ См.: *Могилевский А.И.* Московские театры в цифрах. (Статистический обзор за 1919/20 – 1926/27 гг.) // Театры Москвы: 1917–1927. (Статьи и материалы). Вып. 4. М.: ГАХН, 1928. С. 23.

²⁸ Дейна указывает эту постановку в списке спектаклей по зарубежным авторам, которые шли на советской сцене с 1917 по 1927 гг.: Dana H.W.L. *Liste Des Pièces Étrangères Jouées en Russie de 1917 à 1927. Revue de Littérature Comparée*, 1933, 1 January, no. 13, p. 746.

²⁹ *Дана Р.Г.* Два года на палубе. М.: Прогресс, 1986.

³⁰ *Урнов Д.М.* Два года и целая жизнь // *Дана Р.Г.* Два года на палубе. С. 371.

³¹ *Брукс В.В.* Писатель и американская жизнь. Т. 1: Расцвет Новой Англии. М.: Прогресс, 1967. С. 230.

О захватывающей истории девяти поколений своего семейства Г. Дейна подробно рассказал в монографии «Сага семьи Дейны: Три столетия семейства Дейны в Кембридже»³². Значимость этой фамилии в истории США отмечает американский исследователь: «Это крайне важное и интереснейшее американское семейство, и книга Г.У.Л. Дейны – бесценный труд по сохранению его прошлого, к тому же написанный так очаровательно и с любовью»³³.

Таким образом, приобщение Генри Дейны к России и ее культуре было вполне естественным. Знакомство же с русской литературой началось у него с творчества «буревестника революции». Уже после смерти Горького он вспоминал:

Музей «Дом Лонгфелло – Национальный исторический объект штаб-квартиры Вашингтона» (Кембридж, штат Массачусетс)
Современное фото.

Еще мальчиком в Америке я прочел с колоссальным интересом первые рассказы Горького, появившиеся на английском языке, и <...> они открыли мне новый мир – миллионы угнетенных рабочих в царской России³⁴.

Всю свою жизнь Дейна прожил в Кембридже в своем древнем родовом доме, про который Александра Львовна Толстая писала: «Чудный особняк <...> с большими комнатами с высокими потолками, старинной мебелью, громадной библиотекой»³⁵.

А другой визитер, американский критик Н. Хоутон был просто потрясен домом:

Поднимаясь по ступенькам крыльца, я вдруг осознал, что вот-вот войду в святая святых, – место, где когда-то жил поэт Лонгфелло, а теперь обитает его потомок, носящий его прославленное имя³⁶.

³² Dana H.W.L. *The Dana Saga: Three Centuries of the Dana Family in Cambridge*. Cambridge, MA: The Cambridge Historical Society, 1941.

³³ Hart J.D. Book Reviews [The Dana Saga: Three Centuries of the Dana Family in Cambridge. By H.W.L. Dana]. *New England Quarterly*, 1942, June, vol. XV, no. 2, p. 387. Здесь и далее перевод с англ. мой.

³⁴ *Дана Г.У.Л. Вся жизнь вместе с рабочим классом // Вечерняя красная газета. 1932. 25 сентября. С. 2. Фрагмент этой статьи см.: Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Вып. 3. 1917–1929. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 302.*

³⁵ Толстая А.Л. Дочь. С. 480.

³⁶ Houghton N. *Entrances & Exits (A Life In and Out of the Theatre)*. New York: Limelight Editions, 1991, p. 72.

американец на 100-летнем юбилее л.н. толстого в ссср

Примечательно, что до того как особняк стал принадлежать роду Лонгфелло, в годы войны за независимость США в нем располагалась штаб-квартира генерала Джорджа Вашингтона (1775–1776), руководившего отсюда осадой Бостона. Сегодня это имение входит в список национальных исторических объектов и памятников Соединенных Штатов, в нем открыт музей «Дом Лонгфелло – Национальный исторический объект штаб-квартиры Вашингтона»³⁷.

В 1910 г. Дейна получил в Гарвардском университете степень доктора наук, и после недолгого периода преподавания в своей альма-матер и парижской Сорбонне он в 1912 г. был приглашен на должность профессора сравнительной филологии при Колумбийском университете Нью-Йорка. Именно в этот период своей биографии Дейна впервые приобщается к радикализму. Путешествуя по Европе летом 1914 г., он становится там очевидцем массовых антивоенных демонстраций, сам присоединяется к ним и возвращается домой уже открытым пацифистом. Сознательным противником всякой военной службы Дейна оставался всю жизнь – и в этом можно увидеть первые «пересечения судеб» американца с Л. Толстым и его идеей о непротивлении злу насилием.

После вступления США в Первую мировую войну пацифизм за океаном стал официально осуждаться, и Дейна был уволен из Колумбийского университета. Вернувшись в родной Кембридж, он активно участвует в разных организациях, связанных с просвещением рабочего класса Бостона. В 1921–1922 гг. он выступает в защиту Сакко и Ванцетти, часто посещая их в тюрьме. В связи с этим Дейна фигурирует в уже упомянутом документальном романе Э. Синклера «Бостон», который был издан и в СССР³⁸. Подчеркнем, что американский профессор всегда отличался обостренным чувством справедливости и страстным желанием исправить любые отклонения от нее. К этой черте характера Дейны мы еще вернемся, когда пойдет речь о его восприятии советского режима и, в частности, празднования юбилея Л. Толстого.

Летом 1922-го, когда Советская Россия столкнулась с одной из крупнейших гуманитарных катастроф в своей истории – масштабным голодом 1921–1923 гг., Дейна примкнул к «Фонду Горького» (*Gorki Fund*), организованному в рамках «Бостонского кружка» (*Circle of Boston*)³⁹. Создание фонда явилось ответом на призыв Горького. В обращении писателя к международному сообществу о помощи голодающим России среди известных русских деятелей литературы, искусства и науки имя Л. Толстого значилось первым:

³⁷ См. официальный сайт музея: <https://www.nps.gov/long/index.htm>.

³⁸ См.: Синклер Э. Бостон (роман): В 2 т. М.; Л.: Госиздат, 1930. Т. 2. С. 363.

³⁹ См. прим. 17, а также: Гудков М.М. Генри Уодсворт Лонгфелло Дана и «Фонд Горького» в США // Новые российские гуманитарные исследования: электронный научный журнал ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. 2019. Т. 14. <http://www.nrgumis.ru/articles/2047/>.

Для страны *Льва Толстого* [курсив мой. – М. Г.] и Достоевского, Менделеева и Павлова, Мусоргского, Глинки и других всемирно ценных людей наступили грозные дни, и я смею верить, что культурные люди Европы и Америки, поняв трагизм положения русского народа, немедля помогут ему хлебом и медикаментами. <...> Я прошу всех честных людей Европы и Америки о немедленной помощи русскому народу. Дайте хлеба и медикаментов!⁴⁰

Целью «Фонда Горького» был сбор денежных средств на нужды ученых Петрограда. Позднее Дейна не без гордости вспоминал:

В течение нескольких лет я вел переписку с Максимом Горьким. <...> Будучи казначеем⁴¹ так называемого «Фонда Горького» в Америке, я помог собрать несколько тысяч долларов, которые отправил Горькому, а также закупил кое-какие новые научные труды и выслал ему для Дома ученых в Петрограде⁴².

Когда в январе 1923 г. в США на гастроли приехал Московский Художественный театр, Дейна (продолжая сотрудничать с «Фондом Горького») неоднократно ходил на легендарную постановку «На дне». В письме русскому писателю от 22 января 1923 г. он сообщал: «Вчера я смотрел <...> в Нью-Йорке Ваше “На дне” или, как это мы <...> переводим “Lower Depths” – “Низкие глубины”. Я был глубоко потрясен»⁴³.

Хоть «Фонду Горького» и не удалось собрать планируемые десять тысяч долларов (всего в Петроград было отправлено только 3100 долларов), он все же внес весомую лепту в дело спасения русских ученых. Заочное сотрудничество Дейны и Горького явилось началом долгой дружбы русского писателя и американского профессора. Их переписка существенным образом укрепила интерес Дейны к русской/советской литературе и вдохновила его на многократные поездки в нашу страну:

Моя собственная работа по сравнительному литературоведению дала мне возможность горячо оценить ту большую дань, которую русская литература вообще, и в частности Ваши собственные произведения, отдали миру. Я ду-

⁴⁰ Горький М. Честные люди (Письмо Г. Гауптману. Копия) // Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 13: Письма: июнь 1919 – 1921. М.: Наука, 2007. С. 203–204. Фрагмент этого воззвания приведен в: Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Вып. 3: 1917–1929. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 234. В США это воззвание было опубликовано под заглавием «Кю всем честным людям». См., напр.: Gorky M. To All Honest People // *New York Times*, 1921, 31 July, p. 8.

⁴¹ или хранителем (“treasurer”).

⁴² Dana H.W.L. When Gorky Returned // *Soviet Russia Today*, 1936, November, p. 31.

⁴³ Горький М. Полн. собр. соч. Письма. Т. 14: Письма: 1922 – май 1924. М.: Наука, 2009. С. 500.

американец на 100-летнем юбилее л.н. толстого в ссср
 маю как-нибудь посетить Россию и иметь возможность побеседовать с Вами
 и другими русскими писателями⁴⁴.

Первый приезд в СССР

Через пять лет, в 1927-м, эта мечта осуществилась. Генри Дейна (ему в то время исполнилось 47 лет) отправился в Советский Союз изучать советский театр в рамках одногодичного гранта. Пересек границу СССР американец на поезде из Берлина 19 октября 1927 г. – об этом свидетельствует штамп погранпункта железнодорожной станции Негорелое, поставленный на визе в паспорте Дейны⁴⁵. Эта поездка в Советский Союз (как и четыре следующие – в 1931, 1932, 1934 и 1935 гг.) была организована по линии Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС). Вскоре американец получил вид на жительство; в одном из отчетов гидов-переводчиков отдела ВОКСа по обслуживанию иностранцев значится такая запись от 21 октября 1927 г.:

Дана – Америка. Переехал в гостиницу «Савой»⁴⁶.
 Просил о разрешении на фотографирование. Дал паспорт на получение вида на жительство. Просил устроить ему комнату не дороже 5 руб. и предоставить ему театральные билеты⁴⁷.

Покинул СССР Дейна вскоре после Толстовского юбилея – 20 сентября 1928 г., сев на поезд

Советская виза 1927 г. в паспорте Г. Дейны. *Источник:* Музей «Дом Лонгфелло – Национальный исторический объект штаб-квартиры Вашингтона» (Кембридж, США). Courtesy of National Park Service, Longfellow House – Washington's Headquarters National Historic Site.

⁴⁴ Г.У.Л. Дейна – А.М. Горькому. 5.10.1922. Архив Горького ИМЛИ РАН. КГ-инАпоу 7–6–3.

⁴⁵ 1927 United States Passport, p. 15. Series I. Personal Materials, Sub-series F. Travel Documents. Henry Wadsworth Longfellow Dana Papers, 1774–1972 (LONG 17314), Longfellow House – Washington's Headquarters National Historic Site.

⁴⁶ Гостиница «Савой» располагается на пересечении улиц Рождественки и Софийки (ныне Пушкинкой). После Октябрьской революции гостиницу переоборудовали под общежитие Наркомата иностранных дел; в 1926 г. вновь становится гостиницей, а в 1929-м входит в государственную структуру «Интурист», которая принимала иностранных гостей СССР. Здесь останавливались такие «прогрессивные» писатели, как Р. Роллан, А. Барбюс и Д. Стейнбек, известные артисты М. Пикфорд и Д. Фэрбенкс, а также танцовщица А. Дункан. В настоящее время гостиница является фешенебельным пятизвездочным отелем.

⁴⁷ Дневник гида-переводчика ВОКС. Запись от 21.10.1927. ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 8. Ед. хр. 51. Л. 22.

«Москва – Варшава». В его дневнике, аккуратно фиксирующем события каждого дня, значится по-русски:

20 сентября (четверг) – Москва. 21 сентября (пятница) – Минск, Негорелое, Столбцы, Warsaw⁴⁸.

Дата пересечения границы – 21 сентября 1928 г. – подтверждается и штампом на советской визе в его паспорте⁴⁹. Таким образом, Дейна целый год жил в СССР и мог своими глазами увидеть, чего достигло молодое государство за первые десять лет. Отмечающийся юбилей Октябрьской революции способствовал подведению итогов в самых разных сферах жизни большевистской России, в том числе – в литературе и искусстве.

В свой первый советский приезд Г. Дейна посетил многих представителей культурной элиты нашей страны и принял участие во всех основных событиях года. Он присутствовал на масштабных Октябрьских торжествах. Он оказался одним из тех, кто 28 мая 1928 г. встречал в Москве на перроне Белорусского вокзала М. Горького, вернувшегося из Италии после семилетней эмиграции⁵⁰. Дейна участвовал в заседаниях VI Всемирного конгресса Коминтерна, проходившего в советской столице с 17 июля по 1 сентября 1928 г. (т. е. закончившегося как раз накануне Толстовских торжеств)⁵¹. Чтобы продемонстрировать приверженность американского профессора идеям коммунизма и его вовлеченность в политику, приведем отрывок из его речи «Проблема рабочего движения в Соединенных Штатах», произнесенной на заседании конгресса Коминтерна 24 июля:

Правящий класс Америки сейчас энергично взялся за проведение своей программы мирового господства. Правительство сейчас более открыто, чем когда-либо, выступает в роли исполнительного комитета капиталистов. Профсоюзная бюрократия и социалисты совершенно отказались от борьбы, и все это приводит к разочарованию широких масс пролетариата Америки,

⁴⁸ Dana H.W.L. *Russian Notebook*. 20, 21 September 1928. Henry Wadsworth Longfellow Dana (1881–1950) Papers, 1774–1972 (LONG 17314), Longfellow House – Washington’s Headquarters National Historic Site. Series I. Personal Materials, sub-series D. Appointment Books.

⁴⁹ H.W.L. Dana’s United States Passport, 1927. Longfellow House – Washington’s Headquarters National Historic Site. H.W.L. Dana Papers, 1774–1972. Series I. Personal Materials, sub-series F. Travel Documents.

⁵⁰ См.: Dana H.W.L. *When Gorky Returned*.

⁵¹ См., например: Вчера на конгрессе // Правда. 1928. 25 июля. № 171 (4003). С. 1; [Дейна Г.]. Проблема рабочего движения в Соединенных Штатах. Речь тов. Дэнна (Сев.-Амер. Соед. Штаты) // Правда. 1928. 26 июля. № 172 (4004). С. 2; Вчера на конгрессе // Правда. 1928. 5 августа. № 181 (4013). С. 1; [Дейна Г.]. Американская компартия и военный вопрос. Речь тов. Дэнна (С.-А.С.Ш.) // Правда. 1928. 10 августа. № 184 (4016). С. 1.

американец на 100-летнем юбилее л.н. толстого в ссср
 теряющих веру в традиции демократии. Наша партия должна быть готова
 к тому, чтобы взять на себя руководство борьбой рабочего класса⁵².

Известно, что Г. Дейна также побывал в гостях у режиссера С.М. Эйзенштейна. Автор уже нашедших фильмов «Стачка» (1924), «Броненосец “Потемкин”» (1925) и «Октябрь» (1927) ютился в коммуналке на Чистых Прудах⁵³ (сам Г. Дейна жил за океаном – как мы уже писали – в отдельном огромном особняке). Спустя два года – в 1930-м – американский профессор неоднократно встречался с Эйзенштейном уже в США. Так, 27 октября того года они вместе смотрели на Бродвее постановку пьесы «Рычи, Китай!»⁵⁴, автором которой был друг Эйзенштейна и знакомый Дейны по Москве С.М. Третьяков⁵⁵. Советская постановка «Рычи, Китай!» состоялась в Театре Мейерхольда, творчество которого американский профессор ценил высоко и участвовал, например, 2 апреля 1928 г. в диспуте «Споры о “Горе уму”»⁵⁶.

Специально к 10-летию «Красного Октября» все советские театры подготавливали постановки о революции, и «на сценах только московских театров появляется около трех десятков новых драматических сочинений российских авторов»⁵⁷, среди них – «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова (МХАТ), «Разлом» Б. Лавренива (Театр Вахтангова), инсценировки повестей А. Гладкова «Цемент» (Реалистический театр) и Д. Фурманова «Мятеж» (Театр МГСПС), «1917 год» Н.Н. Суханова и И.С. Платонова (Малый театр), «Окно в деревню» Р. Акульшина (Театр Мейерхольда). Для Дейны как исследователя советского театра все это представляло особый интерес.

Первым итогом годичного изучения Г. Дейной театра СССР стала статья под названием «Советская культура: 11-й год», изданная сразу после возвращения на родину в прокоммунистическом журнале *New Masses*. Ее тон

⁵² Проблема рабочего движения в Соединенных Штатах. Речь тов. Дэнна (Сев.-Амер. Соед. Штаты) // Правда. 1928. 26 июля. № 172 (4004). С. 2.

⁵³ См.: *О'Махоуни М.* Сергей Эйзенштейн. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 92.

⁵⁴ Подробней об этой постановке см.: *Гудков М.М.* «Китайско-советско-американский инцидент» на сцене: пьеса С.М. Третьякова «Рычи, Китай!» на Бродвее (1930) // Третьяков.doc. Каталог выставки к 125-летию Сергея Третьякова. М.: Государственный музей В.В. Маяковского, 2021 (в печати); *Гудков М.М.* Первые советские пьесы на Бродвее: рецепция отечественной драматургии в коммерческом театре США в 1920–1930-е годы // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 406–409.

⁵⁵ См.: *Shpolberg A.* Eisenstein versus Sinclair: H.W.L. Dana and “Que Viva Mexico!”. *Los Angeles Review of Books*, 2018, 7 December. *Lareviewofbooks.org*. Online at: <https://www.lareviewofbooks.org>.

⁵⁶ См.: *Гладков А.К.* Мейерхольд: В 2 т. М.: СТД РСФСР, 1990. Т. 2. Пять лет с Мейерхольдом. Встречи с Пастернаком. С. 25.

⁵⁷ *Гудкова В.В.* Рождение советских сюжетов: типология отечественной драмы 1920-х – начала 1930-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 15.

нескрываемо восторженный; американский профессор особо отмечает успехи советской драматургии:

В прошлом сезоне я видел в Москве 187 различных спектаклей. По-моему, это рекорд! Каждый из них был по-своему ценен и интересен. Еще год назад все говорили: «В России самые лучшие театры в мире, и самые худшие драматурги!». Однако теперь не только режиссеры, сценографы, актеры, но даже и «бедолаги»-драматурги там делают замечательные вещи. Целая серия пьес, написанных к 10-летию юбилею Революции, создала совершенно новый тип революционной драматургии⁵⁸.

Он также стал автором монументального «Справочника по советскому театру» (1938)⁵⁹, получившего высокую оценку советской критики:

Самый список пьес, так же как и фильмов и балетов <...>, алфавитный перечень виднейших советских драматургов и библиографические указатели, несмотря на некоторые существенные пропуски и неточности, могут все же служить ценным справочным материалом⁶⁰.

В годы Второй мировой войны Дейна создал труд «Театр России военного времени» (1943)⁶¹, который также приветствовали в СССР⁶². Чуть позже он выступил составителем антологии «Семь советских пьес» (1946)⁶³ и автором предисловия к ней⁶⁴. Таким образом, профессор заслуженно получил в США статус авторитетного эксперта по советскому театру.

Известно, что еще с начала 1930-х Дейна трудился над написанием своей главной книги о русском театре, «большой и богато иллюстрированной»⁶⁵ – под названием «Советский театр» (*Soviet Drama*). Работа над этим

⁵⁸ Dana H.W.L. *Soviet Culture: 11th Year. New Masses*, 1928, November, p. 9.

⁵⁹ Dana H.W.L. *Handbook on Soviet Drama*. New York: American Russian Institute, 1938.

⁶⁰ Барсов В. Г. У. Дана – «Справочник по советскому театру и кино» // Интернациональная литература. 1940. № 11. С. 217.

⁶¹ Dana H.W.L. *Drama in Wartime Russia*. New York: National Council of American-Soviet Friendship, 1943.

⁶² См., например: Фильмы и пьесы о Красной Армии за рубежом // Советское искусство. 1946. 23 февраля. № 9 (993). С. 4.

⁶³ *Seven Soviet Plays*, ed. H.W.L. Dana. New York: Macmillan, 1946. Сюда вошли пьесы: «Фельд-маршал Кутузов» В.А. Соловьева, «Половчанские сады» Л.М. Леонова, «Накануне» А.Н. Афиногенова, «Дым отечества» Братьев Тур и Л.П. Шейнина, «Инженер Сергеев» Вс. Рокка, «Русские люди» К.М. Симонова и «Фронт» А.Е. Корнейчука.

⁶⁴ Dana H.W.L. Introduction. *Seven Soviet Plays*, p. V–IX.

⁶⁵ Dana H.W.L. Foreword. Dana H.W.L. *Handbook on Soviet Drama*, p. 4.

американец на 100-летнем юбилее л.н. толстого в ссср трудом затянулась на два десятилетия. К одному из ранних его вариантов (между 1930 и 1933 гг.) предисловие написал сам А.В. Луначарский. Экс-нарко просвещения дал общую картину сценической жизни СССР «согласно любезному желанию профессора Дана»⁶⁶ и высоко оценил его исследование:

Книга профессора Дана, предлагаемая вниманию читателей, представляет собой очень полную картину развития и состояния нашего советского театра, основанную на тщательном и непосредственном его изучении. Для западноевропейского и американского читателя такая картина имеет несомненный интерес, ибо советский театр отличается многими оригинальными чертами. <...> Превосходная книга⁶⁷.

Вступительная статья авторитетного советского чиновника (и, кстати, драматурга) являлась своего рода «охранной грамотой» для американского исследования по театру СССР. Совершенно очевидно, что написание предисловия состоялось во многом благодаря знакомству Г. Дейны с Луначарским еще на праздновании 100-летия Л.Н. Толстого в 1928 г. Однако этот монументальный труд Дейны так никогда и не увидел свет. Отчасти тому виной обострение после 1945 г. американо-советских отношений и начавшаяся холодная война. Но, пожалуй, самая главная причина крылась в глубокой психологической драме автора, связанной с осознанием объективной картины жизни сталинской России.

Юбилей Льва Толстого

Последним крупным событием, в котором Дейна принял участие перед отъездом на родину, стал юбилей Льва Толстого. Для советских организаторов юбилейных толстовских мероприятий кандидатура Г. Дейны в качестве представителя американской культуры и литературы была вполне приемлемой – его воспринимали именно как наследника Г.У. Лонгфелло, автора «Песни о Гайавате».

Известно, что юбилейные празднества проходили целую неделю. Сразу же отметим, что Г. Дейна участвовал во всех мероприятиях этого многодневного торжества.

Еще накануне открытия официального празднования центральная советская пресса сообщала об участии в нем Г. Дейны, на все лады трансформируя имя и фамилию американского представителя: «Из иностранных

⁶⁶ Луначарский А.В. Предисловие [к книге проф. Генри Дана о советском театре] // Литературное наследство. Т. 82: А.В. Луначарский: неизданные материалы. М.: Наука, 1970. С. 446.

⁶⁷ Там же. С. 443, 446.

гостей – американец проф. Дэн. <...> К юбилею прибыли следующие иностранные гости: <...> проф. Дэна (Америка)»⁶⁸; «После перерыва писатель Стефан Цвейг и американский проф. Дана произнесут речи на тему “Лев Толстой и заграница”»⁶⁹, «приехал профессор мировой литературы американец Гарди Дена»⁷⁰.

Начались праздничные мероприятия днем 10 сентября (понедельник) с заседания Ученого совета в Мемориальном музее-усадьбе Л.Н. Толстого в Хамовниках. В «Русском дневнике» Г. Дейны за это число значится карандашная запись на английском и русском языках: «“Tolstoy Centenary” [Столетие Толстого. – М. Г.]. Ученый Совет, Музей “Хамовнический Дом”»⁷¹.

В этот же день в 18:00 (так планировалось, но в действительности – с большим опозданием) в Большом театре состоялось Торжественное вечернее заседание Пленума Юбилейного комитета. На него был приглашен весь дипломатический корпус, аккредитованный в Москве, члены правительства СССР и РСФСР, представители партийных, научных и общественных организаций. Заседание открылось большим докладом Луначарского. Вот как оценил в своем дневнике это мероприятие работник аппарата ЦИКа М.Я. Презент, – особа, приближенная к власти:

Было огромное количество желающих попасть в театр, но билеты, распределяющиеся юбилейным комитетом, фактически секретарем [начальника Главискуссства Наркомпроса РСФСР] Свидерского – Богоевской и Всес[оюзным] О[бщест]вом культ[урной] связи с заграницей, были так умело разверстаны, что четверть театра пустовала и заседание началось с опозданием на [¾] часа. Это было не торжество, а интернациональный провал, ибо Запад был представлен смехотворно. Франция и Англия отсутствовали. Америку представлял проф. Дана, который уже давно, года полтора⁷², кажется, находится

⁶⁸ Хроника Толстовского юбилея // Труд. 1928. 9 сентября. № 210 (2246). С. 2.

⁶⁹ Празднование юбилея в Москве // Известия. 1928. 9 сентября. № 210 (3444). С. 3.

⁷⁰ [Гамма.]. Столетие со Дня рождения Л.Н. Толстого // Правда. 1928. 11 сентября. № 211 (4043). С. 5.

⁷¹ Dana H.W.L. *Russian Notebook*. 10 September 1928.

⁷² Поправим – не полтора года, а год.

американец на 100-летнем юбилее л.н. толстого в ссср
в России и которому в театрах, как говорят досужие журналисты, не дают
уже бесплатных мест⁷³.

Следует признать, что на этих торжествах вокруг личности Г. Дейны не
было никакого особенного ажиотажа: американец оказался «в тени» тех, кто
специально приехал в СССР на это мероприятие, и прежде всего – С. Цвейга⁷⁴.

10-го сентября 1928 года исполняется сто лет со дня рождения Льва Толстого, творчество которого занимает почетное место в сокровищнице духовных богатств человечества.

Юбилейный комитет по чествованию памяти Толстого был бы рад видеть Вас среди своих гостей в дни, посвященные великому писателю.

Толстовская неделя начинается 10-го и заканчивается 17-го сентября.

В программу входят доклады, посвященные творчеству Толстого, концерты и спектакли, обзорные выставки Л. Толстого, осмотр Толстовского Музея и поездка в Ясную Поляну.

Комитет по организации 100-летнего юбилея со дня рождения Льва Толстого.

АДРЕС: Москва, Музей Льва Толстого, ул. Крапоткина, 11.

Le 10 septembre 1928 a lieu le centenaire de la naissance de Léon Tolstoï, dont l'oeuvre occupe une place éminente dans le trésor des richesses intellectuelles de l'humanité.

Le Comité d'organisation du Centenaire de Tolstoï serait heureux de vous compter au nombre de ses hôtes pendant les journées consacrées au grand écrivain.

La Semaine de Léon Tolstoï s'ouvre le 10 et finit le 17 septembre.

Le programme comporte des rapports consacrés à l'oeuvre de Tolstoï, des concerts et des spectacles. L'inauguration d'une Exposition Tolstoï, une visite au Musée Tolstoï et une excursion à Iasnaja Poliana.

Le Comité d'organisation pour la célébration du centenaire de la naissance de Léon Tolstoï.

ADRESSE DU COMITÉ: Moscou, Rue Kravotkina, № 11, Musée Léon Tolstoï.

Пригласительный билет Г. Дейны на Торжественное празднование 100-летнего юбилея Л. Н. Толстого в СССР. Источник: Henry Wadsworth Longfellow Dana papers on Soviet theater and film and university lecture notes. MS Thr 402 (Box 33: 1241-1242), Houghton Library, Harvard University.

О выступлении Дейны 10 сентября в Большом театре советские газеты писали крайне скупое: «Профессор Гарри Дан в своем приветствии от американской литературы остановился на том огромном влиянии, которое имеет Толстой в Америке»⁷⁵, «Проф. Дана (Америка) отметил влияние Толстого в Америке»⁷⁶, «выступали с речами о Толстом известные писатели: <...> американский профессор Дана, знаток Толстого»⁷⁷, «Говорил американский профессор...»⁷⁸, «Проф. Дана (Америка) в своей речи указал, что в Америке влияние Толстого сильно настолько, что

⁷³ Цит. по: Максименков Л.В. Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие). Часть I // Вопросы литературы. 2004. № 2 (март – апрель). С. 281. Нрзб. публикации ¾ часа – уточнены по рашифровке текста на интернет-портале «Прожито» Европейского университета в Санкт-Петербурге (<https://prozhito.org/notes?date=%221928-01-01%22&diaries=%5B425%5D>).

⁷⁴ Об участии С. Цвейга в толстовских торжествах см. в работе: Азадовский К.М. Стефан Цвейг в СССР // Азадовский К. Сюжеты и судьбы: Немецко-русские отражения. М.: Литфакт, 2019. С. 227–235.

⁷⁵ Торжественное заседание в Большом театре. Толстовские дни в СССР // Известия. 1928. 11 сентября. № 211 (3445). С. 4.

⁷⁶ Приветствия иностранных гостей. Толстовские дни в СССР // Известия. 1928. 12 сентября. № 212 (3446). С. 5.

⁷⁷ К столетию со дня рождения Льва Толстого. Торжественный вечер в Большом зале // Труд. 1928. 11 сентября. № 211 (2247). С. 5.

⁷⁸ Анчарова М. «Отсюда и досюда» (На вечере в Большом театре, посвященном Л.Н. Толстому) // Труд. 1928. 12 сентября. № 212 (2248). С. 1.

ПРОГРАММА

торжественного заседания
Всесоюзного Юбилейного Комитета по чествованию памяти
Льва Николаевича Толстого.
по случаю столетия со дня его рождения.
Московский Государственный Большой Театр.
10 сентября 1928 г.

- „Толстой и Революция“ — доклад Народного Комиссара по просвещению
А. В. Луначарского.
Ария Баха — для 10 виолончелей.
„Толстой и Наука“ — доклад ирреспектного секретаря Академии Наук академиком О. А. Дибурга.
Шотландские песни — музыка Бетховена.
„Толстой как художник“ — доклад профессора П. Н. Сакулина.
II.
Симфония Бетховена — в исполнении оркестра Моск. Госуд. Большого Театра под управлением народного артиста Штейнберга.
III.
„Толстой и заграница“ — доклад австрийского писателя Стефана Цвейга.
„Толстой и Америка“ — доклад профессора мировой литературы Гарри Дейна.
IV.
Приветствия делегаций.
V.
Увертюра к „Эгмонту“ Гете — музыка Бетховена — в исп. оркестра Моск. Гос. Большого Театра под управлением народного артиста Штейнберга.
Начало торжественного заседания ровно в 6 час. вечера.
Во время заседания и исполнения музыкальной программы вход в зал безусловно не допускается.

Программа торжественного заседания Всесоюзного юбилейного комитета по чествованию памяти Л.Н. Толстого (10 сентября 1928 г.) с докладом Г. Дейны «Толстой и Америка».

Источник: Henry Wadsworth Longfellow Dana papers on Soviet theater and film and university lecture notes. MS Thr 402 (Box 33: 1241-1242), Houghton Library, Harvard University.

там в нем видят величайшего пророка»⁷⁹. К сожалению, нам не удалось найти текст этого доклада Г. Дейны⁸⁰. Согласно утверждению самого автора, он был опубликован либо в советской, либо в американской прессе; причем, впоследствии Дейна критически оценил свое выступление. В письме к внучке Л. Толстого Софье Андреевне Толстой-Есениной (1900–1957), являвшейся в то время научным сотрудником московского музея писателя, он сообщал, вернувшись в США:

Теперь я понимаю, насколько поверхностными были мои *статья* [курсив мой. – М. Г.] и речь о Толстом. В прошлое воскресенье меня пригласили принять участие в праздновании Толстого здесь, в Бостоне [25 ноября 1928 г. – М. Г.], и у меня было время подготовить речь, которую я действительно должен был бы произнести в Москве⁸¹.

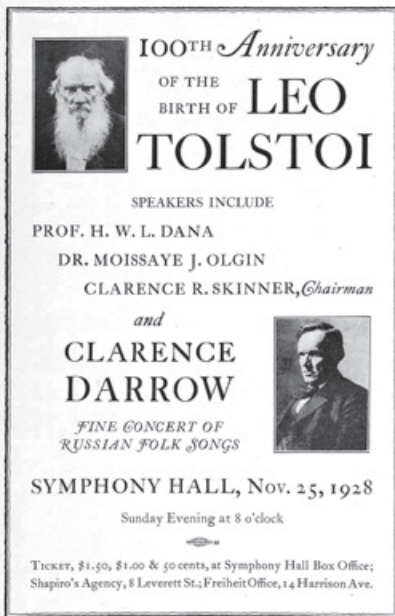
В «Русском дневнике» Дейны за 12 августа 1928 г. – единственная лаконичная

⁷⁹ Столетие со Дня рождения Л.Н. Толстого. Вечер памяти Л.Н. Толстого (доклады А.В. Луначарского, проф. П.Н. Сакулина и педагога Шацкого, – речи Стефана Цвейга, Б. Келлермана, Гарри Дейна и друг. // Правда. 1928. 12 сентября. № 212 (4044). С. 5.

⁸⁰ Его нет ни в фондах Государственного музея Л.Н. Толстого (Москва), ни Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба «Ясная Поляна»» (Тульская область). Его не найти и в США: Массачусетском историческом обществе и музее «Дом Лонгфелло – Национальный исторический объект штаб-квартиры Вашингтона», а также Библиотеке Хоутона при Гарвардском университете.

⁸¹ Г.У.Л. Дейна – С.А. Толстой-Есениной. 3.12.1928. Отдел рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого (ОР ГМТ). Ф. 48. КП 20551. См. Приложение.

Афиша Торжественного чествования 100-летнего юбилея Л. Н. Толстого в Бостоне (25 ноября 1928 г.).

Источники: Henry Wadsworth Longfellow Dana papers on Soviet theater and film and university lecture notes. MS Thr 402 (Box 33: 1241-1242), Houghton Library, Harvard University.

Громко аплодировали Цвейгу, потому что это модно – ни на одном лице я не видела, что они пришли чествовать Толстого, зачем они пришли? <...> Как хорошо, тонко, умно говорили иностранцы. Ох, как мне вчера хотелось за границу, где у людей есть восхищение и нет марксистской критики. Смешно сказать, но я думала вчера радостно, что Цвейги и Келлерманы умеют любить Толстого так, как когда-то любили у нас и забыли теперь. Нет, это не

запись: “Article on Tolstoy” («Статья о Толстом»)⁸², а за 10 сентября – “Tolstoy and America” («Толстой и Америка»)⁸³ – так назывался его доклад на Торжественном вечернем заседании в Большом театре. В архиве Дейны в Гарвардском университете сохранилась машинопись лекции о Толстом под несколько неожиданным названием «Социальные силы в литературе» (*Social Forces in Literature*)⁸⁴. Рискнем предположить, что Дейна как убежденный социалист и страстный почитатель СССР рассматривал толстовское литературное наследие, ориентируясь на установки советской критики и литературоведения конца 1920-х гг.

В дневнике Софьи Андреевны отразились противоречивые впечатления от открытия праздничных торжеств:

Самое ужасное – публика, от которой было вчера особенно мутно. Духовный Москвошвей⁸⁵.

⁸² Dana H.W.L. *Russian Notebook*. 11 August 1928.

⁸³ *Ibid.*, 10 September 1928.

⁸⁴ Folder “Tolstoy, Leo, graf, 1828–1910. Essays by H.W.L. Dana, undated”. Houghton Library. Collection: Henry Wadsworth Longfellow Dana papers on Soviet theater and film and university lecture notes. Series II. Research files: Personalities. Box: 33. MS Thr 402, (1242). https://hollisarchives.lib.harvard.edu/repositories/24/top_containers/176876?&page=3.

⁸⁵ Москвошвей (Московское объединение предприятий швейной промышленности) был красноречивым символом убожества советского массшова межвоенных лет. Ср. строки О.Э. Мандельштама: «Я человек эпохи Москвошвей, – // Смотрите, как на мне топорщится пиджак».

актеры. У этих немцев, англичан, чехов, итальянцев, испанцев были такие лица, когда они произносили имя Толстого, были такие настоящие голоса, что мне, «квасной патриотке», было действительно радостно и волнительно слушать эти полупонятные слова. А то, что говорилось на моем родном языке, заставляло меня сжиматься в ужасе, гнев и отвращении⁸⁶.

Поскольку еще в детстве семья увезла Софью Андреевну в Англию, где она получила прекрасное образование и выучила несколько иностранных языков, внучка Толстого в совершенстве владела английским и могла общаться с Г. Дейной без переводчика. В фондах Государственного музея Л.Н. Толстого сохранились два письма американского профессора к С.А. Толстой-Есениной⁸⁷.

На второй день юбилейных торжеств, 11 сентября (вторник) Дейна был на заседании в Государственном музее изящных искусств (ныне ГМИИ имени А.С. Пушкина), где была организована выставка литературных и художественных материалов, связанных с Толстым: «Открытию юбилейных выставок <...> предшествовало торжественное заседание в одном из зал Музея Изящных Искусств, на котором присутствовали <...> американский проф. Дэн»⁸⁸. Вечером все зарубежные гости смотрели в Большом театре «фирменный образчик» русской культуры и национальную гордость – постановку оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин» (реж. А.П. Петровский, худ. Д.Д. Булатников, премьера 1921 г.). На исходе дня, уже после полуночи, Г. Дейна вместе с другими участниками юбилейных мероприятий явился на Курский вокзал, где их ожидал специальный поезд до Ясной Поляны. В 9 утра следующего дня – 12 сентября – гости прибыли в Ясную Поляну; там их встречала А.Л. Толстая вместе с сотрудниками музея.

Лил проливной дождь. Двор маленькой, обычно пустынной станции Ясная Поляна теперь был заставлен машинами, автобусами, присланными из губисполкома. Небольшая группа любопытных, местные партийцы, представители яснополянских крестьян толпились на платформе, ожидая гостей. Комиссар по народному просвещению товарищ Луначарский, окруженный целой свитой, первый вышел из вагона специального назначения. За ним вышли Книппер-Чехова, артистка Художественного театра, профессора,

⁸⁶ Цит. по: Подсвинова Л.Ф. Софья Толстая-Есенина. Семья. Окружение. Судьба. Пятигорск: РИА-КМВ, 2013. С. 326–327.

⁸⁷ См. Приложение к статье. Обратим внимание, что в фонде Александры Львовны Толстой рукописного отдела ГМТ переписки ее с Г. Дейной не выявлено, как нет корреспонденции между Дейной и братом С.А. Толстой Ильей Андреевичем Толстым.

⁸⁸ Хроника Толстовского юбилея // Труд. 1928. 12 сентября. № 212 (2248). С. 3.

американец на 100-летнем юбилее л.н. толстого в ссср группа иностранцев, которые резко отличались своей хорошей одеждой, ботинками и перекинутыми через плечо фотографическими аппаратами. Они с любопытством смотрели вокруг, точно ожидая чего-то необычайного. Шныряли репортеры, фотографы, ища знаменитостей⁸⁹.

Газета «Правда» упоминает в списке приехавших и «американца Гарри Дену»⁹⁰.

По случаю юбилея в Ясной Поляне состоялось открытие школы и памятника Л. Толстому (скульптор Б.Д. Королев), возложение цветов на могилу писателя, а затем вечерний концерт в школе.

Открытие памятника Л. Толстому (скульптор Б. Д. Королёв) в яснополянской школе.
Фото 12 сентября 1928 г.

Переночевав в Ясной Поляне, Г. Дейна вместе со всей иностранной делегацией утром 13 сентября (четверг) сел на поезд обратно в Москву. Дневники грузинского писателя Г. Робакидзе, бывшего в числе делегатов, зафиксировали примечательную подробность. Когда Цвейг, узнав, что мог бы вернуться в столицу еще вечером 12 сентября, сожалел о потерянном времени, «американский

⁸⁹ Толстая А.Л. Дочь. С. 299.

⁹⁰ [П. Б.]. Столетие со Дня рождения Толстого. В Ясной Поляне (от нашего спец. корр.) // Правда. 1928. 13 сентября. № 213 (4045). С. 5.

профессор Дан улыбнулся. Он не теряет времени. Как должно быть, так и будет. Держит в руках раскрытую тетрадь и записывает все интересное»⁹¹. Вечером 13 сентября Дейна к 17:00 был приглашен на чаепитие в ВОКС («ВОКС Теа»⁹²), а затем к 20:00 вместе с другими иностранными гостями отправился смотреть в Камерном театре А.Я. Таирова постановку пьесы Ю.О'Нила «Любовь под вязами» с блестящей Алисой Коонен в роли Эбби (преьера 11 ноября 1926 г., сценография В. и Г. Стенбергов). Несомненно, театральная программа Толстовского юбилея для иностранных участников была специально составлена так, чтобы продемонстрировать им открытость большевистской культуры зарубежным достижениям. Дейна восхищался творчеством Камерного театра:

[Он] является театром синтетическим в лучшем смысле этого слова. Это синтез различных жанров в драматургии, различных эпох и различных народов. В Камерном театре и драматург, и режиссер, и актер, и танцовщик, и певец, и художник, и костюмер, и осветитель блестяще соединены в гармоничное целое⁹³.

14 сентября (пятница) в 15:30 профессор Дейна принимал участие во встрече с руководством Государственного издательства РСФСР (в том числе с председателем его редколлегии А.Б. Халатовым)⁹⁴, выпускающего полное, так называемое «юбилейное» собрание сочинений Л. Толстого. В 19:30 Дейна смотрел в Малом театре постановку революционной, художественно крайне слабой пьесы Д.П. Смолина «Иван Козырь и Татьяна Русских» (преьера 27 января 1925 г., реж. И.С. Платон и Л.М. Прозоровский, худ. С.И. Иванов). В этом первом обращении Малого театра к современной советской драматургии (в центре пьесы судьба врангелевского солдата, бежавшего из иностранного легиона и возвращающегося в СССР) главную роль исполняла Вера Николаевна Пашенная.

⁹¹ რობაკიძე გ. ტოლსტოის დღეები // მნათობი. 1928. № 10. გვ. 183. (Робакидзе Г. Дни Толстого // Мнатооби. 1928. № 10. С. 183). Пер с груз. Т.Л. Никольской цит. по: Никольская Т. Стефан Цвейг глазами Григола Робакидзе. Примечание к теме // Россия и Запад. Сб. статей в честь 70-летия К.М. Азадовского. М.: НЛО, 2011. С. 342.

⁹² Dana H.W.L. *Russian Notebook*, 13 September 1928.

⁹³ [Дейна Г.У.Л.]. Театральные деятели Запада о Камерном театре // Театр и драматургия. 1935. № 1. С. 51.

⁹⁴ В тот день в газете «Правда» было опубликовано интервью: Юбилей Л.Н. Толстого и Госиздат (Беседа с заведующим Госиздатом РСФСР А.Б. Халатовым) // Правда. 1928. 14 сентября. № 214 (4046). С. 4.

американец на 100-летнем юбилее л.н. толстого в ссср

15 сентября (суббота) Дейна находился в составе делегации иностранных писателей, которую пригласили на так называемый «товарищеский вечер» во Всероссийском союзе писателей – в Доме Герцена на Тверском бульваре. На фотографии с этой встречи, опубликованной в журнале «Огонек»⁹⁵, Дейна

«Товарищеский вечер» во Всероссийском союзе писателей, г. Москва, 15 сентября 1928 г. (Г. Дейна сидит, пятый слева, смотрит в объектив). *Источник:* фото «Иностранные писатели в гостях у советских». Огонек. 1928. 30 сентября. № 40 (288). С. 16.

запечатлен сидящим за столом напротив С. Цвейга и С.А. Толстой-Есениной. В своем дневнике Софья Андреевна так описывала эту встречу:

Цвейг хотел встретиться с русскими писателями, чтобы поговорить, познакомиться. Они устроили этот глупый банкет, наелись, напились, не сказали ни одной ценной речи и ничего не сказали Цвейгу. Они безвкусы и некультурны. Мне было совестно за них. Дорогой Цвейг сидел рядом со мной и только со мной разговаривал. Дам было мало, я была в «ударе», за меня подняли тост, выпили⁹⁶.

Хотя Дейну трудно назвать «знатоком Толстого» (как его окрестила газета «Известия»)⁹⁷, но пацифизм, идеи русского писателя о непротавлении

⁹⁵ Фото «Иностранные писатели в гостях у советских» (Огонек. 1928. 30 сентября. № 40 (288). С. 16.)

⁹⁶ Цит. по: *Подсвилова Л.Ф.* Софья Толстая-Есенина. Семья. Окружение. Судьба. С. 332–333.

⁹⁷ Торжественный вечер в Большом театре. Толстовские дни в СССР // Известия. 1928. 12 сентября. № 212 (3446). С. 5.

злу насилием были ему близки. В Ясной Поляне Г. Дейна побывал первый раз еще 22 июля 1928 г.⁹⁸, т. е. до официального приглашения на Толстовские торжества, и неоднократно после этого встречался с Александрой Львовной и Софьей Андреевной Толстыми (запись в его «Русском дневнике»: “10 августа Miss Tolstoy + Sonia”⁹⁹).

Показательно, что за официальными красочными завесами празднования юбилея Дейна не разглядел острейший конфликт между «толстовским духом» и воинствующими коммунистическими партийцами с их милитаризмом и антирелигиозной пропагандой. Он не заметил все то, что заставит А.Л. Толстую, которую пять раз арестовывали ВЧК и ГПУ и допрашивал заместитель Ягоды Я.С. Агранов, навсегда покинуть СССР уже в следующем, 1929 году¹⁰⁰. Через десять лет (1939) она основала в штате Нью-Йорк благотворительный «Фонд Толстого» (*Tolstoy Foundation*), целью которого была помощь русским эмигрантам, а также сохранение и развитие традиций русского искусства и литературы. В Советском Союзе фонд презрительно называли «белоэмигрантским», а Александру Львовну клеймили как «фашистствующую родственницу»¹⁰¹ писателя. Фонд действует по настоящее время¹⁰².

Действительно, работа сотрудников яснополянского музея по сохранению наследия писателя становилась в конце 1920-х гг. невыносимой:

Очень скоро началось окончательное закручивание гаек в стране. А Толстого стали канонизировать по советским стандартам: его идеи приспособили под новую идеологию. <...> Но если до юбилея на Александру Львовну невозможно было давить <...>, то после считаться с ней перестали. К примеру, Александра Львовна была категорически против антирелигиозного воспитания в толстовской школе в Ясной Поляне, но его все равно ввели. В результате она была вынуждена эмигрировать¹⁰³.

Своего рода победу дочери писателя над «официозом» на торжествах 1928 г. и просчеты Кремля отмечает Л.В. Максименков:

Пацифистская и непротивленческая составляющая празднества (в чем была заслуга Александры Львовны Толстой) и бюрократические конфликты в партийно-государственном аппарате (между наркомом просвещения Анатолием Луначарским и менее рафинированными чиновниками из Агитпропа ЦК)

⁹⁸ Dana H.W.L. *Russian Notebook*, 22 July 1928.

⁹⁹ Ibid. 10 August 1928.

¹⁰⁰ Генри Дейна, находясь в Москве, стал свидетелем громкого «шахтинского дела» (май – июль 1928 г.), но никаких его высказываний об этом не сохранилось – хотя он активно участвовал у себя на родине в движении по защите Санко и Ванцетти.

¹⁰¹ Литературное наследство. Т. 75: Толстой и зарубежный мир. С. 262.

¹⁰² См. официальный сайт фонда: <http://www.tolstoyfoundation.org/>.

¹⁰³ Толстая Ф.Н. Толстой нам не принадлежит. С. 30–31.

американец на 100-летнем юбилее л.н. толстого в ссср помешали Кремлю полностью использовать идеологический КПД «зеркала русской революции» и допущенных к этому зеркалу иностранцев. Соответственно гостевое присутствие на торжествах в Москве и в Ясной Поляне не соответствовало ни значению «глыбы» и «матерого человечца» (по словам Ленина), ни рекламно-коммерческому потенциалу продажи за рубежом результатов десятилетнего социалистического эксперимента в Советской России¹⁰⁴.

Русская эмиграция также отмечала столетие Толстого. Празднование юбилея прошло и в США – в нью-йоркском Международном доме на Риверсайд-драйв, в зале общества «Просвещение» и др.¹⁰⁵ На некоторых из этих мероприятий выступал сын писателя Лев Львович Толстой (1869–1945). В одном своем письме из Нью-Йорка он делился впечатлениями с сыном Никитой:

Юбилей прошел здесь не очень богато, но все же было два собрания русских, – одно большевиков, другое остальных. Я был на обоих, и большевистское мне было больше по душе, хотя они его праздновали больше как революционера. Но тепло и с пониманием. Остальные плохо организовали собрание. Читали «Крейц[ерову] сон[ату]» больше часа и убили всю публику. Я ушел. Говорил на обоих собраниях и у большев[и]ков лучше, чем у других. Был, конечно, и хорошо говорил Илья¹⁰⁶, только не на большевистском. Были статьи в газетах, я написал две, – были проповеди в церквях и чтения из Толстого. Русские две газеты посвятили отдельные №№¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Максименков Л.В. Очерки номенклатурной истории советской литературы. С. 280.

¹⁰⁵ См., напр.: Чествование столетия Л.Н. Толстого в Нью-Йорке // Рассвет: Ежедневная газета российских рабочих организаций США (Чикаго). 1928. 26 сентября. № 229. С. 3; Русский объединенный комитет по чествованию 100-летия со дня рождения Льва Н. Толстого // Там же. 1928. 5 сентября 1928. № 211. С. 4; «Дни Л.Н. Толстого» в Нью-Йорке // Там же. 1928. 7 сентября. № 213. С. 4; New York and Tolstoy. *Brooklyn Eagle*, 1928, 13 September. Л.Л. Толстой к юбилею отца опубликовал за океаном такие статьи: *Tolstoy L. Leo Tolstoy: As his son sees Tolstoy. New York Herald Tribune*, 1928, 9 September; *Tolstoy L. Tolstoy, at Home, by His Son: A centenary estimate and a tribute to a neglected woman. Sun* (Baltimore), 1928, 9 September.

¹⁰⁶ Илья Андреевич Толстой (1903–1970) – младший брат С.А. Толстой. В 1921 г., будучи членом американского «Общества друзей (квакеров)», принимал участие в сборе средств для голодающих (как и Г. Дейна). В 1923 г. отказался от военной службы по религиозным убеждениям, был выслан за границу. 23 декабря 1923 г. уехал в Англию, затем в Америку (т. е. еще до знакомства Г. Дейны с семейством Л.Н. Толстого на 100-летнем юбилее писателя в СССР). Известен своей военно-дипломатической миссией из США в Тибет в годы Второй мировой войны и сопутствующей фотосъемкой; географ, фотограф, путешественник и дипломат. Оказывал активную поддержку Толстовскому Фонду в штате Нью-Йорк. Похоронен в Нью-Йорке.

¹⁰⁷ Цит. по: *Абросимова В.Н. Зигзаги судьбы Льва Толстого-младшего (по архивным материалам). Toronto Slavic Quarterly. Academic Electronic Journal in Slavic Studies*, 2008, no 26. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/26/ambrosimova26.shtml> (дата обращения: 29.05.2021).

Знакомство Г. Дейны с семейством Л. Толстого имело интересное продолжение. В 1931 г. судьба вновь свела американского профессора с Александрой Львовной, эмигрировавшей в США. На этот раз встреча произошла в Бостоне и была зафиксирована самой дочерью писателя:

Внук поэта Лонгфелло, Генри Дэна, приезжавший в Ясную Поляну на празднование столетнего юбилея со дня рождения моего отца в 1928 году, пригласил меня у него остановиться. М-р Дэна встретил меня на вокзале и привез к себе в дом. <...> Когда за чашкой чая мы разговаривали и Дэна вспомнил о своей поездке в Ясную Поляну с Цвейгом и другими иностранцами и сказал мне, что снова собирается ехать в Россию, я поняла, что он сочувствует советскому правительству. Опять те же псевдолиберальные суждения, которые приводили меня в отчаяние.

«Куда я попала», – думала я. Мне стало не по себе в этом большом историческом доме.

Дэна был также очень разочарован, увидав во мне такого непримиримого врага советской власти. Мы сразу же горячо поспорили, и я решила на другой день уехать из его дома.

– Я пойду на вашу лекцию [по теме «Толстой и русская революция». – М. Г.] в Форд аудиториум, – сказал он. – Будьте осторожны в своих словах, иначе I will heckle you badly [«Я вас здорово освищу» (англ.). – М. Г.]¹⁰⁸.

Александра Львовна так описывала окончание своей лекции, расколовшей бостонскую аудиторию на две непримиримые половины, кардинально по-разному относившиеся к советскому режиму:

Маленький пастор подбежал ко мне... и протиснул меня сквозь толпу на улицу. <...> Дэна следовал за нами.

– Почему же вы не задавали вопросов, я ждала их? – сказала я ему.

– Вопросов было достаточно без моих, – ответил он.

Хотя я и чувствовала, что лекция прошла хорошо, но на душе было тяжело.

Я никак не могла свыкнуться с мыслью о том, что западный мир не только не может избавиться от большевиков, но что почти во всех свободных странах – неблагополучно. <...> Знаменитые писатели, как Стефан Цвейг, заигрывающий с Москвой; Бернард Шоу и леди Астор, которые поехали в Москву; Ромен Роллан, находящий всяческое оправдание большевизму

¹⁰⁸ Толстая А.Л. Дочь. С. 480–481.

американец на 100-летнем юбилее л.н. толстого в ссср и оправдывающий насилие тем, что народ против его желания надо вести к счастью и благополучию¹⁰⁹.

Действительно, Дейна был одним из самых просоветски настроенных западных интеллектуалов. В том же 1931-м он во второй раз посетил СССР, став даже личным гидом Б. Шоу в Москве, о чем позже написал в своей статье¹¹⁰.

Ни травля официозной критикой столь почитаемого им В.Э. Мейерхольда, ни закрытие ГосТИМа, ни последующее убийство режиссера после истязаний в застенке (1940) также не стали теми событиями, которые бы пошатнули или подорвали веру Дейны в Советский Союз. Не выявлено никаких свидетельств того, что Дейна когда-либо выступил против расправы с Мейерхольдом. На фоне активнейшего участия американского профессора в защите все тех же Сакко и Ванцетти его абсолютное молчание в связи с судьбой Мейерхольда вызывает (мягко говоря) много вопросов. Почему свойственная Дейне острая реакция на социальную несправедливость никак не проявилась, когда он столкнулся с этим в СССР? В этом отношении профессор Дейна, по-видимому, был более близок к той многочисленной части американских либералов, чьи критические взгляды на собственное общество требовали бескомпромиссной лояльности к альтернативной общественно-политической системе – советскому строю:

Уникальная притягательность большевистской революции была явлением универсальным. Она предлагала не только коренные изменения в России. Она предполагала всемирное уничтожение войны, бедности и страданий. Таким образом, во всех странах маленький человек, рабочий, интеллигент чувствовали, что в их жизни с началом революции в России происходит что-то важное. В действительности, эта всеобщая симпатия происходила более из недовольства условиями в *их собственных* [курсив мой. – М. Г.] странах, чем из знания условий в России. Большинство не знало в точности, что произошло или происходит при большевистском режиме, но все говорили о нем с энтузиазмом¹¹¹.

Верность СССР Дейна хранил в течение всей жизни, публикуя как в советской, так и в западной прессе статьи о достижениях советского общества и культуры.

Генри Дейна умер 26 апреля 1950 г., всего за три года до смерти Сталина и за пять лет до того, как Мейерхольд и многие другие жертвы репрессий были

¹⁰⁹ Там же. С. 482–483.

¹¹⁰ Dana H.W.L. Shaw in Moscow. *American Mercury*, 1932, March, pp. 343–352.

¹¹¹ *The God that Failed*. New York: Bantam Books, 1965, p. 180. Цит. по: Голубев А.В., Невежин В.А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е – первая половина 1940-х гг. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 57.

М. М. Гудков

реабилитированы. Не дожил Дейна и до разгула в собственной стране «охоты на красных», – сенатор Маккарти лишь в феврале 1950-го выступил со своей первой громкой антикоммунистической речью. Очевидно, что духовная драма американского профессора заключалась в его неспособности отделить политический режим СССР от достижений советской культуры и искусства, которые часто были рождены именно вопреки этому режиму. Не способен оказался Дейна и на выводы из трагической судьбы многих почитаемых им деятелей литературы и театра при сталинском режиме, став заложником критического отношения к собственной стране и иллюзий по поводу советского строя.

Очевидно, что Г. Дейна сыграл существенную роль в знакомстве и понимании русской и советской культуры в США. Еще предстоит дать объективную и заслуженную оценку тому месту, которое занимают его работы в истории советско-американских культурных, литературных и научных связей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМА Г. ДЕЙНЫ С.А. ТОЛСТОЙ-ЕСЕНИНОЙ¹¹²

1

December 3, 1928

Dear Sofi Andreivna:

During these last frantic days and hours in Moscow I made several efforts to get in touch with you on the telephone to find a time when you would be at home and I should be free for a moment to come to say good-bye to you before I left. I was unable to reach you and had to leave without thanking you and your mother for your many kindnesses to me during the twelve months of my stay in Moscow. Please accept now yourself and extend to your mother my great gratitude.

These wonderful days at Yasnaya Polyana I shall never forget and my only regret is that I did not have more time to look into the various things connected with Tolstoi there, in Moscow, and in Leningrad. When I come back to Russia perhaps you will help me in going into a far more thorough study of associations connected with your grandfather. I realize now how very superficial my article and my speech on Tolstoi were. For the last Sunday I was asked to take part in a Tolstoi celebration here in Boston and had the time to prepare the speech which I really should have given in Moscow. I take pleasure in enclosing copies of the program of that meeting.

¹¹² Текст публикуется по: Отдел рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого (ОР ГМТ). Ф. 48. КП 20551. Перевод с англ. мой.

американец на 100-летнем юбилее л.н. толстого в ссср

Do present the extra copies (if you wish) to the Tolstoi Museum in Moscow with my compliments.

By the way, I have just heard the good news that you are coming to this country before long. Do let me know just when and where you are arriving, and if I possibly can, I shall try to go to meet you at the boat. I shall be delighted to be of service to you in any way that is within my power. I hope that you may come to Boston, and that my aunt, Miss Alice Longfellow, and I may have the pleasure of welcoming you here at the Longfellow House in Cambridge. I should like nothing better than to resume our Russian lessons and to read with you Ivanov's "Armored Train" as we planned and also some more of the poems of Esenin. If you can, do plan to stay long enough here in Massachusetts to make that possible. If it is quit out of the question for you to come to Boston at all, I hope that I may at least be able to see you in New York or Philadelphia, and would gladly go there for the purpose.

If your brother is to be with you at all, I hope that I shall have the pleasure of seeing him too. Do tell me where he is now and how I may get in touch with him. I saw an article of his the other day on his recollections of his grandfather in a periodical which I subscribe to called "The Russian Student". No doubt he sent you a copy of it himself.

Thanking you once more for all your help to me when in Russia, and looking forward eagerly to the pleasure of welcoming you in America, I am,

Cordially and sincerely yours, Harry Dana.

105 Brattle Street, Cambridge, Massachusetts.

Перевод:

3 декабря 1928

Дорогая Софья Андреевна!

В эти последние безумные дни и часы в Москве¹¹³ я предпринял несколько попыток связаться с вами по телефону, чтобы найти время, когда Вы будете дома, и у меня будет свободная минута, чтобы прийти попрощаться с Вами перед отъездом. Я не смог дозвониться до Вас, и вынужден был уехать, не поблагодарив Вас и Вашу маму за вашу доброту ко мне в течение двенадцати месяцев моего пребывания в Москве. Пожалуйста, примите сейчас и передайте Вашей маме мою искреннюю благодарность.

Эти чудесные дни в Ясной Поляне я никогда не забуду, и единственное, о чем я жалею, – это о том, что у меня не было побольше времени, чтобы погрузиться в то, что связано с Толстым там, в Москве, и в Ленинграде. Когда

¹¹³ Г. Дейна покинул СССР 20 сентября 1928 г.

я вернусь в Россию, возможно, Вы поможете мне более тщательно изучить все, связанное с вашим дедом. Теперь я понимаю, насколько поверхностными были мои статья и речь о Толстом. В прошлое воскресенье меня пригласили принять участие в праздновании Толстого здесь, в Бостоне, и у меня было время подготовить речь, которую я действительно должен был произнести в Москве. Я с удовольствием прилагаю копии программы этой встречи. Пожалуйста, передайте дополнительные экземпляры (если хотите) в Музей Толстого в Москве с моей благодарностью.

Кстати, я только что услышал хорошие новости о том, что Вы скоро приедете в нашу страну¹¹⁴. Пожалуйста, дайте мне знать, когда и куда Вы прибудете, и если я смогу, я постараюсь встретить Вас у парохода. Я буду рад оказать Вам любую услугу, которая в моих силах. Я надеюсь, что Вы сможете приехать в Бостон и что мы с моей тетей, мисс Элис Лонгфелло¹¹⁵, будем иметь удовольствие приветствовать Вас здесь, в Доме Лонгфелло в Кембридже. Я мечтал бы возобновить наши уроки русского языка и прочесть с Вами «Бронепоезд» Иванова¹¹⁶, как мы планировали, и еще несколько стихотворений Есенина. Если сможете, запланируйте побыть здесь, в Массачусетсе, подольше, чтобы это получилось. Если же вопрос о Вашем приезде в Бостон не стоит, то, надеюсь, что, по крайней мере, я смогу увидеть Вас в Нью-Йорке или Филадельфии, куда с радостью поеду с этой целью.

Если Ваш брат¹¹⁷ будет с Вами, я надеюсь, что буду иметь удовольствие увидеть и его. Пожалуйста, скажите мне, где он сейчас и как я могу с ним связаться. На днях я видел его статью с воспоминаниями о дедке под названием «Русский студент»¹¹⁸ в одном периодическом издании, на которое я подписываюсь. Без сомнения, он сам прислал Вам экземпляр.

¹¹⁴ Эта поездка в США не состоялась. В одном из своих писем С.А. Толстая-Есенина накануне предполагаемого путешествия через океан писала: «М[ожет] б[ыть], я с матерью [Ольгой Константиновной Толстой (1872–1971). – М. Г.] поеду в... Америку! Вот чудо-то! Ей предлагают там лекции читать о Толстом и оплачивают проезд ей и мне. Я боюсь верить. Понимаешь, брата увижу, путешествие, впечатления, все новое» (Последняя жена Есенина: Письма С.А. Толстой-Есениной к М.М. Шкапской, Б.М. Эйхенбауму и Е.К. Николаевой. 1925–1944 / Предисл., публ. и прим. С.В. Шумихина // Новый мир. 1995. № 9. С. 203).

¹¹⁵ Элис Мэри Лонгфелло (Alice Mary Longfellow, 1850–1928) – старшая дочь Г.У. Лонгфелло, филантроп и защитник природы; оставалась незамужней на протяжении всей жизни. По иронии судьбы она умерла почти сразу же после написания этого письма Г. Дейны С.А. Толстой-Есениной – 7 декабря 1928 г. в возрасте 78 лет.

¹¹⁶ Речь идет о пьесе В.В. Иванова «Бронепоезд 14-69» (1927), которая будет издана в США на английском языке позднее, в 1933 г., и тогда же поставлена в нескольких так называемых «рабочих» театрах Нью-Йорка, Лос-Анджелеса и Чикаго. См. об этом: Гудков М.М. Первые советские пьесы на Бродвее: рецепция отечественной драматургии в коммерческом театре США в 1920–1930-е годы // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 394–396.

¹¹⁷ Младший брат С.А. Толстой Илья Андреевич Толстой. См. прим. 106.

¹¹⁸ К сожалению, не удалось узнать, о какой именно статье И.А. Толстого идет речь в этом письме.

американец на 100-летнем юбилее л.н. толстого в ссср

Еще раз благодарю Вас за Вашу помощь мне в России и с нетерпением жду возможности приветствовать вас в Америке. Сердечно и искренне Ваш Гарри Дейна.

Брэттл-стрит, 105, Кембридж, Массачусетс.

2

December 29, 1930

Dear Miss Tolstoi:

I am planning to come back to Moscow in the near future. I shall be leaving America next month and shall not return here till October. Most of that time I expect to be in the Soviet Union. In any case I hope to reach Moscow in about two months.

If you have any time to spare and any patience left I shall be very glad if I could get your help again with translation from the Russian. Let me know if you will be available for this purpose. In any case I shall hope to have the pleasure of seeing you and your mother once more. If you write to me at once you can address me in Cambridge, Mass. In any case, a letter written here will be forwarded to me wherever I am. Later on you can write me c/o the American Express Company, 11 rue Scribe. In Moscow my address will be as before VOKS.

With all best wishes, sincerely yours, Harry.

Перевод:

29 декабря 1930

Дорогая мисс Толстая!

В ближайшее время я планирую вернуться в Москву. В следующем месяце я уезжаю из Америки и вернусь сюда только в октябре. Большую часть этого времени я рассчитываю провести в Советском Союзе. В любом случае я надеюсь добраться до Москвы примерно через два месяца.

Если у Вас осталось немного свободного времени и терпения, я буду очень рад, если Вы снова поможете мне с переводом с русского языка. Дайте мне знать, если это будет возможно. В любом случае я надеюсь, что буду иметь удовольствие еще раз увидеть Вас и Вашу маму¹¹⁹. Если вы напишете мне сразу, то можно писать на этот кембриджский адрес, в любом случае, письмо, отправленное сюда, будет переслано мне, где бы я ни был. Позже Вы можете писать мне на адрес компании «American Express» [далее указан адрес компании в Париже. – М. Г.]. В Москве мой адрес будет таким же, как и ранее – ВОКС¹²⁰.

Со всеми наилучшими пожеланиями, искренне ваш, Гарри.

¹¹⁹ Очевидно, что Г. Дейна и С.А. Толстая-Есенина переписывались крайне редко, раз в конце 1930 г. американский профессор не знал о том, что дочь писателя Александра Львовна уже с 1929 г. не жила в Москве, эмигрировав за границу. О следующей их встречи в США в 1931 г. мы писали выше.

¹²⁰ С 1925 по 1931 гг. офис ВОКСа располагался в Москве по адресу Малая Никитская, дом 6, – до тех пор, пока этот особняк не был предоставлен в распоряжение М. Горького, окончательно вернувшегося в СССР.

М. М. Гудков

Литература

Абросимова В.Н. Зигзаги судьбы Льва Толстого-младшего (по архивным материалам) // Toronto Slavic Quarterly. Academic Electronic Journal in Slavic Studies. 2008. № 26.

Азадовский К.М. Стефан Цвейг в СССР // Азадовский К. Сюжеты и судьбы: Немецко-русские отражения. М.: Литфакт, 2019. С. 215–240.

Александров В.А. Лонгфелло о России // Альманах библиофила. М.: Книга, 1983. Вып. 15. С. 215–222.

Алексеева Г.В. Лев Толстой в диалоге с Америкой // Литературоведческий журнал. 2011. № 28: Материалы III Международного симпозиума «Русская словесность в мировом культурном контексте». С. 77–84.

Алексеева Г.В. Юджин Скайлер о Льве Толстом в эпоху написания «Войны и мира» // Материалы научных сессий 2017 года в Государственном музее Л.Н. Толстого / Отв. ред. Л.В. Гладкова; сост. Л.Г. Гладких. М.: РГ-Пресс, 2018. С. 12–22.

Болховитинов Н.Н. Россия открывает Америку. 1732–1799. М.: Международные отношения, 1991.

Брукс В.В. Писатель и американская жизнь. Т. 1: Расцвет Новой Англии. М.: Прогресс, 1967.

Велеминский К. Толстовские торжества 1928 года (Перевод с чешского И.М. Порочкиной) // Ясная Поляна: Неизвестные страницы (Чешские и словацкие воспоминания о Льве Толстом). СПб.: Росток, 2013. С. 279–285.

Венедиктова Т.Д. Бостонская школа [Поэзия] // История литературы США. Т. III: Литература середины XIX в. (поздний романтизм). М.: ИМЛИ имени А.М. Горького РАН, Наследие, 2000. С. 222–229.

Генеральное консульство Соединенных Штатов Америки в Санкт-Петербурге: 40 лет истории в цифрах и фактах. СПб.: Отдел по вопросам прессы и культуры Генерального консульства США в Санкт-Петербурге, 2013.

Гладков А.К. Мейерхольд: В 2 т. М.: СТД РСФСР, 1990.

Голубев А.В., Невежин В.А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средстами культурной дипломатии, 1920-е – первая половина 1940-х гг. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

Гудков М.М. Первые советские пьесы на Бродвее: рецепция отечественной драматургии в коммерческом театре США в 1920–1930-е годы // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 392–416.

Гудков М.М. Генри Уодсворт Лонгфелло Дана и «Фонд Горького» в США // Новые российские гуманитарные исследования (электронный научный журнал ИМЛИ имени А.М. Горького РАН). 2019. Т. 14. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2047/>.

Гудков М.М. «Фонд Горького» в США и революционная Россия: из истории советско-американских контактов 1920-х гг. // Литература двух Америк. 2020. № 8. С. 347–381.

Гудкова В.В. Рождение советских сюжетов: типология отечественной драмы 1920-х – начала 1930-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Зверев А.М. «...Эти сказки и легенды с их лесным благоуханьем» // Лонгфелло Г.У. Песнь о Гайавате. Поэмы. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1987. С. 3–12.

Иванян Э.А. Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей. М.: Международные отношения, 2007.

Литературное наследство. Т. 82: А.В. Луначарский: неизданные материалы. М.: Наука, 1970.

Литературное наследство. Т. 75: Толстой и зарубежный мир. М.: Наука, 1965.

Максименков Л.В. Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие). Часть I // Вопросы литературы. 2004. № 2 (март – апрель). С. 242–291.

О'Махоуни М. Сергей Эйзенштейн. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.

Подсвирова Л.Ф. Софья Толстая-Есенина. Семья. Окружение. Судьба. Пятигорск: РИА-КМВ, 2013.

Радько Е.Б. Децентрализация культуры и культурная идентичность (На материале культурного процесса в США конца XIX века) // Американская культура: глобализация и регионализм. М.: МГУ, 2001. С. 158–161.

американец на 100-летнем юбилее л.н. толстого в ссср

Толстая А.Л. Дочь. М.: Директ-Медиа, 2015.

Толстая Ф.Н. Толстой нам не принадлежит // Огонек. 2018. 3 сентября. № 33. С. 30–31.

Урнов Д.М. Два года и целая жизнь // Дана Р.Г. Два года на палубе. М.: Прогресс, 1986. С. 371–377.

References

Abrsimova V. N. Zigzagi sud'by L'va Tolstogo-mladshego (po arkhivnym materialam) [Twists and Turns of Leo Tolstoy. Jr.'s Fate]. *Toronto Slavic Quarterly. Academic Electronic Journal in Slavic Studies*, 2008, no 26. (In Russ.)

Aleksandrov V.A. Longfellow o Rossii [Longfellow on Russia]. *Al'manakh bibliofila [Bibliophile's Almanach]*. Moscow: Kniga Publ., 1983, issue 3, pp. 215–222. (In Russ.)

Alekseeva G.V. Lev Tolstoy v dialoge s Amerikoi [Leo Tolstoy in Dialogue with America]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, 2011, no 28, pp. 77–84. (In Russ.)

Alekseeva G.V. Eugene Schuyler o L've Tolstom v epokhu napisaniia Voyny i mira [Eugene Schuyler about Leo Tolstoy Working on War and Peace]. *Materialy nauchnykh sessii 2017 goda v Gosudarstvennom muzee L.N. Tolstogo [Proceedings of the Scholarly Session-2017 in the Leo Tolstoy State Museum]*, eds L.V. Gladkova, L. G. Gladkikh. Moscow: RG-Press, 2018, pp. 12–22. (In Russ.)

Bolkhovitinov N.N. *Rossiiia otkryvaet Ameriku. 1732–1799 [Russia Discovers America, 1732–1799]*. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniia Publ., 1991. (In Russ.)

Brooks V.V. *Pisatel' i amerikanskaia zhizn' . T. 1: Rastsvet Novoi Anglii [Writer and American Life. Vol. 1: The Flowering of New England]*. Moscow: Progress Publ., 1967. (In Russ.)

General'noe konsul'stvo Soedinennykh Shtatov Ameriki v Sankt-Peterburge: 40 let istorii v tsifrakh i faktakh [The U.S. Consulate General in Saint-Petersburg: Forty Year History in Figures and Facts]. Saint-Petersburg: Department of Press and Culture of the U.S. General Consulate in Saint-Petersburg, 2013. (In Russ.)

Gladkov A.K. *Meierkhol'd: V 2 t. [Meyerhold: in 2 vols]*. Moscow: STD RSFSR Publ., 1990. (In Russ.)

The God that Failed. New York: Bantam Books, 1965.

Golubev A.V., Nevezhin V. A. *Formirovanie obraza Sovetskoii Rossii v okruzhaiushchem mire sredstvami kul'turnoi diplomatii, 1920-e – pervaiia polovina 1940-kh gg. [The Forming of the Image of Soviet Russia in the World by Means of Culture Diplomacy, 1920s - 1945]*. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2016. (In Russ.)

Gudkov M.M. Pervye sovetskie p'esy na Brodvee: retseptsiiia otechestvennoi dramaturgii v kommercheskom teatre SShA v 1920–1930-e gody [The First Soviet Plays on Broadway: Reception of Domestic Drama in American Commercial Theatre, 1920–1930s]. *Literatura dvukh Amerik [Literature of the Americas]*, 2017, no 3, pp. 392–416. (In Russ.)

Gudkov M.M. Henry Wadsworth Longfellow Dana i «Fond Gor'kogo» v SShA [Henry Wadsworth Longfellow Dana and The Gorky Fund in the USA]. *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniia* (elektronnyi nauchnyi zhurnal IMLI imeni A. M. Gor'kogo RAN), 2019. Vol. 14. <http://www.nrgumis.ru/articles/2047/>. (In Russ.)

Gudkov M.M. Fond Gor'kogo v SShA i revoliutsionnaia Rossiia: iz istorii sovetsko-amerikanskikh kontaktov 1920-kh gg. [The Gorky Fund in the USA and Revolutionary Russia: From the History of Soviet-American Contacts in the 1920s]. *Literatura dvukh Amerik [Literature of the Americas]*, 2020, no 8, pp. 347–381. (In Russ.)

Gudkova V.V. *Rozhdenie sovetskikh siuzhetov: tipologiia otechestvennoi dramy 1920-kh – nachala 1930-kh godov [The Birth of Soviet Plots: Typology of Native Drama, 1920s-early 1930s]*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2008. (In Russ.)

- Houghton N. *Entrances & Exits (A Life In and Out of the Theatre)*. New York: Limelight Editions, 1991.
- Ivanian E.A. *Kogda govoriat muzy. Istoriia rossiisko-amerikanskikh kul'turnykh sviazei [When the Muses Speak. History of Russian-American Cultural Links]*. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniia Publ., 2007. (In Russ.)
- Literaturnoe nasledstvo*. T. 82: A. V. Lunacharskii: neizdannye materialy [*Literary Heritage*. Vol. 82: Lunacharsky: Unpublished Materials]. Moscow: Nauka Publ., 1970. (In Russ.)
- Literaturnoe nasledstvo*. T. 75: Tolstoi i zarubezhnyi mir [*Literary Heritage*. Vol. 75: Tolstoy and the Foreign World]. Moscow: Nauka Publ., 1965. (In Russ.)
- Maksimenkov L.V. Ocherki nomenklaturnoi istorii sovetskoï literatury. Zapadnye piligrimy u stalinskogo prestola (Feikhtvanger i drugie). Chast' I [Essay on Nomenclature History of Soviet Literature. Foreign Pilgrims at the Stalin's Throne (Feuchtwanger and Others. Part I)]. *Voprosy Literatury*, 2004, no 2 (March-April), pp. 242–291. (In Russ.)
- O'Makhouni M. *Sergei Eizenshtein [Sergei Eisenstein]*. Moscow: Ad Marginem Press, 2016. (In Russ.)
- Podsvirova L.F. *Sof'ia Tolstaia-Esenina. Sem'ia. Okruzhenie. Sud'ba [Sofia Tolstaya-Esenina. Family. Environment. Destiny]*. Piatigorsk: RIA-KMV Publ., 2013. (In Russ.)
- Rad'ko E.B. Detsentralizatsiia kul'tury i kul'turnaia identichnost' (Na materiale kul'turnogo protsessa v SShA kontsa XIX veka) [Decentralization of Culture and Cultural Identity (Cultural Process in the USA in the Late Nineteenth Century)]. *Amerikanskaia kul'tura: globalizatsiia i regionalizm [American Culture: Globalization and Regionalism]*. Moscow: MGU Publ., 2001, pp. 158–161. (In Russ.)
- Shpolberg A. Eisenstein versus Sinclair: H.W.L. Dana and "Que Viva Mexico!". *Los Angeles Review of Books*, 2018, 7 December. [Lareviewofbooks.org](https://www.lareviewofbooks.org). <https://www.lareviewofbooks.org>.
- Tolstaia A.L. *Doch' [Daughter]*. Moscow: Direkt-Media Publ., 2015. (In Russ.)
- Tolstaia F.N. Tolstoi nam ne prinadlezhit [Tolstoy Doesn't Belong to Us]. *Ogonek*, 2018, 3 Sept., no 33, pp. 30–31. (In Russ.)
- Urnov D.M. Dva goda i tselaiia zhizn' [Two Years and a Whole Life]. In Dana R.H. *Dva Goda na Palube [Two Years Before the Mast]*. Moscow: Progress Publ., 1986, pp. 371–377. (In Russ.)
- Veleminskii K. Tolstovskie torzhestva 1928 goda [Tolstoy Cwewlebrations, 1928], transl. by I.M. Porochkina. *Iasnaia Poliana: Neizvestnye stranitsy (Cheshskie i slovatskie vospominaniia o L'Ve Tolstom) [Iasnaia Poliana: Unknown Pages (Czech and Slovak Memories of Leo Tolstoy)]*. Saint-Petersburg: Rostok Publ., 2013, pp. 279–285. (In Russ.)
- Venediktova T.D. Bostonskaia shkola (Poeziia) [Boston School (Poetry)]. *Istoriia literatury SShA*. T. III: Literatura serediny XIX v. (pozdniï romantizm) [*History of the USA Literature*. Vol. III: Literature of the Mid-Nineteenth Century. Late Romanticism]. Moscow: IMLI imeni A. M. Gor'kogo- RAN, Nasledie Publ., 2000, pp. 222–229. (In Russ.)
- Zverev A.M. "...Eti skazki i legendy s ikh lesnym blagoukhan'em ["...These Tales With the Scent of Forest]. In Longfellow H.D. *Pesn' o Gaivate. Poemy. Stikhotvoreniia [Song of Haiawatha. Poems]*. Moscow: Khudozhestvennaia Literatura Publ., 1987, pp. 3–12. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию: 21.05.2021
Дата публикации: 20.11.2021

Received: 21.05.2021
Published: 20.11.2021

«Я приехал в этот край, чтобы поучиться»: визит Рабиндраната Тагора в СССР в 1930 г.*

© 2021 Е.В. Юшкова

УДК 82.091

https://doi.org/10.54791/27823792_2021_1_55_78

“I Came to This Country to Learn”: Rabindranath Tagor’s Visit to the USSR, 1930

© 2021 Elena V. Yushkova

Информация об авторе:

Елена Владимировна Юшкова, канд. искусствоведения, ассоциированный исследователь Five College Women’s Studies Research Center, Massachusetts, USA. E-mail: elyushkova@yandex.ru.

Ключевые слова: Рабиндранат Тагор, визит в СССР 1930 г., ВОКС, фестиваль Индии 1987 г. в СССР, архивные материалы, советско-индийские литературные и культурные контакты.

Аннотация: Статья основана на документах, хранящихся в Государственном архиве РФ и касающихся подготовки официального визита великого бенгальского поэта и мыслителя Рабиндраната Тагора в СССР в 1930 году. Многие из них оставались довольно долгое время засекреченными. Часть документов была извлечена с разрешения советских руководителей из хранилища при подготовке фестиваля Индии в СССР 1987 года и проанализирована архивистами в докладной записке в ЦК КПСС, а часть (связанная с деятельностью ВОКС, Всесоюзного общества культурной связи с заграницей) – осталась лежать на полках под грифом «секретно» до 1990-х годов. Автор статьи, основываясь на документах, анализирует как особенности подготовки самого визита, так и культурно-политический контекст обращения к данным документам в 1980-х годах. Имя Тагора использовалось как веский аргумент для обоснования особой, «сердечной» советско-индийской дружбы.

Information about the author:

Elena Yushkova, PhD in History of Art, Research Associate at Five College Women’s Studies Research Center, Massachusetts, USA. E-mail: elyushkova@yandex.ru.

Keywords: Rabindranath Tagore, visit to the USSR, VOKS – All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries, Festival of India in the USSR of 1987, archived materials, Soviet-Indian literary and cultural contacts.

Abstract: The article is based on the documents stored at the State Archive of the Russian Federation and related to the preparations of the great Bengali poet and thinker Rabindranath Tagore’s official visit to the USSR in 1930. Many of these documents had been classified for a long time. Part of them was unclassified with the Soviet leaders’ authorization and analyzed by archivists while organizing the Festival of India in the USSR in 1987. However, most of the documents (especially on VOKS – All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries) had remained “classified” until the end of the 1990s. The author of the article drawing upon the archival documents analyzes the peculiarities of the visit preparations and the social-political context of reaching out these documents in the 1980s. Tagore’s name was used as a compelling argument for substantiating a “very special” Soviet-Indian friendship.

* Материалы для статьи были собраны в рамках проекта проф. Чой Чаттерджи (Choi Chatterjee, California State University, Los Angeles) «Рабиндранат Тагор и М.Н. Рой в Советском Союзе». См. также статью по данной теме: Chatterjee Ch. Imperial Subjects in the Soviet Union: Rabindranath Tagore, M. N. Roy, and Re-thinking Freedom and Authoritarianism in the Twentieth Century. *Journal of Contemporary History*, October 2017, no. 4, pp. 913–934.

Рабиндранат Тагор (1861–1941), великий бенгальский писатель и мыслитель, нобелевский лауреат 1913 года, пользовался популярностью как в дореволюционной России, так и в Советской. Переводы его произведений на русский язык регулярно публиковались и издавались отдельными книгами. В 1910–1920-е вышло множество сборников стихов, пьес и прозы, в годы Первой мировой войны – два собрания сочинений¹; в 1920-е начинают появляться переводы не только с английского, но и с бенгальского – востоковеда, специалиста по Тагору М.И. Тубянского (в том числе, «Воспоминания», 1924, 1927). Однако в 1930-е не происходит окончательной советской «канонизации» Тагора – новые издания не появляются, критические статьи в журналах комплиментарны, но редки. «Мировым классиком» в СССР Тагор становится с 1950-х². В 1961 г., к столетию со дня рождения поэта, в СССР началась подготовка наиболее полного отечественного собрания сочинений Тагора, над переводами стихов работали лучшие советские поэты – 12 томов вышли в 1961–1965 гг.³ С тех пор произведения индийского писателя постоянно публикуются, а некоторые стихи даже превратились в популярные песни.

Официальные отношения в СССР к фигуре Рабиндраната Тагора определялись, как и в большинстве других аналогичных случаев, тактическими соображениями внешней политики, интересами советско-британских отношений, поддержкой антиколониальных процессов, движения неприсоединения и т.п. Единственный визит бенгальского писателя в СССР, в сентябре 1930 г., не стал событием государственного масштаба, а его подготовка и проведение проходили не без скрытых сложностей, которые отчасти отражают служебные документы из фонда Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС)⁴, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации.

¹ Тагор Р. Собр. соч.: В 6 кн. М.: Современные проблемы, 1914–1916; Тагор Р. Собр. соч.: В 10 кн. М.: Валентин Португалов, 1915. См. составленный Л.А. Стрижевой указатель в серии «Писатели зарубежных стран»: Рабиндранат Тагор: Био-библиогр. указатель. М., 1961.

² Появляются новые издания и выходит многотомное собрание сочинений: Тагор Р. Соч.: В 8 т. М.: ГИХЛ, 1955–1957. Импульсом послужило активное сближение СССР и Индии; см., например: Лунин С.И. Советско-индийские отношения (1955–1971): рождение дружбы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 2 (53). С. 24–51. Статус «друга СССР» официально закрепляется и в гуманитарном научном поле: Рабиндранат Тагор – друг Советского Союза: 100 лет со дня рождения. 1861–1961. Сборник документов и материалов / Отв. ред. В.А. Вдовин, Л.С. Гамаюнов. М.: Издательство восточной литературы, 1961 (включает материалы и о приезде писателя в СССР).

³ Тагор Р. Собр. соч.: В 12 т. М.: Гос. изд. худ. лит., 1961–1965.

⁴ Многие из них – с грифом «секретно»; о массовом рассекречивании документов фонда ВОКС в ГА РФ в 1990-е см.: Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости. М.: НЛО, 2015. С. 9.

«я приехал в этот край, чтобы поучиться»: визит рабиндраната тагора в СССР

«Сердечная любовь»

Конец 1980-х – время очередной активизации российско-индийских отношений. В ноябре 1988 г. генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев посещает с официальным дружественным визитом Индию. 18 ноября он встречается один на один с премьер-министром Индии Радживом Ганди, обсуждая как ситуацию в мире, где происходят глобальные перемены, так и «совместный вклад Индии и СССР в углубление и расширение позитивных процессов в мире в духе идей и философии Делийской декларации 1986 г.»⁵. Как подчеркивает газета «Известия» в заголовке одной из многочисленных статей этого выпуска, «отношения СССР и Индии набирают силу»⁶, хотя еще за полгода до визита они уже были названы в тех же «Известиях» «сердечной любовью»⁷.

Еще раньше, 3 июля 1987 г., торжественно открывается фестиваль Индии в СССР, о чем радостно рапортует на нескольких полосах «Советская культура» как накануне события, так и на следующий день после его начала. Визит Раджива Ганди, открытие памятника Индире Ганди, торжество на Соборной площади Кремля, обмен книгами и много других торжественных мероприятий, включая посадку индийского дерева деодар⁸, подробно освещаются практически всеми центральными изданиями СССР. Поскольку проводится большое количество официальных мероприятий в обеих странах, то и публикаций, посвященных Индии и отношениям с этой страной, в 1988 году выходит довольно много. В частности, «Советская культура» в эти дни публикует несколько фотографий Рабиндраната Тагора в Москве во время его визита 1930 года⁹, извлеченных из архивов и включенных в докладную записку в ЦК КПСС.

Эта докладная записка «Об опубликовании в связи с фестивалем Индии в СССР документов о пребывании выдающегося индийского поэта Рабиндраната Тагора в сентябре 1930 г. в Москве» была подготовлена начальником Главного архивного управления при Совете Министров СССР Ф.М. Вагановым в 1987 г. и представляет собой подробную опись документальных материалов (с приложениями). Приводим текст данной докладной записки (точная дата документа не указана) почти полностью:

⁵ Беседа М.С. Горбачева с Р. Ганди // Известия. 19 ноября 1988. С. 1. Речь идет о «Делийской декларации о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира», принятой в г. Нью-Дели 27.11.1986.

⁶ Отношения СССР и Индии набирают силу // Известия. 1988. 19 ноября. С. 1

⁷ Индия и Советский Союз – сердечная любовь // Известия. 1988. 28 мая. С. 1.

⁸ Дружба крепкая как деодар // Советская культура. 1987. 2 июля. С. 7; Праздник дружбы и мира // Советская культура. 1987. 4 июля. С. 1–2.

⁹ Рабиндранат Тагор в Советском Союзе // Советская культура. 1987. 2 июля. С. 7.

Главное архивное управление при Совете Министров СССР вносит предложение об опубликовании в дни фестиваля Индии в СССР в газетах «Литературная газета» и «Советская культура» 19 фотографий, трех выступлений Рабиндраната Тагора и приветственной речи председателя ВОКС Ф.Н. Петрова, члена КПСС с 1896 г.

Данные документы ранее не публиковались, находятся в составе Государственного архивного фонда СССР и хранятся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР, в Центральном государственном архиве кинофотодокументов СССР, а также в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР.

Рабиндранат Тагор находился в Москве с 11 по 27 сентября 1930 г. по приглашению Всесоюзного общества культурных связей с заграницей и являлся его гостем. По предложению председателя ВОКС Ф.Н. Петрова и с согласия Рабиндраната Тагора была составлена программа его пребывания, в соответствии с которой состоялись встречи, беседы с руководством ВОКС, писателями, художниками, преподавателями и студентами вузов, пионерами и школьниками, крестьянами. В Колонном зале Дома Союза состоялась встреча Рабиндраната Тагора с московской общественностью. Рабиндранат Тагор осмотрел Красную площадь и Кремль.

На ряде встреч Рабиндранат Тагор выступал с речами, но просил не публиковать их, опасаясь преследований английского колониального правительства в Индии. Эти речи сохранились, представляют исторический интерес и, по нашему мнению, теперь могут быть опубликованы.

17 сентября 1930 г. в музее Нового западного искусства была открыта выставка акварели Рабиндраната Тагора. 26 сентября Рабиндранат Тагор посетил Ленинград, а 27 сентября отбыл из СССР.

Учитывая политическое значение проводимых мероприятий, фестиваль Индии в СССР, а также приезд Почетного председателя индийского национального организационного комитета по проведению фестиваля Индии в СССР, Премьер-министра Индии Раджива Ганди в СССР на открытие 3 июля 1987 г. фестиваля, полагали бы возможным в качестве дара от Почетного председателя советского национального организационного комитета по проведению фестиваля СССР в Индии т. М.С. Горбачева вручить Радживу Ганди Альбом с фотографиями Рабиндраната Тагора¹⁰.

Приложения к докладной записке содержали речи Ф.Н. Петрова и Тагора, запись их беседы, подробный график пребывания гостя в Москве, перечень

¹⁰ ГА РФ. Ф. 10020. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 1–2.

«я приехал в этот край, чтобы поучиться»: визит рабиндраната тагора в СССР киносъепок Тагора, фотодокументы и вырезку из газеты «Советская культура» от 2 июля 1987 г., где в разделе «За рубежом» публиковались архивные фотографии бенгальского писателя.

Детали пребывания Тагора в СССР в 1930 г., как и предшествующие поездке события, были восстановлены советским востоковедом И.Д. Серебряковым в приложении к биографии Тагора, написанной индийским автором Кришной Крипалани – книга выходила дважды в серии «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия», в 1983 и 1989 гг. Как утверждает комментатор, в 1924 г., путешествуя по Китаю и Японии, Тагор «встречается в Пекине с советским дипломатом Л. Караханом и в беседе с ним выражает свое горячее желание посетить Советский Союз»¹¹. В сентябре 1926 г. в Европе состоялась еще одна встреча с официальным лицом СССР – революционером, чекистом и дипломатом А.Я. Дросевым (в 1934 г. он возглавит ВОКС), и снова озвучивается желание посетить СССР. Вскоре «А.В. Луначарский при встрече с Тагором в Берлине по поручению Советского правительства приглашает поэта посетить СССР»¹², а в начале 1927 г. «Рабиндранат Тагор включен в список приглашенных на празднование X годовщины Великой Октябрьской социалистической революции»¹³. Наконец, в 1930 г. на встрече Тагора с А.В. Луначарским в Берлине договоренность о поездке окончательно закрепляется.

Была разработана следующая программа пребывания Тагора в Москве: 11 сентября 1930 г. – прибытие Тагора в Москву. 12 сентября – встреча с председателем ВОКС, «выдающимся деятелем партии, профессором Ф.Н. Петровым», и с советскими писателями и учеными. 13 сентября – встреча со студентами и профессурой Москвы и открытие вернисажа Р. Тагора, «на котором присутствовали директор Государственной Третьяковской галереи М.П. Кристи и искусствовед А.А. Сидоров». 14 сентября – посещение 1-й пионеркоммуны имени А. Кингиной и беседа с пионерами. 16 сентября – Тагор посещает Центральный Дом крестьянина, «беседует с крестьянами о колхозах и ходе коллективизации, о преимуществах коллективного ведения хозяйства» и присутствует на спектакле «Воскресение» в Московском Художественном театре. 17 сентября – открытие в Музее Нового западного искусства выставки художественных произведений Р. Тагора, и в этот же день «группа советских художников преподносит в дар Р. Тагору выполненную в мраморе маску Л.Н. Толстого»; также

¹¹ *Серебряков И.Д.* Основные даты жизни и творчества Рабиндраната Тагора // Крипалани К. Рабиндранат Тагор / Пер. с англ. Л.Н. Асанова. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 282. (серия «ЖЗЛ»).

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 283.

е. в. юшкова

гостю показывают спектакль «Петр Первый» («На дыбе» А.Н. Толстого) во 2-м Художественном театре и т.д.¹⁴.

«Маститый гость»

Визит Тагора в сентябре 1930 г. не был событием большой государственной важности, он проходил «по культурной линии», без встреч в Кремле и с членами советского правительства. Из центральных газет визит освещался преимущественно на страницах «Известий». Жесткая риторика, формирующая новую сталинскую картину мира для народа, не очень соотносилась с миролюбивыми идеями индийского гостя, которые в новостных заметках всячески акцентируются корреспондентами газеты. Так, 13 сентября «Известия» сообщают:

...в четверг, 11 сентября, в Москву прибыл известный индусский поэт Рабиндранат Тагор. Вместе с ним приехали его племянник Соумпендрант Тагор, два его секретаря и врач, а также дочь известного германского ученого Эйнштейна.

На Белорусско-Балтийском вокзале Рабиндранат Тагор был встречен представителями Всесоюзного общества культурной связи с заграницей и Федерации объединений советских писателей. По желанию самого Р. Тагора встреча на вокзале носила скромный интимный характер. С вокзала Р. Тагор отправился в отведенное ему помещение в Большой московской гостинице.

В СССР Рабиндранат Тагор пробудет до конца сентября. Помимо Москвы, он намерен посетить Ленинград и ознакомиться с рядом социально-бытовых, культурно-просветительных и научных учреждений, а также с музеями, театрами и художественными достопримечательностями обеих столиц.

Из СССР Рабиндранат Тагор выезжает в Соединенные Штаты.

Рабиндранат Тагор привёз с собой свыше 200 картин, исполненных акварелью, представляющих его творчество за последние годы (Р. Тагор увлекся живописью немногим более двух лет назад). В Берлине была устроена выставка его картин, имевшая большой успех.

Организацию такой же выставки в Москве взяло на себя Всесоюзное общество культурной связи с заграницей.

Сегодня, 13 сентября, Рабиндранат Тагор примет у себя представителей советского студенчества¹⁵.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Рабиндранат Тагор в Москве // Известия. 1930. 13 сентября. С. 2. Краткая информация: Приезд Рабиндраната Тагора // Правда. 1930. 13 сентября. С. 2.

«я приехал в этот край, чтобы поучиться»: визит рабиндраната тагора в СССР

Отдельная корреспонденция посвящена приему у председателя ВОКС Ф.Н. Петрова (1876–1973), во время которого Тагор, «между прочим, указал, что больше всего он интересуется вопросами народного образования и постановкой его в СССР. Он высказал при этом мысль, что внедрение образования в широкие массы, которое осуществляется в СССР, дает возможность полностью использовать те внутренние духовные ресурсы народных масс, которые до революции находились в угнетении. Это, по мнению Тагора, является одним из самых крупных достижений советской власти. В заключение беседы тов. Петров отметил, что имя Рабиндраната Тагора в СССР известно не только среди интеллигенции, но и в широких массах»¹⁶.

На следующий день, 14 сентября, «Известия» снова помещают несколько коротких заметок о программе гостя. Сообщается, что 12 сентября в клубе писателей состоялась встреча Рабиндраната Тагора с советскими писателями.

Р. Тагор и Ф.Н. Петров. Встреча в ВОКС 12 сентября 1930 г.

На ней Ф.Н. Петров подчеркнул, что Тагора привело в советскую страну желание увидеть, как «в иных социальных и экономических условиях формируется человек». С приветственными речами выступили: от университетских кругов

¹⁶ Прием у председателя ВОКС тов. Ф.Н. Петрова // Известия. 1930. 13 сентября. С. 2. В диктованных по горячим следам наблюдениям Тагора о пребывании в Москве – уважительный отзыв о Петрове как «интеллигентном человеке» соседствует с описанием обстановки помещений ВОКС (тогда – в знаменитом особняке Рябушинского, Малая Никитская, 6): «На полу, не покрытом ковром, в углу стоит плохонький столик. Все имеет такой запущенный вид, как будто посторонним людям нельзя оказывать внимания, потому что в доме только что умер отец и все охвачены скорбью. <...> В этой стране мне больше всего понравилось именно полное отсутствие вульгарной кичливости богатством» (Тагор Р. Письма о России. М.: ГИХЛ, 1956. С. 14–15).

А.П. Пинкевич¹⁷, от Федерации писателей (ФОСП) Н.Г. Шкляр¹⁸ и президент ГАХН П.С. Коган¹⁹. В ответной речи Тагор сказал, что он «чрезвычайно рад тому, что ему удалось встретиться с представителями советской культуры, у которых он надеется многому поучиться. Особенно же радует его то, что в СССР дана возможность всему народу приобщиться к культуре, что перед ним широко открыты двери школ, театров и музеев»²⁰.

Еще одна заметка посвящена собранию картин Тагора и посещению поэта представителями «московских художественных кругов, в числе которых были директор Третьяковской галереи проф. Кристи²¹, проф. Сидоров (музей Изящных Искусств)²², представитель Главнауки т. Вольтер²³ и др. Рабиндранат Тагор знакомил их со своими работами»²⁴. Затем в нескольких строчках сообщается о приеме Тагором «представителей московского студенчества и профессуры в количестве 50 человек», которым Тагор рассказал о созданной им «школе-университете» в Шантиникетане²⁵. И, наконец, «Известия» опубликовали объявление об открытии выставки акварелей Рабиндраната Тагора 17 сентября в музее Нового западного искусства²⁶. На открытии выступили сам Тагор с рассказом «о своем художественном творчестве», проф. А.А. Сидоров с докладом об искусстве Тагора. Открывал выставку председатель ВОКС Петров.

¹⁷ Альберт Петрович Пинкевич (1883–1937) – педагог, «педолог», в 1926–1930 гг. – ректор 2-го МГУ. В 1937 г. репрессирован и расстрелян.

¹⁸ Николай Григорьевич Шкляр (1878–1952) – детский писатель и драматург. В 1900–1910-е гг. был участником литературного общества «Среда», поддерживал дружеские отношения с В. Вересаевым, И. Буниным, А. Куприным, М. Горьким. В 1934 г. – делегат Первого съезда советских писателей.

¹⁹ Петр Семенович Коган (1872–1932) – историк литературы, профессор МГУ; один из создателей и президент (1921–1925) Государственной академии художественных наук (ГАХН).

²⁰ Рабиндранат Тагор в Москве // Известия. 1930. 14 сентября. С. 2.

²¹ Михаил Петрович Кристи (1875–1956) – уполномоченный Наркомпроса в Петрограде (1918–1926), зам. зав. Главнауки (с 1926), директор Третьяковской галереи (1928–1937).

²² Алексей Алексеевич Сидоров (1891–1978) – историк искусства, музейный работник, профессор, доктор искусствоведения. Учился в МГУ (1909–1913), с 1912 г. работал в Музее изящных искусств экскурсоводом, библиотекарем, зав. Отделением христианского искусства. С 1921 г. профессор Московского университета, в 1927–1936 гг. – заведующий Гравюрным кабинетом ГМИИ им. А.С. Пушкина.

²³ Алексей Александрович Вольтер (1889–1973) – художник, музейвед и администратор. Директор Центрального кустарного музея ВСНХ (1920–1928). Затем зам. зав. Главнауки.

²⁴ Осмотр картин Р. Тагора // Известия. 1930. 14 сентября. С. 2.

²⁵ Делегация студентов и педагогов у Р. Тагора // Известия. 1930. 14 сентября. С. 2. Шантиникетан – город в Северной Бенгалии, возник на месте поселка, основанного в 1863 г. Дебентранатом Тагором, старшим братом Р. Тагора. Р. Тагор в 1901 г. создал там ашрам – экспериментальную школу с библиотекой, окруженную садом и рощей. В 1921 г. на полученную им Нобелевскую премию преобразовал школу в Университет Висма-Бхарати.

²⁶ Выставка картин Р. Тагора // Известия. 1930. 14 сентября. С. 2. Анонс выставки см. также: Правда. 1930. 14 сентября. С. 8.

«я приехал в этот край, чтобы поучиться»: визит рабиндраната тагора в СССР

Два относительно больших материала – статью о Тагоре Н.Г. Шкляр²⁷ и подробный отчет о посещении писателем Пионеркоммуны имени шведской

В Московском педагогическом институте им. А.С. Бубнова (бывш. 2-й МГУ)

коммунистки Алисы Кингиной²⁸ – публикуют «Известия» 16 сентября, на четвертой полосе расширенного выпуска.

Шкляр напоминает читателям, что «в эти дни советская общественность чувствует маститого гостя – семидесятилетнего индийского писателя Рабиндраната Тагора», которого привело в СССР «его разочарование в европейской культуре и живой, глубокий интерес в тому, как формируется и развивается человеческая личность в совершенно иных экономических и социальных условиях». Автор подчеркивает особый интерес гостя к вопросам образования и высокую оценку достижений СССР в этой области: «...у нас всему народу дана возможность приобщиться к просвещению и культуре, что перед широкими массами открыты двери школ, театров, музеев, что каждая человеческая личность призвана к творческой работе. У себя, на родине, он ставил те же задачи, но задачи эти, по его же словам, непосильны для одного человека и могут быть разрешены только силами всего народа...».

²⁷ Шкляр Н. Рабиндранат Тагор. К его приезду в СССР // Известия. 1930. 16 сентября. С. 4. Н.Г. Шкляр также напечатал очерк «Рабиндранат Тагор» в «Красной ниве» (1930. № 28. С. 13).

²⁸ Рабиндранат Тагор у пионеров // Известия. 1930. 16 сентября. С. 4.

Н.Г. Шкляр излагает биографию Тагора и рассказывает о литературном творчестве гостя и его главных достижениях: Тагор «вернул родную литературу к ее естественной основе, к живому народному языку “бенгали”, на котором говорит пятидесятимиллионный народ. Основная тема его творчества – бесконечное богатство и ценность человеческой личности. Основной мотив, звучащий в творчестве Тагора, это – внутреннее преодоление буддийского отрицания мира».

Упоминает Шкляр переведенные на русский язык произведения поэта – поэму «Гитанджали», сборник «Садовник» и его «Воспоминания» – в них Тагор «раскрывает перед нами рост своей творческой личности». В статье много интересных деталей, характеризующих как «восточное спокойствие» и созерцательность поэта, так и его «действенность европейца», связанную с организацией школы-университета в Индии.

Не без поэтического чувства описывается экзотическая внешность гостя и не менее поэтично – цели визита:

Высокий, чуть сгорбленный, седобородый и длинноволосый, медлительный в движениях и, по-видимому, не только от усталости и слабости, с тонкими, смуглыми руками, мягкими и нежными, в своей полусвященнической одежде он сидит среди нас, слушает наши приветствия с полузакрытыми глазами... Он далек и от критики нашей жизни и от какой бы то ни было лести, он хочет знать и признателен за все, что мы рассказываем ему. Ему бы хотелось знать все о нашей жизни, о нашей литературе, о нашем культурном строительстве. Одно только останавливает его: сил уж не так много... Этот удивительный гость из далекой страны преодолел свои годы, свою стариковскую слабость, огромные расстояния, трудности пути и приехал к нам за тем, чтобы узнать, собственными глазами увидеть, как складывается новый человек в новых, еще небывалых в мире условиях...²⁹

Эта развернутая публикация продолжается подробным отчетом о посещении Тагором со свитой Первой пионеркоммуны, о его двухчасовой беседе с детьми и рассказах пионерам о своей жизни и творчестве.

Пионеры приветствовали индийского поэта самостоятельной постановкой «живой газеты» в стиле популярной в то время агитстудии «Синяя блуза», которая произвела на поэта «незабываемое впечатление». Они продемонстрировали номер под названием «Пятилетка», где «четко охарактеризовали цели пятилетнего плана», а также показали некий «оригинальный лубок». Затем пионер прочел свое стихотворение, после чего и сам Тагор «по просьбе пионеров спел

²⁹ Шкляр Н. Рабиндранат Тагор. К его приезду в СССР // Известия. 1930. 16 сентября. С. 4.

«я приехал в этот край, чтобы поучиться»: визит рабиндраната тагора в СССР

им одну из своих песен, уже давно ставшую национальной народной песней в Индии».

После ужина Тагор написал восторженные слова в пионерскую книгу отзывов, пожелав «юным строителям судьбы своего народа» успеха, а по дороге в гостиницу выразил своим сопровождающим из ВОКС восторг, заявив: «То, что я видел сегодня, принесло мне большую пользу. Я об этом расскажу в Индии. Теперь я понял, чего вы добиваетесь, и я глубоко сочувствую вашим стремлениям»³⁰.

Дополнительную деталь в культурную программу пребывания Тагора в Москве вносит информационная подборка о его визите «Литературной газеты»: «На вечере встречи Рабиндраната Тагора с кино-работниками в Союзкино 15 сентября были продемонстрированы отдельные части из картин “Бронепоезд <так!> Потемкин” и “Старое и новое”. Обе картины произвели на Тагора большое впечатление»³¹. Запланированная поездка в Ленинград не состоялась из-за плохого самочувствия поэта³². 27 сентября Тагор уехал в Германию, откуда на пароходе отплыл в США.

Для советской пропаганды мероприятие прошло не впустую. Возможности пропагандистского эффекта от визита Тагора вскоре продемонстрировала газета «Правда», поместив 1 октября 1930 г. очередной стихотворный фельетон Демьяна Бедного – «Другу милому...» (“От вас, милый МАК, ни ответа, / Ни привета...”). Автор обещает 36-му премьер-министру Великобритании Дж.Р. Макдональду большие проблемы на всех фронтах внешней и внутренней политики («Вижу: качается, / Как маятник, ваш кабинет»). Неопровержимыми доказательствами этого, по мнению Демьяна, служат успехи СССР, сложная

³⁰ Рабиндранат Тагор у пионеров.

³¹ Рабиндранат Тагор в Москве // Литературная газета. 1930. 19 сентября. С. 4.

³² См. *Серебряков И.Д.* Основные даты жизни и творчества Рабиндраната Тагора. С. 276.

е. в. юшкова

обстановка в Турции и т.д. Роль козырной карты в этой политинформации отведена Рабиндранату Тагору.

Рабиндранат Тагор
От нас уехал недавно,
Сердечный был разговор.
Тагор, понимаете сами,

Поражен был увиденными чудесами:

Я увидел, восхищаюсь и завидую всем великим возможностям, которые имеются в вашей стране.

...Наш народ живет в Индии на краю вечного голода. Он не знает, как избавиться от этого. Я прибыл в вашу страну, чтобы посмотреть, как вы подходите к этой проблеме...

То малое, что я успел увидеть у вас, убедило меня в поразительных успехах, которых вы добились, убедило меня в чуде, которое вам удалось осуществить... Я мечтаю о том времени, когда и моя страна...

Да, поскребшился в темени,
Задумчиво сказал старина:
– «Я МЕЧТАЮ О ВРЕМЕНИ,
КОГДА И НАША СТРАНА...»
По-старчески, малость невнятно,
Однако, понятно.
Оч-чень даже понятно:
– «Когда по-советски и наша страна...»
Словом, если уже у Тагора
Такой подозрительный тон,
То нужна ли волшебница из Аендора –
Из Парижа, пардон! –
И так нужно ль искать непременно пророка,
Чтоб узнать, кто судьбой будет сброшен за борт?
Да, с Индией ждет вас большая морока,
Почтеннейший, будущий лорд!

«Одиозная фигура»

Визит 1930 года состоялся в то время, когда советская власть уже хорошо поняла, насколько важно привлекать интеллектуалов, имеющих влияние

«я приехал в этот край, чтобы поучиться»: визит рабиндраната тагора в СССР в мире, для пропаганды достижений СССР. Хотя основное внимание было направлено на европейских и американских писателей и деятелей культуры, мировая известность Тагора делала его также довольно привлекательной фигурой; к тому же у него было желание приехать в СССР. Судя по документам, переговоры о визите велись еще в 1926 г., когда поэт и общественный деятель совершал поездку по Европе, но окончательное решение было принято только в 1930-м, хотя споры вокруг визита не прекращались до последнего момента.

В цитированной докладной записке 1987 г. не затрагивается целый корпус документов, касающихся визита Тагора, которые долгое время оставались на служебном хранении. Это официальная переписка между различными инстанциями, по которой можно восстановить некоторые интриги, существовавшие вокруг визита, и колебания официальных лиц насчет окончательного решения – заниматься организацией поездки или отказаться от нее. Колебания были вызваны несколькими причинами: явной дороговизной визита (ведь Тагора сопровождала целая «свита», состоявшая из нескольких секретарей, переводчика, доктора), а кроме того, его идеологическая позиция не всем казалась приемлемой – о чем красноречиво говорят документы, которые мы представим ниже.

В октябре 1926 г. тогдашний председатель ВОКС О.Д. Каменева обращается в Совет национальностей ЦИК СССР с официальным письмом, подтверждающим, что Тагор был приглашен в страну и что визит может иметь большое «культурно-политическое значение»:

Москва, 21 октября 1926

Настоящим мы хотим известить Вас, что Всесоюзное Общество культурной связи с заграницей пригласило великого индусского писателя и гуманиста Рабиндраната Тагора посетить СССР. Уверенный в том, что все культурные учреждения нашей страны, оценивая культурно-политическое значение этого посещения, пожелают принять участие в чествовании Р. Тагора, мы просим Вас срочно делегировать своего представителя для личных переговоров в целях согласования нашего плана с вашими пожеланиями. Если у вас имеются определенные планы, просим вас поставить нас в известность о них.

Ввиду того, что времени осталось чрезвычайно мало, ВОКС, официально ответственный за организацию встречи и пребывания у нас Рабиндраната Тагора, просит Вас ответить в самом срочном порядке.

Письмо подписал, кроме Каменевой, И. Коринец, ответственный секретарь ВОКС. На документе – рукописная помета о решении А. Енукидзе от

е. в. юшкова

27 октября: «участья ЦИК не будет»³³. Визит Тагора был отложен на четыре года, до следующего вояжа писателя в Европу.

Следующие документы из досье ВОКС относятся к 1930 г. Они помечаются грифами «секретно» и «совершенно секретно». 1 августа заведующий Восточным отделом Коминтерна и секретарь ИККИ³⁴ Г.И. Сафаров пишет довольно резкое письмо новому председателю ВОКС Н.Ф. Петрову с однозначно негативной оценкой политических воззрений Тагора и рекомендацией отказаться от приглашения бенгальского поэта в СССР:

Рабиндранат Тагор является в настоящее время весьма одиозной фигурой даже с точки зрения индийского буржуазного национализма, поскольку он выражает ПРЯМЫМ апологетом <так!> англ[ийского] империализма. Приглашение его нами может быть расценено совсем в нежелательном для нас смысле. Всякая реклама ему будет использована против нас в Индии. Поэтому было бы лучше воздержаться от этого³⁵.

Старый большевик Ф.Н. Петров, сменивший О.Д. Каменеву на посту председателя ВОКС, составляет депешу в ЦК ВКП(б):

03.08.1930

18-го июля с.г. Отдел печати НКВД поднял вопрос о приглашении Рабиндраната Тагора в СССР. По имеющимся у Отдела печати НКВД сведениям, Тагор, находящийся сейчас в Германии, намерен выехать в Америку через СССР и дал окольным путем через его секретаря понять, что он принял бы приглашение остановиться на несколько дней в Москве.

Вопрос о приглашении Тагора в СССР ставится уже третий или четвертый раз. В 1926 году ВОКС проделал большую подготовительную работу, но Тагор не приехал, несмотря на приглашение, не сообщив даже о мотивах своего отказа. То же повторялось и в последующие годы.

Следует далее иметь в виду, что приглашение Тагора связано с большими затратами не только в советской, но и иностранной валюте, тем более, что Тагор едет в сопровождении большой свиты.

Наконец, что самое главное, Тагор превратился сейчас в прямого апологета английского империализма и его позиция вызывает недовольство даже в рядах левых индийских националистов. В этих условиях его

³³ ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 31. Ед. хр. 240. Л. 1.

³⁴ Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала, орган управления Коминтерна, действовавший в период между его конгрессами.

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-5283. Оп. 1а. Ед. хр. 155. Л. 48.

«я приехал в этот край, чтобы поучиться»: визит рабиндраната тагора в СССР

приглашение нами может быть расценено в совершенно нежелательном для нас смысле и может быть использовано против нас в Индии.

Мы запросили по этому поводу мнение Восточного Секретариата ИККИ, который, в лице тов. Сафарова, высказался решительно против его приглашения.

Для окончательного решения вопроса ВОКС желал бы знать мнение ЦК. Так как до окончательного решения вопроса в нашем распоряжении остался всего один день, просим Вас ответить по возможности сегодня же³⁶.

Таким образом, письмо Петрова характеризует сложившееся отношение ВОКС к Тагору: он и политически неблагонадежен (как считают и в ИККИ), и по-человечески на него нельзя положиться, ведь слова своего он не держит – то принимает приглашения, то отменяет поездки; кроме того, визит требует больших расходов из-за «свиты» сопровождающих. Вывод очевиден – ВОКС не горит желанием заниматься Тагором. Разумеется, окончательное решение принимается только по согласованию с вышестоящими инстанциями – Коминтерном и ЦК партии, и отрицательное заключение ИККИ уже известно.

Следует отметить, что и сам Тагор, рассказывая осенью 1930 г. о своей поездке в СССР, подчеркнул, что принял окончательное решение не без колебаний: «У меня не было ясного представления о большевиках, когда я получил приглашение приехать в Москву. Отовсюду я слышал самые противоречивые толки о них. Они внушали мне некоторое сомнение, ибо то, что они сделали, сделано насильственным путем, но я заметил, что в Европе враждебное отношение к ним стало как будто ослабевать. Многие поощряли меня, услышав, что я уезжаю в Россию. И даже из уст некоторых англичан я слышал одобрительные отзывы о большевиках. Говорили, что они начали удивительный эксперимент. Но были и такие, которые пугали меня <...> многие говорили, что то, что они будут мне показывать, в основном подготовлено заранее»³⁷.

Следующим по хронологии является письмо из Берлина, подписанное Иваном Леопольдовичем Лоренцем, первым секретарем полпредства СССР в Германии, адресованное НКВД и ВОКС, в котором подчеркивается необходимость срочно прислать официальное приглашение Тагору, поскольку этой бумаге бенгалец по каким-то причинам придает большое значение, а также подробно описывается состав «свиты».

³⁶ Там же. Л. 47.

³⁷ Тагор Р. Письма о России. С. 19.

5 августа 1930 г.

До сего времени не получено приглашение (предполагалось от имени ВОКСа) на имя Тагора. Между тем, старик придает большое значение наличию письменного приглашения из Москвы. Поехать в СССР Тагор предполагает в первых числах сентября. Сопроводят Тагора будут, кроме его двух постоянных личных секретарей, его племянник-коммунист (он приедет в Москву за несколько дней до приезда старика Тагора), а также Марьянов. Личности Марьянова суждено, по всей вероятности, сыграть некоторую положительную роль, т.к. Тагор относится к нему с большим доверием, в частности, в силу того доверия, которым Марьянов пользуется у Эйнштейна. Кстати, Марьянов хочет поехать не один, а вместе со своей невестой, дочерью Эйнштейна. Эйнштейн относится с большой тревогой к предстоящему браку своей дочери с Марьяновым, но вместе с тем приветствует ее поездку в СССР.

Тагор предполагает о поездке своей в СССР выпустить небольшую книжку, а Марьянов будет подбирать ему необходимый материал для этой книжки. Кроме того, Тагор просил Марьянова разработать более детально маршрут, который в общих чертах сводится к поездке Москва-Ленинград-Харьков-Киев. Может быть, целесообразно уговорить Тагора поехать также в Тифлис и по берегу Крыма и Кавказа?

Принимая во внимание то значение, которое Тагор придает письменному приглашению из Москвы, просим ускорить высылку этого приглашения³⁸.

Таким образом, в начале августа 1930 г. вопрос о визите Тагора так и остается открытым, и разные ведомства еще не пришли к единодушному мнению, есть ли смысл браться за организацию поездки. Активно обсуждается возможный состав «свиты», явно пугающей советских чиновников своей многочисленностью.

«Свита» Тагора

На личности загадочного Марьянова и дочери Эйнштейна стоит остановиться подробнее, да и внучатый племянник поэта Шоумендранат Тагор (1901–1974) тоже является довольно интересной фигурой³⁹. Он был лидером Революционной коммунистической партии Индии и первым переводчиком «Коммунистического манифеста» К. Маркса на бенгальский язык. Чтобы

³⁸ ГА РФ. Ф. Р-5283. Оп. 1а. Ед. хр. 155. Л. 11.

³⁹ См. биографическую справку и соч. Ш. Тагора: <https://www.marxists.org/archive/tagore/index.htm>

«я приехал в этот край, чтобы поучиться»: визит рабиндраната тагора в СССР избежать ареста в Индии, Ш. Тагор уехал в Европу, где в 1930-х все же был арестован, а в Англии запретили его публикации. Шоумендранат уже приезжал в Москву ранее, в 1927-м, а в 1928-м был делегатом VI съезда Коминтерна от Индии. В СССР вышла его книга «Террор в Индии», опубликованная МОПР (Международной организацией помощи борцам революции)⁴⁰.

В свиту Тагора также входили секретари писателя Омио Чоккроборти, Арьям Вильямс⁴¹ и его врач, англичанин Гарри Тимберс⁴², которого советский востоковед Александр Губер в своих ярких воспоминаниях о встрече с Тагором, надиктованных в 1970 г., называет разведчиком, понимающим по-русски⁴³. А. Губер называет еще одного сопровождающего – молодого человека, сидящего у ног старца, смотрящего на него влюбленными глазами и ведущего стенографическую запись беседы. В романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (1931), в сатирическом эпизоде встречи Остапа Бендера с индийским мудрецом, описываются два переводчика, которые бубнят одновременно – один по-английски, другой по-бенгальски, а «хорошенькая» стенографистка пишет. Вся эта сцена гротескно, но довольно точно суммирует газетные репортажи о пребывании Тагора в Москве.

Если с переводчиками, врачом и племянником все более или менее понятно, то какова роль Марьянова – человека с русской фамилией, приехавшего из Европы, и почему в свите Тагора оказалась дочь Эйнштейна? На эти вопросы ответить не очень легко, хотя сам Дмитрий Иванович Марьянов и дал некоторые пояснения в своих воспоминаниях о великом физике Альберте Эйнштейне, опубликованных по-английски в 1944 г.⁴⁴

В приведенном выше документе говорится о дочери Эйнштейна и о том, что она – невеста Марьянова, но это явно неточная информация. У Эйнштейна были двое сыновей от первого брака, а обе дочери, Илзе и Марго, – приемные, от его второй жены Эльзы⁴⁵. Судя по его воспоминаниям, в 1929 году Марьянов уже был официально женат на Марго (Margot), младшей приемной дочери

⁴⁰ Тагор Ш. Террор в Индии / Пер. с рукописи Л. Волынского. М.: Изд-во ЦК МОПР, 1928.

⁴¹ Крипалани К. Рабиндранат Тагор. С. 224.

⁴² Каландарова М.С. Рабиндранат Тагор в Советском Союзе // Азия и Африка сегодня. 2011. № 3 (644). С.51–55.

⁴³ Губер А. Встреча с индийским гостем // Огонек. 2005. № 2. С. 35.

⁴⁴ Marianoff D., Wayne P. *Einstein. An Intimate Study of a Great Man*. Garden City, NY: Doubleday, Doran and Co. Inc., 1944. Далее ссылки на это издание даются в тексте в скобках с пометой MW.

⁴⁵ Информация о приемных дочерях Эйнштейна кратко изложена на сайте «Генеалогия»: <https://www.geni.com/people/Ilse-Kayser/6000000009414542602>; <https://www.geni.com/people/Margot-Einstein-Marianoff/6000000009519357327>. На этом же сайте в качестве близкого родственника, мужа Марго, представлен и сам Дмитрий Марьянов: <https://www.geni.com/people/Dimitri-Dmitry-Marianoff/6000000009541100257>

ученого (MW: 10–13), хотя в дальнейшем мы увидим, что в датах Марьянов зачастую путается.

Так как же он попал в свиту Тагора? И главный вопрос – кто он такой?

Сам Марьянов на этот вопрос отвечает в своей «интимной» биографии Эйнштейна лаконично, даже вскользь, но отвечать приходится, чтобы объяснить, какое он имеет отношение к великому человеку. Если генеалогический сайт утверждает, что его место рождения либо Винница, либо Харьков, то по некоторым упоминаниям Марьянова можно предположить, что это Бердичев (MW: 90). Даты его жизни – 1889–1950, и умер он уже в Нью-Йорке в возрасте 61 года, куда вместе с семьей жены переехал в 1933-м, спасая Эйнштейна от нацистских преследований. (Правда, около 1937 г. Марьянов с Марго развелся, что не помешало ему в 1944 г. опубликовать биографию своего бывшего тестя.)

В 1922 г. Марьянов оказался в Берлине с выставкой русских художников – о ней довольно подробно писал ее инициатор А.В. Луначарский. В 1917 году Марьянов находился в Петрограде и писал журналистские материалы для газет и журналов, а затем был привлечен новым режимом к отбору литературы и поэзии «старой России» для новой России (MW: 2–3). Протежировал ему Луначарский, с которым Марьянов познакомился до революции в Париже, работая там корреспондентом какого-то российского издания и освещая художественные выставки. Памятуя об этом опыте, нарком поручил Марьянову в качестве куратора сопровождать в 1922 г. в Берлин выставку русских художников, которую сам Луначарский активно пропагандировал⁴⁶. По завершении выставки, в то время как «Верещагины, Малявины и Коровины вернулись в Москву» (MW, 3), куратор с ними обратно не поехал, решив лучше заняться естественными науками в спокойной обстановке в Берлине, где в то время находилось множество великих ученых. При этом отношение к революции у Марьянова было негативное, он говорит о «смертельной болезни, поразившей душу российской интеллигенции», «национальной конвульсии» и катаклизме (MW: 2).

Чем он занимался в Германии, точно не известно; Марьянов упоминает, что в 1926 г. (на самом деле в 1928-м) по приглашению режиссера Алексея Грановского он участвовал в рекламной кампании театра ГОСЕТ во время успешных гастролей труппы в Берлине. Именно этот год назван Марьяновым как начало знакомства с Эйнштейном – хотя если эти два события связаны между собой, то получается, что знакомство состоялось в 1928-м. Марьянов очаровал великого ученого своими графологическими, психологическими и литературными талантами и вскоре стал его ассистентом, а затем – и зятем.

⁴⁶ Луначарский А.В. Русская выставка в Берлине // Известия ВЦИК. 1922. 2 декабря. Вошло в: Луначарский А.В. Об изобразительном искусстве. М.: Искусство, 1982. Т. 2. С. 94–100.

«я приехал в этот край, чтобы поучиться»: визит рабиндраната тагора в СССР

Эйнштейн как раз в это время построил загородный дом под Потсдамом и жил в основном там. Здесь же бывали и его друзья, в числе которых – Рабиндранат Тагор, путешествовавший по Европе (в позднейшей книге Марьянов пересказывает одну из бесед двух великих людей о красоте, правде и религии (MW: 75–78)). Во время одного из визитов Тагор поделился с семьей ученого своими мыслями о предстоящей поездке в СССР и вдруг сделал предложение Марьянову поехать с ним, так как нуждался в переводчике, которому он мог бы доверять. Так зять и приемная дочь Эйнштейна оказались в свите Рабиндраната Тагора.

В своих мемуарах Марьянов изрядно путается в датах. Например, утверждает, что они приехали в Москву в декабре, и весь народ ходил там в это время в валенках (MW: 90). В другом месте мемуаров вдруг выясняется, что поездка состоялась в марте 1931 г. (MW: 109). Однако Марьянов оставил очень поэтичные описания новой Москвы (MW: 91), в которой чрезвычайно изменились ритм и уклад жизни, демократизировался социальный состав города. Есть описание интересного эпизода, в котором Рабиндранат Тагор участия не принимал и о котором по возвращении супруги Марьяновы рассказывали Эйнштейну. Вдвоем они посетили некое учреждение, где перевоспитывались бывшие проститутки, и были потрясены тем, как хорошо поставлена воспитательная работа, облагораживающая падших женщин (MW: 96). Марьянов также делится своими восторженными воспоминаниями о том, как он когда-то в прошлом встречался с Крупской и слушал ее рассказы о Ленине (MW: 92).

Таким образом, «свита» Тагора действительно была довольно пестрой и многочисленной, и понятны опасения советских чиновников, что содержать всю эту компанию будет недешево.

«Расчеты по счетам»

Еще три служебных документа о визите Тагора в СССР касаются финансовой стороны поездки и показывают, насколько несогласованными были действия различных инстанций. Вопрос о том, какое ведомство финансирует поездку, был не решен даже тогда, когда Тагор со свитой выехал в Москву. Дебаты об отпуске средств велись на протяжении всего визита, и зачастую в официальные документы проникали эмоции людей, не понимающих, как решить проблему.

10 сентября 1930 года письмо Б. Виноградова, сотрудника Полномочного представительства СССР в Германии, отправляется товарищу Петрову и во 2-й Западный отдел ВОКС. Письмо отражает то смятение, в котором пребывает и сам сотрудник, и, по всей вероятности, его коллеги по представительству. Им

пришлось занимать приличную сумму в 1500 марок из «чужих фондов», чтобы не потерять лицо и оплатить дорогу делегации.

Как Вы уже знаете из наших телеграмм, Тагор с сопровождающими выехал в Москву 9-го сентября. До самой последней минуты мы не знали, едет Тагор, или не едет. Разговор с т. Луначарским Тагор воспринял как официальное приглашение правительства Союза. В то же время мы имели сообщение от Вас, что поездка Тагора отклоняется. Наконец, после телеграфной переписки тов. Штейн по телефону сообщил тов. Лоренцу, что Тагору «разрешено приехать в Москву». Это было за два дня до намеченного самим Тагором отъезда. Однако одним разрешением приезда Тагора в Москву вопрос не исчерпывался. Нужно было не только разрешение, но и приглашение, а также была нужна полная ясность в финансовых вопросах. Представители Тагора заявили мне, что организации, приглашающие Тагора в ту или иную страну, обычно оплачивают ему дорогу и содержание. На этих же условиях Тагор едет и в СССР. Я прекрасно понимал, что если мы приглашаем Тагора, то тем самым принимаем его условия, которые в свое время были изложены в письме тов. Лоренца. Но когда я начал перечитывать письма тов. Лоренца, то оказалось, что он ничего не писал в Москву о дорожных расходах, а только лишь о содержании Тагора в СССР. На совещании, в котором приняли участие т.т. Крестинский, Бродовский и я, было решено, во избежание всяких недоразумений, запросить Москву по телефону о средствах на дорогу. В разговоре по телефону с т. Штейном я узнал только, что Тагору можно дать письменное приглашение от ВОКСа, на чем он (Тагор) усиленно настаивал. По финансовому же вопросу тов. Штейн просил меня позвонить на следующий день в секретариат Карахана. На следующий день телефон не работал, и я, посоветовавшись с т. Крестинским, принужден был занять из некоторых чужих фондов 1500 марок для того, чтобы купить билеты Тагору и сопровождающим. Мы исходили из того, что хотя у нас и нет точных директив по этому вопросу, все же срывать разрешенную Москвой поездку Тагора из-за 1500 марок недопустимо. Я прошу Вас в кратчайший срок возместить нам эту сумму специальным переводом.

Среди сопровождающих Тагора близкие нам люди – молодой Тагор и переводчик Марьянов. Последний должен подготовить для Тагора материалы, на основании которых он собирается написать книгу о России. Дочь Эйнштейна интересуется постановкой воспитания в СССР и будет постоянно корреспондировать со своим отцом. Английское влияние в этой компании представлено отчасти секретарями Тагора и главным образом его домашним

«я приехал в этот край, чтобы поучиться»: визит рабиндраната тагора в СССР врачом. Задержать этих лиц здесь не представлялось никакой возможности, так как они постоянно сопровождают Тагора в его поездках⁴⁷.

Следующее по хронологии письмо заместителя наркома иностранных дел СССР Льва Карахана, с которым, если верить воспоминаниям Александра Губера, Тагор завтракал в один из дней пребывания в Москве⁴⁸, было отправлено 16 сентября из НКВД в Правление ВОКС Петрову.

Коллегия НКВД считает необходимым обратить Ваше внимание на то, что обслуживание Рабиндраната Тагора во время его пребывания в Москве полностью и целиком возлагается на ВОКС. Вполне понятно, что и все расходы, связанные с пребыванием Р. Тагора в Москве, должны идти за счет ВОКСа.

Ввиду особой важности пребывания Тагора в Москве, вся ответственность за удовлетворительное исполнение этого дела возлагается на ВОКС⁴⁹.

Товарищ Петров, оказавшись в сложной ситуации, принимает экстренное решение обратиться в ЦК ВКП(б), к председателю СНК В. Молотову, а копии отправляются в такие учреждения, как НКВД и БУ НКФ СССР. Петров требует у высшего руководства выделения средств, так как уже пора расплачиваться по счетам, а денег нет. Запрашивается сумма в 22 тысячи рублей. Много это или мало – посчитал автор «Коммерсанта» в 2016 году, установив, что рубль времен Остапа Бендера, посетившего в 1930-м индийского мудреца в гостинице «Националь», стоил 500 современных рублей, или \$ 7,3 2016 года⁵⁰. Получается, что Петров требует на прием Тагора более 11 млн современных рублей.

ЦК ВКП(б) поручил НКВД и ВОКСу прием и обслуживание Рабиндраната Тагора с группой в семь человек за счет государственных средств.

НКВД, согласно прилагаемой копии письма №К/4884 – 16.09⁵¹, все обслуживание Р. Тагора целиком перепоручает ВОКСу и предлагает провести таковое за счет ВОКСа.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-5283. Оп. 1а. Ед. хр. 155. Л. 9–9об.

⁴⁸ Губер А. Встреча с индийским гостем.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-5283. Оп. 3. Ед. хр. 18.

⁵⁰ Алексеев А. Бухгалтерия великого комбинатора. «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» по современному курсу // Коммерсантъ-Деньги. 2016. 18 января. С. 38.

⁵¹ Речь идет о приведенном выше письме Л. Карахана.

Ввиду того, что расход этот сметой ВОКС не мог быть предусмотрен, а в настоящее время отпущенные ВОКСу кредиты на 1929/1930 год целиком уже использованы, я прошу Вашего срочного распоряжения об отпуске нам Руб. 22000 (двадцати двух тысяч рублей) на обслуживание Р. Тагора, состоящее из:

1. Его содержания, питания, оплаты гостиницы и пр.
2. Организации выставки его работ
3. Официального приема в Клубе Федерации писателей (с докладами и художественной частью)
4. Объезда культурных и научных учреждений
5. Поездки в Ленинград
6. Прощального вечера в Доме Союзов
7. Обратного выезда и проч. обслуживания.

Так как в данное время нам уже необходимо производить расчеты по счетам, поданным нам, прошу срочного распоряжения об отпуске кредита⁵².

Только в конце сентября ситуация разрешается. Деньги находят в резервном фонде Совнаркома. Под грифом «секретно» за подписью А.И. Рыкова 26 сентября выходит распоряжение о том, чтобы «отпустить ВОКС 10 000 рублей»⁵³, но Петров просит у СНК еще 17 340 рублей, включая сюда расходы на дорогу делегации из Москвы в Берлин, оплату гостиницы, организацию выставок, вечеров-докладов и подарки Тагору. Дополнительные средства – 14 000 рублей⁵⁴.

Однако, все финансовые перипетии оставались за бортом во время торжественных заседаний и приемов. Федор Петров всячески подчеркивал в своих речах важность визита и те цели, которые ставил перед собой Тагор во время посещения СССР – «узнать устремление нашей страны, понять, как в нашей стране в новых революционных условиях развивается и формируется человеческая личность, личность, которая призвана двинуть дело человеческого прогресса в иных экономических, иных социальных и иных культурных условиях»⁵⁵. Тагор в ответных речах был не менее велеречив, рассуждая о бедственном положении простого народа в Индии и пороках современной цивилизации. «Я приехал в этот край, чтобы поучиться, – говорил бенгальский поэт и мыслитель на приеме в ФОСП 12 сентября 1930 г. – <...> Я слышал от очень многих и сам в этом убеждаюсь, что ваши идеи очень похожи на мою собственную мечту, мою мечту о полной жизни индивидуума, о всестороннем воспитании. Вы в вашей стране даете индивидууму не только научное образование, вы превращаете его

⁵² ГА РФ. Ф. Р-5283. Оп. 3. Ед.хр. 18.

⁵³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 11-а. Ед. хр. 601. Л. 1.

⁵⁴ Там же. Л. 2.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 10020. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 16.

«я приехал в этот край, чтобы поучиться»: визит рабиндраната тагора в СССР в творческую личность. Этим самым вы осуществляете величайшую, высшую мечту человечества. Я благодарю вас сердечно за это»⁵⁶.

В целом усилия советских официальных лиц были не напрасны. Впечатление о России у Тагора сложилось довольно возвышенное, несмотря на недостаток бытового комфорта. Особенно его потрясла забота государства о подрастающем поколении, ведь он и сам много вкладывал в образование, создав собственную школу в Шантиникетане, жертвуя на ее нужды свои международные премии, включая Нобелевскую. «Письма о России» Тагора полны восторженных отзывов о том, как самые бесправные, неграмотные и забытые низы общества могут шагнуть к человеческому существованию, пусть даже ради этого приходится жертвовать «буржуазными» стандартами жизни и правами личности. Тагор смотрит на советский опыт глазами Азии, сравнивая среднеазиатские республики СССР и московский дом колхозника не с Берлином и Потсдамом, а с селениями Индии. «Я слышал, что насилие <в СССР> есть, и в достаточных размерах, наказание приводится в исполнение быстро, без колебаний, но во всех других отношениях существует свобода, однако не против мероприятий правительства. Это и есть оборотная сторона медали, но в мою задачу входило увидеть ее светлую сторону. И тот свет, который я увидел, поразил меня – неподвижное приобрело движение. <...> Немые заговорили, сдернуто покрывало, открывшее души тех, кто веками не видел света, бессильные вновь обрели душевные силы, презренные поднялись со дна общества, получив право на равное со всеми общественное положение»⁵⁷. Не без настойчивости отнесясь к позиции Тагора (вероятного «апологета английского империализма») в 1930-е, во второй половине XX века власти СССР сделали фигуру писателя и мыслителя одним из козырей в обосновании давних традиций российско-индийской дружбы, а позднее и «сердечной любви» во время перестройки.

Литература

- Губер А. Встреча с индийским гостем // Огонек. 2005. № 2.
- Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Лунин С.И. Советско-индийские отношения (1955–1971): рождение дружбы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 2 (53). С. 24–51.
- Каландарова М.С. Рабиндранат Тагор в Советском Союзе // Азия и Африка сегодня. 2011. № 3 (644). С.51–55.

⁵⁶ Там же. Л. 19. Частично опубл. в: *Серебряков И.Д.* Великий гуманист // Крипалани К. Рабиндранат Тагор. С. 276.

⁵⁷ Тагор Р. Письма о России. С. 57, 39.

Е. В. ЮШКОВА

Крипалани К. Рабиндранат Тагор / Пер. с англ. Л.Н. Асанова. М.: Молодая гвардия, 1989. («ЖЗЛ»).

Рабиндранат Тагор: Био-библиогр. указатель / Сост. Л.А. Стрижевская. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1961.

Рабиндранат Тагор – друг Советского Союза: 100 лет со дня рождения. 1861–1961. Сборник документов и материалов / Отв. ред. В.А. Вдовин, Л.С. Гамаюнов. М.: Издательство восточной литературы, 1961.

Тагор Р. Письма о России / Пер. с бенгальского М. Кафитиной под ред. Дж. Литтона. М.: ГИХЛ, 1956.

References

Chatterjee Ch. Imperial Subjects in the Soviet Union: Rabindranath Tagore, M. N. Roy, and Re-thinking Freedom and Authoritarianism in the Twentieth Century. *Journal of Contemporary History*, October 2017, no. 4, pp. 913–934.

David-Fox M. *Vitriny velikogo eksperimenta. Kul'turnaia diplomatiia Sovetskogo Soiuzia i ego zapadnye gosti 1921–1941 gody* [Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2015. (In Russ.)

Guber A. Vstrecha s indiiskim gostem [Meeting an Indian Friend]. *Ogonek*, 16.01.2005, no 2. (In Russ.)

Lunin S.I. Sovetsko-indiiskie otnosheniia (1955–1971): rozhdenie druzhby [Soviet-Indian Relations, 1955–1971: Birth of the Friendship]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2017, no 2 (53), pp. 24–51. (In Russ.)

Kalendarova M.S. Rabindranat Tagor v Sovetskom Soiuze [Rabindranat Tagor in the Soviet Union]. *Aziia i Afrika segodnia*, 2011, no 3 (644), pp. 51–55. (In Russ.)

Kripalani K. *Rabindranat Tagor*, transl. L. N. Asanov. Moscow: Molodaia gvardiia publ., 1989. (In Russ.)

Marianoff D., Wayne P. *Einstein. An Intimate Study of a Great Man*. Garden City, NY: Doubleday, Doran and Co. Inc., 1944.

Rabindranat Tagore: Bio-bibliographicheskii ukazatel' [Rabindranath Tagore: Biobibliography], ed. L.A. Strizhevskaia. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoiuznoi knizhnoi palaty publ., 1961. (In Russ.)

Rabindranat Tagor – drug Sovetskogo Soiuzia: 100 let so dnia rozhdeniia. 1861–1961. Sbornik dokumentov i materialov [A Friend of the Soviet Union. Rabindranat Tagore Centenary, 1861–1961. A Collection of Documents and Materials], eds V.A. Vdovin, L.S. Gamaiunov. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury publ., 1961. (In Russ.)

Tagore R. *Pis'ma o Rossii* [Letters from Russia], transl. M. Kafitina, ed. J. Litton. Moscow: GIKHL publ., 1956. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию: 19.03.2021

Дата публикации: 20.11.2021

Received: 19.03.2021

Published: 20.11.2021

«Эстетсы в Советском Союзе»:

А. Жид, Л. Фейхтвангер, М. Кольцов

© 2021 А.В. Добряшкина

УДК 82.091

https://doi.org/10.54791/27823792_2021_1_79_111

“The Aesthets in the Soviet Union”:

André Gide, Lion Feuchtwanger, Mikhail Koltsov

© 2021 Anna V. Dobryashkina

Информация об авторе:

Анна Владимировна Добряшкина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: annica@list.ru.

Ключевые слова: Андре Жид, Лион Фейхтвангер, Михаил Кольцов, *Das Wort*, травелог, «Возвращение из СССР», «Москва 1937», СССР.

Аннотация: В статье рассматривается поездка Лиона Фейхтвангера в СССР, запланированная и организованная Михаилом Кольцовым. Фейхтвангер прибыл в Москву сразу после публикации вызвавшей скандал критической книги Андре Жида «Возвращение из СССР». Кольцов подчеркивал необходимость уделить Фейхтвангеру такое же внимание, как и А. Жиду, поскольку рассчитывал написание немецким писателем ответа на «Возвращение из СССР». Все время своего пребывания в Советском Союзе Фейхтвангер находился под строгим контролем сотрудников ВOKC. Переводчица писателя составила о нем семнадцать отчетов, в которых Фейхтвангер, получивший мировую известность благодаря своим историческим романам, фигурировал как человек с очень критическими взглядами на советскую реальность. «Москва 1937», книга Фейхтвангера о его московских впечатлениях, очень необычна, она не написана в жанре традиционного травелога и противоречит тому, что автор писал в дневнике и письмах, а также говорил своей переводчице. Критический взгляд Фейхтвангера на реалии Советского Союза исключает политическое невежество писателя как причину одобрения увиденного.

Information about the author:

Anna V. Dobryashkina, PhD. in Philology, Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: annica@list.ru.

Keywords: André Gide, Lion Feuchtwanger, Mikhail Koltsov, USSR, «Das Wort», «The Return from the USSR», «Moscow 1937», travelogue.

Abstract: The article discusses Lion Feuchtwanger's *Moscow 1937* and his trip to the Soviet Union, planned and organized by Mikhail Koltsov. Feuchtwanger arrived to Moscow shortly after the publication of André Gide's critical book *The Return from the USSR*, that had caused a scandal. Koltsov insisted that Feuchtwanger deserved as much attention as Gide, because he expected that the famous German writer would publish a response to Gide's *Return from the USSR*. During his visit to the Soviet Union Feuchtwanger was under strict control of the VOKS (All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries). His interpreter Dora Karavkina wrote seventeen reports that described the distinguished author of historical novels as a caustic critic of the Soviet Union. *Moscow 1937* resulted to be quite an unusual book that doesn't fit in the conventional travel literature and contradicts with Feuchtwanger's records of his travel in the diary, letters and with his comments witnessed by his interpreter. This critical attitude leaves no room for the suggestions that it is Feuchtwanger's political ignorance that explains his positive assessment of the Soviet Union in *Moscow 1937*.

а.в. добряшкина

Принятые сокращения

- Москва 1937 – *Фейхтвангер Л.* Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1937.
- Hartmann – Hartmann A. *“Ich kam, ich sah, ich werde schreiben”. Lion Feuchtwanger in Moskau. Eine Dokumentation.* Göttingen: Wallstein, 2017.
- Feuchtwanger–Zweig – Feuchtwanger L., Zweig A. *Briefwechsel: 1933–1958.* Bd. 1: 1933–1948, Hrsg. von H. von Hofe. Frankfurt / M.: Fischer Verl., 1986.
- Briefwechsel* – Feuchtwanger L. *Briefwechsel mit Freunden, 1933–1958.* Bd.1, Hrsg. von H. von Hofe. Berlin: Aufbau, 1991.
- Tagebücher* – Feuchtwanger L. Ein möglichst intensives Leben. *Tagebücher*, Hrsg. von N. Holdack, M. Schuetze-Coburn, K.-P. Möller. Berlin: Aufbau, 2020.

Литературный туризм, ставший в 1930-е важной составляющей советской культурной политики, был одной из сфер деятельности Михаила Кольцова, руководителя крупнейшего издательства «Жургаз», члена редколлегии и спецкора «Правды» и главного редактора популярных советских журналов «Огонек» и «Крокодил». Если широкой западной общественности Кольцов был больше «известен по имени как журналист»¹, то в профессиональных литературных кругах – и как один из партийных кураторов международного литературного движения, а с 1936 г. – председатель созданной при Союзе советских писателей (ССП) Иностранной комиссии.

Кольцов лично вел переговоры с зарубежными писателями, присылал официальные приглашения, переводил солидные гонорары. Кольцов не только прекрасно ориентировался в «западных условиях», но и умел располагать к себе собеседников-иностранцев, что они потом отмечали в своих воспоминаниях (а Э. Хемингуэй – даже в романе²): «Его непринужденность и подвижность, как и его манера откровенно говорить о людях и вещах, превращают его в приятно-светское явление»³; «...обычно любезный, Кольцов кажется особенно откровенным. Я хорошо знаю, что он не скажет ничего лишнего, но он говорит со мной таким образом, чтобы я мог почувствовать себя польщенным его доверием»⁴.

В часто цитируемом письме Сталину об итогах Парижского конгресса 1935 г. Кольцов подчеркивал необходимость «разрешить приглашение

¹ И.Г. Эренбург – Н.И. Бухарину. Не ранее 20.07.1935 // Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956 / Сост. Л.В. Максименков. М.: Материк, 2005. С. 382.

² Роман «По ко звонит колокол», в котором Кольцов выведен в образе Каркова.

³ Sinkó E. *Roman eines Romans. Moskauer Tagebuch 1935–1937.* Berlin: Das Arsenal, 1990. S. 280.

⁴ Жид А. Возвращение из СССР // Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетки. Возвращение из СССР / Пер. с франц. М.: Московский рабочий, 1990. С. 602.

Союзом СП ежегодно 10-12 иностранных писателей для ознакомления с СССР. Предложить Интуристу взять на себя материально-бытовое обслуживание писателей и их проезд»⁵. На 1936 г. был запланирован прием авторитетных западных авторов, о чем Кольцов также сообщал Сталину: «В конце июня в Москву едет Андре Жид, осенью – Фейхтвангер и Томас Манн»⁶. Фейхтвангера Кольцов уговаривал приехать сразу после отъезда Андре Жиды, в середине августа⁷. В намерения Томаса Манна посещение Советского Союза, видимо, не входило (в феврале 1936 г. он писал Иоганнесу Р. Бехеру о своих планах совершить экзотическое путешествие; в конце марта в дневнике упоминается письмо Бределю касательно переноса поездки в Россию), и Москва встречала лишь Жиду и Фейхтвангера.

Андре Жид Кольцов представлял Сталину после Парижского конгресса как друга Советского Союза, ручаясь за его благонадежность: «Само собой, коммунизм Жиды далек от подлинного марксизма и вряд ли приблизится к нему. Но в тенденциях и симпатиях этот крупнейший писатель Франции тянется к нам и старается служить, чем может, вплоть даже до выступлений на рабочих собраниях за советскую власть и коммунизм»⁸. В СССР Андре Жид провел около двух месяцев. Апогеем пребывания в советской империи должна была стать встреча со Сталиным, на которую Жид рассчитывал: «Андрэ Жид просит о встрече с Вами. Волнуется в ожидании ответа. Будет крайне удручен, если встреча не состоится»⁹, – писал Кольцов Сталину в конце июня 1936. Несмотря на очередную положительную характеристику, данную Кольцовым («Андрэ Жид неустанно и горячо помогает, как может, коммунистам и Советскому Союзу. В политике он довольно наивен, но охотно слушается наших советов»¹⁰), с ответом Сталин медлил. «Андрэ Жид в крайнем напряжении ожидает приема у Вас. (Его отъезд на юг назначен на 10 июля)», – повторял просьбу Кольцов. – «Отказ в приеме глубоко омрачит его. Я полагаю, что он действительно заслуживает быть принятым – ибо это и есть тот писатель мирового масштаба и влияния, который сейчас активно возглавляет

⁵ А.С. Щербанов, М.Е. Кольцов – Сталину. 21.07.1935 // Большая цензура. С. 389. Предложение Кольцова было учтено в принятом Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации Международного объединения революционных писателей» от 10.12.1935 (Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. М.: МФД, 1999. С. 279. Ср.: Большая цензура. С. 407–408).

⁶ Цит. по: *Максименков Л.В.* Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие) // Вопросы литературы. 2004. № 3. С. 314.

⁷ Lion Feuchtwanger an Arnold Zweig. Sanary, 12.6.1935. (Feuchtwanger–Zweig: 81).

⁸ А.С. Щербанов, М.Е. Кольцов – Сталину. 21.07.1935 // Большая цензура. С. 387.

⁹ Кольцов – Сталину. 27.06.1936. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 228. Л. 5.

¹⁰ Там же. Л. 5–5 об.

а.в. добряшкина

международную интеллигенцию, преданную СССР. Если прием невозможен – нельзя ли тогда хотя бы короткую встречу – где-нибудь в театре или в другом месте? Андрэ Жид будет в отчаянии, если так и уедет, не получив личного контакта с Вами»¹¹.

Поскольку Сталин не изменил принятого решения проигнорировать французского гостя, Андре Жид «так и уехал», оставив Кольцова в опасном неведении относительно своих публицистических планов, которые впоследствии пополнят список «“претензий” следствия»¹² к советскому журналисту. О травелоге «Возвращение из СССР», критически оценивавшем советское государство, Кольцов узнал уже в охваченной гражданской войной Испании¹³, куда он был направлен как спецкор «Правды». Реакция вышестоящих инстанций была предсказуема. В ноябре 1936 г., когда предисловие к «Возвращению из СССР» было уже опубликовано, Культпросветотдел ЦК ВКП(б) объявил о необходимости «поручить т. Кольцову иметь свидание с Андрэ Жидом и убедить его не выпускать книжки раньше, чем он еще раз не побывает у нас и не проверит правильность своих взглядов»¹⁴. Поскольку рекомендации Культпросветотдела никак не соотносились с исторической реальностью, оставалась лишь постановка вопроса о вине и ответственности. «Находившийся в СССР в качестве гостя <...>, приглашенный непосредственно тов. Кольцовым А. Жид издал книгу против СССР», – писал Сталину председатель ВОКС А.Я. Аросев, подчеркивая, что он сам, зная писателя лично, «был противником приглашения его в СССР в том виде, как это было сделано. Приглашение таких лиц, как А. Жид, должно быть особенно тщательно подготовлено. В приготовлениях нужно учесть особенности данного человека»¹⁵. Кроме того, «пригласившие А. Жида совершили и дополнительные ошибки»¹⁶. Несмотря на то, что наиболее выполнимое постановление Политбюро: «Уполномочить т. Кольцова написать ответ на книгу А. Жида»¹⁷, – было принято почти год спустя, после Второго Конгресса писателей в защиту культуры, Кольцов сразу

¹¹ Кольцов – Сталину. 8.07.1936. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 754. Л. 78.

¹² Фрадкин В. Дело Кольцова. М.: Вагриус, 2002. С. 118, 210.

¹³ В «Испанском дневнике» запись о книге А. Жида датируется 9.12.1936: «Недавно в Мадрид приехал Пьер Эрбар, секретарь и родственник Андре Жида. <...> Оказывается, Андре Жид написал книжку о Советском Союзе, которая существенно, как говорит Эрбар, расходится с теми заявлениями и декларациями, которые автор делал во время поездки. <...> Сегодня я узнал, что книга все-таки вышла. “Безумия” в этом я не чувствую, здесь видны совсем другие причины» (Кольцов М. Испанский дневник. М.: Грифон, 2005. С. 257–258).

¹⁴ А.И. Ангаров – Сталину. 16.11.1936. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 228. Л. 10.

¹⁵ А.Я. Аросев – Сталину. 13.12.1936. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 228. Л. 131.

¹⁶ Там же. Л. 132.

¹⁷ Постановление Политбюро № 221 от 13.7.1937. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 226. Л. 26.

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов

понял, что требовалось от него как ответственного за визит А. Жида в СССР. Запланированная на осень 1936 г. поездка Лиона Фейхтвангера обрела совершенно новое значение.

Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению относительно причин, побудивших Фейхтвангера, во-первых, приехать в СССР в сложившейся ситуации, а во-вторых, написать знаменитый очерк «Москва 1937»: обстоятельства этого эпизода, дневниковые записи и письма Фейхтвангера, воспоминания и отчеты о писателе, не в последнюю очередь литературоведческие представления о его творчестве образуют сложное сочетание противоречащих друг другу фактов¹⁸.

Прежде чем Фейхтвангер определенно выразил согласие посетить Советский Союз, прошел почти год, в течение которого Кольцов пытался повлиять на писателя. Первое приглашение посетить страну строящегося социализма Фейхтвангер принял еще от МОРП в 1934 г., заверив И.Р. Бехера в ответ на поздравления с юбилеем, «что уже давно планирует приехать в Советский Союз»¹⁹. С этого момента письма²⁰ и дневниковые записи писателя свидетельствуют о его большей или меньшей готовности приехать в СССР. Давление с советской стороны усилилось перед Парижским конгрессом в защиту культуры 1935 г. Бехер, занимавшийся организацией Конгресса с немецкой стороны, и Кольцов, которому было «предложено выехать в начале мая в Париж для содействия в организации съезда»²¹, уговаривали Фейхтвангера совершить двойной маневр: принять участие в Конгрессе и приехать в Москву. «Крупные немцы (Манн, Эмиль Людвиг, Фейхтвангер) колеблются»²², – отмечивался Кольцов 23 мая 1935 г. «У меня Бехер <...> очень настаивает на том, чтобы я отправился в Россию и на Конгресс. Пытается привлечь меня французскими и русскими надеждами»²³, – писал 29 мая в дневнике Фейхтвангер. У писателя в записях появляется тон, который скоро станет привычным для московской тематики, – настороженность, с одной стороны, и приятное

¹⁸ См. отдельные документы о визите Фейхтвангера в Москву, его отношениях с активом МОРП, журналом *Das Wort*, советскими издательствами, Марией Остен и др. – в публикации В.П. Нецаева в кн.: Литературное наследство. Т. 81: Из истории Международного объединения революционных писателей (МОРП). М.: Наука, 1969. С. 181–220.

¹⁹ Lion Feuchtwanger an Johannes R. Becher. Sanary, 22.6.1934. (*Briefwechsel*: 257).

²⁰ С сентября 1934 г. Фейхтвангер регулярно делится планами своей поездки с близким другом – Арнольдом Цвейгом.

²¹ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О международном съезде писателей в Париже» 19 апреля 1935 г. // «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938 гг. Документы / Сост. Д.Л. Бабиченко. М.: РОССПЭН, 1997. С. 187.

²² Кольцов – в СП СССР. Париж, 23 мая 1935 // «Счастье литературы». С. 188.

²³ Paris, 29.5.1935. (*Tagebücher*: 370).

а.в. добряшкина

осознание повышенного внимания к своей персоне, с другой. Еще через два дня, 31 мая, снова запись Фейхтвангера: «У меня этот русский, Кольцов, официально приглашает меня поехать в Москву. Вероятно, я этого не сделаю»²⁴.

Непосредственное общение с советской делегацией и возглавлявшим ее Кольцовым на Конгрессе усилили энтузиазм Фейхтвангера: «Русские меня особенно ценят»²⁵; «Особенно русские произвели на меня сильное впечатление, впервые в жизни у меня было чувство, что слово “коллега” имеет смысл»²⁶. Далее «неожиданно пришли деньги из России. Гонорар. Большая радость, что Россия этого достигла»²⁷ (СССР еще не присоединился к конвенции об авторском праве, и, как писал Фейхтвангер Арнольду Цвейгу, «люди просто печатали там мои книги»²⁸) – и «русские <...> сообщили, что будут счастливы, если смогут переводить мне гонорары за границу»²⁹. За гонорарами следовали «приятные, весьма восторженные письма из России»³⁰.

В этом духе «крупный немец колеблется» вплоть до своего отъезда в Москву в ноябре 1936-го: он переносит поездку то из-за работы, то из-за сильной простуды, то из-за охрипшего голоса. Лейтмотивом в дневнике и письмах проходят его слова о том, что он, собственно, даже не знает, что ему делать в России – но, с другой стороны, поступают гонорары, в том числе рублевые («у меня в России лежит безумное количество денег, я могу всю жизнь есть икру и покупать меха»³¹); наконец, – что, возможно, самое ценное в глазах Фейхтвангера и что будет использоваться в советских методах влияния на него – восторженное признание его творчества советским читателем. Последний мотив, позволяющий усомниться в коррумпированности Фейхтвангера, особенно важен при поиске ответа на вопрос, что заставило писателя выполнить миссию повышенной сложности, ответственность за которую была, по сути, возложена Сталиным на Михаила Кольцова. Важно и то, что Фейхтвангер рассматривал также кратковременную поездку в Москву – всего на 14 дней³², в течение которых, безусловно, не было бы возможности заниматься делами, но такого визита было бы достаточно для

²⁴ Paris, 31.5.1935. (*Tagebücher*: 371).

²⁵ Paris, 25.6.1935. (*Tagebücher*: 373).

²⁶ Lion Feuchtwanger an Eva van Hoboken, 30.7.1935. (Hartmann: 115).

²⁷ 26.8.35. (*Tagebücher*: 375).

²⁸ Lion Feuchtwanger an Arnold Zweig. Sanary, 20.9.1935. (Feuchtwanger–Zweig: 96).

²⁹ Ibid.

³⁰ Feuchtwanger L. Tagebuch, 14.10.1935. (Hartmann: 119).

³¹ Lion Feuchtwanger an Eva van Hoboken. 30.7.1935. (Hartmann: 116).

³² Lion Feuchtwanger an Arnold Zweig. Sanary, 3.9.1935. (Feuchtwanger–Zweig: 92.) См. также письмо от 20.9.1935. S. 95.

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов

утверждения определенного имиджа. Фейхтвангер осознанно хотел входить в число «друзей СССР».

Когда в начале 1936 г. Кольцов получил разрешение на выпуск нового эмигрантского журнала – *Das Wort* (букв. «Слово»; название, предложенное Фейхтвангером), который должен был стать внепартийным печатным органом Народного фронта, Фейхтвангер рассматривался как один из участников редколлегии. Однако писателя, как и других кандидатов, «крупных немцев», прежде всего, Генриха Манна, смущало множество препятствий. Мария Остен, спутница жизни Кольцова, обычно сопровождавшая иностранных гостей в Москве, все же сумела уговорить Фейхтвангера войти в редколлегию. Фейхтвангеру был обещан налаженный процесс подготовки номеров; кроме того, во время утверждения членов редколлегии снова был поднят вопрос о посещении СССР («Работать Вы можете и здесь. Вам могут предоставить в распоряжение целый дворец в Крыму или на Кавказе»³³) и, наконец, что было важно писателю, фиксирующему в дневнике каждый свой успех, даже самый незначительный, сотрудничество с *Das Wort* предполагало не только действенный вклад в укрепление позиций Народного фронта, но и определенный вид меценатства, которое всегда было частью жизни успешного и в любой момент готового прийти на помощь писателя: «Выплата гонораров прекрасно организована, фонд, которым мы располагаем, надежен. Это прекрасное чувство – осознание того, что можешь помочь друзьям за границей»³⁴.

К тому моменту, когда разразился скандал с «Возвращением из СССР» и Фейхтвангеру предстояло вернуться в СССР как «Анти-Жиду»³⁵, именитый писатель уже давно вел активную переписку с Москвой и был загружен неоплачиваемой редакторской работой.

Организация поездки Фейхтвангера несколько осложнялась отсутствием в Москве Кольцова. Находившемуся с августа 1936-го в Испании Кольцову пришлось поручить зампреду Иностранной комиссии ССП М.Я. Апплетину оформить приезд Фейхтвангера и его друга и соседа Людвига Маркузе – писателя менее знаменитого, непартийного и широких взглядов, что было очень важно как штрих к портрету самого Фейхтвангера.

³³ Maria Osten an Lion Feuchtwanger. Moskau, 18.4.1936. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 13. Ед. хр. 65. Л. 18.

³⁴ Maria Osten an Lion Feuchtwanger. Moskau, 16.5.1936. Там же. Л. 21.

³⁵ Schwarzschild L. Feuchtwangers Botschaft. Das Neue Tage-Buch. H. 31, 1937 (31.7.1937). (Hartmann: 346).

а. в. добряшкина

Сегодня, 27 сентября, получена телеграмма от Михаила Кольцова о том, что к Октябрьским праздникам в Москву приезжают немецкие писатели – Лион Фейхтвангер и Людвиг Маркузе с женой. <...>

Имеет большое значение, чтобы Фейхтвангер, который отрицательно относится к процессу, и Людвиг Маркузе, у которого возникли в связи с процессом сомнения в подлинности советской демократии, чтобы они оба именно к октябрьским дням были у нас.

Тов. Кольцов, придавая особо важное значение визиту этих двух немецких писателей, телеграфирует, чтобы им оказано было исключительное внимание, примерно, как и Андре Жиду³⁶.

К Октябрьским празднованиям Фейхтвангер приехать не успевал из-за сложностей с оформлением документов. 8 ноября Мария Остен, которая пришла из Испании в Париж, чтобы сопровождать его и Маркузе в Москву, писала московскому редактору *Das Wort* Вилли Бределю:

Жаль, что Фейхтвангер не появился в Москве к 7-му. <...> В интеллектуальной среде сейчас закипают страсти. Три дня назад Жид опубликовал со всей помпезностью предисловие к своей книге о России. Это нечто неслыханное – это просто признания какого-то троцкиста! Можешь себе представить, как мы тут подавлены и возмущены. Арагону, который собирался поговорить с ним поговорить – потому что уже поползли слухи – тот просто указал на дверь. <...> Знаешь, К. ольцов>, как и остальные³⁷, считает, что в настоящий момент не стоит устраивать полемику, лучше, если необходимо, немного подождать и хорошенько обсудить все с Фейхтвангером в Москве³⁸.

Как ни хотел Фейхтвангер избежать русской зимы, но прибыл он как раз к декабрю 1936-го. Москва встретила долгожданного гостя огромным количеством публикаций в советской прессе, восторженными приветствиями, тщательно составленной программой пребывания в Советском Союзе и бытовой неустроенностью. Первая же московская дневниковая запись Фейхтвангера наполнена сетованиями: «Мне дали <...> очень плохой и очень неудобный номер, не могу распаковать вещи. Обедал с Евой. Плохо и очень дорого. Мне подарили шубу. В номере отвратительный воздух. Прием вызывает чувство гордости, но я очень расстроен из-за всех этих неудобств. <...>

³⁶ Цит. по: Максименков Л.В. Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие) // Вопросы литературы. 2004. № 2. С. 247.

³⁷ Остен имеет в виду, вероятнее всего, Брехта и Фейхтвангера.

³⁸ Maria Osten an Willi Bredel. Paris, 8.11.1936. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Ед. хр. 143. Л. 413.

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов

Во второй половине дня и вечером был один, чувствовал себя несчастным из-за плохой организации»³⁹. Своего мнения о бытовой стороне советской жизни Фейхтвангер так никогда и не изменил. В то же время Фейхтвангер не скупился на публичные выступления: «В отличие от Жида, который во время пребывания в Москве не был словоохотлив в отношении своих заявлений», – писал в «Московском дневнике» венгерский эмигрант-коммунист Эрвин Шинко, – «Фейхтвангер, который сейчас чествуется, высказывается по любому поводу, его заявления можно прочитать в советской прессе, и все они без исключения сводятся к тому, в каком восторге и воодушевлении Фейхтвангер от Советского Союза»⁴⁰. Дневниковые записи, сделанные во время поездки, также пестрят упоминаниями «почестей» и «чествований». Знаки внимания, особенно читателей, тем более молодежи, очень важны для Фейхтвангера:

Вначале он был несколько недоволен, <...> когда пришла его очередь выступать, он сделал это с довольно большим подъемом <...>. На обратном пути Фейхтвангер говорил о приятном впечатлении, которое произвела на него встреченная в ЦАГИ молодежь своей интеллигентностью, вдумчивым отношением к читаемым книгам, высоким уровнем знаний⁴¹.

И все же эпитет, который писатель чаще всего использует для характеристики процесса чествования, – это «чудовищно» (*ungeheuer*), то есть советские свидетельства признания выходили, с точки зрения Фейхтвангера, за рамки его представлений о популярности. Кроме того, «почести» иногда приобретали для него сомнительное звучание: «В газетах много гимнов. Много чести и мало комфорта»⁴².

После неудачи с А. Жидом пребывание в Москве Фейхтвангера было организовано иначе. Отчеты и контролирующих органов, и переводчицы писателя – сотрудницы ВОКС, характеризовали его как человека ипохондрического, придирчивого, мелочного, очень скептически настроенного. Председатель ВОКС Аросев предупреждал Сталина о сомнительной благонадежности Фейхтвангера:

³⁹ 1.12.1936. (*Tagebücher*: 399).

⁴⁰ Sinkó E. *Roman eines Romans*. S. 403.

⁴¹ Отчет Д.Л. Каравкиной в ВОКС, 28.12.1936. Цит. по: *Альтман И.А.* Фейхтвангер в Москве (из отчетов сотрудницы ВОКС) // Советские архивы. 1989. № 4. С. 61. Далее ссылки на этот источник даются в тексте в скобках с указанием дат отчета и номеров страниц.

⁴² 2.12.1936. (*Tagebücher*: 399).

а. в. добряшкина

В настоящее время в Москве находится тоже не малая величина в смысле его влияния на европейские умы – Фейхтвангер. Его имя известно на всех материках, да и сам он говорит на главных языках почти всех материков. Кроме того, этот человек, который обладает независимо от своего пера притягательной силой, имеет многочисленных друзей и очень плотную среду почитателей. По своему характеру, он человек мелочный. Отношение его к нам весьма неопределенное. Он также находится на ответственности Союза Советских Писателей.

Судя по первым, поступившим ко мне сведениям о беседах с ним, его поведение после возвращения из СССР также не может не внушать нам беспокойства⁴³.

С именитого гостя столицы буквально не спускали глаз, второй дневниковый мотив после «чествований» – это загруженность писателя, его хроническая усталость, нехватка сна и постоянные простуды: «С нетерпением ждал послеобеденного сна. К сожалению, приехали Мария и Третьяков»⁴⁴. Помимо Марии Остен, с Фейхтвангером почти постоянно находились сотрудница «Жургаза» Людмила Шейнина и переводчица Дора Каравкина (1896–1977), которая ежедневно составляла отчеты о действиях и взглядах писателя. Семнадцать рапортов Каравкиной содержат многое из того, что должен был бы, в соответствии со своими жанровыми особенностями, содержать травелог «Москва 1937». Вряд ли Фейхтвангер предполагал, что в компетенцию его переводчицы входило столь пристальное наблюдение за его жизнью. И поскольку он «жаловался весьма охотно и много», к тому же постоянно вызывая у принимающей стороны «чувство, что он не имеет ни капли доверия»⁴⁵, донесения получались информативными и интересными.

Фейхтвангер, рискуя своим просоветским имиджем, старался избегать традиционной программы и занимался в основном собственными «писательскими делами» – переговорами с издательствами, редакторами, авторами и режиссерами по переработке его вещей для сцены и экрана и т.д.» (13.12.1936. С. 57). Он полностью погружается в собственную необычайно успешную деятельность; каждый раз во время посещений каких-либо мероприятий, на которых присутствовал Фейхтвангер, объявлялось, что он в зале: ему устраивали овацию, приглашали на сцену, просили произнести речь и т.п. «Он был сильно смущен, но, видимо, доволен» (24.12.1936. С. 60). В то же

⁴³ Аросев – Сталину. 13.12.1936. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 228. Л. 132–133.

⁴⁴ Suchanowo, 9.12.1936. (*Tagebücher*: 400).

⁴⁵ Huppert H. *Tagebuch*. 5.1.1937. (Hartmann: 165).

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов

время записи писателя свидетельствуют о вполне трезвом взгляде на происходящее. Собственно, с этого начинается его «Москва 1937»: «Я спрашивал себя, неужели и я позволю тщеславию изменить мой взгляд на вещи и людей» (Москва 1937: 7). О возможности воздействия на себя через «тщеславие» и «манию величия» Фейхтвангер также не раз упоминал в письмах:

В Москве меня встречали с таким триумфом, что трудно не заполучить манию величия. <...> И все же я счастлив, что решил сюда приехать. Здесь все широко, великолепно, чудовищно юно. Я глубоко убежден, что здесь и есть будущее, и точнее, близкое будущее, особенно для писателя. Я намеренно избегаю патетических слов, но мне это дается нелегко⁴⁶.

Первое, что бросается в глаза переводчице, – это полное отсутствие интереса к строящемуся социализму, Фейхтвангера не интересуют ни письма читателей, ни достижения советского искусства. Правда, он готов был посетить выставку Рембрандта и какую-нибудь постановку Шекспира, желательно «Короля Лира». В остальном постоялец гостиницы «Метрополь» был мелочен и привередлив:

Жаловался на ряд неполадок в мелочах: освещение, мебель и т.д. Так как я убедилась в том, что через Шейнину все это делается слишком медленно и не хотела его оставлять в опасном состоянии недовольства, то я составила длинный список всех его претензий, пошла к администратору и весьма решительно потребовала, чтобы все было исправлено немедленно. К вечеру все было сделано и настроение Фейхтвангера сразу сильно поднялось. Утром он жаловался и, между прочим, заявил: «Вот у вас так много говорят о стахановском движении, а в мелочах видно, как все плохо организовано», – и тут же, – что, по-видимому, в настроении Андре Жида, человека нервного, художника, большую роль сыграли вот такие организационные мелочи (11.12.1936. С. 56).

Несмотря на отсутствие интереса к запланированным мероприятиям, писатель просит Каравкину оформить ему две дополнительные недели пребывания в Союзе, поскольку не успевает выполнить собственную намеренную программу. Фейхтвангера раздражал список людей, с которыми ВОКС намеревался его познакомить, «лишая его возможности встретиться с лицами, которых он хотел бы повидать. Сюда относились А.Толстой, Бабель,

⁴⁶ Lion Feuchtwanger an Arnold Zweig. Moskau, 9.12.1936. (Feuchtwanger–Zweig: 122).

а.в. добряшкина

Пастернак, Ильф и Петров, Анисимов, Эйзенштейн» (13.12.1936. С. 57). Кроме того, писатель считал обязательным визит к руководителю Коминтерна Г. Димитрову, «чтобы говорить о процессе троцкистов» (19.12.1936. С. 59). Встреча с Димитровым состоялась, несмотря на всю деликатность ситуации: «Сказал, что Димитров очень волновался, говоря на эту тему, объяснял ему полтора часа, но “его не убедил”. Потом Фейхтвангер сообщил мне, что за границей на этот процесс смотрят очень враждебно <...>» (19.12.1936. С. 59). Со временем разговоры о процессах начали раздражать мастера исторического романа: «У меня Анненкова⁴⁷. Просвещает меня несколько наивно в вопросах процесса»⁴⁸; «Глупая Анненкова, которая плохо переводит, очень мешает»⁴⁹.

Фейхтвангер постоянно подчеркивал в публикациях, что откровенно и прямо высказывал свои критические замечания, и его «откровенность в Москве не вызывала обиды. <...> И в частных беседах руководители страны относились к моей критике с вниманием и отвечали откровенностью на откровенность» (Москва 1937: 12). Однако Дора Каравкина выслушивала жалобы совершенно иного рода:

Мы должны были поехать на выставку Рембрандта, но Фейхтвангер это дело отменил, так как решил подготовить свое выступление на приеме у писателей. Занимались мы этим делом ровным счетом от 10 до 3 часов, так как несколько раз переделывалось, переписывалось и т.д. Он все повторяет, что он очень медлителен и ничего не умеет делать быстро.

Между прочим, вел разговор о том, как «опасно» у нас высказывать свои мнения, что, вот, мол, что вышло с Андре Жидом, что ему сказали, что у нас не любят критики, особенно со стороны иностранцев и т.д. Насчет Жиды ему объяснила, почему мы возмущены: его лицемерие и то, что он сейчас льет воду на мельницу фашистов. Насчет последнего он вполне согласился.

То, что он подготовил для своего выступления, я нашла настолько нелепым, что немедленно поехала в ВОКС с копией его. Он мне ее дал с тем, чтобы переводчик ознакомился с текстом (16.12.1936. С. 58).

Отдельной вехой пребывания в СССР стала статья Фейхтвангера «Эстет о Советском Союзе», напечатанная в «Правде» 30 декабря 1936 г. и в оригинале – в февральском номере 1937 г. журнала *Das Wort*. Статья содержала все необходимые советской стороне критические заявления относительно позиции Андре Жиды, и поскольку книга «Москва 1937» еще не появилась,

⁴⁷ Редактор советской немецкоязычной газеты *Deutsche Zentral-Zeitung*.

⁴⁸ 20.1.37. (*Tagebücher*: 408).

⁴⁹ 24.1.1937. (*Tagebücher*: 409).

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов

а за «Анти-Жидом» напряженно следили и на Западе, и в СССР, то именно она дала импульс бурной реакции в западных читательских кругах. Статья Фейхтвангера была опубликована не сразу, и «непоявление его статьи в “Правде” произвело на него очень неблагоприятное впечатление. Я его успокоила, что просто не успели» (25.12.1936. С. 60). Когда, наконец, выяснилась причина «непоявления», Фейхтвангер пришел в ярость.

Сегодня был трудный день, так как Фейхтвангер поспешил излить на меня все свое негодование по поводу того, что «Правда» требует его изменений о Жиде. Вот, мол, и оправдываются слова Жида о том, что у нас нет свободы мнений, что нельзя высказывать своих мыслей и т.д.

Мехлис⁵⁰ предложил ему переделать некоторые места, в частности, о «культе Сталина». Я ему объяснила, в чем суть отношений советских народов к тов. Сталину, откуда это идет, что совершенно ложно называть это «культом».

Он долго кипятился, говорил, что ничего не будет менять, но, когда пришла Мария Остен, он уже остыл, смиренненько сел с нею в кабинете и исправил то, что она просила, за исключением фразы о «терпимости», которую он ни за что не хотел выбросить (27.12.1936. С. 61).

Статья получалась довольно язвительная, причем в русском переводе начало выглядело вполне «правдинским»: Андре Жид объявил себя коммунистом, поскольку его нервы «потрясли страдания эксплуатируемых негров Конго»⁵¹. В журнале *Das Wort* в ироничном тоне сообщалось, что обращение Жида к коммунизму произошло, поскольку «чувствительному писателю» «страдания эксплуатируемых негров Конго действовали на нервы»⁵². Далее Фейхтвангер пишет портрет Андре Жида практически с себя:

Андре Жид поехал в СССР как парижанин с утонченным вкусом, насмешливый, крайне эгоцентричный, рассматривая Париж как само собой разумеющийся центр мира. Он взирал без всякого участия на то великое, что можно видеть в Советском Союзе; зато его внимание и интерес привлекли некоторые мелкие неоспоримые безвкусицы, которые здесь можно найти. <...> Жид придирчивым глазом увидел в Советском Союзе некоторые мелкие неполадки, безвкусицу, недостаток комфорта. Но он не увидел великую,

⁵⁰ Лев Захарович Мехлис (1889–1953) – главный редактор «Правды» (1930–1937).

⁵¹ Фейхтвангер Л. Эстет о Советском Союзе // Правда. 1936. 30 декабря. С. 3.

⁵² Feuchtwanger L. Der Ästhet in der Sowjetunion. *Das Wort*, 1937, no 2. S. 86.

а.в. добряшкина

возвышенную плановность целого. <...> В то же время, однако, можно увидеть, что в этой стране еще не живет комфортно, в западно-европейском смысле. Можно, например, наблюдать, что в большинстве уборных висит газетная, а не клозетная бумага, какую можно обычно найти в западноевропейской уборной: Жид предпочел во всем устремить свое внимание на недостаток клозетной бумаги⁵³.

Что касается более серьезных упреков Жида, то он, прежде всего, в ожесточенной форме критикует «обогащение» Сталина. <...> Но если присмотреться глубже, то становится ясно, что это исключительное почитание относится не к Сталину, как к отдельному человеку, а как к представителю социализма. <...> Жид делает далее издевательские замечания по поводу стахановских методов. Он полагает, что только «леность» русских сделала необходимыми эти методы⁵⁴.

Затем в немецком тексте следовали риторические вопросы к Жиду об инертной природе человека и необходимости «многих способов для преодоления этой инертности»⁵⁵. Пассаж о лени заканчивался в немецком тексте более прямыми обвинениями Жида в «западной заносчивости, дурном настроении, оторванности от реальности и злой воле». И – снова унисон обоих текстов:

Жид приехал в Советский Союз <...> как пресыщенный эстет, жаждущий новых ощущений. Ему здесь пришлось не по вкусу. Это его частное дело. Но он заявил об этом в момент, когда нападение на Испанию угрожает делу борьбы за социализм во Франции и во всем мире; это было – и это должен был понимать даже Жид, – помощью противнику, ударом по социализму, ударом по прогрессу всего мира.

Здесь в «Правде» красуется пассаж, которого нет в немецком журнале вовсе: он касается художественной ценности французского тревелога и оценки Жида как писателя.

<...> Но книга даже по своей внешней форме не удалась и не могла быть удачной, так как она по своему содержанию внутренне противоречива и не-

⁵³ О туалетной бумаге в книге А. Жида речь не идет, это метафора Фейхтвангера.

⁵⁴ *Фейхтвангер Л.* Эстет о Советском Союзе.

⁵⁵ Feuchtwanger L. Der Ästhet in der Sowjetunion. S. 87.

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов правдива. Получился слабый, скомканный памфлет, недостойный великого стилиста Жида.

За день до появления статьи в «Правде» Д. Каравкина рапортовала:

Фейхтвангер вел бесконечные разговоры о неудобствах жизни в Советском Союзе, жаловался на обслуживание в гостинице, на неаккуратную доставку почты и целый ряд других неполадок. Я договорилась с администратором, чтобы все эти неполадки были устранены. Потом разговоры о литературе, – почему его «Еврей Зюсс» был несколько лет запрещен (кто ему это сказал, не знаю), что мы охотнее допускаем писателей, писавших до первой половины XIX века, а «новые идеи» XX века нам, якобы, не подходят и т.д. (29.12.1936. С. 61).

Наконец, за несколько дней до встречи со Сталиным в Кремле (8.1.1937) в отчетах Каравкиной появляется квинтэссенция размышлений Фейхтвангера о Советском Союзе:

Мне иронически завил, что хотел бы посмотреть, как напечатают в СССР его вещь, в которой он бы изобразил нашу жизнь «такой неудобной, какой она ему кажется», что, как ни прекрасно в Советском Союзе, он все же предпочитает жить в Европе (4.1.1937. С. 62).

Судя по письму, которое чуть позже напишет Марии Остен Людмила Шейнина, подобными «ироническими заявлениями» Фейхтвангер пугал не только Каравкину. Однако своему другу Цвейгу Фейхтвангер представлял совершенную поездку в ином ключе:

Теперь, когда я снова счастлив оказаться дома, я с полным правом могу подвести итог и сказать, что для меня было счастьем побывать в России <...>. Эта страна – такое испытание <...>. Я только сейчас потихоньку начинаю упорядочивать мои впечатления⁵⁶.

После возвращения из Советского Союза Фейхтвангер «подвергся чудовищным нападкам, причем со всех сторон»⁵⁷; «самые остроумные», – иронизировал Фейхтвангер, – «предполагают, что причина моего теплого отношения к Советскому Союзу в предоставленной мне возможности возглавлять *Das Wort*»⁵⁸. Вилли Бределю Фейхтвангер жаловался на реакцию коллег:

⁵⁶ Lion Feuchtwanger an Arnold Zweig. Sanary, 27.2.1937. (Feuchtwanger–Zweig: 147).

⁵⁷ Lion Feuchtwanger an Willi Bredel. Sanary, 8.3.1937. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 13. Ед. хр. 65. Л. 85.

⁵⁸ Lion Feuchtwanger an *Das Wort*. Sanary, 24.2.1937. Там же. Л. 82.

а.в. добряшкина

Почти все норвежские писатели подписали открытое письмо, которое было опубликовано в большинстве скандинавских, во многих английских и в некоторых эмигрантских газетах, и в котором резко осуждалось мое позитивное отношение к московским процессам. В пражской прессе, прежде всего социал-демократической, в связи с запретом моего выступления в Праге появилось невообразимое множество грубостей и оскорблений в мой адрес, упреки были вызваны, в первую очередь, моей статьей о Жиде и той парой слов, которые я опубликовал о процессе. Особо при этом отличился Курт Хиллер. Имперская немецкая пресса, конечно, сообщала об этом с удовольствием.

В остальном я все же намерен написать теперь книжку о моих московских впечатлениях, немного потолще книжки Жиды. Я уже примерно десять дней над ней работаю, однако пока еще не знаю, получится ли она такой, что ее можно будет опубликовать⁵⁹.

Бредель писал соредктору слова ободрения, деликатно, но направляя опытной рукой его сетования в русло нужной терминологии:

Ваше намерение все же написать теперь книжку о Ваших московских впечатлениях я считаю превосходной идеей. Я думаю, это был бы лучший и самый действенный ответ всем этим бездельникам, которые на Вас набросились⁶⁰.

Переписку Вилли Бредель вел искусно: в любом письме, изобилующем информацией о работе над журналом, имелся или ненавязчивый постскриптум, напоминавший покинувшему столицу гостю о его непреходящей писательской славе, или ненавязчивое упоминание друзей Фейхтвангера («Дорогой Фейхтвангер, мне велено передать Вам сердечный привет от очень многих из Ваших здешних друзей»⁶¹).

В то же время Доре Каравкиной, которая должна была стать переводчицей еще не написанного травелога, Фейхтвангер в конце февраля неохотно сообщал о своих планах, избегая определенного ответа («Буду ли я писать о Москве, это еще вопрос. Но вполне возможно, что я в течение марта и апреля соберу мои впечатления в маленькой книжке»⁶²), хотя работа над загадочным «отчетом для друзей» уже шла полным ходом. В дневнике 7 марта писатель отмечал, что «размышлял над сложностями в русской книге»⁶³; через пару дней он читал информацию о России и удивлялся: «Вижу, насколько я плохо

⁵⁹ Lion Feuchtwanger an Willi Bredel. Sanary, 8.3.1937.

⁶⁰ Willi Bredel an Lion Feuchtwanger. Moskau, 17.3.1937. Там же. Л. 86.

⁶¹ Там же.

⁶² Lion Feuchtwanger an Dora Karawkina. Sanary, 28.2.1937. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Ед. хр. 72.

Л. 1.

⁶³ Sanary, 7.3.1937. (*Tagebücher*: 413).

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов

осведомлен. Работалось плохо»⁶⁴. 14 марта первая редакция была закончена и начата вторая. Через неделю после записи в дневнике Фейхтвангер сообщал переводчице о готовности первой редакции «маленькой книги о московских впечатлениях»:

Она, конечно, содержит много критики. Мои упреки относительно гостиницы «Метрополь» я опустил, но зато я включил некоторые возражения относительно ограничения репертуара и понимания демократии. Хорошо вышли, на мой взгляд, те пассажи, где я рассуждаю о конфликте Сталина и Троцкого и пытаюсь передать собственное впечатление от Сталина, а также мой отчет о процессе⁶⁵.

Фейхтвангер также подтверждал, что он не против перевода книги на русский язык Д. Каравкиной, и интересовался, как можно опубликовать фрагменты в «Известиях» или «Правде»: особенно для публикации подошли бы вступление и главы о встречах с молодой советской интеллигенцией и о строительной выставке.

В отличие от Бределя, Людмила Шейнина, сотрудница редакции *Das Wort*, в своем письме Марии Остен, уехавшей обратно в Испанию, представляла те же самые события в совершенно ином свете: она сообщала, что Бредель «в плохом настроении», а давно отбывший во Францию Фейхтвангер «намерен написать книжку о своих впечатлениях» и что у нее «седеют волосы при этой мысли»⁶⁶. Из этой эмоциональной и весьма ценной реплики можно сделать два вывода: во-первых, Шейнина, которая была в курсе практически всех дел, по какой-то причине не участвовала в предложенном Кольцовым совещании относительно Жиды и Фейхтвангера («хорошенько обсудить все с Фейхтвангером в Москве»); во-вторых, Шейнина, которая проводила в Москве с Фейхтвангером очень много времени и была прекрасно осведомлена о его истинных «впечатлениях», оценивала намерение писателя рассказать о московской поездке как приближающуюся катастрофу. Таким образом, то, что написал в итоге Фейхтвангер «для своих друзей», оказалось непредсказуемым маневром писателя, неожиданностью для всех: и для западной, и для советской общественности, и для близко знавших писателя друзей и коллег.

Поездка в СССР (1.12.1936–5.2.1937), как и последовавшая за ней публикация травелога – в издательстве *Querido* на немецком языке и в издательстве «Художественная литература» в переводе Каравкиной (что в самой книге нигде не указывалось) на русском языке – всколыхнули весь эмигрантский

⁶⁴ Sanary, 9.3.1937. (*Tagebücher*: 413).

⁶⁵ Lion Feuchtwanger an Dora Karawkina, Sanary, 20.3.1937. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Ед. хр. 79. Л. 1.

⁶⁶ L. Scheinina an Maria Osten. Moskau, 17.3.1937. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Ед. хр. 143. Л. 415.

а.в. добряшкина

мир. Писателей-эмигрантов, поддержавших Фейхтвангера, подобно Брехту и Г. Манну, было мало. Томас Манн коротко отметил в дневнике: «Странно это читать»⁶⁷, близкий друг Цвейг «листал, качая головой»⁶⁸.

Покинув СССР, Фейхтвангер вернулся к прежней жизни: его участие в популяризации себя как апологета СССР было минимальным. На предложение Бределя опубликовать в *Das Wort* фрагмент нового произведения автор отвечал уклончиво:

Можно ли будет что-то выкроить из этой книжечки о России для первой публикации в *Das Wort*, я не знаю. Небольшой фрагмент хорошо бы дать «Известиям», которым я его уже давно обещал, а еще один – Аплетину для юбилейного альманаха. Но если что-то найдется, конечно, я Вам пришлю⁶⁹.

Эти фрагменты – «Советская молодежь» и «Москва становится прекраснее» – Фейхтвангер отправил заместителю Кольцова по Иностранной комиссии М.Я. Аплетину, чем «порадовал его как советского гражданина»⁷⁰, однако радость была «омрачена» тем, что оба текста сразу были опубликованы, а альманах так и остался без статьи Фейхтвангера. Фрагмента для *Das Wort* Фейхтвангер также не нашел: писатель явно хотел избежать публикации в собственном издании. Тем не менее, книга была анонсирована в пражском издании *Weltbühne*. Бредель своего разочарования не показал.

Я с нетерпением жду Вашей книги о России, как, впрочем, и все здесь. Ваше предисловие в *Weltbühne* мне очень понравилось, а первую часть, которая тут некоторым известна, очень хвалят. Когда книга появится? Можем ли мы рассчитывать на право преимущества и получить экземпляр как можно скорее?

С Маркузе я последнее время провожу каждый вечер⁷¹.

Наконец, в мае 1937 Фейхтвангер известил Бределя о готовности чернового варианта «книжки»:

Как только будут внесена корректура, я Вам книжку вышлю. Она будет опубликована не позже начала июля. Это было не очень-то легко – пробиться в западное издательство, поскольку издание пробольшевистской книги кажется им делом весьма сомнительным. Немецкое издание появится в *Quer-*

⁶⁷ Thomas Mann. Tagebuch, 8.7.1937. Thomas Mann. *Tagebücher: 1937–1939*. Frankfurt / M.: Fischer Verl., 1990. S. 74.

⁶⁸ Arnold Zweig an Lion Feuchtwanger, Wien, 29.7.1937. (Feuchtwanger–Zweig: 163).

⁶⁹ Lion Feuchtwanger an Willi Bredel. Sanary, 1.4.1937. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 13. Ед. хр. 65. Л. 89.

⁷⁰ M. Apletin an Lion Feuchtwanger. Moskau, 11.4.1937. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Ед. хр. 79. Л. 4.

⁷¹ Willi Bredel an Lion Feuchtwanger. Moskau, 25.4.1937. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 13. Ед. хр. 65. Л. 97.

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов

do, и оно уже сдано в печать⁷². Я надеюсь, что в Советском Союзе на меня не обидятся за пару критических замечаний, которые мне пришлось сделать и без которых, впрочем, книга точно осталась бы незамеченной на Западе.

Я рад, что Вы хорошо ладите теперь с Маркузе; передайте ему мой сердечный привет⁷³.

Важным моментом в череде событий, проливающих свет на позицию Фейхтвангнера, был запланированный на июль 1937-го в Испании Второй конгресс писателей в защиту культуры. Кольцову, положение которого, как он и сам чувствовал, становилось все более шатким, было очень важно провести Конгресс на должном уровне и с участием Фейхтвангера как антагониста А. Жида. В конце мая Кольцов сообщал Сталину, что Андре Жид, входивший в Президиум Ассоциации писателей в защиту культуры, в Конгрессе участвовать не будет: «Жид не поедет <...> Фейхтвангер несколькими телеграммами потребовал встречи со мной. Я остановлюсь у него по пути в Испанию»⁷⁴.

Из писем и дневника Фейхтвангера нельзя однозначно понять, была ли эта встреча действительно его инициативой, или Кольцову было просто выгодно так представить ситуацию в официальной корреспонденции. Действительно, Фейхтвангер в начале апреля писал о желании встретиться с Кольцовым, но явно не из-за книги о «впечатлениях»: «Я надеюсь, что я наконец-то увижу Кольцова. Он самый разумный из всех там, и мне хотелось бы кое-что сделать для Эйзенштейна»⁷⁵. В том же письме вполне однозначно вырисовывается заинтересованность советской стороны в книге (и срочность ее написания) и незаинтересованность самого Фейхтвангера в визите Кольцова. Кроме того, писатель однозначно выражает свое отношение к работе над травелогом – она его тяготит: «На меня со всех сторон сильно давят с рукописью, и я точно уверен, что смогу успеть к сроку. Тогда я буду свободен. Если не брать в расчет возможный визит Кольцова, который я в конце концов мог бы устроить и в Париже и от которого я мог бы отказаться, если он будет назначен в неудобное время» (Hartmann: 194).

Двухдневный визит Кольцова, во время которого Кольцов и Фейхтвангер «основательно все обсудили»⁷⁶, «обошелся» Фейхтвангеру, согласно «Испанскому дневнику», в семнадцать страниц «Иосифа» и хорошенько «встряхнул»⁷⁷ писателя. Кольцова, во-первых, беспокоило состояние очередной редакции

⁷² Первое изд. – Feuchtwanger L. *Moskau 1937: Ein Reisebericht für meine Freunde*. Amsterdam: Querido Verlag, 1937.

⁷³ Lion Feuchtwanger an Willi Bredel. Sanary, 3.5.1937. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 13. Ед. хр. 65. Л. 100.

⁷⁴ Кольцов – Сталину. Париж, 23.05.1937 // Большая цензура. С. 468.

⁷⁵ Lion Feuchtwanger an Eva Hermann. 4.1937. (Hartmann: 193).

⁷⁶ Lion Feuchtwanger an Dora Karawkina. Sanary, 26.5.1937. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Ед. хр. 79.

Л. В.

⁷⁷ Кольцов М. Испанский дневник С. 360.

а.в. добряшкина

«Москвы 1937», в том числе для перевода на русский язык. Во-вторых, Кольцову надо было уговорить Фейхтвангера принять участие во Втором конгрессе в защиту культуры, на котором планировалось подвергнуть Андре Жида публичному остракизму.

В отчете Кольцова о подготовке Конгресса в Испании Фейхтвангер упоминался отдельным пунктом: «У Фейхт[вангера] я был»⁷⁸. Секретарю Сталина А. Поскребышеву был сразу отправлен со слов М.Кольцова более подробный отчет:

По просьбе Лиона Фейхтвангера посетил его в Санари и посмотрел его книжку об СССР. Книга вполне дружественная, активно выступает за Советский Союз и его политику, против Троцкого. Фейхтвангер одобряет суд над троцкистами и приговор, признает Троцкого пособником фашизма и действия его такими, какими они были квалифицированы на процессе. Он разыскал также заявление Троцкого, сделанное им в 1931 году, в котором он предусматривает возвращение к власти свое и своей троцкистской партии лишь в случае вооруженного нападения на СССР и лишь при помощи интервентов. <...> Мне кажется, это заявление мы никогда еще не использовали. При всем этом в книге Фейхтвангера есть множество политических глупостей и вообще дурацких суждений. Полемизируя с Жидом, Фейхтвангер старается сохранить позу объективного наблюдателя и, в частности, проявляет это в комплиментах по адресу прошлого Троцкого и его литературных талантов. Я настойчиво просил Фейхтвангера выбросить целый ряд подобных мест, как фактически неверных, доказывая, что и нам и ему будет неприятно цензурировать русское издание книги или совсем его не выпустить и что поэтому лучше сделать поправки в немецком и английских изданиях. По моему впечатлению, если не все, то большинство поправок он сделает⁷⁹.

Наконец, В.П. Ставский информировал Сталина: «Конгресс готов более или менее, в частности – Фейхтвангер и Генрих Манн участвовать будут – о других участниках тов. Кольцов не сообщает»⁸⁰.

Фейхтвангер, однако, в Испанию не поехал. По его собственным словам, это было невозможно из-за неготовности документов. Вместо Конгресса в защиту культуры писатель отправился на Конгресс ПЭН-клуба в Париже, хотя еще в апреле сообщал своему другу Генриху Манну, «что у него будет время поучаствовать в обоих конгрессах»⁸¹ и что «организация конгресса

⁷⁸ Кольцов – Ставскому. 1.06.1937 // Большая цензура. С. 469.

⁷⁹ Гиршфельд – Сталину. Париж, 9.6.1937. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 232. Л. 60.

⁸⁰ Ставский – Сталину, Кагановичу, Андрееву, Ежову, 10.06.1937 // Большая цензура. С.471.

⁸¹ Lion Feuchtwanger an Heinrich Mann, Sanary, 19.4.1937. (*Briefwechsel*: 304).

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов

в Испании» – это смелое и прекрасное решение. Более того, тому же Генриху Манну Фейхтвангер писал, что пытался подробнее узнать об испанском Конгрессе у Михаила Кольцова. В итоге Второй писательский конгресс проходил в Валенсии, Мадриде и, наконец, 16-17 июня в Париже, куда Фейхтвангера непрерывно приглашали, однако писатель лишь отправил коллегам свое приветствие. Позиция Фейхтвангера в данном случае совершенно ясна: он не поехал на Конгресс, который должен был пройти под знаком протеста против Андре Жида, поскольку сам этого не захотел и остался в своем решении непоколебим. В июле 1937-го Фейхтвангер подчеркнул в переписке с Генрихом Манном, что тот принял правильное решение, заранее отказавшись от участия в Конгрессе (с чем Г. Манн, в свою очередь, согласился: «Мы ничего не пропустили в Испании»⁸²), а в августе – отметил нервное письмо «ужасно оскорбленного»⁸³ Кольцова из-за отсутствия Г. Манна и Фейхтвангера и неудавшегося мероприятия и переключился на свое творчество.

Кольцов, в свою очередь, получив после Конгресса постановление Политбюро, «решил этот свой ответ написать не в виде отдельной статьи, а включить в продолжение своей книги – “Испанского дневника”»⁸⁴:

Кто-то из делегатов привез книжку Андре Жида – уже вторую его книжку об СССР. Я перелистал – это уже открытая троцкистская брань и клевета. Он и не скрывает этого – открыто называет имена видных троцкистов и антисоветских деятелей, которые «любезно» предоставили материалы⁸⁵.

На Конгрессе, 7 июля, Кольцов выступил с речью, значительная часть которой была посвящена отсутствовавшему Андре Жиду.

Выпуская свою книжку, полную грязной клеветы на Советский Союз, этот автор пытался сохранить видимость нейтральности и надеялся остаться в кругу «левых» читателей. Напрасно! Его книга сразу попала к французским фашистам и стала, вместе с автором, их фашистским знаменем. И что особенно поучительно для Испании, – отдавая себе отчет в симпатиях масс к Испанской республике, опасаясь навлечь на себя гнев читателей, Андре Жид поместил в глухом уголке своей книги несколько невнятных слов, одобряющих Советский Союз за его отношение к антифашистской Испании. Но эта

⁸² Heinrich Mann an Lion Feuchtwanger, Briançon, 7.8.1937. (*Briefwechsel*: 310).

⁸³ Lion Feuchtwanger an Heinrich Mann, Sanary, 10.8.1937. (*Briefwechsel*: 311).

⁸⁴ Фрадкин В. Дело Кольцова. С. 218.

⁸⁵ Кольцов М. Испанский дневник. С. 416.

а.в. добряшкина

маскировка не обманула никого! Книга была перепечатана целиком в ряде номеров главного органа Франко «Диарио де Бургос». Свои узнали своего!

Потому мы требуем от писателя честного ответа: с кем он, по какую сторону фронта борьбы он находится?⁸⁶

Испанская делегация также поддержала протест против позиции А.Жида:

Эта книга сама по себе незначительна. Но то, что она появилась в дни, когда фашисты обстреливают Мадрид, придает ей для нас трагическую значимость. Мы стоим все за свободу мысли и критики. За это мы боремся. Но книга Андре Жида не может быть названа свободной, честной критикой. Это несправедливое и недостойное нападение на Советский Союз и на советских писателей. Это не критика, это клевета. Наши дни показали высокую ценность – солидарность людей, солидарность народа. Два народа спаяны солидарностью в дни тяжелых испытаний – русский народ и испанский. Пройдем молча мимо недостойного поведения автора этой книги. Пусть глубокое, презрительное молчание Мадрида пойдет за Андре Жидом и будет для него живым укором!⁸⁷

Травелог Фейхтвангера, возмущавший европейскую общественность в той же мере, в какой травелог Андре Жида возмущал советскую, до редакции *Das Wort* так и не дошел. Фейхтвангер четыре раза высылал в Москву свою книгу, и все четыре экземпляра исчезали, оседая в архивах контролирующих органов.

Я несколько раз просил издательство отправить Вам мою книгу о Москве; для подстраховки мы отправили ее Вам прямо отсюда. Я надеюсь, что Вы ее теперь все-таки получите.

Пожалуй, все, что я мог сказать о Советском Союзе, я, как мне кажется, сказал в этой книге и при всем моем желании ничего больше не смогу из себя выжать. Поэтому я хочу Вас попросить, если захотите что-то от меня получить, перепечатывайте это из книги. Возможно, обобщающую последнюю главу⁸⁸.

⁸⁶ Там же. С. 424.

⁸⁷ Там же. С. 426.

⁸⁸ Lion Feuchtwanger an Fritz Erpenbeck. Sanary, 31.8.1937. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 13. Ед. хр. 65. Л. 125.

Своим «ничего больше не смогу из себя выжать» Фейхтвангер давал понять, что кампанию «Анти-Жид» он считает завершенной. Более того, осенью, примерно в конце октября – начале ноября он написал Кольцову, как Кольцов докладывал Сталину (не сразу, а лишь полтора месяца спустя, когда началась проверка издательства Кольцова), «в Испанию довольно плаксивое письмо, в котором говорил о желании выйти из состава редакции издаваемого в Москве немецкого литературного журнала "Дас Ворт"»⁸⁹. И хотя Кольцов в письме Сталину объяснял желание Фейхтвангера уйти «чисто техническими неполадками», сам журналист номер один в это вряд ли верил. Переписка, сообщал далее Кольцов Сталину, продолжилась. После того, как Кольцов сослался на то, что «выход его из редакции крайне нежелателен, так как был бы использован троцкистами и другими врагами СССР, что надо придумать что-нибудь для облегчения техники его сотрудничества»⁹⁰, Фейхтвангер, оберегавший в меру своих сил имидж СССР, снова решился на компромисс.

«Москва 1937», изданная в Амстердаме на немецком языке, попала в редакцию журнала лишь через полгода, когда был уже опубликован ее перевод на русский язык.

28 ноября 1937 г. Аpletин извещал Фейхтвангера о том, что книга «Москва 1937» появилась на русском языке тиражом в двести тыс. экземпляров. Аpletин прилагал двенадцать первых рецензий и подчеркивал, что в Москве «интерес к книге неслыханно большой»⁹¹. Несколькими днями позже этой же новостью делилась Дора Каравкина.

Вызванный в Москву в ноябре 1937 г. Кольцов в своеобразной форме поздравил Фейхтвангера, подчеркнув именно тот мотив – СССР как «единственная действительно антифашистская твердыня», – которым, вероятно, и руководствовался писатель во время работы над созданием книги и статей о Советском Союзе:

Я был очень рад чрезвычайному успеху, который имела здесь Ваша книга о Москве. Гигантский тираж в 200000 экземпляров был буквально раскуплен за неделю. О книге много говорили и дискутировали.

Что касается лично меня, я, как обычно, работаю в «Правде» и, кроме того, усердно пишу мою книгу об Испании (в форме дневника). Работа сейчас была прервана процессом против «право-троцкистского блока». Я целую неделю просидел в зале суда, потеряв дар речи при виде огромной кучи грязи

⁸⁹ Кольцов – Сталину. 15.12.1937. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 232. Л. 64.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ M. Apletin an Lion Feuchtwanger. Moskau, 28.11.1937. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Ед. хр. 79. Л. 13.

а.в. добряшкина

и преступлений, потеряв дар речи из-за потрясшей меня трагедии убийства нашего и Вашего друга Максима Горького. Вы правы: советские писатели должны еще все эти чудовищные вещи подробно изобразить и объяснить, и они это сделают. Но сейчас еще не пришло для этого время. Сейчас время борьбы, грозящей опасности военной агрессии, фашистского нападения на Советский Союз, что, благодаря разоблачению заговора Бухарина и Ягоды, конкретно доказано. Все прогрессивные и мыслящие люди во всей Европе и мире должны объединиться для защиты единственной действительно антифашистской твердыни – Советского Союза. Сейчас это уже не вопрос вкуса или симпатии, это дело разума, что, к сожалению, понимают не все Ваши немецкие коллеги...⁹².

После ареста Кольцова, однако, в дневнике Фейхтвангера появилась запись: «Кажется, Кольцов окончательно в немилости»⁹³. Фейхтвангер ограничился сухой, констатирующей факт фразой, хотя в течение долгого времени – по крайней мере, до их встречи во Франции и Испанского конгресса – Кольцов казался ему «самым разумным из всех там». К сравнению, на последовавшее за арестом Кольцова «исчезновение журнала *Das Wort*», работа в котором уже давно тяготила писателя, он реагировал, напротив, очень эмоционально. Письмо в редакцию «Международная книга» в очередной раз показывало Фейхтвангера с неожиданной стороны. Тон письма был резкий, а высказывания, за исключением пары иносказаний, были предельно конкретными. Так или иначе, письмо было написано человеком, у которого накопилось много претензий к гостеприимным Советам.

Дорогие товарищи!

Ваше письмо, в котором содержится Ваше сообщение об исчезновении журнала *Das Wort*, я получил.

Я не исключаю тех причин, которые вы указываете, говоря о принятых вами мерах, хотя можно привести очень много очень весомых контраргументов: но особенно прискорбной я нахожу ту обескураживающую поспешность, с которой вы приняли столь важное решение! Вы избавили бы меня и также других редакторов от многих весьма неловких ситуаций, если бы вы поставили нас в известность о вашем решении раньше <...>.

Вы знаете, что редакторской работой я занимался на общественных началах и что эта работа требовала большой самоотдачи и была связана

⁹² M. Kolzow an Lion Feuchtwanger. Moskau, 11.3.1938. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 13. Ед. хр. 65. Л. 153.

⁹³ 93 Sanary, 4.1.1939. (*Tagebücher*: 451).

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов с массой неприятных моментов, что она стоила мне времени, денег и сил. Я считаю неправильным, что вы оплатили мне за мои старания тем, что поставили меня перед совершившимся фактом и не дали мне хотя бы время, чтобы оправдать эти изменения в глазах моих друзей. Здесь, на западе, скоропалительное исчезновение *Das Wort* ни в коем случае не способствует повышению престижа литературной политики Советского Союза, и столь же мало способствует повышению этого престижа та манера, в которой вы дискредитировали редакторов *Das Wort*. <...>

Я не имею склонности к беспричинному недовольству, и я понимаю, как уже упоминал, причины принятых вами мер. Но то, как вы осуществили эти изменения, я воспринимаю как оскорбление тех писателей и редакторов, которые сотрудничали с *Das Wort*, и я глубоко разочарован в исходе моей редакторской работы⁹⁴.

Фейхтвангер снова ясно заявил – и снова не публично, не у себя на Западе, а в переписке с советской стороной – о своем отношении к системе строящегося социализма. И все же, несмотря на все «глубокое разочарование», на то, что совсем скоро слава Фейхтвангера оказалась в тени Пакта о ненападении, писатель не отказался от «своего принципиального выбора и просоветской позиции. Не было ни опровержения травелога “Москва 1937”, ни публичного дистанцирования от Сталина и его политики, которую он считал оправданной нападением немцев на СССР и победой над нацистской Германией» (Hartmann: 85). В июле 1941 г. Фейхтвангер писал Цвейгу из Калифорнии, куда ему удалось перебраться после многих злоключений в оккупированной нацистами Франции:

Ситуация с моими собственными внутренними делами вполне хороша. Нет необходимости Вам рассказывать, какие трудности мне пришлось преодолеть по причине того, что я остался при своем мнении о русских, и из-за этого очень многие очень часто проявляли ко мне враждебность. Сейчас, когда мое общее представление оказалось верным, они изворачиваются, как могут, достаточно забавно, но по большей части отвратительно⁹⁵.

***

Антагонизм Жиды и Фейхтвангера можно считать, пожалуй, самой яркой литературно-политической кампанией за все годы немецкой эмиграции.

⁹⁴ Dr. Lion Feuchtwanger an Meshdunarodnaja Kniga. Sanary, 10.05.1939. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 11. Ед. хр. 20 г. Л. 23–24.

⁹⁵ Lion Feuchtwanger an Arnold Zweig. Pacific Palisades, 9.7.1941. (Feuchtwanger–Zweig: 231).

а.в. добряшкина

И если позиция Жида относительно ясна, то «Отчет о поездке для моих друзей» Фейхтвангера остается предметом споров и сомнений историков. Как правило, все исследования базируются на формуле «преувеличил, исказил или солгал Фейхтвангер»⁹⁶, то есть рассматриваются три обстоятельства, повлиявшие на создание «Москвы 1937»: ошибочное восприятие Фейхтвангером советской реальности, вызванное его плохой осведомленностью; неспособность писателя признать иллюзией свои мечты о строительстве «гигантского государства только на основе разума» (Москва 1937: 5); наконец, его коррумпированность. Исследователь М. Рорвассер, правда, замечает: «Эти упреки и объяснения – беспомощные попытки смягчить провокационность книги; они говорят о том, что автором травелога стал не веривший в прогресс писатель-гуманист, а лжец, взяточник или тактик»⁹⁷. И дневниковые записи, и письма, и донесения сотрудников ВОКС, и собственно творчество писателя позволяют исключить все, что касается его «слепоты на один глаз»⁹⁸ или даже полной добровольно «возложенной на себя слепоты», из-за которой книга «кажется такой монструозной»⁹⁹ и провокационной. Фейхтвангер не был ни слепцом, ни лжецом, ни взяточником.

Анне Хартман, располагавшая обширными документальными и архивными материалами и детально проследившая линию «симпатизирования» Фейхтвангера Советскому Союзу, приходит к заключению, что писатель заблуждался: «Желание Фейхтвангера увидеть в СССР осуществленный идеал ориентированного на разум общества было сильнее, чем фактическая реальность» (Hartmann: 98). Сложно отрицать веру писателя в разум и его мечту о государстве, построенном «на основах разума», – Фейхтвангер действительно стоял «на стороне разума» и «симпатизировал великому опыту, принятому Москвой, с самого его возникновения» (Москва 1937: 6). Однако акцент на зависимости Фейхтвангера от собственных мечтаний и иллюзий все же упрощает постановку проблемы и искажает оставленный современниками «портрет» писателя, поскольку слабо согласуется с тем, каким его увидели в СССР, – с человеком «мелочным», скептическим, язвительным, действующим в собственных интересах.

Образ Фейхтвангера, вошедший в историю литературы, всегда включал, помимо скепсиса и потребности в комфорте, две устойчивые ассоциации: в творческом плане – с предпочитаемым им жанром исторического романа; в человеческом – с уникальной внутренней «непоколебимостью». Фейхтвангер

⁹⁶ Kröhnke K. *Lion Feuchtwanger – der Ästhet in der Sowjetunion. Ein Buch nicht nur für seine Freunde*. Stuttgart: Metzler Studienausgabe, 1991. S. 17.

⁹⁷ Rohrwasser M. *Der Stalinismus und die Renegaten: die Literatur der Exkommunisten*. Stuttgart: Metzler Studienausgabe, 1991. S. 152.

⁹⁸ Kröhnke K. *Lion Feuchtwanger – der Ästhet in der Sowjetunion*. S. 13.

⁹⁹ Rohrwasser M. *Der Stalinismus und die Renegaten*. S. 151.

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов

педантично оберегал неприкосновенность своих личных границ. Людвиг Маркузе, друг и сосед Фейхтвангера во Франции, вспоминал о его удивительной черте:

Из чего состояло мощное ограждение, которое на протяжении всей жизни Фейхтвангера так хорошо его защищало? <...> Внутренняя, сильнейшая линия: непоколебимое самосознание <...>. Мировой успех подтверждал то высокое мнение, которое он имел о себе. <...> Следующая линия укрепления заключалась в гордости своей принадлежностью к древнейшему культурному народу <...>. Затем следовала еще одна вполне крепкая стена: стабильное, непроблемное мировоззрение. <...> Четвертый крепостной вал Фейхтвангера я с удивлением наблюдал собственными глазами. <...> Он создал на Средиземном море новые стены из книг <...>. Он в буквальном смысле слова жил в стенах мировой литературы. Он тотчас же окружал себя, куда бы ни забрасывала его судьба, толпами почитаемых покойников всех прошедших времен.

Он не был книжным червем, он был буржуазным эпикурейцем, с особенно чувствительным желудком, созданным лишь для хорошо приготовленного слова¹⁰⁰.

Фейхтвангер, имевший имидж буржуазного писателя с солидным весом на литературной сцене, осознанно рисковал своим добрым именем. Его решение, последствия которого были предсказуемы и которое, судя по дневниковым записям и переписке, долго вызревало, должно было иметь серьезные основания. Свой травелог – «свидетельство и тяжкую ношу» (Hartmann: 14) – Фейхтвангер писал, предвидя обвинения и в подкупе, и в сознательной лжи, и в поспешности выводов, и в политической наивности («То, что книжка о России вызовет серьезные обвинения, было предсказуемо. Естественно, немцы кричат, что я был подкуплен. Ах, если бы они знали, как в любом отношении дорого приходится платить за то, чтобы вступаться за Советы»¹⁰¹).

Исследовательская литература изобилует интересными и часто одинаково трактуемыми наблюдениями, что позволяет сделать вывод о нарочитости, намеренной маркированности провокационных, бросающихся в глаза пассажей, авторской интенциональности: Фейхтвангер писал «странно» в надежде, что эта «странность» (или, по М. Рорвассеру, «провокационность») будет замечена. С первых страниц он под видом путевого очерка предлагает псевдотравелог. «Появляется странное двойственное и противоречивое произведение. Вместо физического присутствия оно предлагает информацию из вторых рук,

¹⁰⁰ Marcuse L. *Mein zwanzigstes Jahrhundert. Auf dem Weg zu einer Autobiographie*. Zürich: Diogenes, 1988. S. 184, 185.

¹⁰¹ Feuchtwanger an Heinrich Mann, Sanary, 10.8.1937. (*Briefwechsel*: 312).

а.в. добряшкина

рассуждения – вместо описания пережитого. «Москва 1937» – это скорее метафора «всемирно-исторических успехов, достигнутых Советским Союзом»¹⁰², чем место и время конкретной реальности. В итоге защищается утопия, а не реально существующая страна» (Hartmann: 105). Резко отличающийся от прозы Фейхтвангера язык «Москвы 1937», приближенный, с точки зрения немецкоязычного читателя к «языку детской книги»¹⁰³, бросается в глаза всем и окончательно портит впечатление. В результате, «потенциальная задача книги – вызвать у западных интеллектуалов доверие к Советскому Союзу – не может быть осуществлена из-за специфического антиинтеллектуального аффекта»¹⁰⁴. Направляясь в Москву, Фейхтвангер не знает русского языка, не ищет информацию о стране, не интересуется ею во время поездки, однако, решив написать травелог, для которого важны впечатления, а не страноведческие знания, погружается в доступную ему справочную литературу. Справочная литература, которой пользовался писатель, – отдельная загадка в случае Фейхтвангера, поскольку среди информации, предложенной им читателю, имеются данные, которые вряд ли могли сами по себе оказаться под рукой немецкого эмигранта, живущего во Франции. Однако при этом фактографические искажения настолько очевидны, что напрашивается вывод о намеренной «провокации» и намеренно закодированном произведении, цель которого – не свидетельство об «удавшемся эксперименте», а нечто иное.

Несуразность, примитивизм стиля «Москвы 1937», подмена жанровой формы, нелогичность и неточность описываемого, раздражающий «аффективный заряд прозы Фейхтвангера»¹⁰⁵ – это, скорее всего, не проявление авторской несостоятельности, ошибочности представлений автора, его романтизма, а сигналы о необходимости двойного прочтения. В этом случае наблюдения немецких историков литературы не обнаруживают противоречий, а лишь требуют дополнительных изысканий.

Не останавливаясь на анализе самого текста, и весьма интересном сопоставлении, во-первых, немецкого и русского варианта, во-вторых, текста Фейхтвангера и текстов Каравкиной, все же стоит отметить один из наиболее броских маркеров двойного прочтения. «Москва 1937» называется весьма неопределенно: «Отчет о поездке для моих друзей». Каких друзей имел в виду Фейхтвангер, когда вернулся из СССР и подвергся «нападкам» Кольцова и других адептов «великого опыта», заинтересованных в опровержении травелога А. Жида? «Друзей СССР?» Или можно предположить, что указание адресата имеет вполне конкретное значение и Фейхтвангер обращался именно к своим личным друзьям? В таком случае он адресует книгу,

¹⁰² Цитируемый А. Хартман фрагмент *Moskau 1937* приводится по рус. изд.: Москва 1937: 113.

¹⁰³ Kröhnke K. *Lion Feuchtwanger – der Ästhet in der Sowjetunion*. S. 16.

¹⁰⁴ Rohrwasser M. *Der Stalinismus und die Renegaten*. S. 153.

¹⁰⁵ Ibid. S. 153.

прежде всего, коллегам, литераторам, от которых ждет определенного понимания – соотнесения своей позиции и своего текста, которого, однако, не последовало. И даже А. Цвейгу, с которым Фейхтвангера связывала давняя и крепкая дружба, пришлось объяснять, что «в Москве никоим образом его не вынуждали писать о Жиде. Он еще в Европе считал книгу Жида “пошлой”, а в Москве – “вызывающе кривонокой”»¹⁰⁶. Следовательно, «друзья», которым адресован «отчет», оказались невосприимчивы к тексту. Исследователи часто обращают внимание на «слепоту», в которой писатель упрекает своих потенциальных читателей: «Фейхтвангер не раз говорит (и любит повторять это) о “слепоте” западных интеллектуалов, характеризуя их взгляд на советскую реальность, и тем самым предоставляет ключевое слово для собственного травелога»¹⁰⁷. Слово «слепота» важно поэтому не в связи со «взглядом на советскую реальность», а в связи с самим фейхтвангеровским текстом: слепота читателя – ключ к нему.

Карл Крэнке в своей монографии справедливо замечает: «Если Фейхтвангер исторически зашифровывает просоветскую весть <...>, то это не что иное, как использование писателем своего привычного художественного метода»¹⁰⁸. Несомненно, такой искусный «шифровальщик», как Фейхтвангер, мастер исторического романа, будет пользоваться рутинным методом, выстраивая текст на постоянном разногласье (в котором голос Андре Жида, введенного в качестве основного оппонента автора, – лишь один из многих голосов), вплетая в него совершенно различные взгляды и перспективы и, наконец, рассчитывая на филологическое прочтение. Вопрос в другом: что шифрует писатель, какова эта весть?

Лион Фейхтвангер оставил два свода впечатлений от Советского Союза – в отчетах Доры Каравкиной, где он удивительным образом напоминает Андре Жида, заставляя организаторов своего путешествия страдать от нехороших предчувствий; и в собственном «отчете для друзей», написанном в кардинально ином ключе, но – замечательное совпадение – также переведенном Дорой Каравкиной и словно сохранившем ее интонации, ее возражения недовольному «эстету» Фейхтвангеру, запечатленные в ее собственных отчетах. Так или иначе, голос писателя, прославившегося своими историческими романами, в «отчете для друзей» не слышен. «Москва 1937» непостижимым образом написана в совершенно нетипичном для Фейхтвангера стиле, который немецким читателем воспринимается как «антиинтеллектуальный» или «язык детской книги», и для которого в истории советской культуры даже есть свое обозначение – «правдинский» (стиль советской газеты «Правда»), поэтому перевод Каравкиной звучит для русского читателя иначе, чем оригинал – для

¹⁰⁶ Lion Feuchtwanger an Arnold Zweig. Sanary, 15.4.1937. (Feuchtwanger–Zweig: 155).

¹⁰⁷ Rohrwasser M. *Der Stalinismus und die Renegaten*. S. 152.

¹⁰⁸ Kröhnke K. *Lion Feuchtwanger – der Ästhet in der Sowjetunion*. S. 236.

а.в. добряшкина

читателя немецкого. Если бы Фейхтвангер владел русским языком и мог зачитываться советскими газетами, стилевой колорит «Москвы 1937» объяснялся бы просто. Но Фейхтвангер не знал русского языка, вряд ли ориентировался на стиль «Правды» при написании своей книги¹⁰⁹ и, конечно же, не мог в полной мере прочувствовать политическое звучание своего сочинения в переводе Каравкиной. Если немецкая книга, не обнаруживая «почерка» Фейхтвангера, все же может быть воспринята буквально – как «просоветская весть» и самое неудавшееся сочинение писателя, то перевод Каравкиной при внимательном прочтении воспринимается как написанный на высоком профессиональном уровне памфлет (именно в памфлетизме Фейхтвангер обвиняет А. Жида). Это объясняет интереснейший факт: книга, которую так долго ждали в Москве, которую так быстро перевели на русский язык и выпустили огромным тиражом, почти сразу исчезла из советской реальности. Причина такой странной книжной судьбы европейского травелога в СССР – невиданной популярности, стремительно сменившейся забвением, – безусловно, не в плохо сработавшей советской цензуре, поспешно «пропустившей» книгу в печать из-за сжатых издательских сроков. Советскому Союзу нужен был срочный ответ Андре Жиду, поэтому факт публикации «Москвы 1937» был важнее ее исполнения. По той же причине «Москва 1937» не была включена в Собрание сочинений Фейхтвангера ни в СССР, ни в ГДР: цензоры видели ее двусмысленность, которую не смогли разглядеть ни Томас Манн, ни А.Цвейг, ни все остальные «друзья» и «крупные немцы».

Кампания «Анти-Жид», инициированная Кольцовым, с самого начала была литературно-политической авантюрой, участие в которой, по мнению историков, было роковой ошибкой Фейхтвангера. Однако если сместить акцент с политики на литературу, то шаги Фейхтвангера обретают несколько иной смысл. Не только Советскому Союзу был необходим ответ А. Жиду, но и сам Фейхтвангер хотел ответить французскому писателю, поэтому создание «Отчета о поездке» было его личным решением. В этом пункте интересы Кольцова и Фейхтвангера просто удачно совпали. Однако свое решение Фейхтвангер принимает не как путешественник, «лжец, взяточник или тактик», а как писатель: он переносит разразившийся политический скандал в область литературы, включает в него, незаметно перенося центр тяжести в сторону литературности и медийности. При этом медийный подход к воссозданию советской реальности должен был стать более значимым, чем ее простое миметическое изображение, которое было так важно для А. Жида. Вряд ли этот нюанс интересовал советские структуры, но Фейхтвангер, писавший свои исторические романы по похожему принципу преобладания «атмосферности» над «историчностью», перенес свои

¹⁰⁹ Можно предположить, что со стилем советских газет доктор Фейхтвангер познакомился за время своего долгого «симпатизирования» Советскому Союзу, читая соответствующую переводную литературу и внимая доводам своих подготовленных в ВОКС немецкоязычных собеседников.

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов

действия в рамках «литературы как скандала»¹¹⁰. Обещание, данное им в интервью с корреспондентом «Правды» и положенное Анне Хартман в название ее исследования – мелодичные «Ich kam, ich sah, ich werde schreiben» – своего рода не очень сложный филологический ребус. Фейхтвангер перефразирует латинскую сентенцию «veni, vidi, vici» и произносит ее по-немецки, делая акцент на будущем времени. Переведенная на русский язык, фраза «Я приехал, я увидел, я буду писать!»¹¹¹ была мелодически приближена к немецкому варианту, но лишена оригинальной смысловой коннотации и победоносного стаккато. «Правду» устраивали и слова Фейхтвангера, и их перевод: во-первых, такое звучание было более эпическим и менее вызывающим, поскольку отсылка к латинской сентенции теряла свою окраску; во-вторых, «я буду писать» вызывало совершенно определенные читательские ожидания – ожидание хвалебного гимна Советскому Союзу, который только что пообещал создать именитый гость, побывавший в СССР и увидевший своими глазами чудо строящегося социализма. Однако сам Фейхтвангер, завершив свое со всех точек зрения сложное, опасное для своей репутации путешествие и покидая «такую неуютную жизнь» в Советском Союзе, делал отсылку именно к изречению древнего полководца и подразумевал, насколько это позволяла выразить немецкая грамматика, «пришел, увидел, напишу (написал)», где третье действие – «напишу» (то есть простой факт написания) – равнозначно латинскому «победил». У Фейхтвангера не было цели доказать мировой общественности успешность великого социалистического эксперимента. Своей задачей Фейхтвангер считал лишь участие в скандале вокруг имиджа Советского Союза, создание в этом скандале некоего медийного противовеса Андре Жиду, релятивизацию его позиции, достижение пусть и чисто литературного, книжного, но равновесия. Мировая известность, популярность и успешность Фейхтвангера делали его кандидатуру для этого оптимальной.

Однако если для участия в литературном скандале был важен просто факт публикации книги, то для писателя Фейхтвангера был важен еще и творческий процесс. Отсюда – двуплановость «Москвы 1937». «Зашифрованный» уровень прочтения, который так легко «расшифровывался» переводом на русский язык, позволял догадываться о реальных впечатлениях автора от поездки в СССР, сближая его с его антагонистом Андре Жидом. Эксплицитный уровень прочтения, которым довольствовались западные читатели, был, как, видимо, заключил Фейхтвангер, наиболее действенным и понятным ответом французскому писателю.

«Москва 1937» – это, прежде всего, медийная реакция Фейхтвангера на главный политический постулат «Возвращения из СССР», особо выделенный

¹¹⁰ *Literatur als Skandal: Fälle – Funktionen – Folgen*, Hrsg. von S. Neuhaus, J. Holzner. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007. 735 S.

¹¹¹ Отъезд Лиона Фейхтвангера // Правда. 1937. 6 февраля. № 36. С. 3.

а.в. добряшкина

в донесении Сталину уполномоченным СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальником Главлита РСФСР С. Ингуловым: «А под СССР я подразумеваю тех, кто им управляет»¹¹². Благодаря участию Фейхтвангера, литературно-политический скандал оказался в итоге менее однозначным, хотя и еще более бурным: так или иначе, в историю предвоенных советско-европейских контактов и авторы, и книги вошли парами – проигнорированный Сталиным французский писатель вместе с принятым Сталиным немецким писателем, а критическое «Возвращение из СССР» вместе с «апологетической» «Москвой 1937».

Фейхтвангер искренне считал Советский Союз единственной оппозицией Третьему рейху. Было бы ошибочно поэтому рассматривать его как случайно пострадавшего западного интеллектуала. В поступках Фейхтвангера не было ни случайностей, ни чрезмерного страдания, ни сожаления: он не позволил ВОКС и Кольцову навязать себе те или иные пункты сценария «Анти-Жид»; он внес многие изменения в текст по требованию Кольцова, но не дал изменить смысл книги, добавив второй пласт прочтения; он с одинаковой симпатией относился к СССР и в период своей славы, и когда стал *persona non grata*; он открыто критиковал советскую внутреннюю политику и «неуютную жизнь» в личных разговорах, но так же открыто симпатизировал СССР, считая его единственным антагонистом нацизма. «Москва 1937», таким образом, – это не свидетельство политической наивности писателя или его коррумпированности, а его желание сказать «да, да, да!» (Москва 1937: 118) Советскому Союзу в преддверии Второй мировой войны и попытка в самые сложные моменты «мыслить исторически»¹¹³, или, как перевела этот фейхтвангеровский модус Дора Каравкина, все «рассматривать в историческом разрезе» (Москва 1937: 114).

Литература

Альтман И.А. Фейхтвангер в Москве (из отчетов сотрудницы ВОКС) // Советские архивы. 1989. № 4. С. 55–63.

Большая цензура: писатели и журналисты в Стране Советов, 1917–1956 / Сост. Л.В. Максименков. М.: Международный фонд «Демократия», 2005. – 750 с.

Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. М.: МФД, 1999. – 872 с.

Максименков Л.В. Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие) // Вопросы литературы. 2004. № 2. С. 242–291; № 3. С. 274–342.

«Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938 гг. Документы / Сост. Д.Л. Бабиченко. М.: РОССПЭН, 1997. – 318 с.

¹¹² С.Б. Ингулов – Сталину. 21.11.1936. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 228. Л. 20.

¹¹³ Feuchtwanger L. *Moskau 1937*. S. 148.

«ЭСТЕТЫ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ»: А. ЖИД, Л. ФЕЙХТВАНГЕР, М. КОЛЬЦОВ

Фрадкин В. Дело Кольцова. М.: Вагриус, 2002. – 351 с.

Фейхтвангер Л. Письма в МОРП и в редакцию «Das Wort» (1934–1936) / Публ. В.П. Нечаева // Литературное наследство. Т. 81: Из истории Международного объединения революционных писателей (МОРП). М.: Наука, 1969. С. 181–220.

References

Alt'man I.A. Feuchtwanger v Moskve (iz otchetov sotrudnitsy VOKS) [Feuchtwanger in Moscow (from the reports of a VOKS employee)]. *Sovetskie arkhivy*, 1989, no 4, pp. 55–61. (In Russ.)

Bol'shaia tsenzura: pisateli i zhurnalisty v Strane Sovetov, 1917–1956 [Big Censure: Writers and Journalists in the Soviet Country], ed. L.V. Maksimenkov. Moscow: Mezhdunarodnyi fond "Demokratiia" Publ., 2005. – 750 p. (In Russ.)

Feuchtwanger L. Pis'ma v MORP i v redaktsiiu *Das Wort* (1934–1936) [Letters to IURW and the editors of *Das Wort*], ed. V.P. Nechaev. In *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 81: Iz istorii Mezhdunarodnogo ob'edineniia revoliutsionnykh pisatelei (MORP) [From the History of the International Union of Revolutionary Writers (IURW)]. Moscow: Nauka Publ., 1969, pp. 181–220. (In Russ.)

Fradkin V. *Delo Kol'tsova* [Koltsov Case]. Moscow: Vagrius Publ., 2002. – 351 p. (In Russ.)

Hartmann A. "Ich kam, ich sah, ich werde schreiben". *Lion Feuchtwanger in Moskau. Eine Dokumentation*. Göttingen: Wallstein, 2017. – 456 S.

Kröhnke K. *Lion Feuchtwanger – der Ästhet in der Sowjetunion. Ein Buch nicht nur für seine Freunde*. Stuttgart: Metzler Studienausgabe, 1991. – 321 S.

Maksimenkov L.V. Ocherki nomenklaturnoi istorii sovetskoi literatury. Zapadnye piligrimy u stalinskogo prestola (Feuchtwanger i drugie) [Essay on a Nomenclature History of Soviet Literature. Western Pilgrims at the Stalin's Throne (Feuchtwanger and others)]. *Voprosy literatury*, 2004, no 2-3, pp. 242–291, 274–342. (In Russ.)

Marcuse L. *Mein zwanzigstes Jahrhundert. Auf dem Weg zu einer Autobiographie*. Zürich: Diogenes, 1988. – 399 S.

Rohrwasser M. *Der Stalinismus und de Renegaten: die Literatur der Exkommunisten*. Stuttgart: Metzler Studienausgabe, 1991. – 412 S.

"Schast'e literature". *Gosudarstvo i pisateli. 1925–1938 gg. Dokumenty* ["Happiness of Literature". *The State and the Writers, 1925–1938. Documents*], ed. L. Babichenko. Moscow: ROSSPEN Publ., 1997. – 318 p. (In Russ.)

Sinkó E. *Roman eines Romans. Moskauer Tagebuch 1935–1937*. Berlin: Das Arsenal, 1990. – 488 S.

Vlast' i khudozhestvennaia intelligentsiia. Dokumenty TsK RKP(b) – VKP(b), VChK – OGPU – NKVD o kul'turnoi politike. 1917–1953 gg. [Power and Intellectuals. Documents of the Central Committee of RKP(b) – VKP(b), VChK – OGPU – NKVD on Cultural Politics, 1917–1953], eds A. Artizov, O. Naumov. Moscow: MFD Publ., 1999. – 872 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию: 19.06.2021
Дата публикации: 20.11.2021

Received: 19.06.2021
Published: 20.11.2021

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОНТАКТЫ И РЕЦЕПЦИЯ

Первая революционная миссия Р. Альберти в СССР (1932–1933)

© 2021 Н.Ю. Харитонова

УДК 82.091

https://doi.org/10.54791/27823792_2021_1_112_129

First Revolutionary Mission of Rafael Alberti in the USSR, 1932–1933

© 2021 Natalia Kharitonova

Информация об авторе:

Наталья Юрьевна Харитонова, PhD., старший научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: barrocorggu@mail.ru.

Ключевые слова: Рафаэль Альберти, МОРП, МОРТ, испанско-российские связи, путешествие в СССР, иностранные писатели и СССР.

Аннотация: Испанский поэт Р. Альберти впервые приехал в СССР на рубеже 1932 и 1933 гг. В статье изучаются обстоятельства, связанные с его приобщением к международной организации революционной литературы. Поездка Альберти в Париж, а затем Берлин, куда поэт отправился, чтобы ознакомиться с современным социальным театром, стали вехами на пути его сближения с коммунизмом. Немецкие литераторы, члены компартии и участники секции Международного объединения революционного / рабочего театра (МОРТ) выступили посредниками между московскими функционерами и испанским поэтом. Чтобы попасть в Москву, Альберти приобрел туристическую поездку, но вскоре после его прибытия в советскую столицу с ним связался Ф. Кельин, сотрудник Международного объединения революционных писателей (МОРП). Результатом первого посещения СССР стало появление испанской секции революционных писателей, получившей официальное признание МОРП.

Information about the author:

Natalia Kharitonova, PhD, Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: barrocorggu@mail.ru.

Keywords: Rafael Alberti, IURW, IURT, Spanish-Russian relations, travels to the USSR, foreign writers and the USSR.

Abstract: Spanish poet Rafael Alberti came to the Soviet Union in December 1932 for the first time, and stayed in Moscow for three months. The paper studies the circumstances of his early involvement in the international network of revolutionary literature. In 1931–1932, Alberti travelled to Paris and Berlin to study the contemporary social theatre, this stay being a step on his way to communism. In Berlin German writers – members of the Communist Party and the German section of the International Union of Revolutionary Theatres (IURT) became intermediaries between IURT's employees in Moscow and the Spanish poet who at the moment was in search of his own place in the revolutionary literature. In December 1932 Alberti came to the Soviet Union as a tourist, but Fedor Kelin, a representative of the International Union of Revolutionary Writers (IURW), got in touch with him just after his arrival to Moscow. As a result of Alberti's first visit to the USSR, the Spanish Union of Revolutionary Writers was established having received the IURW's official recognition, while Alberti paved the way for his long-term friendship with the Soviet colleagues.

первая революционная миссия р. альберти в ссср (1932–1933)

Испанский поэт и драматург Рафаэль Альберти (1902–1999) впервые побывал в СССР в конце 1932 – начале 1933 г. Контакты между Альберти и МОРП (Международным объединением революционных писателей), базировавшимся в СССР, носили литературный и политический характер, но было бы упрощением сводить их только к политике или только литературе. МОРП был вспомогательной организацией Коминтерна, и не случайно с начала формирования международного литературного движения в дискуссиях настойчиво звучало понятие Литературного интернационала, Литинтерна¹. Изучение деятельности Коминтерна как разветвленной международной институции во взаимосвязи разных организаций ее подсистемы², в частности, МОПР (Международная организация помощи борцам революции) и МОРП, предполагает «исследование событий и явлений через призму взаимоотношений, которые, <...> пересекая национальные границы, вовлекают в исторический процесс»³ разные страны и культуры. История формирования испанской секции МОРП и та роль, которую сыграл в ней Альберти, – лишь небольшая часть масштабного полотна сложного транснационального диалога⁴. Тем не менее, случай Альберти позволяет не только ввести в оборот неизвестные архивные документы, но и проследить на испанском примере, как зарождалась и формировалась транснациональная сеть революционной литературы.

В декабре 1932 г. Альберти в компании своей жены, писательницы Марии Тересы Леон, приехал в Москву. Ко времени поездки в СССР молодой и талантливый поэт был уже хорошо известен в Испании. Лауреат Национальной литературной премии 1924–1925 гг., присужденной за книгу «Моряк на берегу» (*Marinero en tierra*, 1925), в 1925–1929 гг. он много печатался и был частью плеяды молодых авторов, впоследствии названной историками литературы «поколением 27-го года». Изменение поэтики творчества Альберти, закрепленное в общепринятой формуле отказа от творчества в башне из слоновой кости и перехода к литературе «социального действия»⁵, пришлось на период политического кризиса и установления в Испании республики (1931). Исследователи относят книги стихов «Об ангелах» (*Sobre los ángeles*, 1929)

¹ См. доклад А.В. Луначарского «О Международном бюро связи пролетарской литературы» 9 января 1925 // Литературное наследство. Т. 81: Из истории Международного объединения революционных писателей (МОРП). М.: Наука, 1969. С. 38–44.

² Drachewycz O. The Communist Transnational? Transnational Studies and the History of the Comintern. *History Compass*, 2019, no 17, p. 2.

³ Заславская О.В. Пролетарский театр и Коминтерн: транснациональный контекст создания Международного объединения рабочих театров (1926–1932) // Шаги /Steps. 2017. № 3 (3). С. 46.

⁴ Исследование МОРП невозможно без работы большого научного коллектива, способного освоить многоязычие и синтез культур, вовлеченных в орбиту влияния Литинтерна.

⁵ Тертерян И.А. Испытание историей. М.: Наука, 1973. С. 283.

и «Проповеди и чертоги» (*Sermones y moradas*, 1929–1930), поэму «Гражданская элегия» (*Elegía cívica*, 1930), а также пьесы «Опустошенный человек» (*El hombre deshabitado*, 1930) и «Фермин Галан» (*Fermín Galán*, 1931) к произведениям, ознаменовавшим поиски нового творческого и идеологического самоопределения⁶.

Пьесы «Опустошенный человек» и «Фермин Галан», премьеры которых сопровождали скандалы, были овеяны аурой романтической революционности, нашедшей свое выражение в протесте, бунте против религиозных норм и вкусов буржуазии, но о манифестации определенной политической доктрины тогда речь еще не шла. Обе пьесы были написаны в годы, считавшиеся кризисными для испанского театра и поэтов поколения 27-го года. Весной 1931 г. Альберти адресовал своему приятелю Х.М. де Коссио, писателю, филологу и исследователю тавромахии, письмо, где в свойственной ему эпатажной манере сообщал: «Из всего *jeune génération* я – самый русский. И кроме того, несомненно, самый лучший. Никто из них уже не пишет. Они вымерли»⁷. За парадоксальной «русской» самоидентификацией считается понимание России как революционной страны, но пока только в театральной сфере, потому что в письме речь идет об «Опустошенном человеке».

Чтобы продолжить свои поиски формулы нового театра летом 1931 г. Альберти решил отправиться за границу и обратился в Совет по дополнительному образованию с просьбой предоставить ему стипендию, мотивируя ее «большой заинтересованностью в изучении новых французских театральных направлений»⁸. Письмо в поддержку заявки Альберти написал выдающийся филолог Р. Менендес Пидаль, указав, что для подготовки исследования литературных направлений нашего времени Центр изучения истории, которым он руководил, был заинтересован в сведениях о современном французском театре. Пидаль сообщал, что поручил подготовку материалов «писателю Рафаэлю Альберти, известному своим поэтическим творчеством и экспериментами по обновлению театра, недавно представленными на сцене»⁹. Совет

⁶ Marrast R. *Aspects du théâtre de Rafael Alberti*. Paris: Société d'Édition d'Enseignement Supérieur, 1967, p. 25; Gómez Torres A. M. *La metafísica del vacío: el teatro mental de Rafael Alberti (El hombre deshabitado). Rafael Alberti et les avant-gardes*. Paris: Presses Sorbonne Nouvelle. 2004, pp. 211–244. <https://books.openedition.org/psn/1488?lang=es>.

⁷ Цит. по: Gómez Torres A.M. *La metafísica del vacío*.

⁸ Archivo de la Junta para Ampliación de Estudios e Investigaciones Científicas. Expediente JAE/3-121, p. 1.

⁹ Carta de D. Menéndez Pidal, 12.08.1931. Archivo JAE. Expediente JAE/3-121, p. 2.

первая революционная миссия р. альберти в ссср (1932–1933)

принял решение выделить ему стипендию для поездки во Францию, и Альберти вместе с Марией Тересой Леон¹⁰ отправился в Париж.

В столице Франции Альберти впервые лично встретился с представителями русского авангарда. В июле 1931 г. в компании поэта Ж. Сюпервьеля Альберти побывал в студии М. Шагала, написав о своем знакомстве с художником шуточный сюрреалистический очерк, где вложил в уста живописца монолог о коровах, из которого следовало, что «замерзшую луну России заполнили коровы. Из своих простых заснеженных хлебов они выходят и бредут высь, по Млечному пути дорогой звезд»¹¹. Пока что беседа с эмигрантом из России не дала Альберти повода для размышлений о революции, он лишь пользуется случаем подтвердить расхожее представление о восточной державе как о снежной и холодной стране. Из статьи следует, что Альберти пытался расспросить Шагала о его опыте оформления спектаклей в Еврейском камерном театре, но совершенно безуспешно. В результате испанский гость описал художника, покинувшего Россию, как поэтического безумца, чудака, одержимого несуразными идеями.

Ранней весной 1932 г. Альберти пережил эстетический опыт, связанный с Советской Россией. В бельгийском Брюгге, куда поэт ездил из Парижа, Социалистический центр организовал показ «Броненосца Потемкина». Восприятие старинного города у Альберти предопределила повесть Ж. Роденбаха «Мертвый Брюгге» (*Bruges-la-Morte*, 1892). Именно поэтому он описал Брюгге в своем очерке, напечатанном в апреле 1932 г. в газете «Sol», лишенным жизненной энергии, скучным, сонным. Поэтому и просмотр «Потемкина» в поездке стал для него протестом «против летаргии и сна, против безнадежных монотонности и тоски дней и тюрем», прославлением «справедливого насилия и необходимой мести»¹². Обращает на себя внимание понимание фильма Эйзенштейна не столько как революционного в смысле политическом, а скорее, в плане революции эстетической, в свете ортегианской концепции авангарда как искусства меньшинства, к которому поэт отнес и себя, ощутив свое одиночество в зале, заполненном «бесформенными» фламандцами, «полусонными и пустыми мешками», где он, как ему кажется, стал единственным зрителем, испытавшем потрясение от киноленты. Но и в этом очерке Альберти еще не

¹⁰ М. Т. Леон приходилась родственницей жене Р. Менендеса Пидалья, М. Гойри. Именно ей, а не Альберти, принадлежит серия очерков о театре, опубликованных в мае–августе 1933 г. в газете *Heraldo de Madrid*.

¹¹ Marrast R. Rafael Alberti, proses retrouvées (1931–1932). *Bulletin Hispanique*, 1968, t. 70, no 3-4, p. 487.

¹² *Ibid.*, p. 503.

обращается к теме революционной России или коммунизма, а лишь делится своими впечатлениями от киноленты и бельгийского городка.

Среди парижских знакомых Альберти не было драматургов, но свои не слишком обременительные обязанности по изучению современного французского театра он старался иногда выполнять. В декабре 1931 г. испанец побывал на представлении передвижной студенческой труппы «Комедьен рутьер» (*Comédiens routiers*), созданной в 1929 г. Л. Шансерелем, в программе которой были старинные и современные фарсы, диалоги и песни. В очерке о спектакле Альберти проводит параллели между французской труппой и «Ла Барракой» (*La Barraca*) Гарсиа Лорки, а стилизацию народных спектаклей, ориентированную на развлечение и просвещение жителей парижских «предместий, провинций и деревень», которую практикуют французы из «Комедьен рутьер», он называет «самой чистой формой театра»¹³.

Буржуазность спектаклей мюзик-холлов и постановок «Комеди франсез» (*Comédie-Française*) по-прежнему вызывали у него стойкое отторжение, однако и сюрреалисты не были ему интересны. Картину парижской театральной жизни 1931–1932 гг., какой она запомнилась Альберти, передала в одном из своих очерков, опубликованных в 1933 г. в газете *Heraldo de Madrid*, жена поэта:

Сейчас французский театр оказался в закоулке, куда не попадает солнечный свет. Большие театры, такие как Пигаль, вынуждены открывать свои прекрасные залы для кинопоказов. Есть и еще один симптом печальной деградации: раньше любая парижская труппа выпускала по две или три премьеры за зиму. Нынешний кризис затронул не только финансы, но и репертуар, энтузиазм, творческий дух и возможность возрождения. Появилась масса новых пьес, стремящихся заполнить большие театры, но безуспешно¹⁴.

Внимание Альберти в Париже было скорее сосредоточено на инициативах ориентированного на фольклорную традицию самодеятельного театра. Но и работа профессиональных актеров и режиссеров Ш. Дюллена, Л. Жуве и Г. Бати¹⁵ заслужила его высокую оценку, хотя он и понимал, что им не хватает поддержки меценатов и новых пьес, написанных французскими авторами.

¹³ Marrast R. *Rafael Alberti, proses retrouvées*, p. 502.

¹⁴ León M.T. *Los tres maestros-actores del teatro francés*. León M.T. *La libertad en el tejado*. Barcelona: Associació d'Idees, 1995, p. 124.

¹⁵ Все трое годом ранее вошли в состав группы по поддержке Мейерхольда и оказывали содействие советскому режиссеру в организации гастролей ГосТИМ в Париже (см.: *Купцова О.Н.*

первая революционная миссия р. альберти в ссср (1932–1933)

В частной переписке с Х.М. де Коссио Альберти откровенно рассуждал на тему парижской сцены. В письме от 29 сентября 1931 г., сообщая о работе над новой книгой стихов, очевидно занимавшей его куда более выполнения плана стажировки, Альберти не без доли цинизма писал, что ему придется изобрести «новый французский театр», на изучение которого Совет по образованию выделил ему стипендию, потому что «его не существует»¹⁶. Вероятно, окончательно разочаровавшись в театральной жизни Парижа, два месяца спустя, 25 ноября 1931 г., Альберти обратился в мадридский Совет по образованию с просьбой продления стипендии для поездки в Германию и Польшу, пояснив свои намерения тем, что страны эти, «вместе с Россией, занимают ведущее положение в европейском театральном движении»¹⁷. Это первое упоминание России в его деловой переписке, касающееся театральной жизни. Сложно точно сказать, каким образом у него родились новые планы, но в том же письме в Мадрид он заверил, что уже заручился поддержкой «немецких авторов и театральных режиссеров», и выразил надежду, что они предоставят ему такую же помощь, необходимую для изучения театра, какую ему оказывали во Франции. Решение о продлении его стипендии на полгода было принято 4 марта 1932 г., и он отправился в Берлин, однако это было далеко не самое лучшее время для знакомства с театральным искусством Германии.

В это время Веймарская республика переживала тяжелый кризис. Правительство пыталось принять меры для спасения экономики, сокращая зарплату и социальные платежи, в том числе пособия по безработице, которая затронула к тому времени почти треть населения¹⁸. Очерк «Унтер ден Линден. Весенняя баллада» (*Unter den linden. Balada de primavera*), написанный Альберти в мае 1932 г., запечатлел сцены из городской жизни, свидетельствующие о бедственном положении берлинцев: «Неистовством зелени и ливней весна взорвалась в Берлине, выбросив на улицы легион безработных, которые продают убогие товары по цене, подобной самой скудной милостыни, скрывая тем самым свой голод и жалкий жест протянутой за подающим руки»¹⁹. За уличной торговлей спичками и прочими мелочами стоял

Из переписки В.Э. Мейерхольда (1926–1933) // Диалог писателей: из истории русско-французских культурных связей XX века, 1920–1970. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 116–117).

¹⁶ Alberti R. *Correspondencia a José María de Cossío. Seguido de Auto de fe y otros hallazgos inéditos*. Valencia: Pre-Textos, 1998, pp. 42–43.

¹⁷ Carta de R. Alberti, 25.11.1931. Archivo JAE. Expediente JAE/3-121, p. 5.

¹⁸ Rosenhaft E. *Brecht's Germany: 1898–1933. The Cambridge Companion to Brecht*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, p. 16.

¹⁹ Marrast R. *Rafael Alberti, prosas retrouvées*, p. 506.

запрет попрошайничества, объясняет поэт, но милостыню тайком просили даже хорошо одетые прохожие, а сцена с обезумевшим нищим, в бешенстве растоптавшим поданные ему деньги, показалась ему всего лишь одиночным протестом, потому что, по его мнению, общий протест – дело будущего. Заканчивает свой очерк Альберти строками из «Баллады об оружейной фабрике» Бехера, «коммунистического поэта», опубликованной в *Rote Fahne*, которые звучат зловещим предсказанием надвигающейся войны.

К этому времени интонация путевых записей Альберти заметно изменилась, а на смену фривольности и лиризму парижских зарисовок пришло осознание тяжести ситуации, в которой оказалась Германия. К тому же Альберти стал свидетелем роста популярности НСДАП, когда в июле 1932 г. национал-социалисты стали самой многочисленной партией Рейхстага. Поэтому следует рассматривать эти факторы в их совокупности как причину, которая действительно привела поэта к новой политической позиции, что затем вылилось и в изменение поэтики и тематики его творчества, и в формирование политических взглядов – теперь с четкой ориентацией на коммунистическое движение.

В письме от 11 июля 1932 г., обращаясь к Х.М. де Коссио, Альберти делился с ним деталями своей берлинской жизни и новыми планами:

Я общаюсь с коммунистами, единственными вежливыми и приличными людьми в Германии. Готовлюсь отправиться в Россию в конце сентября. Там состоится очень большой театральный съезд, и мы с Марией Тересой среди приглашенных. Я пишу длинную театральную пьесу, чтобы показать ее на съезде. Надеюсь, что ее переведут и поставят в Москве²⁰.

Впрочем, в сентябре поэт в Москву не поехал, но представляется важным отметить его встречи с немецкими театральными деятелями, связанными с Россией. Известно, что в Берлине Альберти побывал на спектакле «Труппы 1931» по пьесе Г. фон Вангенгейма «Мышеловка»²¹ и, вероятно, общался с участниками театра Юнге Фольксбюне. Удалось ему увидеть и драматическую ораторию И. Бехера «Социалистический план»²², но подтвердить

²⁰ Цит. по: Cabrol I. *La poésie de Rafael Alberti au tournant des années 20 et 30: le dépassement des avant-gardes esthétiques par les avant-gardes politiques*. <https://books.openedition.org/psn/1481>

²¹ Премьера спектакля состоялась накануне Рождества 1931 г. и, как указывает А. Стрельникова, «пьеса была сыграна "Труппой 1931" ("Труппе 1931") Вангенгейма около трехсот раз» (Стрельникова А.А. Пролетарско-революционная литература // История литературы Германии XX века. Т. I (1880–1945). Кн. 2: Литература Германии между 1918 и 1945 годами. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 358).

²² León M. T. Alemania en Moscú. – Erwin Piscator. León M. T. *La libertad en el tejado*, pp. 108–109.

первая революционная миссия р. альберти в ссср (1932–1933)

факт его знакомства с Бехером именно в 1932-м пока не представляется возможным, хотя их дальнейшие контакты документированы.

Летом 1932 г. Альберти пишет из Берлина своему другу, писателю Х. Эррера Петере, который в это время в Мадриде уже приобщался к коммунистическому движению, рассказывая ему о своих контактах с немецкими писателями-коммунистами: «Собираешься ли ты вступить в партию? Я в Берлине очень тесно общаюсь с революционными писателями, [членами] немецкой компартии. <...> Ты знаешь, что я твой верный друг и, кроме того, отныне твой [партийный] товарищ»²³. Вполне очевидно, что находясь в Берлине, в переписке с друзьями испанский поэт настойчиво подчеркивал свою связь с компартией, а возможно, намекал тем самым, что уже вступил в ее ряды, и этим и объясняется обращение к Петере как к «товарищу» по партии. Тогда же Альберти называет коммунизм источником «всей настоящей современной поэзии»²⁴. Еще одним шагом к сближению с международным коммунистическим движением стала поездка Альберти и Леон на международный антивоенный конгресс в Амстердаме, организованный Коминтерном и состоявшийся 27–29 августа 1932 г.

Все эти факты красноречиво свидетельствуют об изменении политической позиции Альберти, совпавшей по времени с его пребыванием в Берлине. За недостаточностью архивных сведений пока что сложно обозначить точный круг общения испанского поэта в столице Германии, это дело будущего. С полной уверенностью, однако, можно утверждать, что среди коммунистов, о которых он пишет в письмах Коссио и Петере, был еще один испанец, живший тогда в Берлине, Фелипе Фернандес Арместо, с чьим именем связано образование первого союза революционных писателей в Мадриде.

Арместо, преподаватель испанского языка и корреспондент, как и Альберти, оказался в Берлине благодаря стипендии Совета по дополнительному образованию. В 1930–1931 гг. в мадридском журнале *Nueva España* появилось немало очерков Арместо на тему марксизма, рабочего движения и жизни в Советском Союзе. В 1930 г. в Берлине он вступил в Коммунистическую партию Испании и был связан с Коминтерном. В ноябре 1930 г. Арместо побывал в Харькове на Второй международной конференции революционных

²³ Цит. по: Gálvez Yagüe J. Cuatro cartas inéditas de Rafael Alberti a José Herrera Petere. *José Herrera Petere. Vanguardia y exilio. Actas del I Congreso Internacional*. Guadalajara: Diputación Provincial de Guadalajara, 2010, p. 208.

²⁴ Ibid.

писателей, а летом 1931 г. принял участие в создании Союза революционных интеллектуалов и художников,²⁵ испанцев и латиноамериканцев.

В начале ноября 1932 г. Арместо прибыл в Москву. Именно в это время, с 9 по 14 ноября 1932 г., в «незабываемые исторические дни празднования XV годовщины Великой Октябрьской революции», как сказано в обращении Второго расширенного пленума президиума МОРТ²⁶, в Москве проходила Международная рабочая олимпиада. Арместо, который никакого отношения к драматургии и театру не имел, был избран в президиум МОРТ²⁷, выступал с докладом о кризисе испанского театра, а в бюллетене олимпиады вышла его статья на ту же тему²⁸. Но он был не единственным испанским автором, рассуждавшим на тему испанского театра на страницах бюллетеня: там же впервые на русском языке появилась статья Марии Тересы Леон и Рафаэля Альберти²⁹. Они и стали своего рода соперниками Арместо, и в результате взяли на себя руководство организацией секции МОРП в Испании.

Напомним, что еще в мае Альберти делился с Коссио своими планами отправиться на Московскую театральную олимпиаду³⁰. 2 мая 1932 г. Альберти снова обратился в Мадрид, в Совет по дополнительному образованию, с просьбой продолжить свою стажировку в России. Только в июле ему сообщили официальное решение:

На заседании 14 июня Совет постановил разрешить Вам поездку в Россию и готов переводить туда вашу стипендию, с пониманием того, что Вы делаете это на свой страх и риск, потому что Совет не может Вам гарантировать, что Вы будете допущены в эту страну и получите денежные средства, которые Вам отправят³¹.

²⁵ Черновик статьи Ф. Кельина: РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1.

²⁶ Ко всем работникам театра // Интернациональный театр. 1932. № 3. С. 1.

²⁷ Строим фронт революционного театра // Интернациональный театр. 1932. № 3. С. 19.

²⁸ *Фернандес Арместо Ф.* Кризис буржуазного театра в Испании // Интернациональный театр. 1932. № 3. С. 14–15.

²⁹ *Альберти М.-Т. и Р.* Испанский театр // Интернациональный театр. 1932. № 4. С. 21–23.

³⁰ Можно предположить, что Альберти и Леон узнали об олимпиаде от Арместо, хотя в то время немецкая делегация МОРП в Берлине была довольно представительной и контакты могли завязаться через немецких литераторов или иностранных писателей, работавших в Берлине, например, серба Ото Бихальи Мерина (Бихи), сотрудника журнала *Linskurve*. В 1932 г. Биха участвовал в работе секретариата МОРП в Москве, а затем вернулся в Берлин. Его имя упоминается в письмах Леон к Кельину 1933 г.

³¹ Carta de la JAE a R. Alberti, 5.07. 1932. Archivo JAE. Expediente JAE/3-121, p. 8.

первая революционная миссия р. альберти в ссср (1932–1933)

Опасности, сопряженные с путешествием в Советский Союз, Альберти не пугали, но финансирование поездки перекладывалось на его плечи, что, в частности, касалось транспортных расходов, поэтому в ноябре Альберти в Москву поехать не смог³², хотя публикация статьи в московском журнале свидетельствует о его переписке с редакцией бюллетеня. Решением становится оформление турпоездки, доступной по своей стоимости испанскому стипендиату, и, что немаловажно, дававшей ему, гражданину страны, не признавшей СССР, возможность беспрепятственно пересечь советскую границу.

В двадцатых числах декабря 1932 г. Альберти и Леон наконец прибыли в Москву. В своих путевых заметках, опубликованных в Мадриде в 1933 г., Альберти, уже убежденный сторонник СССР, с иронией писал, как изменилось его представление о России:

Чем была для меня Россия, когда в 1915 году в Кадисе еще ребенком играл я в войну на застекленном «патио», под яркими лучами южного солнца? Только бесконечной снежной равниной, обагренной горячей кровью, наводненной тучами казаков, скачущих бешеным галопом. Позднее в Мадриде в 1917 году очертания России расплылись, утратили для меня свою форму и снова воскресли передо мною в 1930 г., после падения диктатуры Примо де Риверы, когда я начал предчувствовать современное нам величие России. Но теперь я уже воспринял ее с новым подлинным ее именем: Союза Социалистических Советских Республик³³.

В этом фрагменте можно заметить устойчивые стереотипы, связанные с Россией: бескрайние степи, казаки, холод и снег. При этом Альберти поэтично, но очень точно воспроизводит вехи становления нового образа России в Испании первой трети XX в. В ноябре 1917 г. Испания, хотя и не участвовавшая в Первой мировой войне, внимательно следила за событиями на фронтах и, к тому же, не имела собственных корреспондентов в России, поэтому события «Октябрьской революции» сразу даже не заметила. Германофильские круги опирались на новости из Копенгагена и ожидали провала бунта «максималистов» (то есть, большевиков) в Петрограде, возлагая большие надежды на окружившие столицу войска Керенского. Но особенно их интересовало подписание Россией мирного договора, вне зависимости

³² 30 ноября 1932 г. он выступил с лекцией «Народная поэзия в современной испанской лирике» в берлинском Университете Фридриха-Вильгельма.

³³ Цит. по: Marrast R., Alberti R. Rafael Alberti: un reportage inédit sur son voyage en URSS. *Bulletin Hispanique*, 1969, t. 71, no 1-2, pp. 340–341. Перевод Ф. Кельяна (*Альберти Р. Испанские крестьяне. М.;Л.: ГИХЛ, 1934. С. 7*) с дополнениями автора статьи.

от того правительства, которое в результате окажется у власти³⁴. В 1920-е, особенно после снятия Антантой экономической блокады, испанские газеты приступили к обсуждению самых разных аспектов преобразований в России. Восстановление торговых отношений стало одной из важнейших тем, поднимавшихся испанской печатью в конце 1910-х – начале 1930-х гг. Никакой симпатии к России испанские авторы не испытывали, обстоятельно писали о расстрелах крестьян, голоде и разрухе, а сама страна по большей мере вызывала у них негативные ассоциации.

Даже статья 1931 г. о ситуации с употреблением наркотиков в Германии, на тему, будто бы далекую от СССР, открывалась фразой, ставящий знак равенства между советским коммунизмом и морфинизмом: «В немецкой печати последнего времени наблюдается одержимость деятелей культуры двумя все более растущими угрозами: коммунизмом, импортированным из России, и морфинизмом»³⁵. Идеология советского государства воспринималась автором не просто как опасная, но и схожая с болезненным одурманиванием наркотическим веществом. В целом, коммунизм зачастую рассматривался как проявление психического заболевания, о чем свидетельствует публицистика газеты *Luz*, где большевиков называли сумасшедшими и безумными³⁶.

Известия о России в начале 1930-х были окрашены только риторикой коммерческих интересов: один из важнейших вопросов, решавшихся в первой половине 1931 г., когда Испания еще не восстановила дипломатические отношения с СССР, заключался в том, платежеспособный это коммерческий партнер, или нет. Даже освещение судебного процесса над британскими инженерами предприятия «Метро-Виккерс» в 1933 г. было увязано с вопросом торговли: мягкие приговоры подсудимым связали с удачно введенным торговым эмбарго британского правительства³⁷, впрочем, в скорости снятым.

Альберти, «чистого поэта», долгое время оставляли равнодушным не только торговые отношения с Россией, но и новое советское искусство и литература. Поколение испанских поэтов и писателей, к кругу которого он принадлежал, в двадцатые годы политикой интересовалось мало, что он сам и признавал в интервью «Литературной газете» в конце 1932 г.: «Мое поколение было поколением аполитичным»³⁸. Поэтому когда в путевых записях

³⁴ *Heraldo de Madrid*. 13.11.1917, no 9849, p. 1.

³⁵ Sánchez de Rivera D. Un grave peligro social que avanza. *El Sol*, 12.07.1931, no 4341, p. 6.

³⁶ *Luz*, 16.03.1933, no 373, p. 10.

³⁷ *Detalles del fallo*. *Luz*, 19.04.1933, no 402, p. 4.

³⁸ Поколение 1898 года. Беседа с испанским писателем Рафаэлем Альберти // Литературная газета. 1932. 29 декабря. № 59. С. 1.

первая революционная миссия р. альберти в ссср (1932–1933)

он связывает пробуждение своего интереса к России с падением диктатуры Primo де Риверы и временем провозглашения первой Испанской республики, он хорошо передает общие тенденции и настроения испанского общества. Социально-политические изменения в Испании стали триггером воодушевления и новых надежд, связанных с республиканским формой правления.

Дополнительно подтвердить интерес к новой форме правления можно с помощью обращения к диахроническому корпусу испанского языка. Поиск в базе публицистических и литературных произведений убедительно демонстрирует динамику употребления концепта «революция» с 1917 по 1931 г.: к моменту установления республики частотность выросла в 40 раз, отражая востребованность понятия в контексте политических и социальных изменений.

Поворот в испанском обществе, связанный с ростом интереса к советскому революционному опыту, также приходится на конец 1920-х – начало 1930-х. В этот период в Испании публикуется множество книг о России. За перо берутся не только литераторы, но и политики, журналисты, дипломаты, рабочие и обыватели.

Альберти не стал исключением, при этом, как можно было видеть, подлинный интерес к революционному искусству появился у него во время европейской стажировки, и именно в Берлине окончательно оформилось желание побывать в СССР. В ранее цитированном письме из столицы Германии Альберти признавался в поисках новой поэтики, совпавших со стремлением оказаться в России: «Не забываю я и о поэзии. Но моя задача – найти способ создания революционных стихов политического содержания, которые при этом не теряют поэтического качества»³⁹. Концом 1932-го датируется публикация в журнале М. Альтолагирре стихотворения Альберти «Призрак бродит по Европе...»⁴⁰, где поэт пишет о восточном ветре, с которым приходит призрак неназванного прямо в тексте коммунизма. Этот призрак знает ответы на вопросы о «красных степях мира и победы», не вселяет ужас, а становится «товарищем» множественного лирического героя, желающего перемен.

Оказавшись в Москве, поэт с энтузиазмом приобщается к современному советскому искусству и, прежде всего, поэзии. Посредником его знакомств с московскими литераторами стал Ф. Кельин, который в соответствии с принятой стратегией общения с иностранными гостями, приехавшими самостоятельно, представился Альберти не сотрудником МОРП, а преподавателем испанского языка Московского университета. Кельин встретился с Альберти и Леон не сразу, а появился только на третий день после их приезда в Москву,

³⁹ Цит по: Cabrol I. *La poésie de Rafael Alberti au tournant des années 20 et 30*.

⁴⁰ Alberti R. *Un fantasma recoge Europa... Héroe*, 1932, no 6, s.p.

н. ю. харитонова

что также свидетельствует о том, что МОРП не готовил их поездки, но подключился к их встрече, рассчитывая установить, окажутся ли они подходящими для работы людьми. Зато благодаря участию МОРП, Альберти удалось задержаться в Москве до февраля.

В путевых заметках Альберти с удовольствием вспоминает свои ежедневные встречи с Кельным, приходившим в их номер в гостинице Интуриста «Ново-Московская» (нынешний «Балчуг»). Вместе они читали и переводили советскую поэзию на испанский, а испанскую на русский, о чем сообщал Альберти:

С помощью Теодоро Кельина, в нашем теплом номере с видом на Москва-реку, мы перевели на испанский стихотворения Блока, Маяковского, Веры Инбер, Светлова, Асеева... А на русский, стихи Хуана Рамона Хименеса, Антонио Мачадо, Федерико Гарсиа Лорки⁴¹.

Буквально в первые дни после знакомства они договорились об издании поэтического сборника Альберти на русском языке, о чем поэт рассказывает в интервью «Литературной газете». Это была также принятая в МОРП практика, когда публикация книг иностранных писателей, за который автору выплачивался гонорар, использовалась как способ формирования лояльности Советскому Союзу. Пришлась она по вкусу и Альберти, особенно потому что на испанском этот сборник так и не появился⁴². Зато книга вышла на русском, пусть только в 1934 г. и с domesticiрованным названием «Испанские крестьяне»⁴³, потому что название региона, который использовал Альберти в оригинале, Эстремадура, мало что сообщало советскому читателю, и по этой причине оно фигурирует только в русском подзаголовке.

Альберти и Леон щедро делились восторженными впечатлениями от СССР со своими друзьями. Художнику Б. Паленсиа они писали: «Тут замечательно. Художники здесь невероятно душевные. И это единственная страна мира, где они хорошо живут, потрясюще хорошо, при одном только условии, что обязаны трудиться»⁴⁴.

⁴¹ Цит. по: Magast R., Alberti R. *Rafael Alberti: un reportage inédit sur son voyage en URSS*, p. 342.

⁴² Судя по упоминаниям книги в интервью «Литературной газете», поэт планировал назвать ее «Крестьяне Эстремадуры». Позже стихотворения на испанском были включены Альберти в книгу «Поэт на улице» (*El poeta en la calle*, 1935).

⁴³ Альберти Р. *Испанские крестьяне*. М.;Л.: ГИХЛ, 1934.

⁴⁴ Цит. по: Ramírez Morcillo R. C. *Literatura y compromiso político: experiencias y contenidos en José Herrera Petere, 1909–1939. Tesis doctoral inédita*. Ciudad Real: Universidad de Castilla-La Mancha, 2017, p. 106.

первая революционная миссия р. альберти в ссср (1932–1933)

В своем новом качестве революционного поэта Альберти начал овладевать новым идеологическим языком, пафосом и серьезностью описаний советских реалий, но ему это удается далеко не во всех зарисовках Москвы, выполненных в 1933-м. Круг его знакомств составили самые разные литераторы, и не только советские. Альберти бывал у Бриков, где встретился с Л. Арагоном и Э. Триоле, приходил в гости к Асееву, разговаривал с Дм. Мирским, приехавшим в Москву. Любопытно, при этом, что в записях Альберти московское поэтическое сообщество предстает дионисийским, примитивным, неистовым и азиатским:

Советским поэтам еще свойственна поэтическая выразительность хугларов. Они не столько читают свои стихи, сколько представляют их. Каждый на свой лад. И чрезмерно увлекаются звукоподражаниями. Кирсанов, к примеру, читая одно из своих стихотворений, больше походил не на поэта, а на локомотив. Он свистел, валился на пол, потел, пыхтел, словно взбираясь в гору, разве что только дыма не пускал. Каменский вещал о медвежьей охоте, сопровождая рассказ шумами, стенаниями и персидскими песнопениями, похожими на канте хондо. Асеев монотонно повторял длинную поэму, написанную в Грузии, звучащую как напевная арабская мелодия⁴⁵.

Автора полюбившегося ему стихотворения «Гренада», Михаила Светлова, с которым он так хотел познакомиться, ожидая его всю ночь в гостях у Асеева, он называет «казакон степей гражданской войны». Знакомство не состоялось, появившийся под утро поэт, «черные цыганские волосы» которого «стекали ему на глаза», был пьян и немедленно ушел спать. Такими ли должны быть поэты революции? Делясь этой историей, Альберти, однако, не снижает образ Светлова, не выказывает никакого осуждения, а пишет, что революция требует героического эпоса, «великие героические деяния вновь находят своих сказителей, героев своих песен, как этот Светлов»⁴⁶, участник гражданской войны. Оценка поэзии Светлова и иронично изображенных советских поэтов рождается из понимания эпичности событий революции, к которому Альберти пришел на рубеже 1932–1933 гг.: отсюда определение их как хугларов. Еще в Берлине Альберти начал поиски формулы «революционного» творчества, а в Москве, куда он прибыл с рукописью «Испанских крестьян», он уже делился с «Литературной газетой» готовым рецептом, ингредиентами которого должны быть фольклорная поэзия и ориентация на традицию народного эпоса, способные сделать революционные деяния поэтическим фактом:

⁴⁵ Цит. по: Marrast R., Alberti R. *Rafael Alberti: un reportage inédit sur son voyage en URSS*, p. 345.

⁴⁶ Ibid.

Фольклор отражает все политические события. Сам я не раз пытался выразить в моем творчестве тот же простой, понятный и доступный всем тон народной поэзии. Именно так написаны почти все мои стихотворения, входящие в книгу об эстремадурских крестьянах, которая должна выйти в СССР. Романс, национальная форма эпоса и песни, всегда служит мне основой. Моя пьеса «Фермин Галан» также следует этой традиции. Я думаю, что подобная простая поэтическая форма может служить отправной точкой для новой поэзии, которая будет бороться за пролетарскую революцию⁴⁷.

В Москве, таким образом, Альберти заявил о себе как о революционном поэте и старательно демонстрировал сотрудникам МОРП свой творческий потенциал, что человеку такого масштабного дарования было несложно. Испанскому автору и его деятельной жене не сразу, но удалось убедить Кельина, а значит и МОРП, в своей готовности поддерживать связь с СССР и выступать посредниками советской культурной дипломатии.

Арместо, покинув Москву, зимой 1932 г. действительно отправился в Мадрид, чтобы взять на себя руководство Союзом революционных писателей. Однако преуспеть ему в этом деле не удалось. Альберти и Леон, значение которых в писательских кругах Мадрида было несопоставимо большим, чем у Арместо, отличившегося лишь на журналистском поприще, составили ему серьезную конкуренцию, и Кельин, изначально сделавший ставку на Арместо, не мог этого не понимать. Отношения Арместо и пары Альберти-Леон начали портиться по непрямоуказанной в переписке причине, каким-то образом связанной с их поездкой в СССР. Об этом свидетельствует письмо Леон Кельину от 19 февраля 1933 г. из Берлина: «Сюда вновь приехал Арместо. Он выглядит потерянным. Мы встретили его в компании друзей, он заметил нашу холодность, очень разозлился, и мы ушли»⁴⁸. Леон и Альберти резко отзываюся об Арместо и плодах его работы в Мадриде и чтобы не выглядеть голословными, высылают Кельину письмо Эрреры Петере, которое свидетельствует о бездействии Союза писателей, парализованного установками Арместо, его «невыносимым» догматизмом, распугавшим «всех достойных людей». Чтобы исправить ситуацию, Альберти просил Кельина переслать им в Мадрид статью кого-нибудь из деятелей МОРП – Людкевича, Джерманетто или Динамова, относительно сущности Союза революционных писателей, потому что ассоциация походила на коммунистическую ячейку, что никак не способствовало ее популярности⁴⁹. Судя по этому письму, серьезным просчетом Арместо стало воспроизведение радикальных установок РАПП применительно к испанскому писательскому объединению, что и вызвало недоумение и отторжение тех

⁴⁷ Поколение 1898 года. Беседа с испанским писателем Рафаэлем Альберти.

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 4.

⁴⁹ Там же. Л. 5.

первая революционная миссия р. альберти в ссср (1932–1933)

литераторов, которые не имели прямого отношения к компартии. Более того, Арместо совершил еще один провальный ход, представившись в Мадриде представителем Коминтерна. Хотя МОРП и являлась одной из вспомогательных организаций Коммунистического Интернационала, тот же Кельин, выстраивая отношения с зарубежными писателями, это подчинение МОРП Коминтерну стремился не афишировать. В апреле 1933 г. Альберти сообщал Кельину, что собрать писателей и художников им никак не удастся, и по-прежнему обвинял в этом Арместо. Одними словами Альберти не ограничивался и поддержал исключение Арместо из партии, обещав предоставить свое письменное свидетельство с перечислением «подлостей, им совершенных»⁵⁰. В качестве альтернативы линии Арместо и его неудачному руководству Союзом Альберти и Леон очевидно рекламировали Кельину самих себя в качестве кандидатов на лидерство в обновленной секции МОРП. Если исходить из гипотезы соперничества за роль представителей МОРП в Испании, можно было бы заподозрить Альберти и Леон в необъективности, но факты скорее говорят о том, что Арместо действительно потерпел неудачу в мадридских писательских кругах.

История Арместо демонстрирует, что МОРП допускал ошибки в подборе агентов влияния, но на смену Арместо практически сразу пришли Альберти и Леон. В начале мая 1933 г. они выпустили сначала анонс, а затем первый номер журнала *Octubre*. Альберти и Леон удалось добиться не только высокого типографского качества: исследователи дают высокую оценку журналу⁵¹, на страницах которого были представлены произведения испанских писателей и стихи рабочих, публицистика и переводы с французского, русского, английского и немецкого. Журнал, при этом, носил отчетливо транснациональный характер: кроме европейских авторов, в нем участвовали авторы двух Америк, и спектр тем, освещавшихся в *Octubre*, включал и проблемы Латинской Америки⁵². Однако издатели столкнулись с финансовыми трудностями и политическим преследованием, поэтому история журнала ограничилась всего шестью номерами.

В СССР приветствовали издание журнала, но с запозданием. В Москве явно хотели сначала дать информацию об образовании новой писательской ассоциации и официальном признании ее МОРП, а также убедиться в ортодоксальности издания. «Литературная газета» сообщала: «Журнал «Октябрь» издает группа революционных писателей и работников искусства Испании. Вышло два номера со статьями И. Эренбурга, Л. Ренна, С. Динамова, стихами

⁵⁰ Там же. Л. 13 об.

⁵¹ См. Montero E. *Octubre: revelación de una revista mítica*. *Octubre*. Madrid: Ediciones Turner, 1977, pp. IX–XXXVI.

⁵² Bao R. *América Latina en la revista Octubre de Madrid 1933–1934: Redes intelectuales antifascistas*. *Pacarina del Sur*. <http://pacarinadelsur.com/home/huellas-y-voces/1181-america-latina-en-la-revista-octubre-de-madrid-1933-1934-redes-intelectuales-antifascistas>

М. Светлова, отрывками из «Первой конной». Даны также произведения А. Барбюса, Л. Арагона и революционных писателей Испании»⁵³.

16 мая 1933 г., после выхода первого номера *Octubre*, Альберти писал Кельину об учреждении испанской секции Международной организации революционных писателей и выполнении ими необходимых бюрократических формальностей. Вместе с Леон они представили документы в мадридскую Дирекцию безопасности, и ассоциация была официально утверждена, после чего они направили через Кельина заявление в Секретариат МОРП для признания их секцией этой организации⁵⁴. Письмо в Москве получили в июне, и участнику мадридской ассоциации писателю Р.Х. Сендеру, в это время гостившему в СССР, вручили сертификат участника испанской секции МОРП.

Итогом поездки Альберти стали новые издательские проекты и знакомство с «революционными» литераторами, участниками транснациональной литературной сети, взаимодействия с которыми продолжились в следующие десятилетия и выходили за рамки советской системы со строгим представлением о центре и периферии. Важно подчеркнуть и то, что путь к участию в международной сети революционной литературы у Альберти начался в Берлине, где немецкие литераторы, уже установившие контакты с Москвой, выступили в роли посредников и, возможно, своего рода проповедников новой концепции международного объединения писателей, Литературного интернационала. Для советских функционеров главным в 1933 г. стало то, что Альберти удалось сформировать канал взаимодействия МОРП с испанскими писателями: свою первую революционную миссию поэт выполнил с успехом.

Литература

Заславская О. В. Пролетарский театр и Коминтерн: транснациональный контекст создания Международного объединения рабочих театров (1926–1932) // Шаги / Steps. 2017. № 3. С. 45–67.

Купцова О. Н. Из переписки В.Э. Мейерхольда (1926–1933) // Диалог писателей: из истории русско-французских культурных связей XX века, 1920–1970. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 111–174.

Литературное наследство. Т. 81: Из истории Международного объединения революционных писателей (МОРП). М.: Наука, 1969.

Стрельникова А.А. Пролетарско-революционная литература // История литературы Германии XX века. Т. I (1880–1945). Кн. 2 «Литература Германии между 1918 и 1945 годами». М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 355–378.

Тертерян И. А. Испытание историей. М.: Наука, 1973. – 526 С.

⁵³ Литературная газета. 1933. 23 сентября. № 2783. С. 4.

⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 20.

References

Bao R. América Latina en la revista *Octubre* de Madrid 1933–1934: Redes intelectuales antifascistas. *Pacarina del Sur*. <http://pacarinadelsur.com/home/huellas-y-voces/1181-america-latina-en-la-revista-octubre-de-madrid-1933-1934-redes-intelectuales-antifascistas>

Cabrol I. *La poésie de Rafael Alberti au tournant des années 20 et 30: le dépassement des avant-gardes esthétiques par les avant-gardes politiques*. <https://books.openedition.org/psn/1481>

Drachewycz O. The Communist Transnational? Transnational Studies and the History of the Comintern. *History Compass*, 2019, no 17, pp. 1–12.

Gálvez Yagüe J. Cuatro cartas inéditas de Rafael Alberti a José Herrera Petere. *José Herrera Petere. Vanguardia y exilio. Actas del I Congreso Internacional*. Guadalajara: Diputación Provincial de Guadalajara, 2010, pp. 195–212.

Gómez Torres A. M. La metafísica del vacío: el teatro mental de Rafael Alberti (El hombre deshabitado). *Rafael Alberti et les avant-gardes*. Paris: Presses Sorbonne Nouvelle, 2004, pp. 211–244.

Kuptsova O.N. Iz perepiski V.E. Meyerkhof'da (1926–1933) [From the Correspondance of V.E. Meyerkhof]. *Dialog pisatelei: Iz istorii russko-frantsuzskikh kul'turnykh svyazei XX veka, 1920–1970 [Dialogue of Writers: From the History of the Twentieth-Century Russian-French Cultural Links, 1920–1970]*. Moscow: IMLI RAN Publ., 2002, pp. 111–174. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage], vol. 81: Iz istorii Mezhdunarodnogo ob"edineniia revoliutsionnykh pisatelei (MORP) [From the History of the International Union of Revolutionary Writers (IURW)]. Moscow: Nauka Publ., 1969. (In Russ.)

Marrast R. Rafael Alberti, proses retrouvées (1931–1932). *Bulletin Hispanique*, 1968, t. 70, no 3–4, pp. 486–509.

Marrast R. *Aspects du théâtre de Rafael Alberti*. Paris: Société d'Édition d'Enseignement Supérieur, 1967. – 159 p.

Montero E. Octubre: revelación de una revista mítica. *Octubre*. Madrid: Ediciones Turner, 1977, pp. IX–XXXVI.

Ramírez Morcillo R.C. *Literatura y compromiso político: experiencias y contenidos en José Herrera Petere, 1909–1939. Tesis doctoral inédita*. Ciudad Real: Universidad de Castilla-La Mancha, 2017. – 441 p.

Rosenhaft E. Brecht's Germany: 1898–1933. *The Cambridge Companion to Brecht*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2007, pp. 3–21.

Strel'nikova A.A. Proletarsko-revolutsionnaya literatura [Proletarian and Revolutionary Literature]. *Istoriya literatury Germanii XX veka*. Vol. I: 1880–1945. Book II: Literatura Germanii mezhd 1918 i 1945 godami [History of 20th Century German Literature (1880–1945). Vol. I: 1880–1945. Book II: German Literature from 1918 to 1945]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2018, pp. 355–378. (In Russ.)

Terteryan I. A. *Ispytanie istoriei [The Challenge of History]*. Moscow: Nauka Publ., 1973. (In Russ.)

Zaslavskaya O.V. Proletarskii teatr i Komintern: transnatsional'nye aspekty sozdaniia mezhdunarodnogo ob"edineniia rabochikh teatrov. [Proletarian Theatre and the Comintern: Transnational Components of the International Association of Workers' Theatres (1926–1932)]. *Shagi / Steps*, 2017, no 3 (3), pp. 45–67. (In Russ.)

В. И. Ленин в «советских» произведениях Курцио Малапарте

© 2021 А.В. Голубцова

УДК 82.091

https://doi.org/10.54791/27823792_2021_1_130_142

Vladimir Lenin in the “Soviet” Works by Curzio Malaparte

© 2021 Anastasia V. Golubtsova

Информация об авторе:

Анастасия Викторовна Голубцова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: ana1294@yandex.ru.

Ключевые слова: К. Малапарте, В.И. Ленин, СССР, публицистика, роман, советско-итальянские литературные связи.

Аннотация: Статья посвящена трансформации образа Ленина в публицистических и художественных произведениях Курцио Малапарте, написанных после визита автора в СССР в 1929 г. (публицистические сочинения «Осмысление Ленина», «Техника государственного переворота», «Ленин-добряк», неоконченный роман «Бал в Кремле»). Несмотря на обилие повторяющихся мотивов, образ вождя революции от произведения к произведению и даже внутри одного текста претерпевает серьезные трансформации, отражающие изменение политической ситуации в СССР, Италии и Европе в целом, а также эволюцию взглядов самого Малапарте. События, происходящие в Советской России, и личности, участвующие в этих событиях, воспринимаются писателем как плоть от плоти европейской буржуазной цивилизации. В глазах Малапарте Ленин соединяет в себе русское и европейское начала. В своих публицистических и художественных текстах автор неоднократно отмечает, что Россия – это «другая Европа», и, размышляя о Советской России, он пытается осмыслить прошлое, настоящее и будущее европейских стран, анализирует состояние и перспективы современного ему западного общества, в том числе и родной Италии.

Статья подготовлена в ИМЛИ РАН при поддержке гранта **Российского научного фонда** 20-78-00042 «Советский Союз и «русский миф» в травелогах итальянских писателей».

Information about the author:

Anastasia V. Golubtsova, PhD., Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. E-mail: ana1294@yandex.ru.

Keywords: Curzio Malaparte, Vladimir Lenin, USSR, non-fiction, novels, Soviet-Italian literary connections.

Abstract: The article studies the transformation of the image of Vladimir Lenin in non-fictional and fictional works by Curzio Malaparte written after his visit to the USSR in 1929 (*The Intelligence of Lenin, Coup D'etat: The Technique of revolution, Lenin the Good Fellow, The Kremlin Ball*). Despite a number of repeating motifs, the image of Lenin changes considerably from text to text and even within the same work. Those changes are determined both by the varying political situation in the USSR, Italy and Europe and by the evolution of Malaparte's views. For Malaparte the events that take place in Soviet Russia and historical figures that participate in these events are an organic part of the European bourgeois civilization. Malaparte viewed Lenin as a type that united European and Russian elements. In his novels and nonfictional works Malaparte used to emphasize that Russia is “yet another Europe”. Thinking about Soviet Russia he strives to understand European past, present and future, to consider the current situation and the prospects of the modern Western, and particularly Italian society.

Acknowledgement: The article was prepared at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and financially supported by the Russian Scientific Fund, grant no 20-78-00042 “Soviet Union and the ‘Russian Myth’ in the Travelogues by Italian Writers”.

в.и. ленин в «советских» произведениях курцио малапарте

Принятые сокращения:

- БК – Малапарте К. Бал в Кремле / Пер. с ит. А. В. Ямпольской. М.: АСТ, 2019.
 ТПП – Малапарте К. Техника государственного переворота / Пер. с ит. Н. Кулиш.
 М.: Аграф, 1998.
 IBL – Malaparte C. *Il buonuomo Lenin* / a cura di Mariarosca Bricchi. Milano: Adelphi,
 2018.
 IdL – Malaparte C. *Intelligenza di Lenin*. Milano: Treves, 1930.

Курцио Малапарте (1898–1957) – один из первых крупных итальянских писателей, побывавших в Советском Союзе. Он пробыл в СССР с мая по июнь 1929 г. в качестве корреспондента газеты *La Stampa*, которую возглавил незадолго до поездки. Его очерки о путешествии в СССР публиковались в газете с июня 1929 по апрель 1930 г. и в 1930-м были изданы отдельной книгой под заглавием «Осмысление Ленина» (*Intelligenza di Lenin*, 1930). Правда, считается, что первый контакт Малапарте с русской культурой произошел еще в 1915-м, на фронтах Первой мировой, где будущий писатель, по его собственному свидетельству, познакомился с приемным сыном М. Горького – Зиновием Алексеевичем Пешковым¹, от которого получил начальное знание русского языка. В 1919–1920 гг., в период советско-польской войны, Малапарте состоял при итальянской дипломатической миссии в Варшаве и, возможно, был свидетелем событий, связанных с попыткой взятия польской столицы советскими войсками². Вероятно, именно тогда и зародился интерес к Советскому Союзу, который в дальнейшем красной нитью пройдет через все творчество писателя.

Исследователи связывают решение Малапарте посетить СССР в 1929-м не только с его личными увлечениями, но и с экономическими интересами семьи Аньелли – владельцев автомобильного концерна «Фиат», которым принадлежала и газета *La Stampa*: визит писателя в Советский Союз был частью политики руководства «Фиата», направленной на расширение экономического сотрудничества с СССР на рубеже 1920-х – 1930-х гг.³ Сыграло свою роль

¹ Giacobbe C.M. *Kurt Erich Suckert e la Russia. Nuove prospettive di studi malapartiani. Tesi di dottorato*. Milano: Università degli studi di Milano, anno accademico 2016/2017, p. 12. Этот эпизод упоминается, в частности, в опубликованной посмертно книге путевых очерков Малапарте «Я в России и Китае» (1958), о которой пойдет речь далее: Malaparte C. *Io, in Russia e in Cina*. Firenze: Vallecchi, 1958, p. 83.

² Это предположение опирается лишь на слова самого Малапарте, документальные подтверждения данного факта отсутствуют. См.: Giacobbe C.M. *Kurt Erich Suckert e la Russia*, pp. 10–11.

³ Подробнее об этом см. Giacobbe C.M. *Kurt Erich Suckert e la Russia*, p. 17; Petracchi G. *Viaggiatori fascisti e/o fascisti a modo loro nella Russia e sulla Russia degli anni Venti e Trenta. Rivista di Studi Politici Internazionali*. Nuova serie, vol. 81, no. 1 (321), 2014, gennaio-marzo, pp. 35–36; Serra M. *Malaparte*. Paris: Perrin, 2012, p. 189.

и неоднозначное отношение к советскому режиму со стороны официальных властей. С одной стороны, фашистская пропаганда активно использовала образ коммунизма и большевизма как идеологического противника. В рамках этого подхода коммунизм изображался как воплощение «азиатского деспотизма», «порождение восточного менталитета, не имевшего ничего общего с западной цивилизацией, основанной на христианских ценностях и направленной на созидание и эволюционное развитие»⁴. С другой стороны, как пронизательно отмечает М. Серра, «дуче смотрит на СССР с интересом, даже со своего рода скрытой ревностью <...> СССР совершил революцию, которая, в конечном счете, не так уж далека от той, которую он сам хочет совершить в Италии, чтобы избавить страну от влияния трона и слабой и неверной буржуазии»⁵. Во второй половине 1920-х одной из излюбленных тем официальной фашистской пропаганды становится упадок буржуазной Европы, и по мере того как Италия все сильнее противопоставляет себя остальным странам Запада, многие итальянские интеллектуалы начинают рассматривать коммунистический режим как «незаконнорожденного брата» фашизма, со смесью презрения и интереса⁶. 1920-е и первая половина 1930-х стали для Италии и СССР временем политического и культурного сближения и экономического сотрудничества, которое в 1933 г. было официально закреплено итало-советским Пактом о дружбе, ненападении и нейтралитете⁷.

Сочетание внутриитальянских политических и экономических реалий, общеевропейского интереса к «модной» советской теме и личных пристрастий писателя предопределило решение Малапарте отправиться в Советский Союз. В 1920-х в СССР работало значительное число итальянских корреспондентов, однако журналистская работа серьезно осложнялась незнанием русского языка, надзором со стороны властей, советской и фашистской цензурой. Как отмечает Дж. Петракки, в отличие от обычных журналистов, известные писатели и авторитетные интеллектуалы пользовались определенной «духовной свободой», и даже сотрудничая с прессой, в меньшей степени зависели от издательской политики и цензурных ограничений⁸. В этом отношении «Осмысление Ленина» представляет особый интерес, выделяясь глубиной анализа,

⁴ Дубровина О.В. Формирование представлений о Советской России/СССР в фашистской Италии 1922–1943 гг.: дисс... канд. истор. наук. М., 2017. С. 85.

⁵ Serra M. *Malaparte*, pp. 191–192.

⁶ Traini Ch. *Narrare la Russia: gli scrittori viaggiatori italiani in Russia nel periodo sovietico. Corso di dottorato di ricerca in culture umanistiche*. Urbino, 2016, p. 16.

⁷ Только во второй половине 1930-х, в период итало-эфиопской войны 1935–1936 гг. и гражданской войны в Испании, отношения между двумя странами обострились, и официальная позиция фашистской Италии по отношению к СССР приобрела отчетливую антикоммунистическую окраску.

⁸ Petracchi G. *Viaggiatori fascisti e/o fascisti...*, pp. 36–37.

в.и. ленин в «советских» произведениях курцио малапарте

оригинальностью и независимостью суждений. Уже здесь Малапарте вырабатывает свою характерную писательскую манеру – отстраненную, подчеркнута объективную, доходящую почти до цинизма⁹; здесь же присутствует ряд идей и образов, которые, многообразно трансформируясь, будут в значительной степени определять содержание и тональность дальнейших «советских» произведений автора¹⁰.

«Осмысление Ленина», написанное «по следам» поездки в СССР, представляет собой не традиционный травелог, а, скорее, аналитический очерк, в котором автор стремится исследовать историческую логику русской революции, исходя из особенностей личности ее «творца», В.И. Ленина, а описание реалий советской жизни выступает лишь как материал или иллюстрация для теоретических рассуждений. Именно здесь Малапарте формулирует те базовые предпосылки, на которые он будет опираться во всех своих «советских» произведениях: презрение к западному либерализму, не позволяющему адекватно оценить и понять не только русскую революцию, но и феномен революции как таковой; необходимость рассматривать большевизм с точки зрения его собственной внутренней логики, которая порой оказывается парадоксально близкой к этатистским принципам фашизма; отрицание расхожего образа большевистской России как «азиатской загадки»¹¹, отражающего бессилие либеральной мысли. В понимании Малапарте, большевизм является не воплощением характерного русского «азиатского деспотизма», а порождением западной либеральной культуры; впрочем, это не мешает автору оперировать в своих работах элементами мифологизированных представлений о специфической «татарско-византийской» русской культуре и «загадочной русской душе», о врожденном анархизме, пассивности и фатализме русского народа¹².

⁹ В романе «Бал в Кремле», о котором пойдет речь далее, сам автор, характеризуя свой подчеркнута беспристрастный стиль, ссылается на М. Пруста (не исключено, что нарочитая отстраненность и беспристрастность более ранних произведений Малапарте, как публицистических, так и художественных, также связана с влиянием Пруста): «Этот роман оказался <...> романом как понимал его Пруст (не по стилю, а из-за подчеркнутой *désintéressement*, отличающей романы и персонажей Марселя Пруста)» (БК: 74). Здесь и далее роман цит. по русскому переводу; перевод сверен с итальянским изданием: Malaparte C. *Il ballo al Cremlino e altri inediti di romanzo*, presentazione di Enrico Falqui. Firenze: Vallecchi, 1971.

¹⁰ Р. Родонди, подготовившая последнее итальянское издание «Бала в Кремле», справедливо называет «Осмысление Ленина» «концептуальным архитравом его работ на советскую тему» (цит. по: Giacobbe C.M. *Kurt Erich Suckert e la Russia*, p. 74).

¹¹ Имеется в виду представление о России как загадочной восточной стране, недоступной пониманию западного человека, лежащее в основе европейского «мифа о России», ключевую роль в формировании которого сыграла книга А. де Кюстина «Россия в 1839 году» (*La Russie en 1839*, 1843).

¹² Концепция «загадочной русской души», включающая в себя представления о коллективизме, пассивности и фатализме русского народа, окончательно оформляется в знаменитой книге Э.-М. де Вогиэ «Русский роман» (*Le roman russe*, 1886), которая фактически открывает русскую

На стыке этих двух внешне противоречащих друг другу представлений и возникает образ вождя русской революции: в глазах Малапарте Ленин соединяет в себе два по видимости противостоящих друг другу начала – русское и европейское. Он одновременно и несет в себе черты русского характера и европейской морали, и отрицает их: «Антиевропейское лицо <...> двуликой логики Ленина имеет русские черты, антирусское же – черты европейские» (IdL: 23). Безжалостная и холодная логика Ленина, которая и является главной темой книги, трактуется как единственная сила, способная обуздать хаос русской души. Рациональность и бесстрашие Ленина подчеркивается соответствующими метафорами: задуманная им трансформация жизни русского народа совершается «в белом, неподвижном, холодном свете, как в операционных залах» (IdL: 43). Методы Ленина отличает сочетание оппортунизма и непреклонности – гибкость в выборе средств уравнивается строгой определенностью целей. Малапарте со смесью ужаса и восхищения рассуждает о беспринципности и жестокости Ленина в борьбе с политическими противниками, и тут же приводит примеры, свидетельствующие о его чувстве юмора, сентиментальности, любви к детям и животным. Не случайно одна из глав книги получает название «Красная невинность» – Ленин не испытывает укоров совести, потому что его жестокость соответствует естественному порядку вещей: «Он тоже мечтает о добром и счастливом человечестве, но разве он виноват в том, что люди злы и что для того, чтобы сделать добрым и счастливым все человечество, нужно убивать людей?» (IdL: 45). Эта невинность как бы искупает и оправдывает все ужасы революции и парадоксальным образом обнаруживает в фигуре Ленина христологические черты: он характеризуется как «волк Божий, который взял на себя грехи мира» (IdL: 45)¹³, а его тело в Мавзолее уподобляется мощам святого. Впрочем, автор немедленно развенчивает этот сакральный образ, называя Ленина «искусственным» святым и подчеркивая, что только «в глазах фанатиков» он напоминает святые мощи, которые первые христиане тайно вывозили с Востока: «Ни один корабль не вывезет останки Ленина, не затонув. Мертвецы – тяжелый груз» (IdL: 49). В последней главе книги, где Малапарте вновь обращается к впечатлениям от посещения Мавзолея, восприятие фигуры Ленина претерпевает еще более резкую метаморфозу: коммунистический святой превращается в «жалкую мумию», которая покоится в стеклянном саркофаге, поскольку его адепты боятся, что «добрая русская земля» отвергнет его прах (IdL: 174). Трансформация образа Ленина – от почти благоговейной интонации первых страниц до презрительной характеристики в финале – составляет скрытый «сюжет» травелога. Восхищаясь хитростью

литературу не только для французского, но и в целом для западного читателя и определяет контуры «русского мифа», влияние которого в зарубежной рецепции русской культуры ощущается до сих пор. См. об этом, напр.: *Фокин С.Л.* Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. СПб.: РХГА, 2013. С. 32.

¹³ Аллюзия на Ин 1:29.

в.и. ленин в «советских» произведениях курцио малапарте

и жестокостью Ленина, в финале Малапарте выносит моральный приговор и ему самому, и всему советскому режиму.

О неприятии советского строя, проступающем сквозь нарочитую объективность и «научность» рассуждений Малапарте, пишет и автор рецензии на «Осмысление Ленина» в *La Stampa*, приводя любопытный факт: «После своей поездки в Россию <...> Курцио Малапарте, приземлившись после перелета из Москвы в Венецию, отправил дуче такую телеграмму: "Я глубоко благодарен Вам как итальянец и как фашист за то, что Вы спасли Италию от большевизма"»¹⁴.

В 1931 г. во Франции выходит очередное политическое сочинение Малапарте, «Техника государственного переворота» (*Technique du coup d'État*), которое будет запрещено в Италии и впервые выйдет в свет на итальянском языке только в 1948 г. В этой работе автор на конкретных примерах из европейской истории – от Французской революции до Октябрьского переворота, фашистской революции и гитлеровского Пивного путча – анализирует технологии захвата государственной власти. Революция здесь рассматривается не как порождение социально-политической ситуации, а как результат применения определенной «техники»: это плод работы активного меньшинства, способного подчинить себе инертные народные массы. Эта идея звучала уже в «Осмыслении Ленина», где возникает яркий образ горстки восставших рабочих, которые, завоевав власть, вырывают кнут из рук прежних хозяев и секут им равно и господ, и слуг: «Народ России, глухая чернь, бесхребетная толпа, рабочие победили: горе тебе!» (IdL: 125).

Поскольку «Техника государственного переворота» посвящена не стратегии, а тактике организации революций, Малапарте, рассматривая ход событий Октября, наибольшее внимание уделяет Троцкому как «тактику» и «создателю техники большевистского переворота», в отличие от Ленина – «стратега революции», ее теоретика, идеолога и вдохновителя (ТГП: 92–93)¹⁵. В трактовке Малапарте Ленин рассчитывает на масштабное восстание народных масс, Троцкий же разрабатывает план действий, который способна осуществить даже немногочисленная группа революционеров (захват ключевых стратегических пунктов – телеграфа, электростанций, вокзалов, мостов, затем – административных учреждений и органов политической власти, и в итоге – свержение правительства). Успех Октябрьской революции обеспечивается сочетанием двух факторов – «технического» подхода Троцкого и стратегической и теоретической мысли Ленина, однако именно в тактике Троцкого, по мнению итальянского писателя, заключена основная «коммунистическая опасность»: если стратегия Ленина тесно связана с ситуацией, сложившейся в России в 1917 г., то техника

¹⁴ Signorette A. Un libro sulla Russia. *La Stampa*, 1930, 16 luglio.

¹⁵ Рус. пер. сверен с итальянским изд.: Malaparte C. *Tecnica del colpo di Stato*. Firenze: Vallecchi, 1973.

Троцкого не зависит от конкретных условий и может быть использована для организации коммунистического переворота в любом государстве Европы.

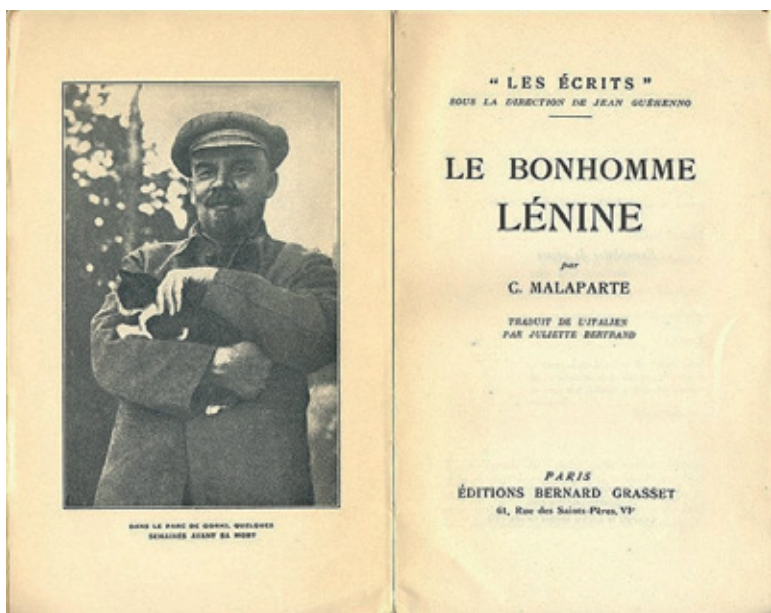
Уже в следующей книге под названием «Ленин-добряк» (*Le bonhomme Lénine*)¹⁶, изданной во Франции в 1932 г. и долгое время запрещенной в Италии¹⁷, внимание Малапарте вновь сосредоточивается на фигуре Ленина. В этой работе, по сравнению с «Осмыслением Ленина», Малапарте уделяет меньше внимания исследованию советского общества, и в большей степени концентрируется на биографии вождя революции. Ленин по-прежнему рассматривается как порождение европейского либерализма и противоречивой «русской души» – соответствующий фрагмент из «Осмысления Ленина» почти дословно перепечатан в «Ленине-добряке»: «В широком горизонте логики Ленина православным (в “Ленине-добряке” – азиатским. – А.Г.) куполам храма Василия Блаженного служат противовесом башня Вестминстера и Эйфелева башня...» и далее (IdL: 22–23; IBL: 22–23). Любопытно, что если в «Осмыслении Ленина» Малапарте противопоставляет Европу и Россию через дихотомию «европейское-православное», то во второй книге он обращается к более радикальной оппозиции «европейское-азиатское».

Вместе с тем, образ Ленина претерпевает и некоторую трансформацию. В первой книге в центре внимания автора оказывается взаимодействие, синтез этих двух начал, а сам Ленин в своей предельной рациональности, беспринципности и бесстрастности приобретает почти сверхчеловеческие черты; в «Ленине-добряке» Малапарте интересует, прежде всего, «европейская» составляющая личности Ленина, который предстает как типичный западный мелкий буржуа. Поэтому вторая работа о Ленине рисует значительно более статичный и целостный образ, лишенный внутренней динамики, характерной для «Осмысления Ленина». Впрочем, следует отметить, что идея, лежащая в основе книги, впервые коротко прозвучала еще в первой книге, где неотъемлемым свойством характера Ленина объявляется «внезапная злоба мелкого буржуа» (IdL: 67).

Излагая биографию Ленина, Малапарте в своей характерной парадоксальной манере отвергает обе расхожие трактовки его образа: советскую, превращающую жизнь вождя в «политическую агиографию», и западную, изображающую его как «пролетарского Чингисхана» (IBL: 7) в рамках стереотипной оппозиции

¹⁶ С. Гардзони во вступительной статье к русскому изданию «Бала в Кремле» (с. 26) предлагает перевод «Дедушка Ленин».

¹⁷ Первое итальянское издание вышло только в 1962 г. под заглавием «Lenin buonanima», которое было предложено самим Малапарте еще в 1939 г., но существенно искажало смысл первоначального французского названия (*bonhomme* – «добрый/простой человек», *buonanima* – «покойный»). М. Брикки, редактор последнего итальянского переиздания книги, вышедшего в 2018 г. с уточненным заглавием (IbL), предполагает, что такое решение было продиктовано стремлением автора защититься от обвинений в чрезмерном русофильстве в период охлаждения отношений между Италией и СССР в конце 1930-х. См.: Bruni R. Un rivoluzionario in partuccia. Lenin secondo Malaparte. *Le parole e le cose*. <http://www.leparoleelecose.it/?p=32753/>.

К. Малапарте «Ленин-добряк». Французское издание 1932 г.

К. Малапарте «Ленин-добряк». Итальянское издание 1962 г.

Европы и России как Запада и Востока. «Ленин-добряк», как и «Осмысление Ленина», начинается с критики буржуазной мысли, отвергающей Ленина как нечто чуждое европейскому духу. В прологе Малапарте дает своему герою исчерпывающую характеристику: «“средний европеец”, добряк и человек доктринерского фанатизма и абстрактной воли, <...> бумагомаратель, неспособный действовать за пределами теории, мелкий буржуа-домосед, потерянный в смуте революции» (IBL: 8–9). Ленин интересен европейцу Малапарте именно потому, что он не азиатский «монстр»: он «принадлежит к бесчисленному семейству мелких служащих, мелких нотариусов, интеллектуалов, провинциальных адвокатов», носителей того «фанатического духа», который и представляет главную опасность для современной Европы, поскольку в определенных обстоятельствах способен превратить любого мелкого буржуа в Кромвеля или Робеспьера (IBL: 12–13).

В обоих книгах анализ личности Ленина начинается с рассуждений о русском национальном характере, базирующихся на расхожем европейском мифе о России и русской душе, – вплоть до прямых повторов. Цитируя «Осмысление Ленина», Малапарте вновь подчеркивает гибкость и одновременно непреклонность Ленина – «оппортунистический фанатизм, которого не хватало большей части российских интеллектуалов-социалистов, разделившихся между фанатизмом без оппортунизма у народников и оппортунизмом без фанатизма у учеников Плеханова» (IBL: 36–37). В то же время, как и в «Технике государственного переворота», Малапарте подчеркивает, что Ленин (в отличие от Троцкого) не был человеком действия: он занимал выжидательную позицию, при этом расширяя свое влияние с помощью внутривнутрипартийных интриг и устраняя своих политических противников – то есть, действуя так же, как «мелкобуржуазные герои» Мазарини и Робеспьер. Порой дословно повторяя тезисы, изложенные в «Технике государственного переворота» («Есть революционная стратегия и тактика восстания. Ленин – стратег, Троцкий – тактик» (IBL: 126; ср.: ГП: 92–93)), итальянский автор смещает фокус внимания с Троцкого на Ленина: по мысли Малапарте, именно Ленин с помощью внутренних интриг «очищает партию от всех слабых, нерешительных, оппортунистов, делает из этой многочисленной организации без единой доктрины и командования *équipe* специалистов по революции, слепо подчиняющихся его воле» (IBL: 126–127). Если в «Технике государственного переворота» Ленин, в отличие от Троцкого, рассчитывает на масштабное восстание народных масс, то в «Ленине-добряке» Малапарте, казалось бы, радикально переоценивает его роль: из его рассуждений следует, что именно Ленин создает «активное меньшинство», необходимое для «технической» организации переворота. Однако эти внутривнутрипартийные интриги, в понимании итальянского автора, служат не целям революции как таковой, а исключительно личным задачам Ленина: удержаться во главе партии, чтобы в нужный момент возглавить революционное движение. В отличие от деятельного Троцкого, Ленин видит свою задачу в том, чтобы «следить за чистотой марксистской доктрины, диктовать

в.и. ленин в «советских» произведениях курцио малапарте

законы борьбы, задавать правила для революционного духа и усваивать уроки происходящих событий. Это роль Робеспьера» (IBL: 48).

Разрабатывая мотив рациональности Ленина, занимающий центральное место еще в «Осмыслении Ленина», Малапарте отмечает, что Ленин «даст пролетарской революции логику», и вновь обращается к образу «белого, неподвижного и холодного света операционных залов» (IBL: 254; ср.: IdL: 43), с той лишь разницей, что теперь эта безупречная рациональность трактуется не как сверхчеловеческая черта, вызывающая ужас и восхищение, а как мелкобуржуазный педантизм и внимание к «мелким фактам, составляющим великие события» (IBL: 49–50). Буржуазные привычки и предпочтения прослеживаются в его семейной жизни, быту, увлечениях. Он не любит опасностей и риска, ценит свободу, покой и личную безопасность, но во внутрипартийных дискуссиях отстаивает необходимость революционного насилия. Впрочем, по замечанию Малапарте, «этот мелкобуржуазный фанатик воспринимает насилие исключительно абстрактно» (IBL: 254), не осознавая ужасных практических последствий своих теорий, поскольку для этого «ему не хватает воображения»: итальянский автор метко называет такую жестокость «платонической» (IBL: 255). В этом смысле Ленин невинен: он – «*lupus Dei qui tollit peccata mundi*» (IBL: 335) (еще одна цитата из «Осмысления Ленина»). Вместо «марксистского Чингисхана», «пролетарского Магомета», каким представляет его западное воображение, Малапарте рисует образ Ленина «бледного, худого, дрожащего, с тусклым взглядом, сутулой спиной, хриплым голосом», «диктатора с менталитетом чиновника» (IBL: 337–338), доктринера-буржуа, который избегает прямого контакта с реальностью и потому сохраняет спокойствие и чистую совесть, когда по его вине погибают миллионы людей. Тело Ленина в Мавзолее описывается здесь почти теми же словами, что в «Осмыслении»: «Лежа в стеклянном гробу, он спит, спокойный и забальзамированный <...> глаза прикрыты, левая рука мягко покоится на груди» (IBL: 369–370; ср.: IdL: 48–49). Но если в первой книге «легкая улыбка» на его губах выглядит как свидетельство невинности большевистского «святого», то в «Ленине-добряке» она же выступает как признак чистой совести скромного буржуа, «чиновника в отставке», мирно почившего в своей постели: «его бумаги в порядке, его совесть спокойна» (IBL: 370).

Образ Ленина появляется и в поздних произведениях Малапарте на «советскую» тематику – в репортажах с Восточного фронта, вышедших в 1943 г. под названием «Волга рождается в Европе» (*Il Volga nasce in Europa*), и в травелоге «Я в России и в Китае» (*Io, in Russia e in Cina*, опубликовано посмертно, 1958), описывающем вторую и последнюю поездку Малапарте в СССР в 1956–1957 гг. Во фронтовых репортажах автор в очередной раз обращается к воспоминаниям о посещении Мавзолея¹⁸ (здесь они навеяны видом советского военного

¹⁸ Malaparte C. *Il Volga nasce in Europa*. Roma; Milano: Aria d'Italia, 1951. pp. 301–302.

кладбища), в значительной степени повторяя описание из «Ленина-добряка» (IBL: 369-371), а диалог с сопровождающим («– Почему вы его забальзамировали? <...> – Мы не верим в бессмертие души»¹⁹) дословно воспроизводит один из финальных фрагментов «Осмысления Ленина» (IdL: 174) и заключительную сцену «Ленина-добряка» (IBL: 371). В очерках из книги «Я в России и в Китае», описывающих короткое пребывание Малапарте в Москве по пути в коммунистический Китай, автор обращается к материалу предыдущей поездки в СССР, сравнивая новую советскую действительность с реалиями конца 1920-х и давая новую оценку и трактовку некоторым явлениям той эпохи – например, внутривластной борьбе Сталина и «старой ленинской гвардии». Однако в военной и послевоенной публицистике Малапарте фигура Ленина занимает маргинальное положение, не привлекая особого внимания автора. В контексте Второй мировой войны упоминания Ленина функционируют исключительно как ассоциации, сравнения или иллюстрации к описываемым событиям; в послевоенном переосмыслении реалий 1920-х Ленин описывается как разбитый тяжелой болезнью пассивный наблюдатель, хотя автор неоднократно подчеркивает ясность его ума и проницательность в оценке ситуации и соратников по партии²⁰. Обилие нового материала и изменение политической обстановки отвлекает внимание Малапарте-публициста от фигуры Ленина.

Однако в 1940–1950-е итальянский писатель вновь обращается к этому образу, на сей раз в художественном произведении – неоконченном романе «Бал в Кремле» (*Il ballo al Cremlino*). Замысел романа относится к середине 1940-х, но материалом для него служат впечатления от все той же поездки в СССР в 1929-м. Малапарте работал над этим текстом до конца жизни, но не успел закончить его. Неоконченный роман был впервые опубликован только в 1971 г. Это последнее по времени публикации «советское» произведение Малапарте символично «закольцовывает» творческий путь автора, с самого начала отмеченный влиянием русско-советской тематики.

Ключевой темой романа становится упадок и разложение советской номенклатуры рубежа 1920–1930-х – того слоя, который сам Малапарте называет «марксистской аристократией». В романе частично повторяются, частично переосмысляются, получая новую трактовку, темы, образы и целые сцены из «Осмысления Ленина» и «Ленина-добряка», в меньшей степени – из «Техники государственного переворота». Фигура Ленина здесь не выходит на первый план (поскольку он не является и не может являться героем книги), но ключевую роль в романе, как и в ранних «советских» произведениях Малапарте, играет сцена посещения Мавзолея, напрямую отсылающая к описаниям мертвого тела вождя в «Осмыслении Ленина» и «Ленине-добряке». В тексте «Бала в Кремле» присутствуют все те детали, которые можно встретить в первых двух произведениях:

¹⁹ Ibid., p. 302.

²⁰ Malaparte C. *Io, in Russia e in Cina*, pp. 33–34.

в.и. ленин в «советских» произведениях курцио малапарте

и белое лицо, усыпанное веснушками, и сложенная на груди левая рука, и усмешка на губах, и холодный свет электрических ламп, и картина спокойного безмятежного сна (БК: 121). И все же образ мертвого Ленина здесь приобретает радикально новую трактовку. Перед нами уже не большевистский святой из «Осмысления Ленна», не мирно почивший мелкий буржуа из «Ленина-добряка»²¹, а «медленно разлагающаяся мумия» – символ распада советского общества: ее лицо покрывает «зеленоватый, похожий на плесень пот», а ухо и пальцы одной из ног попорчены мышами (БК: 121). Отсылки к образу святых мощей – «днем и ночью русский народ проходил, рыдая, перед хрустальным гробом» – лишь подчеркивают нарочитую физиологичность описания забальзамированного тела Ленина, которое почти дословно повторяется в середине и в конце романа, что в очередной раз косвенно свидетельствует о значимости этого образа для Малапарте. Поскольку произведение осталось неоконченным, нельзя с уверенностью утверждать, что автор собирался завершить его именно таким образом, однако следует отметить, что именно этой сценой заканчиваются ключевые претексты «Бала в Кремле» – «Осмысление Ленина» и «Ленин-добряк». Более того, в самом конце романа дословно повторяется выражение «жалкая мумия» (*squallida mummia*) из финального фрагмента «Осмысления Ленина». Символично, что произведение, посвященное гибели марксистской аристократии, завершается пассажем, красочно и подробно описывающим разложение тела вождя революции: «После того, как он пролежал несколько месяцев в хрустальном гробу, заметили, что мумия разлагается, разваливается. Она стала рыхлой и местами мягкой на ощупь, сырой, испорченной» (БК: 291). В «русско-советском» творчестве Малапарте образ Ленина проходит путь последовательной деромантизации и демифологизации – путь от сверхчеловека, наделенного чертами Христа, до разлагающейся мумии.

Неослабевающее внимание Малапарте к фигуре Ленина объясняется не только интересом к Советскому Союзу как таковому. События, происходящие в Советской России, и личности, участвующие в этих событиях, воспринимаются писателем как плоть от плоти европейской буржуазной цивилизации. Ленин для Малапарте – не «азиатский монстр»: подобные ему фигуры были в истории европейских государств и могут появиться в будущем. В своих публицистических и художественных текстах автор неоднократно отмечает, что Россия – это «другая Европа», и, размышляя о Советской России, он пытается осмыслить прошлое, настоящее и будущее европейских стран, анализирует состояние и перспективы современного ему западного общества, в том числе и родной Италии.

²¹ Впрочем, «эхо» образа мелкого буржуа звучит в описании кресла, в котором умер Ленин: «Старое домашнее кресло, какие имелись в доме у каждого русского буржуа. С выцветшей, рваной обивкой, с засаленными спинкой и подлокотниками <...> Ленин <...> умер в буржуазном кресле, словно герой Золя» (БК: 146).

а. в. голубцова

Литература

Дубровина О.В. Формирование представлений о Советской России/СССР в фашистской Италии 1922–1943 гг.: дисс... канд. истор. наук. М., 2017.

Фокин С.Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. СПб.: РХГА, 2013.

References

Bruni R. Un rivoluzionario in parrucca. Lenin secondo Malaparte. *Le parole e le cose*. <http://www.leparoleele cose.it/?p=32753> (date of access: 01.10.2020).

Dubrovina O. V. *Formirovanie predstavlenii o Sovetskoi Rossii/SSSR v fashistskoi Italii 1922–1943 gg.: diss. kand. istor. nauk* [Formation of the Idea of the USSR / Soviet Russia in Fascist Italy, 1922–1943. PhD Thesis]. Moscow, 2017. (In Russ.)

Fokin S.L. *Figury Dostoevskogo vo frantsuzskoi literature XX veka* [Dostoevsky Figures in the Twentieth-century French Literature]. Saint-Petersburg: RHGA Publ., 2013. (In Russ.)

Giacobbe C. M. *Kurt Erich Suckert e la Russia. Nuove prospettive di studi malapartiani. Tesi di dottorato*. Milano, Università degli studi di Milano, anno accademico 2016/2017.

Petracchi G. Viaggiatori fascisti e/o fascisti a modo loro nella Russia e sulla Russia degli anni Venti e Trenta. *Rivista di Studi Politici Internazionali*. Nuova serie, vol. 81, no 1 (321), gennaio-marzo 2014, pp. 35–57.

Serra M. *Malaparte*. Paris: Perrin, 2012.

Traini Ch. *Narrare la Russia: gli scrittori viaggiatori italiani in Russia nel periodo sovietico. Corso di dottorato di ricerca in culture umanistiche*. Urbino, 2016.

Дата поступления в редакцию: 5.03.2021
Дата публикации: 20.11.2021

Received: 5.03.2021
Published: 20.11.2021

G.B.S. & Sir Gay: неисповедимы пути искусства

© 2021 Ю.А. Скальная

УДК 82.091

https://doi.org/10.54791/27823792_2021_1_143_156

G.B.S. & Sir Gay: The Inscrutable Ways of Art

© 2021 Yulia A. Skalnaya

Информация об авторе:

Юлия Андреевна Скальная, кандидат филологических наук, старший преподаватель Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель Военного университета Министерства обороны РФ. E-mail: julycat@mail.ru.

Ключевые слова: драматургия, театр, Джордж Бернард Шоу, Сергей Михайлович Эйзенштейн, Айвор Монтегю, «Дом, где разбиваются сердца», «Дилемма доктора», эксперимент, авангард, русско-британские литературные и культурные связи.

Аннотация: Статья посвящена важной и малоизученной истории творческих контактов ирландского драматурга Бернарда Шоу и советского режиссера Сергея Эйзенштейна. Рассматривается заочное знакомство двух художников: работа Эйзенштейна над постановкой пьесы «Дом, где разбиваются сердца» (1913–1917) для Театра актера и отзыв Шоу на его фильм «Броненосец «Потемкин»» (1925). По материалам переписки и мемуаров Шоу, Эйзенштейна и Айвора Монтегю, кинокритики и режиссера, организовавшего их встречу в 1929 г., восстанавливаются малоизвестные детали их личного знакомства, обсуждения совместных проектов. Исследуется концептуальная близость Шоу и Эйзенштейна в вопросах революционного искусства, а также корреляция образа художника в пьесе Шоу «Дилемма доктора» с творческой индивидуальностью Эйзенштейна.

Information about the author:

Yulia A. Skalnaya, PhD. in Philology, Senior Lecturer, M.V. Lomonosov Moscow State University; Senior Lecturer, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. E-mail: julycat@mail.ru.

Keywords: drama, theatre, George Bernard Shaw, Sergei Mikhailovich Eisenstein, Ivor Montagu, Heartbreak House, The Doctor's Dilemma, experiment, avant-garde, Russian-British literary and cultural connections.

Abstract: The article considers an important and yet largely neglected history of artistic interaction between Irish dramatist Bernard Shaw and Soviet film director Sergei Eisenstein. The first part focuses on their acquaintance *in absentia* giving an overview of Eisenstein's work on the production of Shaw's *Heartbreak House* (1913–1917) for the Actor Theatre and Shaw's reaction to his film *Battleship Potemkin* (1925). The second part of the article studies the correspondence and memoirs of Shaw, Eisenstein and their mutual friend Ivor Montagu who organised their meeting in 1929, restoring the lesser known details of their encounter in person and their discussion of creative collaboration projects. The research highlights conceptual unanimity in Shaw's and Eisenstein's views on the revolutionary art as well as the correlation between the central character of an artist in Shaw's play *The Doctor's Dilemma* and Eisenstein's creative individuality.

Джордж Бернард Шоу (1856–1950) и Сергей Михайлович Эйзенштейн (1898–1948) – два художника, без которых невозможно представить себе двадцатый век. Каждый из них был харизматичной личностью, ярким оратором и бесстрашным экспериментатором. Каждый придумал себе шутовское прозвище и альтер-эго, которое позднее превратилось в своего рода бренд – G.B.S. (начальные буквы имени и фамилии – **G**eorge **B**ernard **S**haw) и Sir Gay – «Сэр Весельчак» и одновременно имя «Сергей», переписанное на «английский лад» (этим шутовым псевдонимом молодой Эйзенштейн подписывал свои эскизы, рисунки и карикатуры на рубеже 1910–1920-х). Разумеется, неведомые законы магнетического притяжения рано или поздно должны были свести двух гениев вместе. Единственная личная встреча между ними состоялась лишь в декабре 1929 г. Однако их заочное знакомство началось семью годами ранее, когда в Театре актера под руководством Вс.Э. Мейерхольда готовилась постановка пьесы Шоу «Дом, где разбивают сердца»¹ (*Heartbreak House*, 1913–1917).

Подготовка постановки

По поручению Мейерхольда Эйзенштейн, тогда еще молодой художник-декоратор, учившийся на режиссера в ГВЫРМ², должен был разработать эскизы костюмов и декораций к спектаклю. Неоднозначная, насыщенная как философскими размышлениями о жизни, смерти, любви и морали, так и множеством фарсовых эпизодов, исполненная антивоенного пафоса «фантазия в русском стиле на английские темы»³ сама по себе была вызовом. Однако не менее сложными были и условия работы над проектом. Эйзенштейн несколько раз вынужден был менять подход, чтобы учесть все требования Мейерхольда, включавшие «неживописные костюмы и декорации», торжество «прозодежды» (производственной одежды) как неотъемлемой части «биомеханики», а также «бодрого, здорового искусства, активизирующего зал»⁴.

После провала первых двух версий в третьем варианте проекта Эйзенштейн предлагает следующее решение: «создать своеобразную и только к данному спектаклю применимую (механизм) машину», которая при

¹ Так перевел название пьесы И.А. Аксенов, по тексту которого готовился спектакль. Сегодня в русской традиции закрепился перевод «Дом, где разбиваются сердца» (пер. С. Боброва и М. Богословской, 1980).

² Государственные высшие режиссёрские мастерские (ГВЫРМ) – созданы в Москве в 1922 г., затем влились в состав Государственных высших театральных мастерских (ГВЫТМ) под руководством Вс.Э. Мейерхольда. Позднее произошло слияние ГВЫТМ и Государственного института театрального искусства (ГИТИС).

³ Подзаголовок, данный Шоу своей пьесе.

⁴ Подробнее об этом см.: *Клейман Н.И. Эйзенштейн на бумаге: Графические работы мастера кино*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. С. 68.

«пассивной кинетике» актера, перемещала бы его «в определенной комически рассчитанной координации со словесным его материалом»⁵. По сути, это был проект марионеточного театра, где роль кукол исполняли бы живые люди, отдающие свою сценическую волю на откуп внешне регулируемому механизму. Решение было блестящим и как нельзя лучше отвечало концепции пьесы Шоу, призванной показать безвольную и пассивную богему, инертную внутренне и внешне – как по отношению к окружающему миру, так и к элементарным человеческим чувствам. Предложенная идея была тем более хороша, что контроль за механизмом осуществлял также облаченный в прозодежду рабочий сцены – тот самый рабочий, который на рубеже XIX–XX вв. привел в движение европейское общество, устроил революцию в России; этого рабочего Шоу позднее в книге «Рационализации России» (*Rationalization of Russia*, 1932) будет превозносить как символ утопического будущего, где сыт только тот, кто работает, и нет места «форсайтам»-собственникам, паразитирующим на теле государства.

Избранный Эйзенштейном «партнерный аппарат» в виде подкидного трапа, предлагавший разнообразные варианты сальто, а также «параболических и прямолинейных» перемещений в пространстве⁶, вводил в постановку элемент циркачества, который напрямую не присутствовал в тексте указанного к постановке произведения, однако был ощутим в других произведениях Шоу того же периода. Так, в пьесе «Анна-янска, большевистская императрица» (*Annajanska, the Bolshevik Empress*, 1918) главная героиня – наследница престола и революционерка, заявляет: «Я готова стать кем угодно, лишь бы сделать мир меньше похожим на тюрьму и больше – на цирк»⁷. Следует заметить, что в начале XX в. циркачество в значительной мере ассоциировалось и с самим Шоу; не случайно его друг, карикатурист журнала «Панч» Бернард Партридж в 1907 г. изобразил G.V.S. в виде ловкого жонглера⁸.

Бернард-жонглер.
Карикатура Б. Партриджа.
«Панч». 1907.
Partridge B. Bernard, the
Juggler. Punch, 1907.

⁵ Пояснительная записка к проекту материального оформления спектакля «Дом, где разбивают сердца». Цит. по: *Клейман Н.И.* Эйзенштейн на бумаге. С. 68. Здесь и далее все альтернативные формулировки, приводимые в цитате в скобках, принадлежат С.М. Эйзенштейну.

⁶ Там же. С. 68.

⁷ *Шоу Б.* Аннаянска, сумасбродная великая княжна // Шоу Б. Полн. собр. пьес: В 6 т. Т. 4 / Ред. А.А. Аникст, Н.Я. Дьяконова и др.; пер. с англ. В. Паперно. Л.: Искусство, 1980. С. 459.

⁸ Bernard the Juggler. Punch's Almanach, 1907. К середине XX в. сходство мира с цирком стало настолько очевидным, а образ жонглера символичным, что в 1946 г. Партридж повторил метафору

Общие истоки

В отсутствие личного знакомства, столь авангардное и при этом пронизательное понимание Эйзенштейном ключевых аспектов постановки «Дома, где разбиваются сердца» можно объяснить сходными источниками, из которых и драматург, и начинающий режиссер черпали вдохновение, а именно: комедии дель арте и театральных традиций Средневековья.

Шоу заявлял: «...я рассказываю старые истории, и мои персонажи – это наши старые знакомые – Арлекин и Коломбина, Клоун и Панталоне <...> Мои драматургические трюки, остроты, паузы и приостановки в развитии действия, все приемы, которыми я держу зрителей в напряжении или привожу их в трепет, были в моде много лет назад <...> [Однако] мои попытки заменить законами природы условную мораль и романтическую логику <...> так сильно видоизменя[ют] старых марионеток и их проблемы, что старые театралы не могут их распознать»⁹.

Вот и Эйзенштейн, по словам Н.И. Клеймана, «заметил: если “поскрести” каждую из <...> театральных систем, то можно обнаружить вечные маски под разнообразными обликами персонажей...»¹⁰.

Открыв для себя зрелищную красочность и изумительную изменчивость итальянского уличного театра еще в юности – в постановке «Принцессы Турандот» Ф. Комиссаржевского (1912), Эйзенштейн не мог не разглядеть тех самых «старых знакомых» в пьесе Шоу, даже если теперь они надели на себя маски и наряды по последней моде. Важно, однако, что «Турандот» представила комедию дель арте не в чистом виде, а подчеркнуто *самоосознанном* (self-conscious). Клейман приводит воспоминание Эйзенштейна: «[Это было] действие, выведенное (выводимое) “из плана” театра, – впервые видел в “Турандот” Комиссаржевского (1912 – 1913?): итальянские маски выходят в партер, сидят на суфлерской будке, etc.». Здесь его впервые заинтересовал «принцип разъятия» – «острота раздваивания между иллюзией и фактом (“образ” маски и “носитель” маски)»¹¹.

Тот же принцип был положен Шоу в основу «Дома, где разбиваются сердца»: выстроив свое произведение как фотопластину, запечатлевшую на себе все надежды, шалости, пороки и разочарования современного ему общества, драматург стремился создать эффект зеркала, глядя в которое зритель осознал бы, что на сцене ни кто иной, как он сам, потерянный среди жизненных бурь и опустошенный богемным притворством. Таким образом создавался

в отношении Гитлера, идущего по канату и подкидывающего в воздух Румынию, Венгрию и Болгарию. Но, разумеется, это изображение было лишено того обаяния дружеского шаржа, которым обладал карикатурный портрет Шоу.

⁹ Бернард Шоу о драме и театре / Ред. А. Аникст и Е. Корнилова. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. С. 446-447.

¹⁰ Клейман Н.И. Эйзенштейн на бумаге. С. 71.

¹¹ Там же. С. 69.

эффект вовлечения зрителя в драму, а следовательно, срабатывал тот самый любопытный прием «разъятия» – двойственного сосуществования «образа» маски и ее «носителя» одновременно на сцене и в зрительном зале.

Другим потрясением для Эйзенштейна стала концепция «Старинного театра» Н. Евреинова, провозгласившего театрализацию жизни и ратовавшего за необходимость возродить постановочную традицию античной и средневековой драмы. Притом одной из драм, утвердившей Евреинова на этом пути, стала другая пьеса Шоу – «Кандида» (*Candida*, 1894), жанровую природу которой сам драматург определил как «мистерию» – то есть, непосредственно апеллируя к канонам средневекового театра.

Однако существенна и точка расхождения: для Эйзенштейна как художника и будущего режиссера задача экспериментального преобразования театра не в меньшей степени подразумевала совершенствование пространственно-технических характеристик и возможностей. Понятие «предела» для него упиралось в степень «выраженности» характера, который нужно было проявить «до конца», и в физическую границу в виде рампы (позднее – экрана), которую необходимо прорвать. Шоу был в меньшей степени занят трансформационным потенциалом просцениума, хотя и он понимал, что театральная «коробка» безнадежно устарела. Но основным полем его экспериментов была жанровая природа и идейное содержание текста.

Разрыв

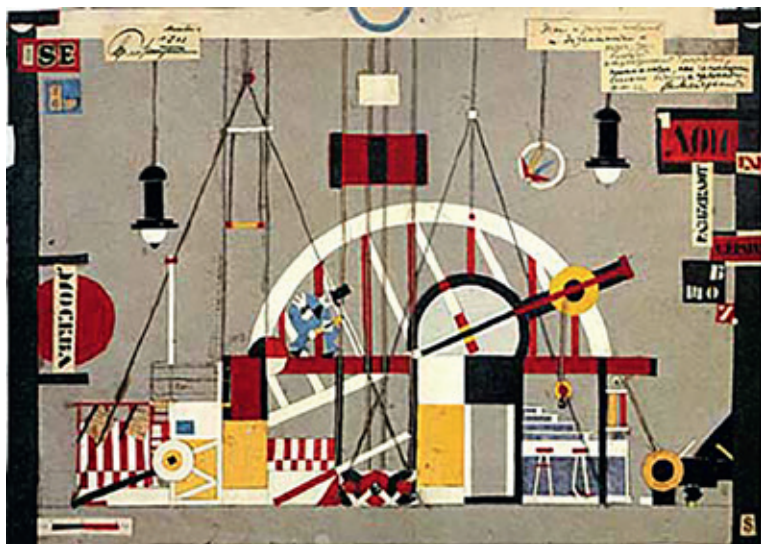
Точки расхождения достигли и взаимоотношения Эйзенштейна с Мейерхольдом. Спустя несколько месяцев от начала работы над спектаклем он получает записку от Мейерхольда с указанием: «Работу по составлению монтажки к пьесе Шоу прошу передать т. З.Н. Райх как получившей постоянное место в Театре актера для работы по составлению монтажек в помощь мне»¹².

Однако прекращение работы над спектаклем в качестве художника-декоратора не помешало Эйзенштейну использовать проделанную работу как материал для зачетного проекта за первый год обучения в ГВЫРМ, представив не только свои рисунки, но и концептуальные комментарии по реализации постановки уже с позиций режиссера. Резолюция Мейерхольда на представленных бумагах гласила: «Эскиз и рисунки костюмов т. Эйзенштейна к пьесе, требующей эксцентрической трактовки, принимаются как выполненные согласно заданию и превосходно. 19-VI-22 Вс. Мейерхольд»¹³.

Эйзенштейн воспринимает такой исход оптимистично. В письме к матери он пишет: «С Мейерхольдом сорвалась еще одна постановка (ввиду переворота в театре). Все это, пожалуй, к лучшему, так как работа художника

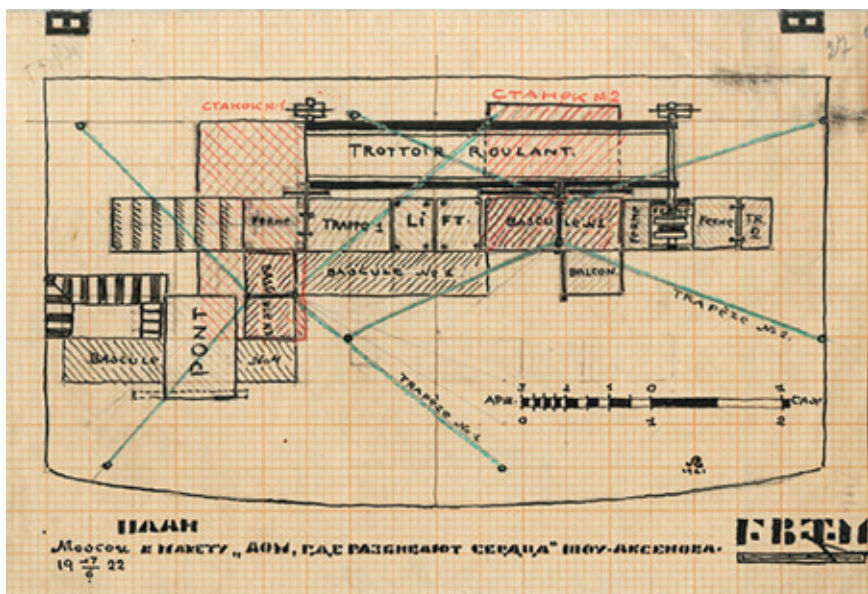
¹² Мейерхольд В. Э. Переписка: 1896–1939 / Сост. В. П. Коршунова, М. М. Ситковецкая. М.: Искусство, 1976. С. 214.

¹³ Цит.: Мейерхольд и художники / Сост. А.А. Михайлова. М.: Галарт, 1995. С. 292–293.

Зачетный проект С.М.Эйзенштейна в ГВЫТМе по пьесе «Дом, где разбивают сердца». (1922, бумага, аппликация, тушь).

В правом верхнем углу черной тушью подпись Вс.Э. Мейерхольда с высокой оценкой.
Источник: Государственный центральный театральный музей имени А. А. Бахрушина.

План сцены для спектакля «Дом, где разбивают сердца». 1922. Источник: РГАЛИ.

Эскиз декораций к спектаклю
«Дом, где разбиваются сердца». 1922.
Источник: РГАЛИ.

в театре меня вовсе не удовлетворяет, а отнимает массу сил и трудов. Таким же образом я выигрываю время для учения на режиссера»¹⁴.

А вот Мейерхольд уже позже напишет: «Очень жалею, что не поставил “Дом, где разбиваются сердца” Шоу. Много думал об этой замечательной пьесе и с хорошими актерами мог бы сейчас поставить ее в три недели»¹⁵.

Борьба против цензуры

Второй знаменательной вехой среди сложных хитросплетений творчества наших героев станет 1925-й – выход принесшего Эйзенштейну мировую славу фильма «Броненосец “Потемкин”».

Всемирно признанный шедевр кинематографического искусства, который с 1926 г. неоднократно входил в десятку лучших фильмов всех времен и народов, был запрещен к показу в Великобритании вплоть до середины XX в. Шоу был возмущен подобным политическим ханжеством со стороны британской цензуры и излил свой праведный гнев в «Британском журнале кино» в 1928 г.:

Любого рода цензура, включая киноцензуру, – не более чем предлог для сохранения законных или псевдозаконных полномочий запрещать произведения, которые не нравятся властям. Ни одному фильму или пьесе никогда не препятствуют только по причине их порочности. Десятки фильмов, которые доводят до крайности искусство возбуждения грубых страстей любого рода, – фильмы-афродизиаки, фильмы ненависти, насилия, убийства и ура-патриотизма – появляются каждый сезон и проходят без всяких возражений, официально одобренные цензурой. Затем внезапно какой-то фильм запрещают к показу, и поднимается шум по поводу его морали, его влияния на наши международные отношения, или любому другому поводу. Сейчас публика столкнулась с двумя вопиющими случаями [подобной политики. – Ю.С.]. Один из лучших фильмов, когда-либо созданных как произведение

¹⁴ С.М. Эйзенштейн – Ю.И. Эйзенштейн. 15.05.1922. Цит. по: *Забродин В.В.* Эйзенштейн: попытка театра. Статьи. Публикации. М.: Эйзенштейн-центр, 2005. С. 112. О сотрудничестве и отношениях Эйзенштейна и Мейерхольда см. также: Эйзенштейн о Мейерхольде. 1919–1948 / Сост., ред., комм. В.В. Забродин. М.: Новое издательство, 2005.

¹⁵ *Гладков А.К.* Мейерхольд. Т. 2. М.: Союз театральных деятелей, 1990. С. 292.

изобразительного искусства, посвящен морскому мятежу на русском флоте в 1904 г., спровоцированному невыносимой тиранией и плохим провиантом, за которым последовали военные действия против граждан, сочувствовавших мятежникам. [Наше] Военное министерство и Адмиралтейство немедленно возражают против этого фильма, поскольку он не представляет кварталдек¹⁶ и ставку главного командования (G.H.Q.) состоящими исключительно из всеми любимых и доблестных ангелов в военной форме. [Результат:] фильм запрещен»¹⁷.

Второй нашумевший случай, о котором пишет Шоу, был немой фильм Г. Уилкокса «Рассвет» о подвиге медсестры Эдит Кавилл, спасавшей на полях Второй мировой войны как британских, так и немецких солдат (главную роль там сыграла Сибил Торндайк, знаменитая по роли Святой Иоанны Шоу). Однако если под давлением общественности цензоры все же разрешили его к показу, то запрет на «Броненосца “Потемкина”» так и остался в силе.

Это не имеет ничего общего с моралью фильма; это просто ход в классовой войне. Киноэкран может погрязнуть в крайней пошлости и подлости, если только он обеляет авторитет власти. Но пусть он покажет хоть пятнышко на «побелке», и никакое превосходство, моральное, художественное или исполнительское, не спасет его от немедленного запрета и клеветы. Вот что значит цензура¹⁸.

Годом позже драматург еще раз даст высокую оценку фильму Эйзенштейна уже в частном письме кандидату от лейбористской партии Арчибальду Феннеру Броквэю: «С художественной точки зрения, этот фильм – один из лучших, существующих на сегодняшний день. Его запрет является неприкрытым ударом классовой цензуры – иначе ни оправдать и ни объяснить подобный шаг невозможно. Просто отдельный эпизод в классовой войне, спонсируемой нашими правящими кругами. Напомните им об этом, когда они в следующий раз с возмущением выступят против советской цензуры»¹⁹.

Возникает, однако, вопрос: каким образом самому Шоу, пристально следившему за актуальными тенденциями в области нового и стремительно

¹⁶ Помост или палуба в комовой части корабля, откуда капитан отдавал приказы и где зачитывались приказы, манифесты и приговоры. Символическая репрезентация официальной власти на корабле.

¹⁷ Shaw B. Views on the Censorship. *British Film Journal*, April – May 1928. Цит. по: *Bernard Shaw on Cinema*, ed. by B.F. Dukore. Carbondale, Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1997, pp. 54–55.

¹⁸ *Ibid.*, p. 55.

¹⁹ B. Shaw to A.F. Brockway. 3.04.1929. In *Bernard Shaw: Collected Letters*, vol. IV: 1926–1950, ed. by D.H. Laurence. London: Penguin Publishing Group, 1988, p. 132.

утверждавшего себя искусства, удалось получить доступ к запрещенной кинолентке?

Обойти запрет цензуры, ответившей отказом даже основанной Лейбористской партией Гильдии народного театра и кино, ему помог барон Айвор Голдсмит Сэмюэл Монтегю (1904–1984). Как раз в 1925 г. он организовал Лондонское Кинематографическое сообщество с целью демонстрации ценных лент, недоступных для массового проката, а Шоу выступил одним из его первых гарантов²⁰.

Монтегю, кинорежиссер, писатель, критик и коммунист, помимо служения музам, по некоторым данным, также работал советским агентом под кодовым именем «Интеллигенция»²¹. Надо сказать, что Монтегю был не единственным советским агентом, с которым Шоу столкнулся за свою жизнь. Так, в 1948-м его пути пересеклись с Александром Феклисовым – агентом внешней разведки МГБ. Неизвестно, знал ли Шоу об истинном статусе Феклисова, однако в свойственной задорной манере попрекнул его как представителя СССР в том, что там писателям не платят гонорары за публикацию и иное использование их материалов. Разговор не прошел бесследно, и Феклисову было дано задание посетить писателя и предложить ему условия передачи соответствующего гонорара²².

Встреча

Монтегю организовал личную встречу Шоу и Эйзенштейна в 1929-м, когда последний в составе советской делегации, куда также входили Г. Александров и Э. Тиссэ, прибыл в Англию для обмена опытом с зарубежными коллегами. В ходе поездки Эйзенштейн посетил Лондон и Кембридж, где неотъемлемой частью культурной программы было знакомство с теми, кто стоял в авангарде театрального искусства, кино и науки. Режиссер писал актеру М.М. Штрауху²³:

...день и две ночи провел в Кембридже. Невероятно интересно <...> Церемониалы, традиции и изумительная обстановка для научной и исследовательской работы. Любопытнейший быт и нравы.

За обедом сидел между человеком, «выдумавшим» электрон, и человеком, разорвавшим атом!²⁴ Окунулись во все — от парадного обеда (человек 500)

²⁰ Подробнее об этом и вовлеченности Шоу в организацию и финансирование общества см.: *Bernard Shaw on Cinema*, p. XII; Montagu I. *Old Man's Mumble: Reflections on a Semi-Century. Sight and Sound*, vol. 44, no 4, autumn 1975, p. 223.

²¹ Подробнее об этом см.: Schneir W., Schneir M. *Cables Coming in From the Cold. The Nation*, July 1999. <http://www.thenation.com/article/cables-coming-cold/>.

²² Подробнее об этом см.: *Феклисов А.С.* Рузвельт, Кеннеди, советская агентура. М.: Алгоритм, 2011. С. 146–153.

²³ Максим Максимович Штраух (1900–1974) – советский актер и режиссер театра, киноактер.

²⁴ Имеются в виду Дж. Дж. Томсон (1856–1940) и Э. Резерфорд (1871–1937) соответственно.

ю.а. скальная

до студенческой пьянки и вечеринки. <...> Из людей самое сильное впечатление — конечно, Джойс. Видел его и был у него. Он почти слепой и интересуется... фильмом! Заводил мне пластинку, «начитанную» им из последней его книги. В четверг, кажется, будем у Бернарда Шоу²⁵.

Подробных свидетельств этой встречи не сохранилось, однако благодаря воспоминаниям Монтегю можно восстановить некоторые детали:

Когда мы вернулись в Лондон, я отвез его [Эйзенштейна. – Ю.С.] в Уайтхолл к Шоу, который, как всегда, был обходителен и невероятно гостеприимен. Пока он помогал нам с нашими пальто, он рассказал чудесную историю, полную самоиронии. Ему довелось развлекать Эйнштейна во время его визита в Лондон и, уже провожая своего гостя, он признался, что никак не мог понять, что к чему в теории вероятности. Эйнштейн благодушно улыбнулся и положил руку Шоу на плечо: «Ничего страшного, мистер Шоу, – сказал он, – *Ce n'est pas votre métier*». [У Вас иное призвание. – Ю.С.]²⁶.

Затем, у них состоялась беседа о звуковом кино, а по ее итогам Шоу проявил удивительное великодушие, предложив Эйзенштейну, если тот найдет возможность для реализации подобного проекта, исключительные права на экранизацию своей пьесы «Ученик дьявола» (*The Devil's Disciple*, 1897). Учитывая революционный характер и содержание «Броненосца «Потемкина»», а также живой юмор и неординарное мышление самого Эйзенштейна, Шоу полагал, что исполненная иронии и героического пафоса драма о начале борьбы за независимость в Америке должна отвечать интересам молодого советского режиссера.

Чтобы оценить этот шаг и степень доверия, оказанную Шоу Эйзенштейну, следует принять во внимание два факта. Во-первых, принципиальную убежденность драматурга, что «ни одна из его пьес не может быть превращена в кино»:

Я получил множество выгодных предложений от «Гомон»²⁷, а также английских и американских компаний; и поначалу я был расположен их принять и даже начал работать над сценарием для «Ученика дьявола» <...> [но] съемки губительны для живой пьесы, хотя, разумеется, они не причинят никакого вреда драме, лишенной дыхания жизни. Поэтому, если я и сделаю что-то

²⁵ С.М. Эйзенштейн – М.М. Штрауху. 9.12.1929. Цит. по: Забродин В. В. Эйзенштейн: попытка театра. С. 269–270.

²⁶ Montagu I. *With Eisenstein in Hollywood: A Chapter of Autobiography*. Berlin: Seven Seas Publishers, 1968, p. 32.

²⁷ «Гомон» (Gaumont) – французская киностудия, осн. Л. Гомоном в 1895 г.

для кинематографа, это будет оригинальный сценарий, а не адаптация одной из моих пьес²⁸.

Вторым примечательным обстоятельством стал засвидетельствованный Монтегю факт, что в то же время, когда Шоу дал согласие советскому режиссеру на работу с «Учеником дьявола», он категорически отказал в правах на экранизацию пьесы «Цезарь и Клеопатра» иконе кино 1920-х Мэри Пикфорд. Более того, Монтегю и Эйзенштейн были назначены Шоу к ней в качестве парламентариев и глашатаев его авторской воли²⁹, так как вскоре после встречи с драматургом они отправились в Голливуд. Шоу, со своей стороны, дал им рекомендательные письма к той же М. Пикфорд и Ч. Чаплину.

Интересно, что помимо Шоу поддержать голливудские начинания советского режиссера решил и Г. Дж. Уэллс, предоставивший Эйзенштейну права на съемку «Войны миров» (*The War of the Worlds*, 1898). Однако история чуть не закончилась конфузом, так как Уэллс запомнил, что уже продал исключительные права компании «Парамаунт» в бессрочное владение³⁰. Но судьба или каприз художественного гения Эйзенштейна распорядились иначе, ибо ни к тому, ни к другому проекту он так и не приступил.

Вот как об этом пишет сам Эйзенштейн в своих мемуарах:

Среди рассказов, легенд, пьес, которые не только нравятся в юности, но формируют ряд представлений, устремлений и «идеалов», я помню очень отчетливо три, имевших несомненно глубокое на меня влияние. <...> Третьим впечатлением был «Шоколадный солдатик»³¹ Бернарда Шоу в очень нежные, романтические и героически настроенные годы — беспощадностью иронии, казалось бы, навсегда остудивший юношески пламенную тягу к пафосу.

А потом всю жизнь я волок героико-патетическую лямку экранных «полотен» героического стиля!..

Здесь может воспоследовать описание сцены моего посещения Бернарда Шоу в Лондоне в 1929 году, завершившегося посылкой (им) мне радиogramмы, застигнувшей меня в самом центре Атлантического океана на путях в САСШ и предлагавшей мне ставить «Шоколадного солдатика» в кино «при условии сохранения полного текста в совершенно неискаженном виде».

Ретроспективное осмысление через это той безустанной атмосферы вербующего «шарма», которым он окружил меня во время пребывания

²⁸ B. Shaw to A. Hamon, 20.04.1918. Цит. по: *Bernard Shaw on Cinema*, p. 23.

²⁹ Подробнее об этом см.: Montagu I. *With Eisenstein in Hollywood*, chapter I: Before Hollywood.

³⁰ *Ibid.*, pp. 35–36.

³¹ Сегодня эта пьеса более известна под названием «Оружие и человек» (*Arms and the Man*).

у него. Великая честь этого предложения, исходившего от человека, наотрез и ни за какие деньги никому до того не дававшего права на киноинсценировку его произведений.

Наравне с Максимом Горьким еще один крупный писатель, чье предложение ставить его творения мною было turned down. [отклонено. – Ю.С.]³²

Прихоти судьбы

Наблюдая за тем, как разрешился этот голливудский сюжет, Айвор Монтегю посчитал, что оба художника были неправы: Шоу – в том, что отверг предложение Мэри Пикфорд. Эйзенштейн – в том, что отверг предложения Шоу. Однако удивительным образом из их сходства – прихотливости их художественных решений, напризов творческого гения, эксцентричного характера личности каждого из них – между ними возникла связь, о которой Монтегю писал уже после смерти обоих героев – в 1968 году.

Размышляя о характере Эйзенштейна в своих воспоминаниях, Монтегю подчеркивает неотъемлемые и в чем-то взаимообусловленные противоречия его натуры: он мог быть ехидным и грубым, но не злопамятным; от упаднических настроений быстро переходил к бурным восторгам, был верен своим друзьям, но при этом поглощал и покорял их целиком. Он был воплощенной сущностью художника-творца, который безжалостно подчиняет все личные привязанности требованиям своего мастерства. И подобный характер Монтегю уже приходилось видеть:

Бернарда Шоу часто упрекали в свое время в том, что он пишет пьесы об идеях, где герои – не более чем картонные куклы, выточенные, чтобы представлять ту или иную точку зрения. Это, конечно же, было неправдой. <...> Но одним из наиболее точно схваченных характеров в его творчестве является Дюбеда, художник-негодяй из пьесы «Дилемма доктора» (*The Doctor's Dilemma*). Здесь представлен в своем крайнем проявлении художник-эгоист, повеса, паразитирующий на своих друзьях, бессовестный должник, эксплуататор, ставший, по всей видимости, причиной страданий своей верной и преданной жены; но в то же время это художник, создающий божественные полотна. Он безнадежно болен [и консилиум врачей решает, достоин ли он спасения] <...> Невозможно понять такую фигуру как Эйзенштейн, если во многом не видеть в нем черт Дюбеда. Не подлеца, конечно, и не имморалиста – это было всего-навсего частью стереотипа художника, дополненной Шоу для усиления традиционной дилеммы: кому

³² *Эйзенштейн С. М.* Мемуары: В 2 т. / Сост. и коммент. Н.И. Клейман; подгот. текста В.П. Коршунов, Н.И. Клейман; ред. В.В. Забродин. Т. 2: Истинные пути изобретения: Профили. М.: Редакция газеты «Труд», Музей кино, 1997. С. 288–290.

бы вы бросили спасательный круг во время кораблекрушения, когда спасти можно лишь одного?

Но любой по-настоящему выдающийся художник должен представлять не меньшую проблему, даже если он не демонстрирует такой испорченности (*wickedness*), как Дюбеда. Каким бы добродетельным он [Эйзенштейн. – Ю.С.] ни был, он разделяет кажущийся эгоизм Дюбеда, который на самом деле вовсе не эгоизм, а концентрация на себе не ради себя самого, а в силу полнейшей преданности своей задаче. Могут ли другие принять это? Шоу изображает момент, когда после смерти Дюбеда врачи собираются вокруг и сочувствуют новоиспеченной вдове в связи с тем, что, по их мнению, ей пришлось страдать из-за своего мужа. Она же отвечает им хвалебной одой мужу и заявляет, что жить с ним и помогать ему в его творчестве было для нее блаженством и единственным, что придавало ее жизни смысл.

Я не собираюсь петь тут дифирамбы или преувеличивать, но я не думаю, что кто-либо из нас, кто хоть немного участвовал в творческой работе Эйзенштейна, затаил злобу на его всепоглощающей аппетит или смотрел на это общение как на потраченный впустую период нашей жизни³³.

Силен был бы соблазн предположить, что Эйзенштейн мог послужить прототипом героя драмы Шоу, если бы не то обстоятельство, что «Дилемма доктора» была написана, когда Сергею Михайловичу было лишь 8 лет. Возможно ли, что в этой истории реализовался знаменитый тезис Х.Л. Борхеса о том, искусство и реальность могут предвосхищать друг друга, мы не беремся судить – “*ce n'est pas notre métier*”. Но бесспорно, что из неоднократно несбывшегося творческого взаимодействия Шоу и Эйзенштейна родилась удивительная связь, которая сумела преодолеть пространство и время и еще раз показала, что пути искусства неисповедимы.

Литература

- Гладков А.К. Мейерхольд: В 2 т. М.: Союз театральных деятелей РСФСР, 1990.
- Забродин В.В. Эйзенштейн: попытка театра: Статьи. Публикации. М.: Эйзенштейн-центр, 2005. – 343 с.
- Клейман Н.И. Эйзенштейн на бумаге: Графические работы мастера кино. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 320 с.
- Фенлисов А.С. Рузвельт, Кеннеди, советская агентура. М.: Алгоритм, 2011. – 360 с.

³³ Montagu I. *With Eisenstein in Hollywood*, pp. 145–146.

Ю. а. скальная

Эйзенштейн С.М. Мемуары: В 2 т. / Сост. и коммент. Н.И. Клеймана; подгот. текста В.П. Коршунова и Н.И. Клейман; ред. В. В. Забродин. М.: Редакция газеты «Труд», Музей кино, 1997.

Эйзенштейн о Мейерхольде. 1919–1948 / Сост., ред., комм. В.В. Забродин. М.: Новое издательство, 2005. – 352 с.

References

Bernard Shaw on Cinema, ed. by B. F. Dukore. Carbondale, Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1997. – 189 p.

Bernard Shaw: Collected Letters, vol. IV (1926–1950), ed. by D.H. Laurence. London: Penguin Publishing Group, 1988. – 946 p.

Eisenstein S.M. *Memuary [Memories] in 2 vols*, eds N.I. Klejman, V.P. Korshunova, V.V. Zabrodin. Moscow: Trud publ.; Muzej kino publ., 1997. (In Russ.)

Eisenstein o Meierholde. 1919–1948 [Eisenstein on Meierhold, 1919–1948], ed. V.V. Zabrodin. Moscow: Novoe Izdatel'stvo Publ., 2005. – 352 p. (In Russ.)

Feklisov A.C. *Roosevelt, Kennedy, sovetskaya agentura [Roosevelt, Kennedy, Soviet Agents]*. Moscow: Algoritm publ., 2011. – 360 p. (In Russ.)

Gladkov A.K. *Meierhold*. 2 vols. Moscow: Soyuz teatral'nykh deiatelei RSFSR publ., 1990. (In Russ.)

Klejman N.I. *Eisenstein na bumage: Graficheskie raboty мастера кино [Eisenstein on Paper: Graphic Works of the Cinema Maitre]*. Moscow: Ad Marginem Press, 2017. – 320 p. (In Russ.)

Montagu I. *With Eisenstein in Hollywood: A Chapter of Autobiography*. Berlin: Seven Seas Publishers, 1968. – 356 p.

Schneir W., Schneir M. Cables Coming in From the Cold. *The Nation*, July 1999. <http://www.thenation.com/article/cables-coming-cold/>.

Zabrodin V.V. *Eisenstein: popytka teatra: Stat'i. Publikacii [Eisenstein: An Attempt of Theatre. Articles. Publications]*. Moscow: Eisenstein-centr publ., 2005. – 343 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию: 10.03.2021

Received: 10.03.2021

Дата публикации: 20.11.2021

Published: 20.11.2021

Поздние пьесы М. Горького в театре США как результат транснациональной политики Коминтерна

© 2021 М.М. Гудков

УДК 82.091

https://doi.org/10.54791/27823792_2021_1_157_180

Maxim Gorky's Late Plays in American Theatre and the Transnational Policy of Comintern

© 2021 Maxim M. Gudkov

Информация об авторе:

Максим Михайлович Гудков, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: m.gudkov@spbu.ru.

Ключевые слова: Коминтерн, Международное объединение революционных театров (МОРТ), «красные тридцатые» США, советская драматургия, М. Горький, пьесы «Егор Булычов и другие» и «Достигаев и другие», американский театр, театр «АРТЕФ».

Аннотация: В центре исследования находится экспорт на американскую сцену двух поздних – советских – пьес М. Горького: «Егор Булычов и другие» и «Достигаев и другие», – который был санкционирован аффилированным с Коминтерном Международным объединением революционных театров (МОРТ). На основе неизвестных ранее материалов, находящихся в фондах Нью-Йоркской публичной библиотеки исполнительских искусств (New York Public Library for the Performing Arts), а также документов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ, Москва) и Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ, Москва) реконструируется процесс экспортирования горьковских произведений для постановки в одном из ведущих радикальных некоммерческих театров Нью-Йорка в «красные тридцатые» – театре «АРТЕФ» (ARTEF Theatre). В рамках политического и культурного советско-американского макроконтеста межвоенного времени дается анализ рецепции этих постановок, как радикальной левой критикой, так и правой. Настоящее исследование позволяет расширить представления о сценической судьбе пьес Горького в США, а также уточнить картину культурных связей между двумя странами в XX веке.

Information about the author:

Maxim M. Gudkov, Senior lecturer, St. Petersburg State University, Russia. E-mail: m.gudkov@spbu.ru.

Keywords: Comintern, International Union of Revolutionary Theaters (MORT), the Red Thirties in the USA, Soviet dramaturgy, Maxim Gorky, *Yegor Bulychov and Others*, *Dostigaev and Others*, American theatre, ARTEF Theatre.

Abstract: The study focuses on the export of two late – Soviet – plays by Maxim Gorky to the American stage: *Yegor Bulychov and Others* and *Dostigaev and Others*, which were sanctioned by the International Union of Revolutionary Theaters (MORT) affiliated with the Communist International (Comintern). The author reconstructs the process of exporting Gorky's works to be staged at one of the leading radical non-profit theaters in New York – ARTEF Theatre – on the basis of previously unknown materials from the collections of the New York Public Library for the Performing Arts as well as documents from the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI, Moscow) and the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI, Moscow). Within the framework of the political and cultural Soviet-American macro-context of the interwar period, an analysis of the reception of these productions, both radical left-wing and right-wing criticism, is provided. The work is aimed at expanding the understanding the stage fate of Maxim Gorky's plays in the United States and also to clarify the picture of cultural relations between the two countries in the twentieth century.

Данная статья продолжает исследования постановок поздних пьес Горького на американской сцене¹, и нас в первую очередь будет интересовать, как происходил «экспорт» поздней драматургии Горького в США, а также роль в этом процессе структур Коминтерна.

Если в СССР в 1920–1930-х ставилось много американских пьес и инсценировок произведений американских авторов², то советская драма на театральных подмостках США была явлением маргинальным. Коммерческий театр США – Бродвей – в межвоенные годы лишь пять раз обращался к драматургии Советской России, осуществив постановки следующих пьес: «Пурга» Д.А. Щеглова (1929), «Константин Терехин» («Ржавчина») В.М. Киршона и А.В. Успенского (1929), «Рычи, Китай!» С.М. Третьякова (1930), а также «Квадратура круга» (1935) и «Дорога цветов» (1936) В.П. Катаева³. Инициированы эти спектакли были либо эмигрантами из России, либо американскими поклонниками российской культуры.

Значительно чаще Бродвею в эти годы к советской драматургии в Америке обращались некоммерческие, полупрофессиональные, так называемые «рабочие театры» – «Лабораторный рабочий театр» (Workers' Laboratory Theatre)⁴, «Юнион» (Theatre Union), «Коллектив» (Theatre Collective) и др. В историю американской сцены эти коллективы вошли как «Левое театральное движение» (Left-wing Theatre), которое тесно сотрудничало с компартией США, с большевистской Москвой и со структурами Коминтерна.

В силу политических и экономических причин – прежде всего, изоляции страны победившего социализма странами Запада – правительство СССР было очень заинтересовано в культурном обмене с «капиталистическим окружением»,

¹ См.: Гудков М.М. «Егор Булычов» в Америке // Современная драматургия. 2019. № 2. С. 259–264; Гудков М.М. Пьеса М. Горького «Егор Булычов и другие» на сцене американского театра «АРТЕФ» (1934/35) // Acta eruditorum. 2019. Вып. 31. С. 27–34; Гудков М.М. Американская премьера пьесы М. Горького «Достигаев и другие» (Нью-Йорк, театр «АРТЕФ», 1935) // Сборник материалов XX Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге 19–21 ноября 2020 г. СПб., 2020. С. 115–124; Гудков М.М. «Достигаев» в Америке (Нью-Йорк, театр «АРТЕФ», 1935) // Максим Горький в культуре XX–XXI вв. Горьковские чтения–2020: Материалы XXXIX Международной научной конференции. Нижний Новгород, 2020. С. 15–26.

² Внутренний перечень советских постановок по американским произведениям за двадцатилетие 1917–1937 гг. см. в исследовании авторитетного театрального эксперта Г.У.Л. Дейны: Dana H.W.L. Handbook on Soviet Drama. New York: American Russian Institute, 1938. P. 52.

³ Анализ постановок советских пьес на Бродвее в 1920–1930-е гг. см.: Гудков М.М. Первая советская пьеса на американской сцене: «Ржавчина» В. Киршона и А. Успенского (1929/30) // Вопросы театра. Prosaenium. 2017. № 3/4. С. 265–281; Гудков М.М. Первые советские пьесы на Бродвее: рецензия отечественной драматургии в коммерческом театре США в 1920–1930-е годы // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 392–416; Гудков М.М. Советская «Женитьба» на Бродвее: «Квадратура круга» В.П. Катаева в Америке // Актуальные проблемы литературы и культуры. Ереван: Лингва, 2020. Вып. 12. С. 267–283; готовится к публикации: Гудков М.М. «Пурга» в России и Америке: пьеса Д. Щеглова на отечественной сцене и Бродвее (1920-е) // Литературный архив советской эпохи: Сб. ст. и публ. СПб.: Росток, 2022. Кн. 3.

⁴ С 1934 г. он стал называться «Театр Действия» (Theatre of Action).

который был важной частью культурной дипломатии молодого советского государства. Установить связи за рубежом с рабочими театрами, солидаризовавшимися с коммунистическим движением, было призвано специальное подразделение под эгидой Коминтерна – Международное объединение революционного театра (МОРТ, 1929–1936)⁵.

В Декларации Объединения 1932 г. утверждалось:

В противовес буржуазной культуре, которая по содержанию насковзь националистична, пролетарская культура, искусство, литература <...> проникнуты идеями интернационализма. Идеи ищут выхода в организационном сближении рабочих театральных организаций всех стран⁶.

Позже, в 1935 г., председатель Объединения Э. Пискатор, находившийся в то время в эмиграции в СССР, подводил итоги деятельности организации:

Одна из основных задач, стоящих перед Международным Объединением Революционного Театра, это – систематическое снабжение театров репертуаром, как зарубежных революционных, так и советских драматургов. <...> За годы существования МОРТ мы проделали большую работу в этом направлении. *Через наши секции и уполномоченных мы организовали в различных странах постановки советских пьес: «Егор Булычев и др.»* шел в Театре «Д 35» (Прага), театре «Артеф» (Нью-Йорк) и Пролетарском театре (Брюссель). *В театре «Артеф» прошла также пьеса «Достигаев и другие».* В Америке и Чехословакии шел «Страх» Афиногенова, «Чудесный сплав» Киршона шел в Женеве, «Хлеб» – в Брюсселе, «Жизнь зовет» Билль-Белоцерковского в Польше и т. д. *Все эти пьесы были направлены МОРТом.* Стремясь удовлетворить большие запросы на советские пьесы, мы недавно заключили договор с Издательством иностранных рабочих на издание 5 советских пьес на английском языке. Эти издания должны быть дополнены введением МОРТ и режиссерскими комментариями видных советских режиссеров. *МОРТ получил право на постановку этих пьес от их авторов: Горького, Вишневского, Билль-Белоцерковского, Погодина и Кочерги*⁷.

⁵ До 1932 г. МОРТ именовалось Международным объединением рабочих (!) театров. В документах встречается и другое название – Международное рабочее театральное объединение (МРТО). Об истории возникновения МОРТ и раннем этапе его деятельности см.: *Заславская О.В.* Пролетарский театр и Коминтерн: транснациональный контекст создания Международного объединения рабочих театров (1926–1932) // Шаги / Steps. 2017. № 3. С. 45–67.

⁶ Декларация Международного объединения революционных театров. РГАЛИ. Ф. 2663. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 45.

⁷ Э. Пискатор – в Культпроп ЦК ВКП(б). 3 мая 1935 г. РГАСПИ. Ф. 540. Оп. 1. Д. 99. Л. 17. Курсив везде мой. – М. Г.

Таким образом, из этого заявления Пискатора следуют два важных для нашего исследования факта. Во-первых, МОРТ (а через него и Коминтерн) имеет самое прямое отношение к постановкам поздней драматургии Горького в американском театре «АРТЕФ». Во-вторых, сам Горький «благословил» этот экспорт своих пьес за океан.

У Объединения была широкая сеть секций по всему миру, в том числе и в США – причем, американская была «одной из сильнейших секций МОРТ»⁸. Она называлась «Лига рабочих театров» (League of Workers' Theatres) и объединяла более трехсот театральных групп, включая уже упомянутые выше театры «Юнион» и «Коллектив».

В эту «Лигу» входил также небольшой «рабочий» еврейский театр «АРТЕФ» (ARTEF Theatre, 1927–1940)⁹, которому и принадлежит честь первооткрывателя в США поздней драматургии Горького¹⁰ – пьес «Егор Булычов и другие» и «Достигаев и другие».

В то время, когда «АРТЕФ» обратился к двум горьковским драмам, – в 1934 и 1935 гг. – в Германии уже правили нацисты, США переживали Великую депрессию, Европу сотрясали политические кризисы, и только в СССР все было по-другому – ускоренно реализовывался 2-й пятилетний план (1933–1937), во внешней политике был взят курс на консолидацию Народных фронтов – всемирного объединения прогрессивных сил против фашизма. «Быть коммунистом – это был шик. Коммунисты были – или казались – единственной силой, противостоящей нацизму»¹¹, – так объяснял феномен популярности идей коммунизма за океаном Фриц Ланг, с 1934 года переехавший в США.

Дело доходило до того, что многие американские театры просто не решались ставить пьесы, в которых присутствовала критика советского режима. Когда американский драматург Софи Тредуэлл, автор знаменитой пьесы «Машиналь», после своего визита в СССР в 1933 г. написала правдивую и ироничную драму «Земля обетованная»¹², то это сочинение напугало многих ее соотечественников. Театральный критик Барретт Кларк ясно дал понять драматургу, что постановка ее пьесы просто неуместна:

⁸ Отчет Международного объединения революционного театра за 1933 г. [Рукопись]. М.: [б. и.], 1934. 34 л.

⁹ Название нью-йоркской еврейской пролетарской труппы – «АРТЕФ» – аббревиатура от «Арбетэр Театэр Фарбэнд» (Arbeter Teater Farband), что можно перевести с идиш на русский как «Рабочее театральное объединение» или «Союз рабочего театра».

¹⁰ «Поздней» драматургией М. Горького традиционно считаются пьесы 1930-х: драма о вредителях, готовивших антисоветский заговор, – «Сомов и другие» (1931); «Егор Булычов и другие» (1931); «Достигаев и другие» (1932); а также второй вариант «Вассы Железновой» (1936).

¹¹ Цит. по: Трофименков М.С. Красная книга (Голливуд при маккартизме: надзиратели, жертвы, попутчики) // Сеанс. 2013. № 53/54. С. 279.

¹² Эта пьеса лишь недавно переведена на русский язык и опубликована: Тредуэлл С. Земля обетованная / Перевод с англ. Г. Лапиной // Иностранная литература. 2020. № 12. С. 108–193.

Разумеется, пьеса неприемлема для всех так называемых либералов и радикалов, то есть таких театров как, например, *The Group* и *Theatre Union*. Несомненно, и другие продюсеры не захотят иметь с ней дело из опасений, что их сочтут политическими реакционерами¹³.

Б. Кларк оказался прав, – критическая пьеса о Советской России так никогда и не была поставлена в США.

Особенностью сценической жизни США в «красные тридцатые» было господство на подмостках остросоциальной, политизированной драматургии. Так, в 1935 г. параллельно с горьковскими спектаклями «АРТЕФ» шла ставшая легендарной постановка театра «Груп» про забастовку нью-йоркских таксистов – «В ожидании Лефти» по пьесе К. Одетса, а театр «Юнион» показывал горьковскую «Мать» в обработке Б. Брехта.

По справедливому утверждению Г.В. Лапиной, «в тридцатые годы... американские либералы – а они среди художественной интеллигенции составляли большинство – не желали знать правду о негативных сторонах жизни в Советской России. Любая критика СССР воспринималась как критика социалистической идеи и отвергалась»¹⁴.

Одним из таких страстных приверженцев Советов был и театр «АРТЕФ». Он являлся ярким примером «спонсорской» деятельности Коминтерна, подерживавшего, в том числе и материально, разные зарубежные организации, названия которых указывали на «рабочих и крестьян». Американский исследователь справедливо отмечает:

Ни для кого не было секретом, что «АРТЕФ» возник в русле коммунистического движения. Коммунисты взяли на себя ответственность за идеологическую и эстетическую направленность этого театра¹⁵.

Уже с самого начала своей деятельности «АРТЕФ» покорял многочисленных зрителей еврейских кварталов необычным стилем постановок как пьес еврейских авторов, пишущих на идише, так и русских классиков, а также современных пролетарских писателей, переведенных на идиш. Особый успех выпал на постановку «Рекруты» (по пьесе советского автора Липе Резника, 1934) – комедию (!) о борьбе еврейских буржуа и крестьян в одном из местечек Российской империи, которая игралась даже на Бродвее, выдержав целых

¹³ Цит. по: Лапина Г.В. «Земля обетованная». Американка о коммуналке // Новый мир. 2019. № 9. С. 155.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Lifson D.S. *The Yiddish Theatre in America*. London; New York: Thomas Yoseloff, 1965, p. 444.

132 представления¹⁶. Соединение ярко выраженной идеологической ориентации и художественных задач в творческой деятельности «АРТЕФ» выдвинуло этот коллектив в «авангард такого направления американской сцены тех лет, как революционный театр»¹⁷. «АРТЕФ» просуществовал почти пятнадцать лет. Политические события в мире и, прежде всего, советско-германский пакт 1939 года резко сократили еврейскую и либеральную поддержку идеологически ангажированного театра «АРТЕФ», что вскоре привело к его закрытию в 1940 г.

Обращение «АРТЕФ» к поздней горьковской драматургии было продиктовано несколькими причинами. С одной стороны, театру нужно было убедить коммунистов-спонсоров – и своих, и советских – в лояльности:

В начале 1930-х годов «АРТЕФ» подвергся сильному давлению со стороны лидеров коммунистической партии, которые считали, что театральная труппа не охватывала достаточного количества пролетарской аудитории, не выпускала адекватные революционные пьесы и не принимала активного участия в общественно-политической жизни. Степень актуальности постановок театра для пролетариата коммунистическая критика определяла как «полная отчужденность от рабочего класса». <...> Чтобы подчеркнуть свою принадлежность к Советам и социалистическому реализму, недавно утвержденному в СССР, «АРТЕФ» и обратился в середине 1930-х к горьковской драматургии¹⁸.

С другой стороны, появление пьес Горького в афише театра обуславливалось творческими запросами и пристрастиями. Творческая программа «АРТЕФ» создавалась под мощнейшим влиянием театральных взглядов Е.Б. Вахтангова¹⁹, поэтому естественно, что в его репертуаре возникли две поздних пьесы М. Горького, которые впервые были поставлены именно в этом театре.

Попытаемся реконструировать процесс экспортирования горьковских драм в США, занявший несколько лет.

Пьеса «Егор Булычов и другие» была написана в 1930–1931 гг. и с тех пор «вошла в золотой фонд мирового театра, свидетельствуя о новаторской роли Горького-драматурга. <...> В [ней] появился тщательно скрытый второй

¹⁶ См.: Recruits. Internet Broadway Database. <https://www.ibdb.com/broadway-production/recruits-9736>.

¹⁷ Clurman H. *The Fervent Years: The Group Theatre and the Thirties*. New York: Da Capo Press, 1983, pp. 148–149.

¹⁸ Hohman V.J. *Russian Culture and Theatrical Performance in America, 1891–1933*. New York: Palgrave Macmillan, 2011, p. 135.

¹⁹ См., например: Gordon M. *Stanislavsky in America: An Actor's Workbook*. London; New York: Routledge, 2010, p. 91. Об этом готовится к публикации наша статья: Гудков М.М. Вахтанговские идеи за океаном: поздние пьесы М. Горького в нью-йоркском театре «АРТЕФ» // Вопросы театра. Prosaenium. 2022. № 1/2.

план – пророческое предвидение собственной судьбы и размышление автора о жизни в СССР»²⁰. 25 сентября 1932 г. состоялась премьера пьесы в московском Театре имени Е.Б. Вахтангова (режиссер Б.Е. Захава, в роли Егора Булычова Б.В. Щукин). Отечественное театроведение по праву признает этот спектакль «главным в репертуаре Театра им. Вахтангова наравне с “Принцессой Турандот”»²¹; он вошел в историю советского театра как образцовое воплощение горьковского произведения на сцене, о котором писала и американская пресса²².

Чуть позже после вахтанговской премьеры, осенью 1932-го, в Москву на Второй пленум МОРТ приехал бывший наш соотечественник, леворадикальный театральный критик, а также один из основателей театра «АРТЕФ» Н. Бухвальд²³. В советской столице он представлял только что организованную в объединении секцию США, изначально называвшуюся то «англо-американским землячеством», то «англо-американской лэндэркомиссией».

В мае – июне 1933 г. МОРТ организовало в Москве Международную олимпиаду революционных театров, в которой «приняли участие 15 коллективов из капиталистических стран и 10 – из СССР»²⁴. Программа олимпиады включала в себя творческий смотр участвовавших в ней коллективов, а также конференции, на которых обсуждались актуальные творческие проблемы революционного театра. По причине важности активного участия леворадикальных организаций на президентских выборах в США 8 ноября 1932 г. (на которых демократ Ф.Д. Рузвельт²⁵ одержал победу над действующим президентом Г. Гувером), американские участники МОРТ изначально заявили, что не смогут приехать на олимпиаду: «В Соединенных Штатах в связи с предстоящей перевыборной кампанией ни один из рабочих театральных коллективов не может быть послан на Олимпиаду»²⁶.

²⁰ Спиридонова Л.А. От редакции // Драматургия М. Горького в историко-функциональном аспекте. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 10.

²¹ Борзенко В.В. «Смотрите же, чтоб было посмешней». Максим Горький и Театр им. Вахтангова. М.: Театролис, 2019. С. 55.

²² В фондах музея Государственного академического театра имени Е. Вахтангова сохранились три американские рецензии на эту московскую постановку: две англоязычные – Lyons E. Gorki's First Play since the War Revealed in Moscow as Big Drama. *Variety*, New York, 1932, October 18; Maxim Gorky's New Play. *The Observer*, New York, 1932, October 2 – и одна на идиш в нью-йоркской коммунистической газете *Morgen Freiheit* за 31 октября 1932 г.

²³ Натаниэль Бухвальд (Nathaniel Buchwald, 1890–1956) родился в еврейской семье на Украине, которая в те годы являлась частью Российской империи. В 1910 г. эмигрировал в США. Исследователь еврейского театра, писал на идише.

²⁴ Отчет Международного объединения революционного театра за 1933 г. С. 7.

²⁵ Именно благодаря Рузвельту были установлены дипломатические отношения между СССР и США – 16 ноября 1933 г.

²⁶ В Культпроп ЦК ВКП(б). Докладная записка (о созыве Интернациональной Рабочей Театральной Олимпиады). 2 сентября 1932 г. РГАСПИ. Ф. 540. Оп. 1. Д. 30. Л. 9.

Однако после специального обращения руководства МОРТ («написать письмо в Лигу Рабочих Театров САСШ о необходимости командирования представителя Лиги для работы в Секретариате МОРТ»²⁷), все же одного своего представителя в качестве члена жюри американцы в Москву направили. Им опять оказался Н. Бухвальд. Именно в этот свой московский приезд он добился у руководства МОРТ исключительного права на американскую премьеру пьесы Горького «Егор Булычов и другие» в театре «АРТЕФ»:

13 декабря 1933 г. коммунистическая газета на идише «Моргн Фрайхайд» с гордостью опубликовала копию телеграммы, присланную МОРТ из Москвы, в которой давалось разрешение на постановку «Егора Булычова». Получение права на первое представление пьесы Горького в США было настоящим подвигом для «АРТЕФ», – бонусом, организованным Бухвальдом во время его пребывания в Москве²⁸.

Позже «АРТЕФ» получил разрешение на первую за океаном постановку «Достигаева».

Благодаря МОРТ горьковское произведение воплощалось в «АРТЕФ» согласно практическим указаниям московского Театра имени Е.Б. Вахтангова, предоставившего американцам материалы своей постановки. Советский журнал «Иностранная книга» сообщал:

Показателен тот факт, что театр «Артеф», стремясь дать максимально правдивую интерпретацию пьесы М. Горького, использует режиссерские указания театра им. Вахтангова²⁹.

В своем письме, адресованном МОРТ, постановщик обеих горьковских пьес в «АРТЕФ» Бенно Шнайдер (кстати, как и Горький, волжанин из Нижнего Новгорода) сообщал:

Начиная работать над постановкой «Егора Булычова» Максима Горького, мне пришлось внимательно и основательно проанализировать отдельные характеры, условия и внутреннюю социальную структуру пьесы. Это было для меня сложнейшей режиссерской задачей. Мне хотелось избежать бытовщины и семейной интриги вокруг наследства Егора Булычова. Мне хотелось,

²⁷ Протокол № 30 заседания Бюро секретариата МОРТ. 19 сентября 1933 г. РГАСПИ. Ф. 540. Оп. 1. Д. 44. Л. 3.

²⁸ Nahshon E. *Yiddish Proletarian Theatre: The Art and Politics of the Artef, 1925–1940*. Westport, CT: Greenwood Press, 1998, pp. 109–110.

²⁹ Советские пьесы за рубежом // Иностранная книга. 1934. № 6. С. 64. К сожалению, нам не удалось найти никаких документов об участии в постановке вахтанговцев ни в музее Государственного академического театра имени Е. Вахтангова (Москва), ни в фондах РГАСПИ, ни в РГАЛИ (в фонде Б.Е. Захавы), ни в Архиве А.М. Горького ИМЛИ РАН (Москва).

чтобы основная идея Горького – социальные конфликты, которые являются центральным пунктом пьесы – была бы выдвинута на первый план³⁰.

Премьера горьковской пьесы в «АРТЕФ» состоялась 4 января 1934 г. и шла под названием «Егор Булычов» (*Yegor Bulitchev*). Трудно согласиться с оценкой Н. Бухвальда, что этот спектакль «с точки зрения всех его составляющих – актерского исполнения, режиссуры и сценографии – оказался высочайшего качества и был одинаково позитивно принят как критикой, так и зрителем»³¹. Справедливо это высказывание лишь по отношению к «левым» изданиям и пролетарской аудитории. Прокоммунистический журнал *New Masses* с гордостью сообщал: «Пятнадцать вызовов на поклон после премьерного показа красноречиво говорят о той степени энтузиазма, с которым спектакль был принят публикой»³². Центральный орган компартии США газета *Daily Worker* отмечала, что это постановка, «дающая представление о конце старой России» («Театр в пьесе Горького нашел тот материал, который поможет развитию талантов революционных актеров»³³) и каждую неделю призывала рабочих посетить спектакль. Так, 9 января 1935 г. газета пишет: «Если вы еще не видели этот театральный шедевр, то просто обязаны это сделать сейчас, немедленно»³⁴. А спустя еще семь дней в ней публикуется призыв нью-йоркского Профсоюза меховщиков:

Возрастающая практическая важность культурного оружия в деле классовой борьбы очевидна. Вот почему мы призываем всех рабочих поддержать «АРТЕФ» и прийти на его постановку «Егор Булычов». Буржуазный театр нашей страны создает на своей сцене иллюзию благополучия и справедливости существующего строя. Наивно полагать, что когда-нибудь проблемы рабочего класса зазвучат с подмостков Бродвея. Тем важнее оказывается постановка горьковского шедевра в пролетарском «АРТЕФ»³⁵.

Кое-кто из «красных» рецензентов все же аккуратно отмечал изъяны спектакля:

Несомненно, это лучшая сценическая работа театра «АРТЕФ». Игра актеров здесь в целом на порядок выше и точней, чем в предыдущих постановках.

³⁰ Цит. по: *Диамант Г.* Революционные театры молодежи («За рубежом») // *Рабочий и театр.* 1934. № 21. С. 11.

³¹ Buchwald N. The Artef on Broadway. *New Theatre*, 1935, February, p. 8.

³² N. A. [Nathan Adler]. Yegor Bulitchev and Others. *New Masses*, 1934, January 16, p. 30.

³³ Edgar H. Gorky at the Artef. *Daily Worker*, 1934, January 10, p. 5.

³⁴ New Gorki Drama in Third Big Week at Artef Theatre. *Daily Worker*, 1934, January 19, p. 5.

³⁵ Artef Production of Gorky Praised by Furriers Union. *Daily Worker*, 1934, January 24, p. 5.

«Егор Булычов». Театр «АРТЕФ», Нью-Йорк, 1934/35. Анонс премьеры.

Однако некоторые исполнители все же грешат чрезмерной и неубедительной стилизацией, а также наигрышем³⁶.

Правая – так называемая «буржуазная» – критика предпочитала молчать об этой постановке. Московский журнал «Интернациональная литература», главный печатный орган МОРП, отвел разворот под фотографии американского «Булычова»³⁷ – что говорит о важности события для транснациональной политики Коминтерна. В следующем году журнал, ссылаясь на американское левое издание *New Theatre* (которое издавалось под эгидой МОРТ и «Лиги рабочих театров» США), информировал советского читателя:

Два революционных американских театра – «Рабочая театральная лаборатория» [т. е. «Лабораторный рабочий театр». – М. Г.]³⁸ и «Артеф» – в предстоящем сезоне ставят две пьесы М. Горького: «Егор Булычев» и «Достигаев»³⁹.

³⁶ Held J. Yegor Bulitchev. *New Theatre*, 1934, February, p. 16.

³⁷ Интернациональная литература. 1934. № 3/4. С. 346–347.

³⁸ К сожалению, не удалось точно определить, какую горьковскую пьесу ставил в 1935 г. «Лабораторный рабочий театр» Нью-Йорка – «Егора Булычова и других» или «Достигаева и других». В цитируемой «Интернациональной литературой» статье из *New Theatre* (*Buchwald N. The Artef on Broadway*) ничего не говорится о постановке хоть какого-либо произведения Горького «Лабораторным рабочим театром».

³⁹ Интернациональная литература. 1935. № 6. С. 158.

Действительно, горьковский «Булычов» настолько соответствовал идейным и творческим задачам «АРТЕФ», что в следующем 1935 г. театр вновь обратился к драматургии Горького, поставив «Достигаева и других» (преьера 20 января 1935 г., постановка шла под названием «Достигаев» – *Dostigayev*).

Напомним, что эта пьеса является второй частью (после «Егора Булычова и других») задуманного Горьким цикла драматических произведений, посвященных революционным событиям 1917 года. В США ее сразу же окрестили словом, которое сегодня свободно вошло у нас в обиход, – сиквел (т. е. продолжение). Действие в ней разворачивается в одном из провинциальных городов Центральной России и происходит в период между Февральской и Октябрьской революциями, заканчиваясь известием о захвате большевиками в Петрограде государственной власти.

Написанная в конце 1932 г., пьеса «Достигаев и другие» была впервые поставлена на сцене ленинградского БДТ 6 ноября 1933 г., а чуть позже – 25 ноября того же года – в московском Театре имени Е.Б. Вахтангова (режиссер Б.Е. Захава). Таким образом, горьковский «Достигаев» оказался на американской сцене невероятно быстро – спустя всего полтора года после написания.

Несмотря на сходство темы, сюжетной канвы, действующих лиц, в остальном «Достигаев» резко отличался от «Булычова». Горький предпочел использовать во второй пьесе совершенно иные принципы – «приоритет политико-социального ракурса в ущерб личностно-бытовому, отказ от детальной разработки психологического облика действующих лиц, избрание движения истории в качестве единого сквозного действия пьесы»⁴⁰. Отсюда – изменения в структуре пьесы: увеличение количества действующих лиц (с 22-х в «Булычове» до 33-х в «Достигаеве», – т. е. это крайне «населенная» драма), отсутствие единого места действия, значительно меньший идейный и сюжетный удельный вес заглавного героя и его семейства в сравнении с его окружением, наличие множества частных, побочных линий, не связанных напрямую со сквозным действием. Это отразилось и на сценической судьбе пьесы в СССР. По замечанию Б.А. Бялика, спектакль ленинградского БДТ превратился в «серию по-разному удавшихся или неудавшихся жанровых картин», а в Театре имени Вахтангова, «несмотря на ряд интересных режиссерских и актерских находок, рассыпался на отдельные эпизоды»⁴¹.

Не ускользнули особенности горьковского «Достигаева» и от внимания американских критиков, которые в своих рецензиях на постановку «АРТЕФ» писали преимущественно не про сам спектакль, а про пьесу, причем оценка ее напрямую зависела от политических убеждений рецензентов.

⁴⁰ *Иезуитов С.А.* Пьесы А.М. Горького 1930-х годов (Текст и контекст): дис. ...канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 118.

⁴¹ *Бялик Б.А.* М. Горький – драматург. М.: Советский писатель, 1977. С. 523, 524.

«Егор Булычов». Театр «АРТЕФ», Нью-Йорк, 1934/35.
Сцена с блаженным Пропотеем, 3 акт. Блаженный Пропотей (в центре, на коленях с посохом),
игуменя Мелания (слева от него) и Егор Булычов (справа от него).

«Егор Булычов». Театр «АРТЕФ», Нью-Йорк, 1934/35.
Сцена «Панихида», финал 3 акта. Блаженный Пропотей (слева, с посохом), поп Павлин (в центре),
игуменя Мелания (справа) и Егор Булычов (лежит на кушетке).

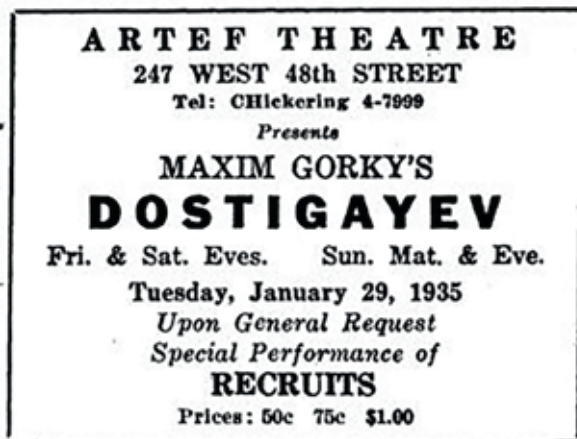
«Егор Булычов». Театр «АРТЕФ», Нью-Йорк, 1934/35.
Сцена «Никчемушные, купеческие дети»: Антонина Достигаева (слева),
Алексей Достигаев (в центре, с дудочкой) и Шура Булычова (справа).

«Егор Булычов». Театр «АРТЕФ», Нью-Йорк, 1934/35.
«Сцена с Трубачом», финал 2 акта (Булычов: «...Глуши, Гаврило! Светопреставление!
Конец миру... Труби-и!»). Трубач (в центре), Егор Булычов (второй слева с поднятой рукой).

М. М. Гудков

Ортодоксальная коммунистическая пресса в основном пела дифирамбы, а либеральная и консервативная печать либо предпочла совсем проигнорировать сочинение «кремлевского писателя», либо отзывалась о нем крайне негативно, заявляя, что именно в слабости материала коренились проблемы спектакля. Так, газета *New York World Telegram* писала:

«Достигаев». Театр «АРТЕФ», Нью-Йорк, 1935. Анонс премьеры.

Если постановка не является такой же впечатляющей, каким был «Булычов», то в этом (без сомнения), виноват не театр, а писатель. Ведь в этой пьесе драматический конфликт ослаблен и фрагментарен, а сценическое действие развивается медленно и прерывисто⁴².

Авторитетная *New York Times* высказалась в том же духе:

Пьеса не сценична, потому что в ней напрочь отсутствует хоть какое-либо действие. Симптоматично, что Горький начал пьесу с речи, произнесенной оратором Керенского *за сценой*, и закончил ее парой выстрелов, которые также прозвучали *за сценой*. Очевидно, что эпическое значение революции, по большей части, ускользало от автора пьесы, оставаясь *вне сцены* (везде курсив мой. – М. Г.)⁴³.

⁴² [В. I.]. Artef Gives Gorky's Play on Revolution. *New York World Telegram*, 1935, January 14, p. 4.

⁴³ Schack W. Gorki's 'Dostigayev' Staged. *New York Times*, 1935, January 14, p. 10.

Критики не были одиноки в своем неприятии горьковской драмы. Позднее такую точку зрения разделили многие горьковеды США. Так, М. Слоним относил «Достигаева» к числу наименее удачных произведений Горького:

Все его пьесы (за исключением, пожалуй, «На дне», «Егора Булычова» и отчасти «Вассы Железновой») имеют два существенных недостатка – в них нет фундаментального человеческого конфликта, представленного в убедительной драматургической форме. Кроме того, они либо риторические и искусственные, либо сильно преувеличенные и несколько примитивные⁴⁴.

Другой американский ученый Д. Левин дал «Достигаеву» деликатное определение «неоднозначная работа»⁴⁵.

Из либеральной прессы, писавшей о «Достигаеве», пожалуй, только рецензент газеты на идише *Morgn Zhurnal* А. Мукдони, всегда крайне критично относившийся к актерской работе в «АРТЕФ», не вынес отрицательного суждения о драматических и литературных достоинствах самой пьесы, написав лишь, что она оказалась трудной для постановки⁴⁶.

Восторженно приветствовали новую пьесу Горького американские радикальные издания. Н. Бухвальд, который лично добился разрешения на постановку в МОРТ, посвятил горьковскому произведению статью в журнале *New Theatre*. В ней он заявлял:

Пусть «Достигаев» и не обладает такой же стройной драматургической композицией и масштабом личности заглавного героя, как «Егор Булычов», но в нем есть бесконечно более тонкие социальные подтексты и широкий эпический охват событий, «дух времени». И это позволяет считать его пьесой более ценной, чем «Булычов»⁴⁷.

Постановщиком «Достигаева» в «АРТЕФ» вновь выступил Б. Шнайдер. Оценки сценического воплощения горьковской пьесы также разделились в соответствии с политическими пристрастиями.

Далеким от коммунизма издания постановку считали неудачной. *New York Times* полагала, что «с этим материалом талантливая компания и ее изобретательный режиссер Бенно Шнайдер совершенно увязли»⁴⁸. С таким мнением согласилась газета на идише *Der Tog*: «С «Достигаевым» театр сделал шаг не

⁴⁴ Slonim M. *Russian Theatre: From the Empire to the Soviets*. New York: Collier Books, 1961, p. 157.

⁴⁵ Levin D. *Stormy Petrel: The Life and Work of Maxim Gorky*. New York: Frederick Muller, 1965, p. 287.

⁴⁶ Mukdoni A. In Tsvey Teaters. *Morgn Zhurnal*, 1935, January 18, p. 16.

⁴⁷ Buchwald N. The Artef on Broadway, p. 9.

⁴⁸ Schack W. Gorki's 'Dostigayev' Staged.

вперед, как ожидалось, а скорее назад»⁴⁹. Несостоятельными актерские работы в этой постановке счел и рецензент *Morgn Zhurnal*:

Атмосфера надвигающейся катастрофы, которая пронизывает пьесу Горького, не может быть достигнута исполнителями, которым еще предстоит учиться говорить и двигаться на сцене⁵⁰.

Радикальная же пресса предлагала совершенно иное суждение. Рецензент газеты *Daily Worker*, назвав спектакль художественным триумфом театра, писал:

Это самая первая постановка в этом сезоне, где я нахожу художественное целое, гармонично состоящее из всех его элементов – от слова и сценического действия до режиссуры со сценографией. <...> Под руководством Бенно Шнайдера «АРТЕФ» становится бесспорным лидером среди наших революционных драматических организаций, достигнув (наконец) своей художественной зрелости⁵¹.

Н. Бухвальд в своем обзоре, опубликованном в *Morgn Freiheit*, особо восторгался актерским мастерством труппы:

В пьесе такого рода исполнители не могут быть «прикрыты» режиссерскими приемами, – они должны создавать человеческие судьбы со всеми нюансами и оттенками, основываясь исключительно на собственном опыте и таланте. Режиссер мог только помочь им прояснить смысл их роли, раскрыть суть реплик, выявить их подтекст. Но он не мог освободить актеров от задачи воплощения внутренней жизни их персонажей в столь выразительной и убедительной форме⁵².

Высоко оценил Бухвальд и работу постановщика, назвав ее «величайшим режиссерским достижением Шнайдера». Особо понравились ему два последних акта:

Бунт молодой монахини Таисьи против своей властной настоятельницы-госпожи Мелании в конце второго акта оказывался настоящей кульминацией всего действия. В третьем же – атмосфера паники в доме Достигаева стано-

⁴⁹ Linder N.B. Gorki's Revolutionsnere Piyese 'Dostigayev' in Artef-Teater. *Der Tog*, 1935, January 19, p. 4.

⁵⁰ Mukdoni A. In Tsvey Teaters.

⁵¹ Alexander L. Artef Presents Fine Production of Gorki Play. *Daily Worker*, 1935, January 18, p. 5.

⁵² Buchwald N. Vi azoy 'Dostigayev' vert geshpilt in Artef. *Morgn Freiheit*, 1935, January 19, p. 3.

поздние пьесы м. горького в театре сша

вилась настолько густой, что ее можно было потрогать рукой. А финальный эпизод, когда красногвардеец стоял на страже купеческого дома – это поистине одна из лучших «немых сцен», которые я когда-либо видел в театре⁵³.

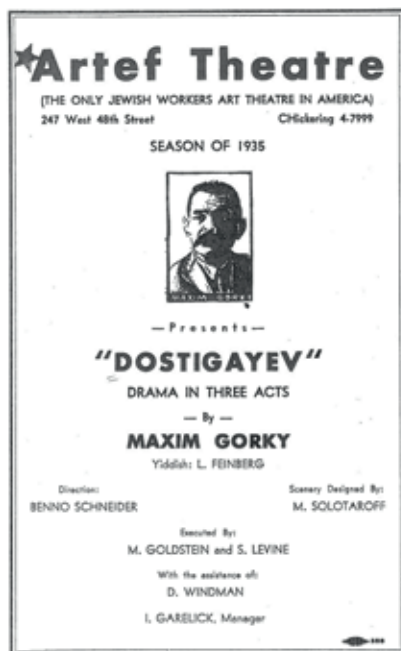
Обозреватель *Daily Worker* отдельно выделил сценографию:

«Достигаев». Театр «АРТЕФ», Нью-Йорк, 1935. Сцена из спектакля.

Она была откровенно театральной в лучшем смысле этого слова; ее решение выходило далеко за рамки жизнеподобия и реалистичности, рождая у зрителя образ ненормального жизненного уклада буржуев, который скоро

⁵³ Ibid.

Обложка программки к спектаклю «Достигаев» (Театр «АРТЕФ», Нью-Йорк, 1935).

сметет революция. Однако, как и любая талантливая сценография, она никогда не была навязчивой.

Также он отметил удачное использование цветного сценического освещения:

В первом акте, который разворачивался в купеческом клубе, свет был красным, как пятнистая физиономия пьяницы и «гурмана», а в последнем – в гостиной у Достигаева – то фиолетовым, то красным или зеленым, как ядовитый гриб⁵⁴.

Тем не менее, известный американский сценограф М. Горелик был убежден, что постановочный метод «АРТЕФ» (прежде всего, режиссера Б. Шнай-дера) при обращении к горьковской драматургии работает против самого себя:

⁵⁴ Alexander L. Artef Presents Fine Production of Gorki Play.

Ограниченность этого приема [условного гротеска] становится очевидной применительно к таким драмам Горького, как «Егор Булычов» (1933) и «Достигаев» (1935). <...> В этих постановках гротескный метод не способствовал раскрытию содержания первоисточника, а, напротив, лишь только ему препятствовал⁵⁵.

Примечательно, что с этим мнением соглашался в *New Masses* и Дж. Кьюниц, левый публицист, критик и исследователь советского общества и культуры:

Горьковский «Достигаев» во многом является произведением настроения и психологических нюансов. Его реализм требует изысканно тонкой техники. Малейший след театральности и любое преувеличение губительны для такой пьесы.

Его приговор постановке неутешителен:

Все вроде бы есть в ней – и хорошая актерская игра, и прекрасное режиссерское решение, и замечательный перевод текста, – но чего-то жизненно важного, чего-то такого, что сделало бы спектакль поразительной реальностью, не хватает⁵⁶.

«АРТЕФ» планировал завершить сезон 1935–1936 гг. постановкой новой пьесы Горького, продолжающей «Булычова» и «Достигаева», условно называемой «Рябинин» или «Новый человек»⁵⁷. Однако, как известно, Горький умер, так и не написав этого произведения.

Впервые на английском языке (а не на идиш) «Достигаева и других» поставил в США в том же 1935 г. «Литтл Тиэтр» при Калифорнийском университете (Беркли, шт. Калифорния). Спустя два года, в 1937-м, уже после смерти Горького, две его поздние пьесы дважды публикуются в Америке⁵⁸ и забываются на долгие годы⁵⁹. Так что справедливыми были сетования писателя-коммуниста А. Мальца:

⁵⁵ Gorelik M. *New Theatre for Old*. New York: Samuel French, 1940, p. 307.

⁵⁶ Kunitz J. Artef Presents 'Dostigayev'. *New Masses*, 1935, January 29, p. 28.

⁵⁷ См.: Nahshon E. *Yiddish Proletarian Theatre*, p. 146.

⁵⁸ Gorki M. *Last Plays of Maxim Gorki*, transl. by Gibson-Cowan. New York: International Publ., 1937. 34 p.; *Gorky M. Yegor Bulichov and Others / Transl. by A. Wixley // Four Soviet Plays*. New York: International Publ., 1937. p. 1–79.

⁵⁹ После окончания Второй мировой войны в США появился еще один перевод: Gorky M. Yegor Bulychov and the Others, trans. by A. Bakshy. In Gorky M. *Seven Plays of Maxim Gorky*. New Haven, CT: Yale University Press, 1945, pp. 353–396. Обращает на себя внимание различие в транскрипции имени

«Егор Булычев», произведение замечательное, исполнялось в США только любительской труппой рабочих, играющих на еврейском языке перед очень небольшой аудиторией⁶⁰.

Только через долгие двадцать лет – в 1953–1954 гг. – «Егор Булычев» будет вновь идти в Соединенных Штатах в нью-йоркском Репертуарном театре⁶¹, а спустя еще пятнадцать лет – в 1970–1971 гг. – в крупнейшем региональном театре «Лонг Уорф» (Нью-Хейвен, шт. Коннектикут)⁶². «Достигаев» же больше в США не ставился⁶³.

Спектакли еврейского рабочего театра «АРТЕФ» познакомили американскую публику с этими двумя горьковскими драмами и предложили их своеобразное сценическое воплощение. Произошло это благодаря поддержке МОРТ, предоставившего «АРТЕФ» права на постановку и обеспечившего творческое взаимодействие американского театра с московским Театром имени Е.Б. Вахтангова.

и фамилии главного героя пьесы «Егор Булычев и другие» – *Yegor Bulichov and Others*, *Egor Bulychev and Others* и *Yegor Bulychov and the Others*.

⁶⁰ Цит. по: *Мотылева Т.Л.* Наследие Горького и современная зарубежная литература // Новый мир. 1948. № 11. С. 148.

⁶¹ См.: Пьесы А.М. Горького на зарубежной сцене: 1902–1967 (Указатель) / Сост. Ф. Крымко. М., 1968. С. 24.

⁶² См.: *Фридрих Ю.Г., Швыдкой М.Е.* Театральная провинция и Бродвей // Театр. 1974. № 11. С. 129–130; *Бялик Б.А.* М. Горький – драматург. С. 500; *Демкина С.М.* Пьеса М. Горького «Егор Булычев» в фондах Музея А.М. Горького ИМЛИ РАН // Драматургия М. Горького в историко-функциональном аспекте. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 343.

⁶³ О бытовании и рецепции драматургии М. Горького на подмостках США в XX в. см.: *Гудков М.М.* Драматургия М. Горького и американский театр XX века // Жизнь провинции: история и современность (Сб. ст.). Нижний Новгород, 2019. С. 15–28.

Литература

Борзенко В.В. «Смотрите же, чтоб было посмешней». Максим Горький и Театр им. Вахтангова. М.: Театролис, 2019. 156 с.

Бялик Б.А. М. Горький – драматург. М.: Советский писатель, 1977. 639 с.

Гудков М.М. Первая советская пьеса на американской сцене: «Ржавчина» В. Киршона и А. Успенского (1929/30) // Вопросы театра. Prosaenium. 2017. № 3/4. С. 265–281.

Гудков М.М. Первые советские пьесы на Бродвее: рецепция отечественной драматургии в коммерческом театре США в 1920–1930-е годы // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 392–416.

Гудков М.М. Драматургия М. Горького и американский театр XX века // Жизнь провинции: история и современность. Сб. статей. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 15–28.

Гудков М.М. «Егор Булычов» в Америке // Современная драматургия. 2019. № 2. С. 259–264.

Гудков М.М. Пьеса М. Горького «Егор Булычов и другие» на сцене американского театра «АРТЕФ» (1934/35) // Acta eruditorum. 2019. Вып. 31. С. 27–34.

Гудков М.М. Американская премьера пьесы М. Горького «Достигаев и другие» (Нью-Йорк, театр «АРТЕФ», 1935) // Сборник материалов XX Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге 19–21 ноября 2020 г. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2020. С. 115–124.

Гудков М.М. «Достигаев» в Америке (Нью-Йорк, театр «АРТЕФ», 1935) // Максим Горький в культуре XX–XXI вв. Горьковские чтения-2020: Материалы XXXIX Международной научной конференции. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 15–26.

Гудков М.М. Советская «Женитьба» на Бродвее: «Квадратура круга» В.П. Катаева в Америке // Актуальные проблемы литературы и культуры. Вып. 12. Ереван: Лингва, 2020. С. 267–283.

Драматургия М. Горького в историко-функциональном аспекте. М.: ИМЛИ РАН, 2017. (М. Горький. Материалы и исследования. Вып. 13). 376 с.

Заславская О.В. Пролетарский театр и Коминтерн: транснациональный контекст создания Международного объединения рабочих театров (1926–1932) // Шаги. 2017. № 3. С. 45–67.

Иезуитов С.А. Пьесы А.М. Горького 1930-х годов (Текст и контекст): дис. ...канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2007. 236 с.

Лапина Г.В. «Земля обетованная». Американка о коммуналке // Новый мир. 2019. № 9. С. 134–156.

Мотылева Т.Л. Наследие Горького и современная зарубежная литература // Новый мир. 1948. № 11. С. 138–159.

Пьесы А.М. Горького на зарубежной сцене: 1902–1967 (Указатель) / Составитель Ф. Крым-ко. М.: Типография Министерства культуры СССР, 1968. 34 с.

Трофименков М.С. Красная книга (Голливуд при маккартизме: надзиратели, жертвы, попутчики) // Сеанс. 2013. № 53/54. С. 271–325.

Фридштейн Ю.Г., Швыдкой М.Е. Театральная провинция и Бродвей // Театр. 1974. № 11. С. 125–135.

References

Bialik B.A. *M. Gor'kii – dramaturg [M. Gorky – a Playwright]*. Moscow: Sovetskii Pisatel' Publ., 1977. 639 p. (In Russ.)

Borzenko V.V. “*Smotrite zhe, chtob bylo posmeshnei*”. *Maksim Gor'kii i Teatr im. Vakhtangova [“Make sure it'll be funny”. Maksim Gorky and Vakhtangov Theatre]*. Moscow: Teatrolis Publ., 2019. 156 p. (In Russ.)

Clurman H. *The Fervent Years: The Group Theatre and the Thirties*. New York: Da Capo Press, 1983. 329 p.

Dramaturgiia M. Gor'kogo v istoriko-funksional'nom aspekte [M.Gorky's Dramaturgy in Historico-functional Aspect]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2017. (Series “M. Gorky. Materialy i issledovaniia.” Vyp. 13 [“M. Gorky. Studies and Materials”, issue 13]). 376 p. (In Russ.)

Fridshtein Ju.G., Shvydkoi M.E. *Teatral'naia provintsia i Broadway [Theatrical Province and Broadway]*. *Teatr*, 1974, no 11, pp. 125–135. (In Russ.)

Gordon, Mel. *Stanislavsky in America: An Actor's Workbook*. London; New York: Routledge, 2010. 194 p.

Gorelik, Mordecai. *New Theatre for Old*. New York: Samuel French, 1940. 553 p.

Gudkov M.M. *Amerikanskaia prem'era p'esy M. Gor'kogo Dostigaev i drugie (New York, teatr «ARTEF», 1935) [American Premiere of M. Gorky's Play Dostogaevev and Others, New York, ARTEF Theatre, 1935]*. *Sbornik materialov XX Sviato-Troitskikh ezhegodnykh mezhdunarodnykh akademicheskikh chtenii v Sankt-Peterburge 19–21 noiabria 2020 g.[Proceedings of the XXth Sviato-Troitsky Annual Academic Readings, Saint-Petersburg, November 19-21, 2020]*. Saint-Petersburg: Izdateľstvo Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii Publ., 2020, pp. 115–124. (In Russ.)

Gudkov M.M. *Dostigaev v Amerike (New York, teatr ARTEF, 1935) [Dostigaev in America, New York, ARTEF Theatre, 1935]*. *Maksim Gor'kii v kul'ture XX–XXI vv. Gor'kovskie chteniia–2020: Materialy XXXIX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Maksim Gorky in the XX–XXIth-century Culture. Gorky Readings–2020: Proceedings of the XXXIXth International Scholarly Conference]*. Nizhnii Novgorod: NNGU im. N.I. Lobachevskogo Publ., 2020, pp. 15–26. (In Russ.)

ПОЗДНИЕ ПЬЕСЫ М. ГОРЬКОГО В ТЕАТРЕ США

Gudkov M.M. Dramaturgiia M. Gor'kogo i amerikanskii teatr XX veka [M. Gorky's Dramaturgy and the Twentieth-century American Theatre]. *Zhizn' provintsii: istoriia i sovremennost' (Sb. st.) [Life of Province: History and Contemporaneity. A Collection of Critical Essays]*. Nizhnii Novgorod: NNGU im. N.I. Lobachevskogo Publ., 2019, pp.15–28. (In Russ.)

Gudkov M.M. *Egor Bulychov v Amerike [Egor Bulychov in America]*. *Sovremennaia dramaturgiia*, 2019, no 2, pp. 259–264. (In Russ.)

Gudkov M.M. Pervaia sovetskaia p'esa na amerikanskoj stsene: *Rzhavchina* V. Kirshona i A. Uspenskogo (1929/30) [The First Soviet Play on the American Stage: *Rust* by V. Kirshon and A. Uspensky (1929/30)]. *Voprosy teatra. Proscaenium*, 2017, no 3/4, pp. 265–281. (In Russ.)

Gudkov M.M. Pervye sovetskie p'esy na Brodvee: retseptsiiia otechestvennoi dramaturgii v kommercheskom teatre SShA v 1920 – 1930-e gody [The First Soviet Plays on Broadway: Reception of Domestic Drama in American Commercial Theatre, 1920–1930s]. *Literatura dvukh Amerik [Literature of the Americas]*, 2017, no 3, pp. 392–416. (In Russ.)

Gudkov M.M. P'esa M. Gor'kogo *Egor Bulychov i Drugie* na stsene amerikanskogo teatra ARTEF (1934/35) [M. Gorky's Play *Yegor Bulychov and Others* on the Stage at American ARTEF Theatre, 1934/35]. *Acta eruditorum*, 2019, issue 31, pp. 27–34. (In Russ.)

Gudkov M.M. Sovetskaia *Zhenit'ba* na Brodvee: *Kvadratura kruga* V.P. Kataeva v Amerike. *Aktual'nye problemy literatury i kul'tury*, issue 12. Erevan: Lingva Publ., 2020, pp. 267–283. (In Russ.)

Hohman, Valleri J. *Russian Culture and Theatrical Performance in America, 1891–1933*. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 222 p.

Iezuitov S.A. *P'esy A.M. Gor'kogo 1930-kh godov (Tekst i kontekst): dis. ...kand. filol. Nauk [A.M. Gorky's Plays of the 1930s (Text and Context). PhD Thesis]*. Saint-Petersburg, 2007. 236 p. (In Russ.)

Lapina G.V. "Zemlia obetovannaia". Amerikanka o kommunalke ['Promised Land'. An American on 'kommunalka']. *Novyi mir*, 2019, no 9, pp. 134–156. (In Russ.)

Levin D. *Stormy Petrel: The Life and Work of Maxim Gorky*. New York: Frederick Muller, 1965. 337 p.

Lifson D.S. *The Yiddish Theatre in America*. London; New York: Thomas Yoseloff, 1965. 660 p.

Motyleva T.L. Nasledie Gor'kogo i sovremennaia zarubezhnaia literatura [Gorky's Heritage and Modern Foreign Literature]. *Novyi mir*, 1948, no 11, pp. 138–159. (In Russ.)

Nahshon E. *Yiddish Proletarian Theatre: the Art and Politics of the Artek, 1925–1940*. Westport, CT: Greenwood Press, 1998. 264 p.

P'esy A.M. Gor'kogo na zarubezhnoi stsene: 1902–1967 (Ukazatel') [A.M. Gorky's Plays on Foreign Stage, 1902–1967. A Bibliography], ed. F. Krymko. Moscow: Tipografiia Ministerstva kul'tury SSSR Publ., 1968. 34 p. (In Russ.)

М. М. ГУДКОВ

Slonim M. *Russian Theatre: From the Empire to the Soviets*. New York: Collier Books, 1961. 581 p.

Trofimenkov M.S. Krasnaia kniga (Hollywood pri makkartizme: nadzirateli, zhertvy, poputchiki) [Red Book (Hollywood and McCarthyism: Overseers, Victims, Fellow-Travelers)]. *Seans*, 2013, no 53/54, pp. 271–325. (In Russ.)

Zaslavskaia O.V. Proletarskii teatr i Komintern: transnatsional'nyi kontekst sozdaniia Mezhdunarodnogo ob"edineniia rabochikh teatrov (1926–1932) [Proletarian Theatre and the Comintern: Transnational Context of The International Association of Workers' Theatres (1926–1932)]. *Shagi/Steps*, 2017, no 3, pp. 45–67. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию: 10.07.2021
Дата публикации: 20.11.2021

Received: 10.07.2021
Published: 20.11.2021

Судьба Виктора Сержа как переводчика

© 2021 Е.А. Легенькова, Т.С. Тайманова

УДК 82.091

https://doi.org/10.54791/27823792_2021_1_181_223

Victor Serge the Translator

© 2021 Elizaveta A. Legen'kova, Tatiana S. Taimanova

Информация об авторах:

Елизавета Александровна Легенькова, кандидат филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкого и романских языков, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Россия. E-mail: kaf_roman@gup.ru.

Татьяна Соломоновна Тайманова (1954–2020), доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

Ключевые слова: Виктор Серж, перевод, комментирование, переписка, советская литература, Гладков «Цемент», Коминтерн, франко-российские литературные связи

Аннотация: Виктор Серж (В.Л. Кибальчич) в качестве переводчика внес заметный вклад в русско-французский литературный диалог XX века. В статье подробно воссоздается история его переводческой деятельности, в том числе его работа при Коминтерне, дается детальный анализ стратегий и техник Сержа-переводчика, к которым он прибегал, работая над переводом романа Ф. Гладкова «Цемент». Помимо художественных переводов, рассматривается его опыт работы с мемуарным текстом (перевод на французский книги В.Н. Фингер «Воспоминания революционерки»). Серж предстает также как критик и теоретик литературы со своим оригинальным видением «пролетарской литературы» и творчества писателей-«попутчиков». В Приложении публикуются два письма Сержа В.Н. Фингер из фондов РГАЛИ, приводится перевод на

Information about the authors:

Elizaveta A. Legen'kova, PhD. in Philology, Chair Professor, Department of German and Roman Languages, Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Russia. E-mail: kaf_roman@gup.ru.

Tatiana S. Taimanova (1954–2020), Doctor of Philology, Professor, Saint-Petersburg State University.

The previous version of the article: Taymanova T., Legen'kova E. Victor Serge, traducteur. *Travaux de littérature. Les écrivains traducteurs*. Vol. XXXI. Genève: Droz, 2019, pp. 271–282.

Keywords: Victor Serge, translation, commenting, correspondence, Soviet literature, Fyodor Gladkov *Cement*, Comintern, French-Russian literary connections

Abstract: Victor Serge (Victor Lvovich Kibalchich) contributed a lot in the twentieth-century Russian-French literary connections with his translations. The paper reconstructs his activity as a translator, including his work for the Comintern, and gives a minute analysis of the strategies, skills and techniques Serge employed when he was working on the French translation of F. Gladkov's novel *Cement*. Besides his translations of fiction the paper dwells at some length on his experience as a translator of memoirs and biographical literature (Serge rendered into French Vera Finger's *Memoirs of a Revolutionary*). Serge also appears as a literary critic and a theorist of literature who had his own idea of "proletarian literature" and the works of "fellow travelers". The paper is accompanied

русский язык статьи В. Сержа «Совесть писателя (Трагедия советских писателей)» (1946) и фрагмент воспоминаний о В. Серже Ж. Дюамеля. Первый вариант статьи опубли.: Тауманова Т., Legenkova E. Victor Serge, traducteur. *Travaux de littérature. Les écrivains traducteurs*. Vol. XXXI. Genève: Droz, 2019, pp. 271-282.

with a supplement that comprises the publication of Serge's letters to Vera Finger (stored in the Russian State Archive of Literature and Arts), the Russian translation of V. Serge's essay "Conscience of a Writer (Tragedy of the Soviet Writers)" (1946) and Georges Duhamel's reminiscences of Victor Serge.

Принятые сокращения:

- SK – Samios-Kazantzaki E. *La véritable tragédie de Panaït Istrati*. Paris: Lignes; Saint-Germain-la-Blanche-Herbe: IMEC, 2013.
- Кукушкина – Кукушкина Т.А. К истории секции ленинградских переводчиков (1924–1932) // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам: материалы проекта. 2011, С. 638–682. <http://www.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=5HtkE57-j-c%3D&tabid=10460>.
- Серж – Серж В. От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера / пер. с франц. Ю.В. Гусевой, В.А. Бабинцева. М.: Практис; Оренбург: Оренбургская книга, 2001.
- Carnets – Serge V. *Carnets (1936-1947)*, éd. par C. Albertani et C. Ruoux. Marseilles: Agone, 2012.

Переводить – это также значит показывать в пространстве и времени как люди перекликаются и соотносятся друг с другом <...>. Писательство противостоит одиночеству. Наедине со словами, писатель находится во власти порожденного идущими отовсюду голосами и шумами безумного гула и беспорядочно толпящихся образов.
Ф. Масперо¹

Между писательством и переводом: переводить ради возможности писать

Постепенно благодаря усилиям исследователей и переводчиков многогранная и яркая фигура Виктора Сержа выступает из тени забвения. На Западе, а с недавних пор и в России, известно его поэтическое и романное творчество². По мере своего разочарования в большевистском эксперименте, Серж начинает ощущать необходимость оставить свидетельство о своем времени и поколении.

¹ Maspero F. *Les abeilles et la guêpe*. Paris: Seuil, 2002, pp. 300–301. Ф. Масперо (1932–2015) – издатель, переводчик и писатель. Издательство "Maspéro" в послевоенные годы публиковало отдельные забытые во Франции тексты В.Сержа.

² Публикация переводов произведений В.Сержа в России началась в 1990-е. Его мемуары и ряд романов были переведены В.А. Бабинцевым и Ю.А. Гусевой, а стихи К. Медведевым.

Однажды он осознал, что «некоторый свет на историю может быть брошен лишь путем свободного и беспристрастного литературного творчества, когда автор избавлен от заботы выгодно продать плод своего труда». С тех пор он стал рассматривать литературный труд «как средство донести до людей то, чем живет большинство, не имеющее возможности высказаться, средство сопричастности, свидетельство о жизни, проживаемой всеми нами, сущность которой мы должны постараться сохранить для тех, кто придет после нас», и видел в этом свою близость к «традициям русской литературы» (Серж: 317–318; Carnets). Его внушительное творческое наследие сегодня еще мало изучено³, а переводческая деятельность и вовсе не привлекала внимания исследователей.

В жизни В. Сержа переводческая деятельность занимала подчиненное место и зависела от жизненных обстоятельств, вынуждавших его обращаться к этому не самому легкому способу заработка. В Париже в начале XX в. Виктор Кибальчич, молодой билингв русского происхождения, родившийся в Брюсселе, переводил «русские романы и поэмы – Арцыбашева, Бальмонта, Мережковского... – для одного щедрого русского публикатора, который подписывал переводы своим именем»⁴. Став с тех пор Виктором Сержем, он всегда мало заботился об авторстве своих переводов.

Бурная молодость анархиста и борца за социальную справедливость привела В. Сержа в большевистскую Россию, где его билингвизм стали использовать пропагандистские службы III Интернационала. Начиная с весны 1920 г. он переводит различные тексты большевистских лидеров: письма и статьи Ленина, речи вождя на заседаниях Исполкома Коминтерна⁵, книги Троцкого «Терроризм и коммунизм» (1920) и «Литература и революция» (1923)⁶. Его статьи публикуются во французской левой периодике и вносят немалый вклад

³ Большая часть исследований литературного творчества В. Сержа принадлежит перу американского ученого-марксиста Ричарда Гримана (Richard Greeman). Преимущественно Сержу-политическому публицисту, но также и прозаику, посвящены материалы коллективного сборника «Виктор Серж: социалистический гуманизм против тоталитаризма» (М.: Праксис, 2003); см. новейшую публикацию из наследия В. Сержа: Гусев А., Волохова Ю. На пути к «лагерной вселенной». «Доклад о наказании в СССР лиц, виновных в инакомышлении» Виктора Сержа // Новое литературное обозрение. 2020. № 2 (162). С. 248–268.

⁴ (Серж: 36). По мнению Жана Риера (Jean Rière), речь идет о следующих переводах: Artzybachev M. *Le vieux procureur raconta*. Paris: Édouard Mignot, 1911. – 20 p.; Artzybachev M. *Sanine*. Paris: Grasset, 1911. – 484 p.; Artzybachev M. *À l'extrême limite*. Paris: Grasset, 1913. – 344 p. Все эти переводы вышли за подписью публициста и издателя Жана Поволоцкого. См. примеч. Ж. Риера: Serge V. *Memoires d'un révolutionnaire. 1905–1945. Deuxième version, revue et corrigée par l'auteur*, éd. par J. Rièr. Montréal, Canada: Lux Éditeur, 2017, pp.495–496.

⁵ Ibid., pp. 126, 168.

⁶ Serge V. *Memoires d'un révolutionnaire*, p.134. Ж. Риер считает, что «невозможно составить точный список его переводов, так как те, которые выходили в периодических изданиях были анонимными. Всевозможные послания, речи, прокламации Ленина, Зиновьева, Троцкого перевести Сержем, который не стремился это констатировать» (Ibid., p. 544).

в обмен мнениями между русскими и французскими интеллектуалами. В СССР он принимает французских писателей, приезжающих для знакомства с новой Россией (Ж. Дюамель, Л. Дюртен, П. Истрати). Вырвавшись в 1936 г. из СССР на Запад, он встречается с А. Жидом, чтобы рассказать ему о сталинизме. Таким образом, Серж был одним из культурных посредников, представлявших во Франции благодаря своим статьям и переводам реалии советской литературы и судьбу ее авторов.

Период с конца 1920-х гг. и до ссылки Сержа в Оренбург (1933) – наиболее напряженный и неопределенный в его жизни в СССР. Примкнув к троцкистской оппозиции в 1925 г., Серж подвергается преследованиям и слежке, а его существование превращается в череду несчастий (внезапная болезнь, которая приводит его к писательству, преследования его семьи в связи с делом Русакова⁷, тяжелое психическое расстройство жены, исключение в январе 1928 г. из партии, ожесточенная борьба за выживание, два последовавших друг за другом ареста⁸, ссылка...) В конце 1929 г. Серж принимает окончательное решение эмигрировать с семьей в Европу⁹, но осуществилось оно далеко не сразу¹⁰.

«Решение в это время [1927–1928], перед лицом растущей реакции, посвятить себя истории и литературе, написанию романов и работать в защиту зреющих идей, – помечает он в записных книжках. – Долг свидетеля, я считал, что интеллектуальная деятельность остается единственно возможной. Упадок Коминтерна утрачивает размерами напрасно затраченного труда»¹¹. В это время он крайне много пишет¹² и именно тогда обращается к романному творчеству, не отказываясь при этом от перевода. Он пишет П. Истрати: «Уезжаю в Москву за “барщиной”, как говорил один хороший поэт, который знал, что это такое,

⁷ О «деле Русакова» см. в третьем Приложении к данной публикации.

⁸ Первый арест датируется 23 апреля 1928 г. (Серж содержался 36 дней в Ленинграде в тюрьме на ул. Шпалерной, затем был освобожден), второй – 8 марта 1933 г.: тогда Сержа приговорили в административном порядке к трем годам ссылки в Оренбург.

⁹ В. Серж – П. Истрати. 11.12.1929. Опубл. в: (SK: 296–297). Здесь и далее письма В. Сержа к П. Истрати цитируются по этому изд.

¹⁰ Письмо с просьбой разрешить покинуть СССР было отправлено Сержем в ЦИК СССР 16 октября 1932 г., отказ от 31 декабря 1932 г. был получен 16 января 1933 г. Серж пишет М. Мартине: «Я только что получил официальный ответ [...] немотивированный отказ» (V. Serge à M. Martinet. 10 octobre 1939, Léningrad. Fonds Marcel Martinet, no 35, BNF).

¹¹ Serge V. Cinquante et un ans – Bilan d'un effort de pensée claire (Janvier 1942). In: (Carnets: 152).

¹² Между 1928–1933 гг. Серж написал: *Les Hommes dans la prison*. Paris: Rieder, 1930; *Naissance de notre force*. Paris: Rieder, 1931; *Ville conquise*. Paris: Rieder, 1932; *Mer blanche*. *Revue des Vivants*, no 8, 9-10, août–septembre 1932 и перевел романы Ф. Гладкова, М. Шагинян и М. Шолохова (Gladkov F. *Le ciment*, Paris: Éditions Sociales internationales, 1928 – 364 p.; Chaguinian M. *Hydrocentrale*. Paris: Éditions Sociales internationales, 1933 (coll. "Horizons". 1933. – 460 p.; Cholokhov M. *Terres défrichées*. Paris: Editions sociales internationales, 1933. – 464 p.).

судьба виктора сержа как переводчика

и за деньгами»¹³. Переводческая «барщина» необходима ему, чтобы обеспечить собственное литературное творчество, и он постоянно находится в поиске работы ради куска хлеба. Но даже подчиняясь обстоятельствам, Серж признается: «Я не стану предлагать переводы Ридеру [парижское издательство Rieder], а посвящу себя написанию собственных произведений; скоро я закончу начатую книгу и приступлю к историческому труду, способному заинтересовать широкую публику»¹⁴. Желание писать возобладало над необходимостью переводить, как засвидетельствовал он сам во фрагменте «О литературном творчестве»: «Сперва удержать, зафиксировать, понять, интерпретировать, воссоздать жизнь; высвободить и вывести наружу бродящие внутри смутные силы, благодаря которым человек погружается в коллективное подсознание. В самом произведении это выражается как Свидетельство и Послание» (Carnets: 486). К писательству Сержа побуждает понимание существования как памяти, осознание быстротечности и неуловимости единственной у человека жизни, «которая заключает в себе множество возможных судеб <...> иных человеческих существований, и землю, других существ, Все. Писательство становится поиском множественности личности, способом прожить различные судьбы, проникнуть в другого, разделить его взгляды.<...> В писательстве заключены и страдание, и облегчение»¹⁵.

Но на его руках жена и маленький ребенок, и неизменной заботой Сержа остается «работа ради куска хлеба»; помимо переводов он читает лекции о французской литературе и искусстве¹⁶. В его письмах ощущается тоска, одиночество и напряжение борьбы с нищетой: «Никогда я не был так одинок. Обычно я работаю как зверь два дня ради куска хлеба и третий – для себя»¹⁷. В другом письме он возвращается к этой теме: «Я работаю, как человек, подталкиваемый чувством голода и желанием творить (творить – это тоже сражаться). После первого рабочего дня – ради куска хлеба начинается второй. И только потом с тяжелой головой я выхожу из дома и меряю шагами Невский проспект...»¹⁸

Труд писателя и переводчика требуют виртуозного обращения с языком, на котором он пишет. Вынужденный говорить преимущественно по-русски, Серж жалеет, что забывает французский: «Я пишу, и это меня немного утешает, но невероятно трудно писать в такой изоляции на языке, которого в общем никогда не слышишь вокруг»¹⁹. А в другом письме он жалуется: «Ужасно писать

¹³ В.Серж – П. Истрати. 31.08.1931 (SK: 332).

¹⁴ В.Серж – П. Истрати. 18.01.1930 (SK: 301).

¹⁵ Ibid., p. 487.

¹⁶ Cp.: Pascal P. *Journal de Russie. 1928-1929*, ed. par J. Catteau, S. Coeuré et J. Bouvard. Lausanne: Les éditions Noir sur Blanc. 2014, pp. 215, 403, 728.

¹⁷ В.Серж – П. Истрати. 26.11.1929 (SK: 288).

¹⁸ В.Серж – П. Истрати. 14.02. 1930 (SK: 306).

¹⁹ В.Серж – П. Истрати. 19.11.1929 (SK: 286).

в такой изоляции, наедине с самим собой, как в тюремной камере, на языке, которого не слышишь»²⁰. Серж владел русским языком так же хорошо, как и французским. Чтобы в этом убедиться, достаточно почитать его переписку с носителями русского языка²¹. Но свои произведения он писал по-французски и переводил только на французский – в отличие, например, от В. Набокова, известного своими автопереводами на русский. Так, Серж поручил перевод своего первого романа А.Н. Горлину, одному из лучших переводчиков Ленинграда²². Однако при жизни Сержа ни одно из его литературных произведений не вышло на русском языке²³. Публикация перевода Горлина, уже прошедшего корректуру и верстку и отпечатанного в типографии, была запрещена старым знакомым Сержа, Ильей Ионовым, директором Ленгиза²⁴. Ионов так объяснил Сержу свое решение: «Вы можете создавать по шедевру в год, но пока вы не примкнете к линии партии, ни одна ваша строчка не увидит света!» (Серж: 319).

Переписка Сержа отражает это состояние изгоя: «Мы живем в атмосфере ненависти, доноительства и бытового преследования, погрома. У меня ощущение, что мы попали в западню»²⁵. Преследования длятся годами: «... действительно, мне дали понять, что я могу подвергнуться полному бойкоту, который лишит меня средств пропитания. Этого сейчас я больше всего боюсь <...> Я ответил, что если меня лишат возможности зарабатывать на жизнь, я потребую, чтобы мне дали эту возможность в другом месте. Если все так и обернется, я распродам мой ленинградский скарб, две трети книг и поеду

²⁰ В.Серж – П. Истрати. 11.12.1929 (SK: 296).

²¹ Письма Сержа к советским властям, связанные с делом Русакова, хранятся в фонде Пьера Паскаля во Франции (Fond P. Pascal, BDIC); письмо к В.Н. Фигнер хранится в РГАЛИ (Фонд В.Н. Фигнер).

²² Русский перевод, выполненный А.Н. Горлиным, носит название «1825 дней. Повести о тюрьме» и должен был выйти в издательстве «Земля и фабрика» в 1930 г. А.Н. Горлин (1878–1938; умер в заключении) – издатель, редактор, переводчик, доктор естествознания в Льежском университете. В 1918–1921 гг. был редактором коминтерновского журнала «Коммунистический Интернационал», затем работал в Госиздате и в издательстве «Academia». Перевел, в частности, «Лилиюли» Р. Роллана (1922). О. Мандельштам дает высокую оценку Горлину: «...моя переводческая деятельность сохраняла черты литературы на протяжении ряда лет исключительно благодаря высокой культурности А.Н. Горлина, крупнейшего специалиста по переводческому делу в нашей стране, сумевшего поднять переводческий отдел Ленинград-Гиза на должную высоту...» (О. Манельштам – И.И. Ионову. 1929, рубеж января – февраля // *Мандельштам О.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4 «Письма». М.: Арт-бизнес центр, 1999. С. 106).

²³ Серж пишет: «Кооперативное издательство ленинградских писателей, собиравшееся подписать со мной договор, столкнулось с категорическим вето отдела культуры райкома» (Серж: 320).

²⁴ И.И. Ионов (Бернштейн; 1887–1942; умер в ГУЛАГе) – издатель, поэт. Первый председатель правления издательства Петросовета, возглавлял ленинградское отделение Госиздата (1924), Ленгиз (1925–1926), издательство «Земля и фабрика» (1928–1929), работал в издательстве «Academia» (1931–1932); с 1932 г. – председатель акционерного общества «Международная книга».

²⁵ В. Серж – П. Паскалю. 21.04.1929. Опул. в.: Pascal P. *Journal de Russie. 1928-1929*, p. 518.

судьба виктора сержа как переводчика

прозябать в Москву, твердо сражаясь за единственное решение. Я задействую также все мои связи, чтобы найти возможности литературного труда за границей. Итак, я на опасном повороте»²⁶. Его последующие письма показывают, что эти опасения подтвердились²⁷.

Виктор Серж – переводчик при III Интернационале и член ленинградского Союза писателей

В 1926 при Коминтерне в Москве создается издательская служба, которую возглавляет Михаил Кребс (1895–1937). Также он отвечает за связи с коммунистическими издательствами в капиталистических странах. Во Франции таким издательством было “Éditions Sociales internationales” (ESI, осн. в 1927)²⁸. Его издательская политика была нацелена на публикацию основополагающих текстов вождей коммунизма и пропаганду советской литературы. В рамках этого проекта Серж переводил отдельные тома для французского полного собрания сочинений В.И. Ленина²⁹, первый советский учебник политэкономии³⁰, романы Ф. Гладкова, М. Шагинян и М. Шолохова³¹. П. Паскаль, который тоже работал над переводами Ленина, свидетельствует о гнетущей атмосфере, царившей в ведомстве Кребса, господстве идеологических и пропагандистских принципов, драконовских сроках и смехотворных гонорарах³². Такая издательская практика была распространена повсеместно. Обращаясь к И.И. Ионову, в ту пору директору государственно-кооперативного издательства «Земля и фабрика», О. Мандельштам описывает сложившуюся ситуацию как скандальную: «Перевод заранее и заведомо считается халтурой. Издательства делают все от них зависящее, чтобы снизить качество продукции». Он критикует кустарщину, механическое переиздание произведений, переведенных в конце XIX

²⁶ В.Серж – П. Истрати. 6.11.1929 (СК: 280).

²⁷ В.Серж – П. Истрати. 6.11.1929, 13.11.1929 (СК: 281-283).

²⁸ Bouju M.-C. Les maisons d'édition du PCF, 1920-1956. *Nouvelles Fondations* 7-8, décembre 2007, pp. 260–265. <https://www.cairn.info/revue-nouvelles-fondations-2007-3-page-260.htm>.

²⁹ Ж. Риер пишет, что Серж вместе с П. Паскалем и М. Боди начинают работу над переводом наследия Ленина для Института В.И. Ленина в конце 1925 г. Сержу принадлежат следующие переводы Ленина: *Oeuvres complètes*. Т. 13 “Matérialisme et Empiricriticisme. Notes critiques sur une philosophie réactionnaire”. Paris: Éditions sociales internationales, 1928; *Oeuvres complètes*. Т. IV “La période de l'Iskra (1900–1902)”. Paris: Éditions sociales internationales, 1929; *Oeuvres complètes*. Т. 7 “Les Débuts de la première Révolution russe (1904-1905)”. Paris: Editions sociales internationales, 1928. Переводы выполнялись по: Ленин В.И. Соч.: В 30 т. Изд. 2-е, испр. и доп. М.-Л.: Гос. изд., 1925-1937. Подготовлено Ин-том Ленина при ЦК ВКП (б).

³⁰ Lapidus I., Ostrovitianov K. *Précis d'économie politique. L'Économie politique et la théorie de l'économie soviétique*, trad. du russe par V. Serge. Paris: Éditions sociales internationales, 1929. – 468 p. Считается, что по этому переводу М.Торез, находясь в тюрьме, изучал политэкономия.

³¹ См. примеч. 13.

³² Pascal P. *Journal de Russie. 1928-1929*, pp. 317, 477, 485, 644-645.

в., поверхностную редактуру («Объявлялись конкурсы на скаковой рекорд по переводу пятнадцатистных книг в десять дней, гонорар цинично задерживался»), кабальные контракты. «Сначала полуголодный, пришибленный переводчик (точнее, деклассированный безработный интеллигент, ни в коем случае не литератор) полуграмотно перевирает подлинник, а потом «редактор» корпит над его стряпней и приводит ее в мало-мальски человеческий вид, уж, конечно, не заглядывая в подлинник, в лучшем случае сообразуясь с грамматикой и здравым смыслом», – описывает он обычную практику³³.

Все это извращало основополагающие принципы, претворявшиеся в издательстве Горького «Всемирная литература»³⁴ и прокламированные руководителями его переводческих работ³⁵. В Петрограде «Всемирная литература» собрала вокруг себя цвет литературной элиты, которая после ликвидации издательства примкнула к Союзу писателей. Живший в Петрограде Серж вступил в секцию переводчиков Союза. Его фамилия (Кибальчич) без указания инициалов стоит под номером 20 в декабрьском списке квалифицированных переводчиков 1929 года³⁶. Принадлежность к интеллигентской среде в качестве члена Союза писателей давала ему возможность наблюдать вблизи за советскими литературными нравами и практиками.

С конца 1920-х гг. во всех сферах интеллектуальной жизни СССР, включая и переводческую деятельность, происходят изменения. Чтобы положить конец дилетантству и сформировать новое поколение переводчиков, требовалось создать теорию перевода, которая примирила бы практики «неверных красавиц»³⁷

³³ О. Манделштам – И. Ионову. 1929, рубеж января- февраля 1929. С. 106, 107, 110.

³⁴ Нацеленность «Всемирной литературы» (1919–1924) на перевод мировой классики не представляла для Сержа большого интереса, опьяненного событиями быстро ускользающей современности. Он вспоминал: «В Петрограде Горький предложил мне работать совместно над изданием «Всемирной литературы», но я встретил там лишь стареющих или озлобленных литераторов, пытавшихся уйти от действительности, перевода Боккаччо, Кнута Гамсуна и Бальзака» (Серж: 95). См. также: Balliu С. Clefs pour une histoire de la traductologie soviétique. *Meta. Journal des traducteurs* 50: 3, août 2005, pp. 934–948. <https://www.erudit.org/fr/revues/meta/2005-v50-n3-meta979/011605ar/resume/>.

³⁵ Брошюра первых теоретиков художественного перевода: Чуковский К., Гумилев Н. Принципы художественного перевода. Пг.: Всемирная литература, 1919. Термин «традуктология» обозначает и университетскую дисциплину, и теорию перевода. Ср.: «Les termes *traductologie* et *théorie de traduction* sont synonymes». (Ladmiral J.-R. *Traduire: Théorèmes pour la traduction*. Paris: Payot, 1979, pp. VII, 162).

³⁶ Среди квалифицированных переводчиков числились: переводчик первого романа Сержа А. Горлин, основатели советской теории перевода К. Чуковский и А. Федоров, такие известные переводчики, как Б. Лившиц, М. Лозинский, Т. Щепкина-Куперник; они были отобраны в секцию, основанную в ходе реорганизации Союза писателей в Федерацию организаций советских писателей (ФОСП, 1929–1932). См.: Приложение Х. Список членов секции иностр<анной> литературы (переводчиков, остающихся в ВССП) <конец декабря 1929> в: (Кукушкина).

³⁷ Во французской традиции понятие «неверные красавицы» (*les belles infidèles* – «прекрасные, но неверные» переводы) для обозначения принципа отхода от дословного следования оригиналу

судьба виктора сержа как переводчика

и буквализма³⁸. Эти усилия прилагались в условиях идеологического и административного ужесточения в области литературы («дела» Пильняка и Замятина и др.) и навязывания соцреализма как единственного «метода» литературного творчества. Секция перевода отдавала предпочтение классикам³⁹, в том числе и из-за Главлита, который «уродовал и губил книги»⁴⁰. Серж в своих письмах часто предупреждает французских друзей о существовании цензуры, когда они намереваются прислать ему литературные новинки («Любое чтение по-французски мне полезно. Но, разумеется, избегай того, что не пройдет»⁴¹), и возвращается к теме цензуры в своих воспоминаниях (Серж: 329–330)⁴².

Протоколы заседаний секции переводчиков показывают, что ее члены, в отличие от московских чиновников, прекрасно понимали, что качество художественного перевода достигается не только за счет прикладных лингвистических приемов, используемых в отношении политических, экономических или технических текстов, но требует широкой филологической эрудиции, понимания эстетического аспекта переводимого текста, умения отличать авторский стиль от обычного языка. Одна из резолюций Секции, делая упор на литературной и творческой стороне художественного перевода, планировала объединить переводчиков и писателей в общей институции⁴³. Проведившиеся Секцией заседания касались техники перевода, его роли в межкультурной коммуникации, анализа текстов, переведенных в СССР после 1917 г., проблемы видения

чтобы сделать текст понятным и удобным для чтения на языке-реципиенте, возникло в XVII в. и связано с именем Николая Перро Д'Абланкура, о чьих переводах филолог Жиль Менаж сказал: «Они напоминают мне женщину, которую я очень любил в Туре – прекрасную, но неверную (неверную красавицу)» (Horguelin P.A. *Anthologie de la manière de traduire. Domaine français*. Montréal: Linguat-ech, 1981, p. 76).

³⁸ Как пример приведем статью будущего академика М.П. Алексеева: Проблема художественного перевода: вступ. лекция в Иркутск. гос. ун-те 15 дек. 1927 г. // Сб. работ Иркутского государственного университета. Т. VIII, вып. 1. Иркутск, 1931. С. 157–173. Перевод как учебную дисциплину в СССР стали преподавать в университетах только в 1930-е.

³⁹ Среди французских писателей это были классики: А. Франс, В. Гюго, А. де Мюссе, Леконт де Лиль, А. де Ренья, С. Малларме, А. Рембо, Ж. Санд. Современность была представлена только двумя именами – Ж. Дюамеля и Ж. Ромена. См. Приложение XX. Хроника литературных вечеров и субботников секции переводчиков Всероссийского союза советских писателей (Ленинград) 1924–1929 в.: (Кукушкина: 673–677).

⁴⁰ Главлит как орган цензуры (осн. в 1922) выпустил в 1923 г. секретное циркулярное письмо, запрещающее ввоз иностранных книг, враждебных режиму. С этого момента любое приобретение иностранной литературы проходило через бюрократический механизм, а ленинградская секция (Гублит) играла в этой процедуре очень важную роль.

⁴¹ В.Серж – П. Истрати. 28.02. 1930 (СК: 311).

⁴² Об этом же он пишет в (Carnets: 528).

⁴³ Приложение IX. Резолюция секции переводчиков ВСП, оглашенная на общем собрании членов ВСП в Ленинграде 13/Х–1929 г. в: (Кукушкина: 654).

советской действительности зарубежными авторами⁴⁴. И все же в целом перевод виделся побочной ветвью литературного творчества, вспомогательным инструментом. Рождающаяся теория была далека от мысли В. Беньямина о задаче переводчика, которая заключается в раскрытии потенциала оригинала⁴⁵. Серж познакомится с его «замечательным эссе о Бодлере» только в 1941-м⁴⁶.

Виктор Серж – критик пролетарской литературы

Квалифицированные переводчики, особенно те, для которых иностранный язык был родным, были большой редкостью⁴⁷. Таким образом, Серж представлял собой ценный кадр и несмотря на политические преследования переводил для ведомства Кребса в Коминтерне. Цинизм этого государственного чиновника хорошо объяснил Паскаль, который рассказывает о намерении Кребса «максимально использовать В.С., который вместе в П[ьером] П[аскалем] почти незаменимы для издания Ленина», «до тех пор, пока он не займет объективно контрреволюционную позицию». Паскаль так аттестовал Кребса: «...типичный чиновник, без убеждений, произносящий правильные слова, не удосуживаясь прикинуться, что верит в них, лицемер. Единственная правда в этом – то, что В[иктор Серж], как и я, ему нужны, потому что французское издание Ленина в какой-то мере является оправданием его собственного существования»⁴⁸. С теми же целями Кребс привлек Сержа к переводу «пролетарских» романов.

Серж первым во Франции стал изучать проблемы пролетарской и революционной литературы⁴⁹. В своих «Хрониках интеллектуальной жизни в России»⁵⁰, посвященных послереволюционным писателям, он дает «общий обзор и точную документальную критику основных аспектов интеллектуальной жизни

⁴⁴ Нам не удалось обнаружить доказательств участия в этих заседаниях Сержа в качестве докладчика.

⁴⁵ Его знаменитое эссе «Задача переводчика» (1923), написанное как предисловие к переводу на немецкий язык «Парижских картин» Бодлера и привлекающее в наши дни интерес теоретиков перевода, прошло незамеченным не только в СССР, куда в целом новинки иностранной литературы попадали с трудом, но и во Франции, куда Беньямин эмигрировал из нацистской Германии в марте 1933 г. (Baudelaire C. *Tableaux parisiens*. Deutsche Übertragung mit einem Vorwort über die Aufgabe des Übersetzers von Walter Benjamin, Heidelberg: Verlag von Richard Weißbach, 1923 ("Die Drucke des Argonautenkreises", 5).

⁴⁶ Во время бегства на корабле из оккупированной Франции в Мексику Серж записал 31 марта 1941 г.: «Дочь Рене Шикеля, занимаясь стиркой, рассказывает мне о самоубийстве Вальтера Беньямина <...> Здесь на борту есть его замечательное эссе о Бодлере» (Carnets: 65).

⁴⁷ См. Приложение XVI. Протокол № 3 заседания бюро секции переводчиков при ЛО ФОСП от 22 / IX–1931 г., где определена квалификация членов Секции в: (Кукушкина: 664).

⁴⁸ Pascal P. *Journal de Russie. 1928-1929*, p. 92.

⁴⁹ Racine N. Victor Serge: chroniques de la revue *Clarté* (1922–1926). *Mélanges d'histoire sociale offerts à Jean Maitron*. Paris: Éditions ouvrière, 1976, pp. 191–196.

⁵⁰ Serge V. *Chronique de la vie intellectuelle en Russie. Le nouvel écrivain et la nouvelle littérature. Clarté*, no 31, 15 février 1923. p. 159.

красной России»⁵¹. Он знакомит французских читателей с громко заявившей о себе новой русской литературой: «появился кружок “Серапионовых братьев” и, неизвестные еще вчера, сразу проявили себя незаурядными писателями Борис Пильняк, Всеволод Иванов, Константин Федин. Короткие и шероховатые произведения, полные мужественного гуманизма, вызвали упрек в том, что они далеко не коммунистические, но их печатали и любили. Великая традиция русской литературы, прерванная годами бурь, возрождалась на второй год мирной жизни! Это было чудесно» (Серж: 200–201. В это время (1922–1926) он с энтузиазмом говорит о творчестве писателей-попутчиков. Представляя литературу как один их элементов культуры, Серж рассматривает литературную жизнь в ее зависимости от общественного развития⁵².

Впервые в теоретическом аспекте о «пролетарской литературе» заговорил Троцкий⁵³. Теоретические выкладки Сержа самобытны, он допускает существование пролетарской культуры/литературы в рамках исторического периода, ограниченного переходом от общества диктатуры пролетариата к бесклассовому обществу с его универсальной гуманистической культурой. Каждая эпоха порождает своих художников и сказителей, и пролетариат должен иметь своих, чтобы создать свою собственную культуру⁵⁴. Поэтому Серж приветствует рабочие кружки, которыми он восторгается, сравнивая их с парижскими литературными салонами⁵⁵. Но этот порыв неграмотных масс к культуре, наблюдаемый в начале 1920-х, вырождается в появление группы так называемых «пролетарских писателей», по своей сути не имеющих ничего общего с настоящим пролетариатом. Переводы советских романов позволяют Сержу создать их обоснованную критику. Его статья «Литература и революция» (1932) перекликается с эссе-манифестом «Новый век литературы» Анри Пулайя⁵⁶, французского идеолога пролетарской литературы, который, в свою очередь, ссылается на ранние «Хроники» Сержа 1923–1924 гг. и прославляет его деятельность как проводника советской литературы, в особенности его

⁵¹ Serge V. La vie intellectuelle en Russie. Vsévolod Ivanov. *Clarté*, no 56, 1er avril 1924. <https://www.marxists.org/francais/serge/works/1924/02/ivanov.htm>.

⁵² Serge V. *Littérature et révolution*. Paris: Librairie François Maspero, 1976, p. 5. Первое изд.: Serge V. *Littérature et révolution*. Paris: Librairie Valois. (“Cahiers bleus”, 1re série, 1er avril 1932).

⁵³ Книга Л.Д. Троцкого «Литература и революция» вышла в 1923 г., ее первый перевод на французский язык относится к 1964 г.: Trotsky L. *Littérature et révolution*, trad. du russe par P. Fran, C. Ligny et J.-J. Marie. Paris: Union générale d'éditions, 1964. – 512 p. (Collection 10-18).

⁵⁴ Serge V. Une littérature prolétarienne, est-elle possible? *Clarté*, no 72, 1 Mars 1925, pp. 100–142.

⁵⁵ Serge V. Chronique de la vie intellectuelle en Russie. Le nouvel écrivain et la nouvelle littérature.

⁵⁶ Poulaille H. *Nouvel âge littéraire*. Paris: Valois, 1930. Ср.: Morel J.-P. Poulaille Henry. *Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français*. Paris: Éditions de l'Atelier, 1997; Chapmen R. *Henry Poulaille and proletarian literature (1920–1939)*. Amsterdam: Rodopi, 1992.

перевод романа Ф. Гладкова «Цемент» – «самое важное произведение литературы, порожденной русской революцией»⁵⁷.

Серж, автор предисловия к своему переводу на французский язык «Цемента», проявив очень тонкое понимание социальных процессов, сформировавших русскую и французскую классическую литературу, оценил этот роман как неизбежную веху на пути новой литературы, «одно из наиболее замечательных произведений молодой пролетарской литературы, родившейся в русской революции». Он ставит в заслугу пролетарским писателям показ «русской души <...> глубоко отличной от той, которую мы знаем благодаря их предшественникам» и создание «литературы о коллективной жизни <...> об эффективном действии, о мысли неразрывно связанной с действием, о личности, обогащенной сознательным участием в общественной жизни, о человеке, закаленном в неумолимых и великолепных сражениях»⁵⁸.

Хотя Серж и хвалит пролетарскую литературу, он не разделяет безграничную веру своих французских друзей, Пулайя и Навилля, в пролетарских писателей. Он считает, что пролетарский писатель-самоучка больше рискует попасть в ловушку буржуазной культуры, нежели авторы-интеллектуалы. Для него отсутствие пролетарской идеологии менее опасно для литературы, чем пустота, бесплодность или искусственное снисхождение к уровню пролетарского читателя. Так, произведения Пьера Ампа и Пулайя по качеству превосходят жалкие потуги советской литературы⁵⁹. Серж квалифицирует роман Пулайя «Хлеб насущный» как «чисто пролетарское произведение»: «Ваш главный успех заключается в том, что Вы создали (или скорее выразили) этого живого человека, не заботясь об идеологии и прочих пустяках»⁶⁰.

Советские пролетарские романы, которые Серж переводит по заказу Кребса, – это первые попытки создания идеологизированной литературы, отвечающей социальному заказу воспевания труда, индустриализации страны в годы первой пятилетки, коллективизации деревни, а их авторы пользуются всеми преимуществами, доступными благонадежному советскому писателю. Не без горькой иронии Серж отмечает это в письме к М. Мартине: «На революционную литературу подул ветерок либерализма, писателей щедро осыпают дензнаками, продуктовыми пайками, обещаниями и т.д., правда, ничто из этого меня не касается, но правда и то, что их рвение заслуживает награды»⁶¹.

⁵⁷ Цит. по: Chapmen R. *Henry Poulaille and proletarian literature (1920–1939)*. P. 110.

⁵⁸ Gladkov F. *Le ciment*, pp. 7, 8, 9.

⁵⁹ Serge V. *Littérature et révolution*, p. 44, 87.

⁶⁰ V. Serge à H. Poulaille. Moscou, 5 février 1932. In: *Hommage à Victor Serge (1890–1947). Cahiers Henri Poulaille*, no 4-5. Bassac: Editions Plein Chant, 1991, pp. 48–49.

⁶¹ V. Serge à M. Martinet. Moscou, 14 novembre 1932. Fonds Marcel Martinet, no 36, BNF.

**Первый опыт художественного перевода:
«Цемент» Ф. Gladkova**

Провинциальный учитель и журналист крестьянского происхождения, вступивший после революции в Ассоциацию пролетарских писателей «Кузница», Ф. Gladkov стал автором первого советского производственного романа. Парадоксальный успех его «Цемент» горячо обсуждался. О. Брик, теоретик литературы факта, социального заказа и производственного романа, так объясняет причины этого успеха: «“Цемент” понравился потому, что люди, мало что смыслящие в литературе, увидели в нем осуществление своего из пальца высосанного литературного идеала. Им показалось, что наконец-то мы получили вещь, по всем статьям подходящую под многочисленные литературные тезисы». Критик видит в «Цементе» «плохую, неудачно сделанную, вредную вещь, которая <...> только затемняет основную линию нашего литературного развития»⁶².

В «Цементе» рассказывается история восстановления промышленности после разрухи гражданской войны. Персонажи романа в большинстве своем это уроженцы юга России, Крыма, «прекрасного края русского средиземноморья»⁶³, говорящие на особом языке, полном регионализмов и заимствований из украинского. И это представляет главную трудность для переводчика. Особенности языка «Цемент» привлекли внимание Горького. «Он весьма жив, оригинален и даже правдив. Я знаю этот язык, – пишет Горький автору романа. – Но, видите ли, дело происходит в Новороссийске, как я понимаю. За Новороссийском стоит огромная разноречивая, разноязычная Россия. Ваш язык трудно будет понять псковичу, вятичу, жителям верхней и средней Волги. И здесь вы, купно со многими современными авторами, искусственно сокращаете сферу влияния вашей книги, вашего творчества...»⁶⁴. Критики также обратили внимание на пренебрежение нормами русского языка, несоблюдение синтаксиса, стилистическую витиеватость. Такое «ухарство» в выражениях возмутило поэта-футуриста А. Крученых⁶⁵, который критиковал язык бандитов и преступников в устах пролетариев⁶⁶.

⁶² Брик О.М. Почему понравился «Цемент» Ф. Gladkova // На литературном посту. 1926. № 2. С. 32.

⁶³ Комментарий Сержа в предисловии к французскому изданию романа 1928 г.: Gladkov F. *Le ciment*, p. 9.

⁶⁴ М. Горький – Ф. Gladkovу. 23.08.1925 // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 29. С. 439.

⁶⁵ Крученых А. Е. Оправдание изнасилования, или Ф. Gladkov на страже чубаровских интересов // Крученых А.Е. На борьбу с хулиганством в литературе, 1926. <http://ruslit.triumlibrary.net/book/kruchenih-huliganstvo/kruchenih-huliganstvo.html#work002>.

⁶⁶ Эта общая тенденция к деградации языка была отмечена в лингвистическом исследовании того времени: Селищев А. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком по-

Если русское просторечье вперемежку с украинизмами остается не переданным в силу своей принципиальной непереводаемости, то обилие вульгаризмов на грани непристойности, присутствующее в диалогах персонажей-горлопанов, передается Сержем с большим знанием дела (**сволочь** – *crapule, canaille*, **чертова морда** – *gueule du diable*, **сволочь поганая** – *espèce de salaud, кинтошка* (от Кинто – Грузия) – *fil de chienne*, **дрянь** – *capule*, **подлое дело** – *saloperie*, **набить харю** – *casser la gueule*, **чертова кукла** – *bougre de coquin*, **заливать ерунду** – *raconter les sornettes*, **бить их надо, идиологов душ** – *faut leur en mettre pleine la gueule*, **лучше к черту в зад** – *vaudrait mieux flanquer un coup du pied au cul du diable*, **жрать** – *bouffer*, **лимонить** (медлить) – *lambiner* и т.п.) Серж старается передать и акцент персонажей нерусского происхождения. Так, грузин Цхеладзе сохраняет акцент и в переводе:

Оригинал ⁶⁷	Перевод ⁶⁸
<p>Ты <i>што</i> <i>дэлаишь</i>? <i>Што</i> за палытика строишь? Скажи <i>пажжалста</i> (Ц 185).</p>	<p><i>Qué que tu veux ?qué que tu fais ? En voilà une politique... dite un peu, siouplait !..</i> (C 395)</p>

Но далее там, где у Гладкова Цхеладзе продолжает свою речь, Серж не передает ее акцентные особенности, а просто дополняет вводными словами в скобках «продолжая с тем же грузинским акцентом» (С. 396–397).

Надо отметить, что Серж работал с первым вариантом «Цемент», где разухабистость высказываний персонажей еще не была приглажена последующими редактурами; это, в частности, проявляется в расхождениях между русским текстом романа в издании 1976 г. и переводом Сержа в переиздании 1944 г., которыми мы пользуемся при цитировании. Тем не менее, даже эти издания, в силу технических причин не строго совпадающие между собой в деталях, дают основание говорить о тех переводческих трудностях, с которыми Сержу пришлось столкнуться при работе с романом Гладкова и об избранных им путях их преодоления.

Диапазон найденных Сержем французских лексических эквивалентов весьма широк, а сам эвристический принцип, связанный с подбором в первую очередь окказиональных значений и контекстуальный соответствий, мог бы следних лет. 1917–1926. М.: Работник просвещения, 1928. См., в частности, сс. 68–85.

⁶⁷ Здесь и далее оригинальный текст Ф. Гладкова цит. по изд.: *Гладков Ф. Цемент. Клятва*. Лениздат, 1976. Страницы указываются в скобках с пометой «Ц». Курсивом выделены особенности языка персонажей.

⁶⁸ Здесь и далее перевод В. Сержа цит. по изд.: *Gladkov F. Le ciment, trad. du russe par V. Serge*. Genève; Paris: Editions des Trois Collines, 1944. Страницы указываются в скобках с пометой «С». Курсивом выделены особенности языка персонажей.

служить предметом отдельного исследования, так как многие из них либо не зарегистрированы словарями и требовали от переводчика известной изобретательности, либо употреблялись Гладковым весьма произвольно (**мухотеры** – *bougres de fainéants*, **бурда** в значении «дело дрянь», провал, неудача – *gachis*). Перевод сцены, когда Глеб Чумалов вмешивается в семейную ссору Савчуков, свидетельствует о мастерстве Сержа – его умении передавать просторечие:

Оригинал

Перевод

Мотя сидела на мешке и плакала. Глеб подошел к ней и протянул ей руку:

– Ну, Мотя, молодчина. За права свои ты здорово дерешься. Здравствуй, дорогая! Она злобно огрызнулась:

– *Отваливай, пожалуйста! Много вас прохаживается на чужой счет.*

– Не уйду, Мотя! *Угощай пышками, жареном, чаем с сахаром – ты же мешочница...<...>* Чего ты меня гонишь, Мотя? Я и так три года был на войне. Нет, чтобы обрадоваться, так извольте-с, я же ей и враг... *А вспомни, какая ты девка была боевая!.. Хотел на тебе жениться, да отшиб Савчук, окуянный бондарь... <...>* Савчук пьяно захохотал. – Это же не баба, Глеб, а *жаба*. *<...>* Нет у меня жизни, Глеб, а *она жизнь свою спрятала в мешок* (Ц 110–111).

Motia, repliée sur elle-même, pleurait <...>.

Gleb lui dit dans un grand rire amical : Motia, Savtchouk n'a pas été le plus fort, t'es une femme libre et tes droits de femme tu sais les défendre. Tape et recommencez. Elle bondit vers Gleb <...> – *Fout le camps* et ne me touche pas. *On en a pardessus la tête de types dans ton genre. Ce que vous me faites souffrir!.. <...>* Je ne m'en irai pas, Motia : y m'plait de rester chez vous, en hôte. *Offre-moi des petits choux, du rôti, du thé avec du sucre . M'en vends, hein ? <...>* *Rappelle-toi, Motia, quelle garce t'étais, et d'attaque !..* J'aurais voulu te marier, mais Savtchouk, *te rafla, sacré tonnelier, va !..* Ce n'est pas une femme, cria Savtchouk, c'est un *crapaud*. <...> Je n'ai pas de vie, vois-tu. Et la *sienne de vie* elle l'a *fourrée dans un sac* (C 25).

Часто Серж прибегает к переводческим комментариям. Транскрибируя русские имена (Borchtchi, Tchoumalova, Vadune), он, если речь идет об уменьшительных суффиксах, делает сноску «Дашка»: «Уменьшительное от Даша» (С 16). В описаниях завода и механизмов (в частности – и «L'usine . Les Diesels. Les Broemsbergs. Les cylindres tournants des fours») Серж комментирует технический термин и его употребление: «Фуникулер. Мы будем пользоваться обоими словами» (С 13). Комментируются и реалии. Так, «казак в рваном бешмете» (Ц 179) имеет сноску «Бешмет. Нижнее белье, которое носят татары. (Прим. перев.)» (С 378); «Коминтерн» (Komintern) – «Немецкая и русская аббревиатура, обозначающая Коммунистический интернационал (прим. перев.)» (С 381).

В языковом аспекте первые годы советской власти тоже характеризовались новыми реалиями, в частности, засильем аббревиатур, и это отражено в романе Гладкова. «Сокращения слов носят исступленно-стихийный характер и угрожают в недалеком будущем сделать нашу речь

е. а. легенькова, т. с. тайманова

нечленораздельной», – писал Ю. Яснопольский в 1923 г.⁶⁹ Серж создает в ряде случаев французские аналоги советских аббревиатур, но, сознавая, что они будут непонятны французскому читателю, снабжает их комментарием. Так, «Зайди в *завком* и запишись на паек» (Ц 8) («*Passe au C. d'U, Glieb, et fais-toi inscrire pour une carte de pain*») поясняется в примечании: «*C. d'U. Аббревиатура от: Заводской комитет*») (С 19). Не прибегая к аббревиатуре, Серж расшифровывает и буквально переводит часто составленные из нескольких сокращенных слов названия новых административных органов и их руководителей, которые в наше время тоже почти все требуют специальной расшифровки (**Главцемент** – *Centre du Ciment*, **Совнархоз** – *Conseil économique*, **Промбюро** – *Bureau de l'Industrie*, **Продком** – *Comité du Ravitaillement*, **Нарпит** – *Restaurant d'alimentation populaire*, **Экосо** – *Conseil de l'Economie*, *Centre du Ciment*, **СТО** – *Conseil du Travail et de la Défence*, **Госплан** – *Commission du Plan de l'Etat*, **Райлес** – *Service régional des Bois*, **Леском** – *Service des Bois*, **Женсовет** – *Section féminine du parti*, **Дом Советов** – *Maison des Soviets*, **Коммухоз** – *Section d'Administration communale*, **ответработники** – *militants responsables* etc.). Это видно в следующем примере:

Оригинал

В *Исполкоме* была получена экстренная телефонограмма, что *волпрдисполкома* Борщий отхлестал нагайкой *начальника окружной милиции* Салтанова, посланного в помощь Борщию по *сбору продразверстки*, а Салтанов стрелял в Борщия (Ц 98).

Перевод

Le *Comité exécutif du Soviet* venait d'apprendre par une communication téléphonique que le *président de l'Exécutif du district*, Borchtchi, ayant cravaché le *chef de la milice de l'arrondissement* Saltanov, qu'on lui avait adjoint afin de l'aider dans les *réquisitions de blé*, Saltanov avait tiré sur Borchtchi (С 203).

Отметим здесь также тяжеловесность французской фразы, которая близко следует за оригиналом.

Но этот новый язык, с которым Сержу пришлось столкнуться при переводе, в частности, непередаваемый калькой «Исполком», возмущал не только таких критиков, как Крученых, но и персонажей романа, не принявших советскую власть. Например, полковника, допрашивающего Дашу Чумалову.

⁶⁹ Селищев А. Язык революционной эпохи. С. 167.

судьба виктора сержа как переводчика

Оригинал	Перевод
– Стриженная...Коммунистка?	–Tondue...Communiste ?
Даша смотрела на него и молчала.	– Oui, ouvrière.
– Кто ехал с тобой в фэзтоне?	– Qui voyageait avec toi ?
– Товарищ Бадьин... predisполком.	– Le camarade Badyne, président de l'Exécutif du Soviet.
– Предисполком? Это по-каковски?	– Président de l'Exécutif ? Quel est ce charabia ?
– А по-таковски...по-русски...	– Je parle russe. Quel est charabia veut-tu dire ?
– Врешь. Русский язык не такой. Этот ваш жаргон – не то жидовский, не то воровской...	– Tu mens, ce n'est pas du russe. C'est votre jargon des youpins ou des voleurs.
– У нас в Советской России воры не плодятся.	– Les voleurs ne pullulent pas chez nous, en Russie des Soviets, nous les canardons sans merci (C 218).
– Это ново... Почему же?	
– А мы беспощадно стреляем их (Ц 105).	

Новшества повседневной жизни переданы с помощью эквивалентов (детдом – *maison des enfants*), за которыми стоит поясняющее прилагательное (кооперативная столовая – *restaurant communal*, красноармеец – *soldat rouge*). То же относится к переводу рекламных объявлений периода нэпа:

Оригинал	Перевод
В непродолжительном времени здесь будет открыт рабкооп.	<i>Prochainement ouverture d'une coopérative.</i>
Здесь открывается кофейня.	<i>Ici s'ouvrira prochainement un café.</i>
Универсальный магазин ЕПО (Ц160)	<i>Magazins de la Grande Coopérative de la consommation (C 340–341).</i>

Этот описательно-объяснительный перевод не всегда удачно передает языковую форму реалий того времени. То же происходит при переводе частушек «Яблочко» и «Цыпленок дутый» (*la Pétite pomme, le Poussin enflé*), приводимых Гладковым. Согласно с французской традицией, Серж, хотя он и прекрасно владеет техникой стихосложения, переводит их прозой, не заботясь ни о ритме, ни о рифме:

Оригинал	Перевод
И-ох ты, ябы-лочко, д'куда котиться, Д'как в завком попадешь – обормотиться (Ц 18).	<i>Oh ! là là , la petite pomme, où roule-tu ? T'arrivera au C. d'U. les pattes en savates(C 41).</i>

е. а. легенькова, т. с. тайманова

Калькирование характеризует перевод пропагандистских лозунгов, введенных Гладковым в текст:

Оригинал	Перевод
Кто не работает, тот не ест.	<i>Qui ne travaille pas ne mange pas</i>
На руинах капиталистического мира мы построим великое здание коммунизма.	<i>Nous bâtirons la cité communiste sur les ruines du monde capitaliste</i>
Мы потеряли только одни цепи. А приобретем целый мир. (Ц 161)	<i>Nous n'avons perdu que nos chaînes, nous gagnons un monde. (C341)</i>

При переводе описаний, где стиль автора особенно витиеват и отличается нарочитой «образностью», Серж прибегает к буквализму:

Оригинал	Перевод
Черно-фиолетовые дали за заводом – море и городские предместья – были мглы и пустыни в призрачных искрах и облачных тенях. От маяка к заводу трепетала в бухте огненная веревка. Капали звезды очень далеко над морем, и небо над дальними изломанными хребтами было в павлиньих перьях (Ц 57–58).	Les lointains d'un violet sombre au delà de l'usine – la mer et la petite ville – s'enténébraient, inquiétants et déserts, rayés d'étincelles fantomatiques et parcourus de grandes ombres comme des nuées. Une corde enflammée se tordait tout à coup du phare à l'usine, puis se déchirait, se cassait en noeuds et l'on voyait des étoiles choir très loin dans la mer. Au-dessus des lointains sommets le ciel avait des nuances de plumes de paon (C 124).

Примеры можно было бы множить, но очевидно, что Серж владеет техниками и методами художественного перевода как на лингвистическом, так и на стилевом уровне. Он варьирует и сочетает различные стратегии: описательный перевод, передающий общий смысл, калькирование, транслитерацию, замену. Он предоставляет франкоязычному читателю не «неверную красавицу», а скорее придерживается буквы оригинала, сохраняя особый характер авторского стиля. Свойство романа Гладкова таково, что он не требует от переводчика той замечательной эрудиции, которой обладал Серж, напротив, для перевода «Цемент» от переводчика требовалось знание изнутри советской реальности и способность найти средства показа ее иностранному читателю без семантических и когнитивных потерь. И в этой роли Серж был необходим и незаменим.

Предательство дела революции и сталинский тоталитаризм приводят Сержа к мысли, что революция находится в опасности⁷⁰. Это убеждение укрепляется в 1926–1928 гг., хотя и не заставляет его усомниться в революционном идеале. В «Литературе и революции» он пишет, что, несмотря на сопротивление

⁷⁰ «Революция в тупике» – название 6-й главы воспоминаний Сержа.

писателей, литература при сталинском режиме будет конформистской и продажной⁷¹. Приходится сожалеть, что его исключительные переводческие способности реализовались в текстах, которые не были ему дороги. Речь идет о произведениях литературных карьеристов, которые легко приспособивались к современности и чей «успех делался лишь в партийных комитетах»⁷². Это относится и к роману М. Шагинян «Гидроцентральный». Его автор олицетворяла конформизм советской литературы: дебютировав в символистских и декадентских кругах, она достигла всех возможных в СССР знаков отличия. Эмигрантский критик Георгий Адамович разгромил ее «Гидроцентральный», возведенную партийными властями в ранг шедевра⁷³. Как переводчик Серж не имел права выбора, но его суждение об этом романе показывает, почему он рассматривал этот перевод как тяжелую повинность ради куска хлеба: «Избранная книга, рекомендованная всем библиотекам страны, тиражировалась в десятках тысяч экземпляров; Международное издательство переводило ее на несколько языков, автор, осыпанный деньгами и похвалами, становился «великим писателем» за один сезон, что, впрочем, никого не обманывало. Так было с Мариэттой Шагинян, ее романом «Гидроцентральный» (Серж: 329).

Особым случаем в переводческих мытарствах Сержа было издание на французском языке романа М. Шолохова «Поднятая целина»⁷⁴. Серж работал над его переводом в 1932-м, но его имя не стоит на титульном листе издания, вышедшего в 1933 г. в «Editions sociales internationales», подписанного именами других переводчиков. К моменту выхода этой книги положение Сержа в СССР было весьма неблагоприятным. А апреле 1932 г. в Париже вышла его «Литература и революция», основной пафос которой никак не совпадал с нацеленной на управление литературным процессом линией партии; его прошение о разрешении покинуть СССР, написанное в октябре, получило немотивированный отказ, в связи с чем на Западе развернулась кампания в его поддержку; в феврале 1933 г. он отправил французским друзьям свое знаменитое письмо-завещание, а 8 марта его вновь арестовали и приговорили

⁷¹ См. тж.: (Серж: 245).

⁷² Там же. С. 329.

⁷³ См.: Адамович Г.В. «Гидроцентральный» Мариэты Шагинян // Адамович Г.В. Собрание сочинений. Литературные заметки. Кн. 1 («Последние новости» 1928–1931) / Изд. подготовил О.А. Коростелев. СПб.: Алетейя, 2002. С. 582–590.

⁷⁴ Первое русское издание – в журнале «Новый мир» (1932, №№ 1–9). Уже в 1933 г. роман вышел на немецком языке (в Норвегии и Швейцарии) и дважды во Франции. Ж. Риер (Jean Rièr. *Mémoires d'un révolutionnaire*, p. 496.) утверждает, что французский перевод был заказан Сержу издательством «Editions sociales internationales», но не оплачен и вышел под другими именами: Cholokhov M. *Terres défrichées*, trad. avec l'autorisation de l'auteur par A. Orane et G. Roux. Paris: Editions sociales internationales, 1933.

к трем годам уральской ссылки. Тогда же во Франции возник комитет в его защиту, организованный Магдаленой Паз.

Тем временем французские коммунисты продолжали ждать его находящийся в работе перевод «Поднятой целины» (*Les terres défrichées*). Связанная с этим переводом интрига заключалась в том, что к этому времени роман Шолохова вышел на французском языке в издательстве “Gallimard” в переводе Дуси Эргаз⁷⁵ с предисловием Бориса Шлоцера под названием «Целинники» (*Défricheurs*)⁷⁶. В нем не хватало семи последних глав, и роман заканчивался сценой, в которой бабы бьют коммуниста Давыдова, осуждая, таким образом, проводившуюся коллективизацию. Понятно, что это издание рассматривалось в СССР как политический маневр белой эмиграции. Дать ей отпор могла только полная публикация переведенного романа и его авторизация Шолоховым. Это и было сделано. Первый тираж романа (25 000 экземпляров) вышел в середине декабря 1933 г. в издательстве “Editions sociales internationales” с заявлением Шолохова об авторизации именно этого перевода⁷⁷. Это случилось спустя десять месяцев после депортации Сержа в Оренбург.

На титульном листе «Поднятой целины» значатся имена Алисы Оран и Жоржа Ру⁷⁸. Это достаточно известные советские переводчики, специализировавшиеся на переводе на французский язык, работавшие впоследствии в «Издательстве литературы на иностранных языках» и в издательстве «Прогресс». Оба до революции жили во Франции, получили там образование и вернулись в Россию после революции. Оба были вполне добропорядочными советскими гражданами⁷⁹. Им и поручили завершить перевод. Жорж Ру свидетельствовал,

⁷⁵ Дуся Эргаз (Doussia Ergaz, 1904–1967) – французская переводчица, переводила русских и советских писателей, в частности, Гоголя, Достоевского («Преступление и наказание», 1931), Л. Толстого, Набокова, Горького.

⁷⁶ Cholokhov M. *Les Défricheurs*, traduit du russe par D. Ergaz. Paris : Gallimard, 1933. – 350 p.

⁷⁷ В нотариально заверенной декларации (Москва, 2 ноября 1933) Шолохов категорически отвергает любой другой перевод своего романа, кроме опубликованного в “Editions sociales internationales”. Факсимиле этой Декларации представлено в книге: *Примья К.И.* «Тихий Дон» сражается. Ростов-на-Дону: Ростовское кн. изд-во, 1972. URL : <http://m-a-sholokhov.ru/books/item/f00/s00/z0000017/st000.shtml>.

⁷⁸ Алис Оран (Александра Павловна Оранская, 1898–1965), советская переводчица, беспартийная, автор 49 переводов русских и советских писателей, в частности, В. Маяковского, А. Толстого, И. Эренбурга, Н. Лескова, и Жорж Ру (Александр Александрович Рудников, даты жизни неизвестны, переводы выходили в 1931–1954 гг.), беспартийный, автор 15 переводов русских и советских писателей, в частности, Л. Толстого, К. Симонова, Э. Казаневича. Часто эти переводчики работали вместе над общим текстом. См. данные сайта Института перевода: <http://db.institutperevoda.ru/search/fulltext/translations/?q=%D0%90%D0%BB%D0%B8%D1%81%20%D0%9E%D1%80%D0%B0%D0%BD>.

⁷⁹ Также они работали над переводами политических текстов, в частности, над историей ВКП (б). См.: Список переводчиков и контрольных редакторов, работающих над учебников «Краткий курс истории ВКП (б)». Извлечение 29 сентября 1938 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 258. Л. 106–108 (<https://www.stalindigitalarchive.com/frontend/node/135186>).

судьба виктора сержа как переводчика

что дело было столь срочным, что они перевели роман всего за месяц⁸⁰. Учитывая объем романа Шолохова, такие сжатые сроки перевода представляются невозможными даже для двух переводчиков. На наш взгляд, более правдоподобным выглядело бы предположение, что переводчики отредактировали и завершили перевод, конфискованный во время ареста у Сержа.

Несмотря на то, что труд переводчика был для Сержа вынужденным и зависел от сложившихся жизненных обстоятельств, он выполнял его честно и талантливо.

Перевод исторического текста:**«Воспоминания революционерки» Веры Фигнер**

«Фактически на $\frac{3}{4}$ меня подвергают бойкоту. Мои труды не упоминаются ни одной газетой. Ни одна писательская организация – членом которой я являюсь – не признает моего существования. <...> Невозможность публиковаться в толстых журналах уменьшает мои ресурсы на половину, так как принято сначала публиковать книгу порциями, а затем – отдельным изданием, что удваивает гонорары. <...> Мне пора задуматься – и это будет буквально вопросом жизни и смерти – как найти работу на Западе. <...> Хочу предложить свои переводы Галлимару (для которого я уже перевожу одну книгу) или Ридеру»⁸¹. Упомянутая Сержем книга была переводом первого тома «Воспоминаний революционерки» В. Фигнер (1921).

Этот перевод можно считать отдельным эпизодом в переводческой деятельности Сержа⁸². Его обращение к жанру воспоминаний не было случайным. Интерес Сержа к эго-документам, имеющим историческую значимость, подтверждается его нереализованным намерением предложить французскому издательству перевести «простую и прекрасную русскую книгу о войне, “Дневник” Дмитрия Фурманова (относящийся к 1914–1916 гг.)»⁸³. Поэтому он не мог не откликнуться на просьбу известной представительницы русского революционного движения Веры Николаевны Фигнер, которую глубоко читл (Carnets: 233). К тому же заказ на этот перевод исходил не от третировавшего Сержа издательского отдела III Интернационала, а от издательства “Gallimard”, которое планировало выпустить воспоминания в коллекции «Современники вблизи» (“Les Contemporains vus de près”).

⁸⁰ См.: *Прийма К.И.* «Тихий Дон» сражается.

⁸¹ В. Серж – П. Истрати. 11.12.1929 (SK: 294–295).

⁸² Figner V. *Mémoires d'une révolutionnaire*, trad. par V. Serge. Paris: Gallimard, 1930 (“Les contemporains vus de près. Femmes révolutionnaires”). – 267 p.

⁸³ В. Серж – П. Истрати. 4.12.1929 (SK: 292).

Перевод книги В. Фигнер, название которой Серж потом использовал в заглавии собственных «Воспоминаний революционера», можно по праву назвать авторизованным. Сохранились, хотя и немногочисленные, свидетельства совместной работы над французским текстом Фигнер и Сержа. В РГАЛИ хранятся два его письма к В.Н. Фигнер. Письмо от 6 сентября 1929 г. написано по-русски еще во время работы Сержа над переводом «Воспоминаний», затянувшейся из-за травли переводчика и его семьи, которую он в этом письме достаточно подробно описывает. Серж сообщает о своем намерении завершить работу после поездки в отпуск на Кавказ и надеется на обратном пути повидаться, чтобы обговорить незначительные сокращения в тексте. Второе письмо от 13 января 1934 г. написано Сержем в орenburgской ссылке по-французски. Серж выражает соболезнования Фигнер в связи со смертью 8 января мужа ее сестры Е.Н. Фигнер-Сажинной (1858–1931), известного русского революционера, народника, участника Парижской коммуны, анархиста, деятеля международного революционного движения М.П. Сажина (1845–1934). Письмо свидетельствует о том глубоком уважении, которое Серж испытывал к этой старой революционерке. В частности, он пишет: «Вы остаетесь для меня и для стольких других! в Вашей изоляции и Вашем страдании одним из примеров человеческой твердости. Хочу Вам это сказать и заверить в моих верности и почтении»⁸⁴. Несомненно, в основе симпатии между Сержем и Фигнер лежало постигшее их обоих глубокое разочарование в результатах революции, которой каждый из них посвятил жизнь, оказавшись в конечном итоге в полной изоляции.

О своем личном знакомстве с Фигнер Серж оставил также небольшие заметки в записных книжках, написанные уже в годы эмиграции в Мексике. Он вспоминает: «Лично я познакомился с ней в 1928–1929 гг. (ей было 74–75 лет), когда она попросила меня перевести ее “Воспоминания” на французский. <...> Вера Фигнер была совсем маленькой пожилой женщиной, хрупкой и прямо державшей спину. Ее осунувшееся испещренное морщинами лицо сохраняло строгую и правильную красоту ее молодости; крайне живая, всем интересующаяся, с непреклонным характером, подкрепленным глубоким нравственным чувством гордости, она оставалась отважным членом исполкома Народной Воли. Чувствовались ее полная убежденность в своей правоте, закалка, которую ей дала привычка к постоянному сопротивлению, и напряжение воли, неразрывно слитые с внутренним достоинством» (Carnets: 233–234).

Классическая строгость, прекрасное владение стилем, образность текста воспоминаний Фигнер были по достоинству оценены Вересаевым, Брюсовым, Буниным и А. Толстым во время чтения автором наиболее репрезентативных

⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 3. Ед. хр. 31.

судьба виктора сержа как переводчика

глав в приватном кругу еще до революции (1916)⁸⁵. Свои воспоминания Фигнер начала писать в заключении в Шлиссельбургской крепости в 1897 г. по-французски. Французские исследователи Ф. Артьер и Д. Дабади, изучавшие генезис этих воспоминаний, построили логическую цепочку мотивов, побудивших ее заняться мемуарами: в тюрьме она пишет, чтобы выжить; после тюрьмы в ссылке – чтобы вспомнить написанное, но уничтоженное перед освобождением из крепости; в эмиграции в Европе – ради возвращения к общественной деятельности; затем – чтобы оставить свидетельство в анналах истории. Именно это и выливается в опубликованный текст и, наконец, письмо превращается в форму сопротивления, когда она продолжает писать, чтобы бороться с одиночеством и воспроизвести в написанном братство товарищей, погибших в Шлиссельбурге⁸⁶. Французские исследователи обнаружили в фонде В. Фигнер в РГАЛИ рукописи на французском языке, которые представляют собой первые варианты ее воспоминаний, опубликованных в Советской России по-русски в 1921–1922 гг. и озаглавленных «Запечатленное время». Именно с этой публикации Серж делал свой перевод. В предисловии к первому советскому изданию мемуаристка объясняет, что текст был написан и закончен в Швейцарии, где и остался, когда она в 1915 г. вернулась на родину. Она пишет о судьбе своих воспоминаний: «Случилось худшее: вот уже шесть лет я все еще не могу получить их из-за границы. Фактически весь сделанный труд для меня пропал, и для теперешнего издания я должна была написать все наново. <...> Будь заграничные рукописи в России, у меня было бы совершенно обработанное, готовое к печати целое. Но их не было, а условия печатания из года в год становились все хуже и хуже. Надо было спешить, и, чтоб не откладывать дела на неопределенно долгое время, пришлось все автобиографическое начало, оставленное в Швейцарии, написать вторично и притом многое сократить, некоторые главы опустить совсем»⁸⁷. В этом судьба текстов Фигнер так же трагична, как и литературных произведений Сержа, значительная часть которых пропала при его отъезде из СССР в 1936 году.

В уже цитированном письме к Фигнер Серж пишет: «М.б. зайду к Вам, чтобы поговорить о некоторых (незначительных) сокращениях»⁸⁸. Действительно, сокращения и изменения в тексте перевода незначительны. Однако

⁸⁵ Artières Ph., Dabbadie D. Résister à la prison par l'autobiographie: Véra Figner et les prisons tsaristes. *Cultures & Conflits* 55, automne 2004, pp. 15–37.

⁸⁶ Ibid.

⁸⁷ Цит. по: Фигнер В.Н. Предисловие к первому изданию запечатленного труда. (1921–1922 годы) // Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания в двух томах. М.: Мысль, 1964. Т. 1. С. 43.

⁸⁸ В.Л. Кибальчич – В.Н. Фигнер. 6.09.1929. РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 3. Ед. хр. 31. На рус. яз.

е.а. легенькова, т.с. тайманова

в переводе, в частности, отсутствуют стихотворные строки, написанные самой мемуаристкой. Например,

В надежде увидаться снова
Ушла... Не оглянулась мать!
Сестра ж осталась у порога,
Чтоб взгляд еще прощальный дать.

С этих строк из стихотворения «Сестре», датированного 1 января 1888 г., безусловно, придающих дополнительную эмоциональную ноту этому повествованию, начинается вторая часть заключительной главы первого тома, в которой описывается суд над Фигнер, приговор и ее возвращение в Петропавловскую крепость перед заключением в тюрьму Шлиссельбурга.

Изменения оригинала при его переводе коснулись также названий глав. В русском варианте 19 глав, не имеющих заглавий, но разделы внутри каждой главы имеют свои названия. Например, первая глава, повествующая о детстве мемуаристки, состоит из параграфов 1. Семья. 2. В лесу. 3. Няня. 4. Я думаю сделаться царицей. 5. Дома. 6. Уроки. 7. Крепостное право. В переводе глава получает общее заглавие «Детство», хотя разбивка на параграфы сохранилась. Из текста исключены стихотворные фрагменты и некоторые бытовые подробности, в переводе не переданы особенности детского языка героини.

Из более поздних свидетельств Сержа известно, что он дополнил комментарии к тексту воспоминаний, сделанные самой Фигнер. Серж вспоминает: «Несмотря на то, что нас связывали скорее сердечные отношения, случались иногда и забавные конфликты. В своем комментарии я указал, что Софья Перовская была женой Желябова. В.Ф. возмутилась, сочтя это бестактностью – хотя этот факт известен всем историкам – и попросила убрать это, “потому что сами они никогда никого не посвящали в свои отношения, которые, впрочем, никого не касались”. Таким образом, она строго проводила границу между частной и политической жизнью, отводя частной подчиненное значение» (Carnets: 234). Естественно, что каждый из них преследовал при комментировании собственные цели, обусловленные их ролями автора и переводчика.

Из 67-ми комментариев к воспоминаниям девять принадлежат самой Фигнер и являются скорее дополнением к основному тексту, нежели комментариями в общепринятом смысле слова, имея личностную, эмоционально-субъективную окраску. Мемуаристка делает уточнения, позволяющие читателю глубже проникнуть в дух эпохи, понять умонастроения народовольцев, трагизм положения осужденных. Так, в тексте мемуаров описывается недоумение местного благородного общества по поводу причин, побудивших молодых

судьба виктора сержа как переводчика

и образованных сестер Фигнер приехать в саратовскую глушь учить и лечить простой народ. В комментарии Фигнер замечает, что неграмотный народ дал этому простое, но возвышенное объяснение – «во имя спасения своей души» (прим. 26). Разъясняя читателю умонастроения членов Народной воли, намеревавшихся опираться на народные массы и сообразно с этим строить теоретическую и практическую программу, она комментирует: «Слово “тактика” еще отсутствовало в нашем революционном словаре, равно как и такие слова и понятия, как платформа, программа-минимум, программа-максимум» (прим. 32, с. 302)⁸⁹. Говоря о душевном состоянии осужденных вместе с ней товарищей, она писала: «Как было глядеть спокойно на бледные, желтые лица, прежде такие добрые и жизнерадостные, на истомленные фигуры, из которых иные носили явный отпечаток надломленности»⁹⁰, в комментарии Фигнер находим уточнение: «Двое из осужденных вместе со мной умерли вскоре после прибытия в Шлиссельбург» (прим. 67, с. 306).

Комментарии Сержа касаются персоналий, исторических и географических реалий, а также русицизмов, сохраненных в его тексте в транскрипции без перевода и требующих переводческого объяснения, например, «Слово *Воля* по-русски значит и свобода, и проявление воли» (прим. 16, с. 300), «*Дворники* буквально: привратники, при прежнем режиме они были помощниками полиции» (сноска 19, с. 301) или «*Переулок, улица*» (прим. 35, с. 302).

Первоначально предполагался перевод обоих томов этих воспоминаний. Серж упоминает, что секретарь Г. Галлимара Брис Парен, бывший атташе по культуре в Москве (1925–1927)⁹¹, подтвердил ему намерение издать оба тома, но сначала выпустить «один, чтобы облегчить выпуск книг, в материальном смысле слова»⁹². Однако перевод первого тома, которым Серж занимался в 1928–1929 гг., вышедший в Париже в 1929 г., прошел тогда почти незамеченным французским читателем, о чем переводчик глубоко сожалел. Сохранилась такая его запись: «Читатели издания NRF приобрели всего несколько сотен экземпляров первого тома, такого богатого по содержанию: детство в лесах России, семья и вся эпическая история “народной воли”. Второй том: почти двадцатилетняя каторга, научная работа, продолжавшаяся в Шлиссельбурге,

⁸⁹ Ссылки на примечания и страницы даются по изд.: Figner V. *Mémoires d'une révolutionnaire*, trad. par V. Serge. Paris: Gallimard, 1930 (“Les contemporains vus de près. Femmes révolutionnaires”). – 267 p.

⁹⁰ Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Т. 1. С. 377.

⁹¹ Выпускник Института восточных языков, Брис Парен (Brice Parain, 1897–1971), русофил, член ФКП, переводчик, после возвращения из СССР во Францию знакомится с Жаном Поланом (Jean Paulhan, 1884–1968) и становится секретарем Гастона Галлимара (Gaston Gallimard, 1881–1975). В начале 1930-х отходит от коммунистических взглядов.

⁹² В.Л. Кибальчич – В.Н. Фигнер. 6.09.1929.

сопротивление, революция, дело Азефа – не увидели свет на французском языке. Эта человеческая нелюбознательность, такой провинциализм великой литературы заставили меня ужаснуться. (К тому же в левых движениях Франции не нашлось двух тысяч читателей для подобной книги...)» (*Carnets*: 233). Понятно, что речь о переводе второго тома уже не заходила. Второй том воспоминаний Фигнер увидел свет во Франции только в 1973 г. в переводе Жанны Рюд⁹³.

В 2017 г. издательство “Mercure de France” вновь опубликовало перевод Сержа первого тома «Воспоминаний революционерки» в серии «Обретенное время», где они соседствуют с произведениями известных мемуаристов, среди которых Бенвенуто Челлини, Лютер, Вольтер, принц де Линь, многочисленные фаворитки французских королей и их придворные. Россия представлена в серии всего тремя именами: Екатерина Дашкова, Анна Григорьевна Достоевская и Вера Фигнер. Хочется верить, что перевод Сержа на этот раз привлечет к действительно незаурядному тексту русской революционерки внимание более широкого французского читателя.

* * *

Многочисленные лики Сержа – революционера, переводчика, литературного критика и писателя неразрывно связаны и дополняют друг друга. Все его усилия были направлены на то, чтобы лучше понять свое время, свидетельствовать о нем и передать свое послание последующим поколениям. Все, что Серж наблюдает, он измеряет аршином своего революционного идеала. Этим объясняется то, что воспитанный на классической русской и французской литературе, называемой буржуазной, и помня о ее величии, он приветствует новые ростки пролетарской литературы, родившейся во вздыбленное время Октябрьской революции. В этом ракурсе проанализированные выше переводы символичны: герой «Цемент» – это человек новой России, который, «преобразуя мир собственными руками в крови, нищете, страдании, труде и любви, познает, наконец, радость жизни и звонкий смех победителей»⁹⁴, в то время как герой мемуаров Фигнер – это революционер, представляющий элиту русских интеллектуалов дореволюционной эпохи.

Задачей переводов Виктора Сержа было передать революционный опыт через национальные границы. Как переводчик он пытается представить французскому читателю оригинальное произведение во всей его полноте со всеми достоинствами и недостатками. На фоне колебаний теоретиков перевода 1920-х гг. между свободным отношением к оригиналу в духе «неверных красавиц»

⁹³ Finger V. *Mémoires d'une révolutionnaire*. Texte imprimé, présentation de Fernand Rude, trad. par V. Serge et J. Rude. Paris: Denoël/Gonthier, 1973. – 334 p.

⁹⁴ Gladkov F. *Le ciment*, p. 9.

и буквализмом он разрабатывает метод, в основе которого лежит тонкое проникновение в намерения автора, что позволяет переводчику тщательно и объективно передать характер авторского текста.

Литература

Кукушкина Т.А. К истории секции ленинградских переводчиков (1924–1932) // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам: материалы проекта. 2011, С. 638–682. <http://www.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=5HtkE57-j-c%3D&tabid=10460>.

Прийма К.И. «Тихий Дон» сражается. Ростов-на-Дону: Ростовское кн. изд-во, 1972. – 502 с.

References

Artières Ph., Dabbadie D. Résister à la prison par l'autobiographie: Véra Figner et les prisons tsaristes. *Cultures & Conflicts* 55, automne 2004, pp. 15-37.

Balliu C. Clefs pour une histoire de la traductologie soviétique. *Meta. Journal des traducteurs*, vol. 50, no 3, 2005, août, pp. 934–948. <https://www.erudit.org/fr/revues/meta/2005-v50-n3-meta979/011605ar/resume/>.

Bouju M.-C. Les maisons d'édition du PCF, 1920-1956. *Nouvelles Fondations* 7-8, décembre 2007, pp. 260–265. <https://www.cairn.info/revue-nouvelles-fondations-2007-3-page-260.htm>.

Chapman R. *Henry Poulaille and proletarian literature (1920–1939)*. Amsterdam: Rodopi, 1992. – 264 p.

Horguelin P.A. *Anthologie de la manière de traduire. Domaine français*. Montréal: Linguatex, 1981. – 230 p.

Kukushkina T.A. K istorii sektsii leningradskikh perevodchikov (1924–1932) [On the History of the Leningrad Translators' Section, 1924–1932] *Instituty kul'tury Leningrada na perelome ot 1920-kh k 1930-m godam: materialy proekta* [Leningrad Cultural Institutes at the Breaking Point, From the 1920s to the 1930s: Materials for the Project]. 2011, pp. 638–682. <http://www.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=5HtkE57-j-c%3D&tabid=10460>.

Ladmiral J.-R. *Traduire: Théorèmes pour la traduction*. Paris: Payot, 1979. – 277 p.

Maspero F. *Les abeilles et la guêpe*. Paris: Seuil, 2002. – 280 p.

Priima K.I. "Tikhii Don" srazhaetsia ["Tikhii Don" Fights]. *Rostov-on-Don: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo publ.*, 1972. – 502 p.

Racine N. Victor Serge: chroniques de la revue *Clarté* (1922–1926). *Mélanges d'histoire sociale offerts à Jean Maitron*. Paris: Editions ouvrière, 1976, pp. 191–196.

Samios-Kazantzaki E. *La véritable tragédie de Panaït Istrati*. Paris: Lignes; Saint-Germain-la-Blanche-Herbe: IMEC, 2013. – 352 p.

Письма Виктора Сержа В.Н. Фигнер

1.

6 сентября 1929

Глубокоуважаемая Вера Николаевна!

Длительная бытовая травля¹, которой подверглись здесь мои близкие со времени моего исключения из партии (как оппозиционера), сильно ухудшила мои условия жизни за последние месяцы и помешала мне довести до конца работу над Вашей книгой².

(Травля эта приняло исключительно безобразные формы, дойдя до физического нападения на мою жену, шельмование в печати и т.д., с большим трудом, кое-как удалось нам выдержать эти безобразные, возмутительные нападки.)

Теперь надеюсь обрести покой. Впрочем, не знаю. Сейчас еду на отдых, проведу сентябрь на Кавказе.

Возвращаясь, м[ожет] б[ыть], зайду к Вам, чтобы поговорить о некоторых (незначительных) сокращениях.

По возвращении – в октябре – первой моей задачей будет окончание этого перевода. Причем вся работа будет согласована с Вами.

Об этом есть полная договоренность с «Галлимаром». В письме от 28 августа 1929 г. Галлимар мне пишет – точнее, его секретарь Parain – что они не изменили намерения издать два тома Ваших мемуаров, но сначала один, потом другой, чтобы материально было легче опубликовать книги.

С глубоким уважением

Ваш В.Л. Кибальчич (Виктор Серж).

Ленинград, ул. Желябова 19, кв. 4

Публикуется по подлинникам: РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 3. Ед. хр. 31. Письмо от 6 сентября 1929 г. написано по-русски, письмо от 13 января 1934 г. – по-французски. Благодарю сотрудников РГАЛИ за помощь в работе.

¹ Имеется в виду нашумевшее дело А. Русакова (Иосилевич; 1875–1934), тестя В.Сержа, в защиту которого выступил он сам и привлек к нему, благодаря своим друзьям во Франции (Б. Суварин, П. Истрати, М. Паз, М. Мартине и др.), внимание международной общественности.

² Речь идет о переводе на французский язык книги В.Н. Фигнер «Воспоминания революционерки», который был заказан В.Сержу парижским издательством *Gallimard*. Первая и вторая части воспоминаний, написанные В.Н. Фигнер в 1921–1922 гг., освещающие доленинский период российского революционного движения, в переводе В.Сержа были опубликованы в 1930 г. в серии «Современники, увиденные с близкого расстояния. Женщины-революционерки»: Figner V. *Mémoires d'une révolutionnaire*, trad. par Victor Serge. Paris: Gallimard, 1930 («Les contemporains vus

судьба виктора сержа как переводчика

de près. Femmes révolutionnaires”). – 267 p. Этот перевод В. Сержа неоднократно переиздавался во Франции, последнее переиздание было осуществлено в 2017 г. в коллекции «Обретенное время» (“Le temps retrouvé”) в издательстве Mercure de France (Figner V. *Mémoires d'une révolutionnaire*, trad. du russe par V. Serge, éd. par Ph. Artières. Paris: Mercure de France, 2017. – 308 p.)

2.

19 janvier 1934

Véra Nicolaevna!

J'ai appris par les journaux la grande, l'immortelle douleur qui vous frappe¹. Tous ceux qui vous connaissent sont avec vous en esprit dans ces pénibles moments.

Vous restez pour moi et pour tant d'autres! dans votre isolement et votre souffrance, un des plus grands exemples de fermeté humaine. Je tiens à vous le dire et à vous assurer d'une pensée fidèle et respectueuse.

Victor Serge.

Оренбург, Кавалерийская 33.

[Перевод:]

19 января 1934

Вера Николаевна!

Из газет я узнал о постигшем Вас большом, неизбывном горе¹. Все, кто знает Вас, в это тяжелое время душою с Вами.

Вы остаетесь для меня – и для стольких других! – в Вашем одиночестве и Вашем страдании примером человеческой твердости. Очень хочу Вам это сказать и заверить Вас в своей преданности и почтении.

Виктор Серж.

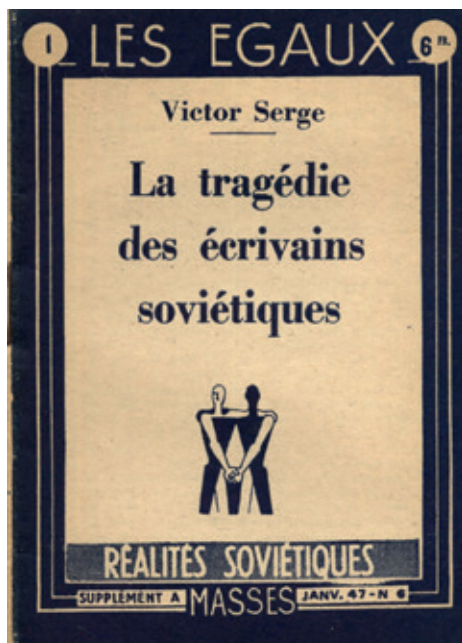
Оренбург, Кавалерийская 33

---

¹ Речь идет о смерти 8 января 1934 г. известного русского революционера, народника, участника Парижской коммуны, анархиста, деятеля международного революционного движения Михаила Петровича Сагина (1845–1934), мужа сестры В.Н. Фигнер Евгении Николаевны Фигнер-Сажиной (1858–1931).

Публикация, перевод с франц. и примечания Е.А. Легеньковой

Виктор Серж
Совесть писателя. Трагедия советских писателей

Я хочу рассмотреть эту проблему с учетом самых страшных сторон современной реальности. Это заметки писателя, который чувствует, что потерпел поражение по прошествии двадцати лет, заполненных все более гнетущими событиями, – когда приходилось постоянно наблюдать, как вокруг гибнут люди (и их произведения), хотя единственная их вина заключалась в том, что они следовали голосу совести.

Только что я получил два сообщения – они шли издали сложным круглым путем, но поступили одновременно и были схожи по своему трагическому содержанию. В наше послевоенное, но совсем не мирное время, когда нет ни примирения с жертвами, ни стремления изменить мир и возродить веру в человека, литература наполнена прежде всего тоской и тревогой. Она также показывает, насколько ограниченный запас творческой свободы отведен социальной реальностью интеллигенту, даже если он в своем стремлении создать для себя живительную иллюзию и возвыситься над этим кошмаром довольствуется, как некоторые французские писатели, изображением «головокружительной свободы». Если бы сегодня действительно произошли перемены, если бы мы

не были отгорожены друг от друга исполинскими тюремными стенами, мы бы отметили появление в русской советской литературе благотворного, светлого начала. Среди множества книг о войне, порой написанных с неоспоримым талантом, но основанных только на хорошо известных официальных данных, появилось несколько стихотворений, для которых официоз – это что-то чисто внешнее, что-то вроде военной формы для солдата. Бывает так, что внезапно под формой обнаруживаешь человека во всей его индивидуальной неповторимости и уникальности. Режим, который стремится подчинить себе мысль, здраво рассудил, что в тяжкие, мучительные времена надо дать кое-какие поблажки человеческой душе – и разрешил, с одной стороны, религиозное возрождение (разумеется, под должным контролем), а с другой – лирическую поэзию, ограниченную любовной тематикой. Любовь, однако же, гораздо опасней для тирании, чем может показаться на первый взгляд. И тирания это знает. Ей не нужно, чтобы мужчина и женщина, соединившись друг с другом, ушли от действительности, чтобы ослабел их трудовой энтузиазм, самоотверженная преданность высшим интересам государства и великому Вождю. Помню, как один молодой рабочий, «уставший от идеологии», написал старому Максиму Горькому: «Хочу, чтобы на полях росли не гвозди, а трава, и чтоб крестьянин обнимал не трактор, а крестьянку». Он хотел «развлекаться». И великий Горький, ставший главным официальным писателем, с негодованием отвечал: «Надо развлекаться – старинный лозунг дармоедов и паразитов; пусть другие работают, а мы хотим развлекаться!» («Правда», 20 декабря 1931)¹. За это постоянно осуждали и самого выдающегося лирического поэта России Сергея Есенина, и в 1925 году все закончилось его самоубийством. Спустя несколько лет тот же самый внутренний конфликт привел к самоубийству другого поэта – Владимира Маяковского, на которого режим возлагал большие надежды...² Однако во время войны деспотическое государство столкнулось с угрозами, которые были несравнимы с опасностью, исходившей от лирики и ограниченной областью психологии. Государство поумнело – оно позволило молодежи, лишенной права на жизнь, петь песнь любви, которая дает не только силу жить, но и силу сражаться и умирать. И вот наряду с удручающе однообразной патриотической прозой русская советская литература только что создала несколько сильных любовных стихотворений, полных возвышенных, благородных, свежих мыслей и чувств, которые показывают, что душа русского человека жива, несмотря на все грубые и жестокие запреты и ограничения. Передо мной девятый выпуск журнала «Знамя» за 1945 год, в котором напечатана поэма Маргариты Алигер «Твоя победа» – 6 700 строк³. Еще вчера эту молодую поэтессу никто не знал. Поэма написана простым, классическим языком русских поэтов 19 века, она достигает вершин лиризма, наполнена пережитым опытом, проникнута

е.а. легенькова, т.с. тайманова

страстными, светлыми чувствами и мыслями, излучает мощный эмоциональный заряд.

Тот, упавший в пыли кровавой,
 Чью осколком пробило каску,
 Пусть простит он святое право
 Двух живых на земную ласку.

В целом, несмотря на присутствующие в ней неизбежные (и, быть может, искренние) уступки риторике и идеологии, я отдаю этой поэме пальму первенства и не знаю ни одного произведения, которое можно было бы поставить рядом с ней – при том, что я слежу за литературой и читаю на четырех европейских языках.

Сопrotивление поэта

В тот момент, когда я получил это стихотворение, напечатанное в журнале, публикующем официальную советскую литературу, я узнал – с многолетним опозданием, поскольку информация была засекречена, – о смерти, точнее, об убийстве одного из крупнейших русских поэтов последних тридцати лет Осипа Эмильевича Мандельштама. Он немного не дожил до своего пятидесятилетия⁴. Около 1913 года вместе с Николаем Степановичем Гумилевым он создал акмеизм – литературную школу, влияние которой было обширным и плодотворным. Акмеизм стремился выразить «простую ясность» в наиболее подходящей для этого форме. (К началу революции Н.С. Гумилев был одним из четырех-пяти величайших русских поэтов, он открыто высказывал контрреволюционные идеи и в 1921-м был расстрелян.) Я вспоминаю один вечер в Ленинграде в 1932 году у Мандельштамов. Поэт собрал нескольких друзей-литераторов, чтобы прочесть нам прозу, привезенную из путешествия в Армению⁵. Я не стану называть никого из бывших там со мной, чтобы не скомпрометировать тех, что еще живы. Маленький кареглазый еврей, всегда печальный и сосредоточенный, с тревожным и задумчивым взглядом, Мандельштам, чье творчество высоко ценилось в кругу интеллигенции, жил бедно и трудно. Его почти не печатали, писал он мало и не пытался бороться с цензурой и резкой критикой рапповцев. Отрывок, который он прочитал нам, напомнил мне Жироду, но речь шла не о грезах Сюзанны в Тихом океане⁶ – здесь подспудно ощущалась борьба поэта с петлей, которая затягивается у него на шее. Образы озера Эривани и снежной вершины Арарата навевали крамольные фантазии – о торжестве свободы, об игре воображения, о полете ничем не скованной мысли. Закончив читать, Мандельштам спросил нас: «Как вы думаете, это можно будет опубликовать?» Восхищаться пейзажами не

судьба виктора сержа как переводчика

воспрещалось. Смогли ли цензоры понять эзопов язык и почувствовать скрытый протест в описаниях природы? Я не знаю, увидели ли свет эти страницы, потому что в то время я сидел за инакомыслие во внутренней (секретной) тюрьме ОГПУ в Москве. Я узнал, что Мандельштам пытался покончить с собой, что во времена террора он написал стихотворение, в котором легко можно было угадать намек на Вождя, и имел неосторожность кое-кому прочитать это; что он был арестован; что с 1942 года его немногие друзья считали, что он умер в заключении при невыясненных обстоятельствах... Можно напечатать большое стихотворение о любви. Но под страхом смерти запрещено спрашивать у государства, что произошло с пропавшими поэтами и прозаиками. Даже любовь должна умолкнуть у входа в темницу.

Под страхом смерти

История истребления советских писателей в 1936–1939 годах еще не написана⁷. Ни один рассказ об этом не был опубликован. Какой издатель, какой журнал принял бы подобный рассказ? Все происходящее было покрыто мраком, остались только обрывки и осколки. Но, опубликованная или нет, эта драма – данность, лежащая в основе современной культуры. Один мой друг из числа самых заметных представителей революционного поколения, говорил мне в Москве: «Мы, советские писатели, сильно отличаемся от писателей западных. Каждый из нас жил под страхом смертной казни. Каждый из нас, оставшись наедине с собой, с горечью восклицал: “Ах, если бы я мог творить свободно!”»⁸. Страх, терзавший этого выдающегося писателя, был полностью оправдан: никто не знает, что с ним произошло. Пятнадцать книг, которые он написал, были изъяты из библиотек. Его собратья по перу не осмеливались больше произносить его имя. Такова была судьба многих великих писателей, которых следует признать настоящими основателями советской литературы. Это и Борис Пильняк, автор романов и повестей «Иван-да-Марья», «Голый год», «Красное дерево», «Волга впадает в Каспийское море», и Бабель, автор «Конармии» и «Одесских рассказов», и Воронский⁹, бывший революционер и каторжанин, с 1918 года один из вдохновителей новой советской литературы, написавший «Искусство и жизнь», «За живой и мертвой водой», «Глаз урагана» и, разумеется, впоследствии расстрелянный как левый оппозиционер. Это и пожилой Иванов-Разумник, философ и историк, один из интеллектуальных вождей поколения 1917 года. Иванов-Разумник исчез сразу после того, как вышла его биография Салтыкова-Щедрина¹⁰. Я узнал об этом, когда сам сидел в тюрьме, от молодого поэта, брошенного в мою камеру на одну ночь и не знавшего, за что его посадили; насколько я понял, мэтра и его учеников

обвиняли в приверженности идеализму Михайловского и Петра Лаврова... Это и театральный режиссер Мейерхольд, смелый новатор, изменивший в 1902–1936 годах русский театр. Это и специалист по истории марксизма Рязанов, умерший в ссылке в начале войны... Я, конечно, не могу привести полный список пропавших – не столь известных писателей, молодых авторов революционных мемуаров. Это сотни имен. Этот список неизвестен никому – разве что начальникам тайной политической полиции. Я сказал «разве что» – но это не значит, что удастся что-то узнать, поскольку сами эти начальники, проводившие чистки, тоже пропали. Человек уничтожен, его труды ликвидированы, его имя больше не произносится, он вычеркнут из прошлого и даже из истории. Я только что закончил читать прекрасные воспоминания Константина Федина о Максиме Горьком¹⁰. Они относятся к эпохе, когда я хорошо знал Максима Горького, который сохранял независимость и моральную силу, не боялся критиковать революционную власть, и в итоге получил от Ленина дружеский совет уехать за границу... Могу подтвердить, что записи Константина Федина отличаются поразительной точностью, что он правдиво запечатлел образ Горького, его характерные жесты и манеру говорить, так что я будто бы снова услышал его голос. Тем не менее, на каждой странице я обнаруживал, что очень многое опущено – много раз звучавшие мысли, исторические факты, имена... Я восхищаюсь мастерством, упорством, честностью писателя, который, будучи скован по рукам и ногам, сумел набросать правдивый, удивительно живой портрет, неукоснительно следуя (могу представить, чего это ему стоило) установленным правилам.

Против исчезнувших писателей, о которых я говорил, так и не было выдвинуто никаких ясных обвинений, за исключением Рязанова. (Против Рязанова в печати появились бредовые обвинения в том, что он вступил в заговор с Социнтерном и готовил войну против СССР; он был осужден тайно, в административном порядке. На самом деле он несколько раз выражал возмущение преследованиями марксистов и великодушно пытался заступиться за некоторых из них.)¹² Никто не получил убедительно обоснованного приговора, который был бы оглашен открыто. А ведь многие – например, Пильняк, Бабель, Мейерхольд, Рязанов – достигли всемирной известности. Их сочинения переведены на английский, французский, немецкий, испанский, каталанский, чешский, идиш, китайский... Ни один из Пен-клубов¹³, в том числе и те, которые давали обеды и приемы в их честь, ни разу не поинтересовался их судьбой. Ни один из литературных журналов, насколько я знаю, ничего не написал об их загадочном конце. Книжки о советской литературе, опубликованные за границей, о них умалчивают или упоминают их только мельком, уклончиво. Расправа над ними окружена всеобщим заговором молчания.

Всеобщий страх

По поводу позиции журналов, а точнее, тех интеллектуалов, которые выпускают журналы, в связи со всеми этими тайнами и преступлениями, позволю себе привести пример из моего личного опыта. Когда в 1943 году в Мехико умер Отто Рюле, немецкий марксист-ветеран, биограф Карла Маркса, автор многих сочинений, чья важность была общепризнанна, активный участник германской революции 1918 года, я предложил очерк о нем одному солидному южноамериканскому журналу, в котором работало много его друзей. Моя статья поначалу была принята с интересом, хотя моя репутация еретика внушала некоторое беспокойство. Но когда я выразил желание упомянуть среди прочих битв, которые вел Рюле, его участие в комиссии Дьюи¹⁴, расследовавшей обвинения против Троцкого на московских процессах и вынесшей заключение о его невинности, мне категорически заявили: «Нет, это невозможно». С рациональной точки зрения я так никогда и не смог до конца понять, почему это было невозможно, единственным объяснением мог быть неоправданный страх, обуявший редакторов журнала – то самое зло, которое теперь заполонило всю карту мира.

Может ли культурный человек, который стал свидетелем преступления, совершенного среди бела дня прямо у него под окном, и не только не вмешавшийся, но даже не пытавшийся криком привлечь внимание к происходящему, сохранить после этого самоуважение, ясность мысли и суждений, творческие способности, может ли он после этого считать себя художником? Писатель, знающий, что происходит в мире, а я настаиваю на том, что знать это – долг писателя, часто оказывается в такой же неловкой ситуации, как этот культурный человек. Нечистая совесть делает его беззащитным, и он не может сопротивляться диктату, подчиняющему его мысль, диктату страха, который ведет к психологическим извращениям, которых он избежал бы, смело и решительно выступив против жестокости и бесчеловечности. Здесь, правда, встают сложные вопросы веры, неразрывно связанные с социальным окружением и интересами... И надо требовать, чтобы вера, религиозная или политическая, не заглушала голос совести. Вера современного человека должна соответствовать простым правилам духовной гигиены, таким, как ясность мысли, порядочность, чувство собственного достоинства и уважение к другим; в противном случае неизбежна деградация до уровня тех представлений, которые наша культура считает отжившими и недостойными высшего, современного типа сознания. Слишком часто мы видим, как на наших глазах писатель (или шире, интеллектуал) демонстрирует слепоту, которая граничит с тупостью или лицемерием. Лживость и двойная игра с самим собой и окружающими ведут к распаду общечеловеческих ценностей. Хуже всего то, что порой эта лживость

может быть неосознанной – писатель вытесняет ее в подсознание, внушая себе, что он честен перед самим собой и преданно служит «высшим государственным интересам».

Я не пытаюсь поставить под сомнение значение литературы французского Сопротивления, ради которого страдали и приносили себя в жертву многие мои товарищи... Их творчество – драгоценное свидетельство любви к жизни. Именно поэтому, читая эти тексты, я испытываю приступы удушья. Поэзия призвана бичевать злодеев, прославлять героизм мучеников, хранить память о расстрелянных – несомненно в этом ее миссия, ее высший гуманизм, особенно в наше время. Но то, что эти стихи зачастую подписаны именами поэтов, которые прославляли палачей, прославляли мучителей, оскорбляли расстрелянных, лгали на могилах участников другого Сопротивления, которое защищало человека от тирании и которое замалчивалось из-за уже известных нам побуждений – эта страшная алхимия ведет к отрицанию основополагающих ценностей. Чистое золото лишь скрывает нечистоты. Оказывается, совесть писателя полна темных тайн. Страстная песнь оборачивается лжесвидетельством. Поэзия Арагона казалась мне волнующей, порой даже великолепной, но сколько тех, у кого он учился, кого он любил (или делал вид, что любит) в СССР и Коминтерне были замучены и расстреляны – и неужели это его не взволновало? Неужели он не ставил себя на их место, не задавался простейшим вопросом – виновны они или нет? Не спрашивал себя, можно ли оправдывать чудовищную жестокость репрессий парадоксами, вроде «революционного гуманизма»? В 1937 году Арагон написал в «*Comptine*» немислимые, на мой взгляд, вещи об обвиняемых на московских процессах¹⁵. Были они заговорщиками или нет, эти старые социалисты все-таки заслуживают не меньшего уважения, чем то, что было оказано нацистским вождям на Нюрнбергском процессе. (Трудно сомневаться в том, что только уважение к истине смогло спасти этих людей, поскольку нацистские архивы находятся в руках союзников. Было нетрудно проверить некоторые бредовые обвинения. Смею утверждать, что это было сделано.) Поэт Сопротивления и коммунист, Арагон входил в число друзей Бруно Ясенского, польского писателя-коммуниста, чьи романы публиковались в *L'Humanite* («Я жгу Париж» – удачное название!)¹⁶. Я знал его в Москве, он всегда был преданным и трусливым сторонником «генеральной линии партии» – и умер в дальневосточном лагере. Арагон дружил с Генеральным секретарем РАПП Леопольдом Авербахом¹⁷, официально руководившим советской литературой. Леопольд Авербах был расстрелян – где, как, когда? То, что он был расстрелян – это точно, потому что он был племянником наркома внутренних дел и шефа политический полиции Ягоды, которого тоже расстреляли.

Верность писателя партии, которая обладает огромной властью и privilege расстреливать всех подряд, является в данном случае убедительным объяснением. Но как же тогда понимать эти строки о предателях, написанные Полем Элюаром – еще одним поэтом, принадлежавшим к той же самой партии:

Они превозносили палачей,
Они нас злом, как грязью, облепили,
Они ни разу не сказали правды¹⁸.

Да, как их можно понять? Мы можем сделать вывод, что это – психологический распад. Мы можем сделать вывод, что это стихотворение, как бы ни было оно прекрасно по форме, звучит насквозь фальшиво. Читатель думает, что это голос защитника свободы, врага палачей, которые расстреливают невинных. Но читатель ошибается. И это, конечно, тревожит. Но что происходит в душе таких поэтов? «Что есть истина?» – вопрошал Осужденного Понтий Пилат. Тысячи людей, разум которых, казалось бы, формировался под влиянием научной мысли, на самом деле ответят: «Истина – это приказ Вождя моей партии...» Это – смерть разума. Это смерть этики.

Мысль ангажированная – или контролируемая

Ряд других писателей Сопротивления, занимающих не столь четкую позицию, все же попадают под тлетворное влияние окружения и заслуживают той же критики – хотя и в меньшей степени. Кажется, что только спустя много лет они наконец заметили, что тоталитарные режимы уничтожают человека. Неужели они не видели этого раньше? Неужели не понимали, что это не только национальная катастрофа, что под ударом оказалась и вся Европа, и вся наша цивилизация? Лучшие авторы постоянно задаются вопросом об «ангажированной мысли», «ангажированном действии», о необходимости «занять позицию», об «ответственности литературы» и о готовности отдать жизнь за справедливость. Но что на самом деле значат эти слова? Не звучат ли они лишь в узком кругу устаревшего патриотического движения? Не звучат ли эти слова эзотерически, вместо того, чтобы иметь универсальный смысл? Допустимо ли говорить об «ангажированной мысли», если на самом деле это значит контроль над мыслью? А «ангажированное действие»? Оно оправдано, если речь идет о борьбе с угнетением, и подлежит осуждению, если направлено против чего-то другого? Не возврат ли это к племенному мышлению прошлых эпох, когда заповедь «не убий» касается только твои соплеменников, а убийство человека из соседнего племени достойно похвалы? Ограничивается ли «ответственность литературы», за которую не без оснований ратует Жан-Поль Сартр¹⁹, только

определенными историческими событиями? А к другим она, очевидно, не имеет отношения? Долой умолчания. Совесть писателя не позволит ему уклониться от подобных вопросов. Сейчас эти вопросы интересуют всех, у кого есть совесть, я имею в виду тех, для кого древняя магия слов и живых творений, созданных при помощи слов, остается способом прояснить и облагородить нашу жизнь.

Перевод выполнен по: Serge V. Conscience de l'écrivain. La tragédie des écrivains soviétiques. *Masses*, novembre 1946, no 4-5, pp. 29–32. Текст также вошел в приложение к журналу: *Les Egaux. Réalités soviétiques. Supplément à Masses*, no 6, janvier 1947, pp. 1–13. На остальных трех страницах этой небольшой брошюры помещены краткие заметки, посвященные трагедии советской интеллигенции, в первую очередь писателей, в сталинском Советском Союзе: «Осип Мандельштам» (об уточненных обстоятельствах гибели поэта); «Исчезновение академика Вавилова» (об аресте Н.И. Вавилова и его смерти «при невыясненных обстоятельствах»); «Что случилось с Борисом Пильняком?» (о тщетных попытках западных писателей узнать об обстоятельствах ареста и гибели Пильняка у И. Эренбурга); «Поэзия... идти в ногу» и «Новая чистка» – о травле Б. Пастернака, А. Ахматовой, А. Гладкова, М. Зощенко, И. Садофьева, М. Комиссаровой в советской прессе после «Постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах "Звезда" и "Ленинград"» от 14 августа 1946 г.

Теме несвободы в советской литературе, трагическим писательским судьбам, «капитуляции» М. Горького («Литература гибла – он молчал») и проч. посвящены также многие страницы воспоминаний В. Сержа (Серж: 320–330 и др.).

¹ Из статьи Горького «Об анекдотах – и еще кое о чем», напечатанной в двух номерах «Правды» (19 и 20 декабря 1931).

² О волне писательских самоубийств (Есенин, А. Соболев), о Маяковском и своем отклике на его смерть во французской печати Серж рассказывает в воспоминаниях (Серж: 323–324).

³ Маргарита Иосифовна Алигер (Зейлигер; 1915–1992) получила официальное признание еще в предвоенные годы (орден «Знак Почета», 1939); была корреспондентом в блокадном Ленинграде; член ВКП(б) с 1942 г.; Сталинская премия 1943 г. за поэму «Зоя» (о З.А. Космодемьянской). Поэма «Твоя победа» (Знамя. 1945. № 9. С. 1–28; отд. изд. 1946) надолго запомнилась, прежде всего, фрагментом с поэтическим обличением холокоста («Разжигая печь и руки грея...»).

⁴ О.Э. Мандельштам не дожил до 48 лет, скончавшись 27 декабря 1938 г. в пересыльном лагере под Владивостоком. Долгие годы дата и обстоятельства его смерти оставались предметом неточных слухов и противоречивых известий в заграничной печати (пример – заметка в парижском «*Masses*», включенная в брошюру со статьей Сержа). «Акмеистами» стала называть себя с осени 1912 г. группа участников (Гумилев, Мандельштам, Ахматова, С. Городецкий, В. Нарбут, М. Зенкевич) первого «Цеха поэтов». В. Серж упоминает стихотворение «с намеком на Вождя» – «Мы живем, под собою не чуя страны...», private чтения которого Мандельштамом в узком кругу стали одной из причин первого ареста поэта (1934) и его ссылки в Воронеж. После второго ареста (1938) в приговоре к лагерному заключению Мандельштам обвинялся, в том числе, в связях в 1930-е гг. с «Нибальчицем [В. Сержем] до момента высылки последнего за пределы СССР».

⁵ «Путешествие в Армению», написанное в 1931–1932 гг. по впечатлениям полугодовой кавказской «творческой командировки» 1930 г., в присутствии Сержа могло читаться Мандельштамом в Ленинграде в дни его приезда в город на авторские вечера в феврале–марте 1933 г. Вскоре Серж был арестован и пропустил публикацию очерков Мандельштама в журнале «Звезда» (1933. № 5).

⁶ В романе Ж. Жироду «Сюзанна и Тихий океан» (*Suzanne et le Pacifique*, 1921) молодая француженка Сюзанна, выигравшая в лотерею поездку в Австралию, в результате кораблекрушения оказывается одна на необитаемом архипелаге в Тихом океане. В отличие от

Робинзона Крузо, героиня Жироду ведет простую жизнь, никак не вмешиваясь в девственную природу. Большую часть романа занимают ее философские размышления. Рус. изд.: *Жироду Ж. Сюзанна-Островитянка* / Пер. с франц. М.И. Барской и Л.И. Вольпина под ред. Б. Лившица. Л.: Гос. изд-во, 1928. (Серия «Библиотека всемирной литературы»).

⁷ О трагедии советских писателей, преследовании неугодных писала как эмигрантская критика, так и немногие западные авторы. В. Серж знал работы М. Истмена 1930-х годов; в своих воспоминаниях (Серж: 322) он упоминает его книгу «Artists in Uniform. A Study of literature and bureaucratism» (1934), в которой Истмен рассказывает о самоубийстве Есенина, Маяковского, травле Замятина, Пильняка, Бабеля, А.К. Воронского и проч. Одновременно с В. Сержем над мартирологом русской литературы советских лет работал Иванов-Разумник (Разумник Васильевич Иванов, 1878–1946), который сам неоднократно арестовывался как «антисоветский элемент». После освобождения в 1939 г. из последней ссылки он жил под Ленинградом, где в 1941 г. оказался в оккупации и был интернирован в Германию. В 1942–1943 гг. в берлинской коллаборационистской газете «Новое слово» Иванов-Разумник печатает цикл статей «Писательские судьбы», в том числе с говорящими заглавиями: «Погибшие», «Задушенные», «Приспособившиеся». См. издание: *Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюремь и ссылки*. М.: Новое лит. обозрение, 2020.

⁸ В. Серж имеет в виду наиболее близкого ему из советских писателей Б. Пильняка, в уста которого он вкладывает те же слова в воспоминаниях (Серж: 326).

⁹ Александр Константинович Воронский (1884–1937), член РСДРП с 1904 г.; редактор журнала «Красная новь», глава литературной группы «Перевал», в 1920-е – покровитель писателей-«попутчиков». В 1927 исключен из партии за симпатии троцкизму, сослан, в 1930 г. восстановлен на работе – в ГИХЛ. Расстрелян.

¹⁰ *Иванов-Разумник*. Салтыков-Щедрин. М.: Федерация, 1930. Т. 1. Второй том не был опубликован. Речь идет об аресте и последующей ссылке Иванова-Разумника в 1933–1936 гг. О том же см.: Серж: 329.

¹¹ *Федин К.А.* Горький среди нас: Картины литературной жизни. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1943–1944.

¹² Давид Борисович Рязанов (Гольдендах; 1870–1938, расстрелян) – революционер (народник, социал-демократ), историк марксизма, академик, создатель и первый руководитель (1921–1931) Института Маркса и Энгельса. В 1931 г. подвергнут жестокой критике как «меньшевик» (получил распространение термин «рязановщина») и сослан в Саратов.

¹³ Международный ПЕН-клуб (основан в Англии в 1921 г.) пытался активно заниматься правозащитной деятельностью. Неоднократные обращения ПЕНа (в частности, его президента в 1930-е годы Г. Уэллса) о создании в СССР отделения этой международной писательской организации не имели успеха (см., например, о неудачных попытках ПЕНа взаимодействовать с Союзом писателей в 1930-е: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 16, 228, 1326 и др.). Лишь с 1960-х советские делегации sporadически участвовали в конгрессах ПЕНа как «наблюдатели»; российский ПЕН был образован в 1989 г.

¹⁴ Во время «московских процессов» 1936–1938 гг. в марте 1937 г. в Мексике Троцкий и его сторонники инициировали контр-процесс. Американский комитет в защиту Льва Троцкого создал Комиссию по расследованию обвинений, предъявленных Троцкому на московских процессах. Ее неофициальное название – «Комиссия Дьюи» по имени ее председателя, Джона Дьюи, американского философа и педагога, посетившего СССР в 1928 г. В комиссии приняли участие, в числе прочих, Дж. Дос Пассос, критик Э. Уилсон, антрополог Ф. Боас, коммунист и историк марксизма О. Рюле, один из лидеров соцпартии США Н. Томас. Заседания Комиссии проходили 10–17 апреля 1937 г.; Комиссией был сделан вывод о несостоятельности обвинений, выдвинутых против Троцкого на

московских процессах. «Создание в США... Комиссии Джона Дьюи – Сюзанны Лафоллет – Отто Рюле придало нам мужества» (Серж: 404).

¹⁵ Вероятно, речь идет о статье Луи Арагона (Louis-Marie Andrieux; 1897–1982) «Vérité élémentaires», помещенной в рубрике «Le procès de Moscou» в парижском журнале «Commune» (по 43, mars 1937, pp. 804–809), наряду с подборкой официозных откликов советских писателей (И. Бабель, Вс. Вишневский, В. Шкловский, братья М. и С. Маршак). С ярых просоветских позиций Арагон заклеил зарубежных критиков московских процессов 1936–1937 гг. (А. Жид, В. Серж, П. Истрати и др.) «клеветниками» и «троцкистами», заявив, что сомневаться в вине подсудимых – все равно, что утверждать, что это не Гитлер поджег рейхстаг.

¹⁶ Революционно-утопический роман Б. Ясенского «Я жгу Париж» опубликован в 1928 г., по-французски печатался с продолжением в «L'Humanité», русский автоперевод – в «Роман-газете». Он был написан как ответ на памфлет Поля Морана «Я жгу Москву» (1925). Бруно Ясенский (Виктор Зисман; 1901–1938) – польский и французский писатель, с 1929 г. в СССР, был председателем Международного объединения революционных писателей; арестован в 1937 г., расстрелян в Москве. Время и обстоятельства его смерти, как и в случае с О. Мандельштамом, долгие годы были неизвестны и порождали противоречивые версии.

¹⁷ Леопольд Леонидович Авербах (1903–1937) был расстрелян вместе с группой сотрудников НКВД, близких к Г.Г. Ягоде, которому приходился шурином, а не племянником.

¹⁸ Строки из стихотворения коммуниста и участника Сопrotивления Поля Элюара (Eugène Émile Paul Grindel; 1895–1952) «Немногие французские интеллектуалы перешли на сторону врага» ("Un petit nombre d'intellectuels français s'est mis au service de l'ennemi") из сб. «Лицом к лицу с немцами» (*Au rendez-vous allemande*, 1944). Рус. пер.: Элюар П. Некоторые французские интеллигенты служили врагу / пер. с франц. А. Тверского // Элюар П. Стихи. М.: ГИХЛ, 1958. С. 108.

¹⁹ Понятие «ангажированная литература», актуальное для первых послевоенных лет, Сартр вводит в редакционной статье, представлявшей журнал Сартра и Симоны де Бовуар «Les Temps modernes» (Présentation. *Les Temps modernes*, 1945, octobre, no 1, pp. 1-21), и далее развивает в серии публикаций 1945–1946 гг., которые затем вошли в его книгу «Что такое литература?» (*Qu'est-ce que la littérature?*, 1948).

Перевод с франц.и примечания О.Ю. Пановой

Виктор Серж в воспоминаниях Ж. Дюамеля

Что касается посещения Петропавловской крепости, нас туда сопровождал человек, сам не раз сидевший в тюрьме, и который не расставался с нами не по приказу, а по дружбе, человек, которого я знал как писателя и чьим талантом я восхищался. Я говорю здесь о Кибальчиче, авторе произведений, которые он публиковал по-французски под именем Виктора Сержа. Кибальчич, родившийся в Бельгии и воспитанный в традициях французской культуры, скомпрометировал себя: стремясь, видимо, из политических соображений бросить вызов обществу, он оказался замешан в громком деле анархиста Бонно¹ и даже подвергся во Франции тюремному заключению. После освобождения он с энтузиазмом воспринял русскую революцию и приехал в Россию. Насколько я помню, его семья была родом из южных провинций, Кавказа или Грузии,

точно не знаю. Так вот, я встретил Виктора Сержа в Ленинграде. Он вызвал у меня самую искреннюю симпатию. У него были правильные черты лица, бледная матовая кожа, черные волосы. В этом лице все было благородно и вызывало уважение. Он был женат; помню ребенка, который играл на полу в двух хороших, довольно просторных комнатах в большом ленинградском доме, где квартиры после революции были перераспределены, как повсюду в России². Эта жилплощадь отнюдь не была надежным убежищем. Впоследствии ее попытались грубо отнять. Эта абсурдная драма описана Панаитом Истрати, еще одним путешественником, который посетил советский мир спустя полгода после нас и оставил о своем путешествии рассказ, полный горькой критики режима³.

Если в моей памяти вопреки всему остались яркие воспоминания об этих днях в Ленинграде, так только благодаря Виктору Сержу. Через несколько лет я написал: «Виктор Серж оказал Советской России немалую услугу: он действительно стал – по крайней мере, на мой взгляд – ее мудрым и достойным уважения представителем»⁴.

Не знаю, будет ли мне дано снова взяться за тетради и вернуться к Виктору Сержу. Лучше завершить здесь этот слишком короткий исторический портрет, на который он имеет право. Сержа привлекла троцкистская оппозиция. Он этого не скрывал и говорил мне об этом во время моего пребывания в Ленинграде с большой прямоотой и приводя сильные аргументы. Поражение троцкистов и последовавшие за этим репрессии тяжело отразились на жизни писателя. Мало было того, что он впал в немилость и у него пытались отнять жилье, – в конце концов, его посадили в тюрьму, потому что именно так в России кончают все, кто не отличается рабской покорностью и беспрекословным подчинением. В 1933 году его выслали в Оренбург на Урал без суда, применив свойственные ГПУ полицейские меры. До своего заключения Виктор Серж писал мне письма, касавшиеся прежде всего вопросов литературы; в них он сдержанно сообщал о трудностях, с которыми сталкивается в повседневной жизни. Потом наступило полное молчание. В мае 1933 года я написал в *Oeuvre* статью «Цена человека»⁵, в которой просил у советского правительства освобождения Виктора Сержа – автора, пишущего на французском языке. Поскольку этот призыв остался без ответа, в июле того же года я написал новую статью о «деле Виктора Сержа». С этого времени протестовал уже не только я⁶. Жан Жироду, Люк Дюртен, Леон Верт, Жан Геенно и другие направили советскому послу во Франции настойчивые требования. Вроде бы и профсоюзы решились вмешаться. Неужели агенты Советов, которые годами собирали подписи в поддержку своей политики, позволят гнить в тюрьме или ссылке человеку, прямоота которого была одним их лучших аргументов в пользу новой России?

В сентябре 1933 года в телеграмме из информационного агентства было объявлено, что Виктор Серж будет «прощен наполовину» и отправлен на поселение в Вятку, на север нижегородской области. Тогда я написал новую статью «Молчание Советов?»⁷, где попытался дать понять руководителям России, что их поведение по отношению к Сержу окончательно подорвало уважение к ним со стороны ряда представителей французской интеллигенции. Вспомнив к тому же, что Виктор Серж родился в Бельгии, я обратился к Вандервельде⁸ и бельгийским социалистам. В конечном итоге эти усилия даром не пропали. Советам не удалось отпраздновать победу. Виктор Серж смог выехать из России. Известно, что он искал убежища в Мексике, как до него Лев Давидович Троцкий. Там Серж и умер – в изгнании, хотя успел опубликовать книгу о жизни заключенных в Советском Союзе, книгу, которую мне в статье, вышедшей в 1939 году⁹, довелось сравнить с «Записками из Мертвого дома», – книгу со странным названием «Полночь века»¹⁰, которая, однако, позволяет поставить ее автора в первый ряд писателей этих проклятых лет.

Надо добавить, что в 1933 году Виктор Серж передал троим из своих парижских друзей письмо (я не был среди них, так как находился далеко от политической грызни и клановых тайн), копию которого он направил и мне, где он сурово осуждает внутреннюю политику России и где он, например, пишет: «Социализм постепенно перенял множество обычаев древней Руси, он продолжает традиции, идущие от Ивана Грозного... Все то же отношение к человеку, та же убийственная нетерпимость, та же неспособность к развитию, тот же страх свободы, тот же правительственный и бюрократический фанатизм, тот же произвол на всех ступенях общественной иерархии, то же неумолимое и коварное принуждение»¹¹.

Перевод выполнен по изд.: Duhamel G. *Les espoirs et les épreuves. Lumières sur ma vie*. T. V. Paris: Mercure de France, 1953, pp. 225–228. Жорж Дюамель (1884–1966) общался с В. Сержем в Ленинграде во время своего путешествия в СССР весной 1926 г.

¹ В юности в бытность редактором журнала «Анархия» (*Anarchie*) В. Серж был обвинен как сообщник «банды Бонно» и приговорен в 1913 г. к 5 годам лишения свободы. Жюль Жозеф Бонно (1876–1912), французский анархист, последователь иллегализма и сторонник индивидуальной экспроприации, занимался «эксами» банков.

² В Ленинграде В. Серж с женой и сыном в это время жил в коммунальной квартире по адресу ул. Желябова д. 19, кв. 4, где кроме Ж. Дюамеля бывали разные иностранные посетители, например, П. Истрати.

³ См. главу «Дело Русакова» в книге П. Истрати «К другому пламени» (*Istrati P. Vers l'autre flamme: Après seize mois en URSS. Confession pour vaincus*; 1929): в ней подробно рассказывается история тяжбы в коммунальной квартире, где жил В. Серж, и связанное с ней дело его тестя А.И. Русакова, жившего вместе с ним. Благодаря книге П. Истрати о возмутительном деле Русакова узнали во Франции.

⁴ Ж. Дюамель цитирует свою статью о В. Серже «Цена человека» (Duhamel G. *Le prix d'un homme, Œuvre*, 20 mai 1933). Эта статья положила начало прогрессивному на Западе делу Виктора Сержа, в защиту которого выступали разные деятели культуры – вплоть до 1936 г., когда опального писателя выслали из СССР.

⁵ Duhamel Georges. *Le Prix d'un homme, L'œuvre*, 23 mai 1933.

⁶ В 1933 г. французские интеллектуалы объединились в «Комитет за возвращение Виктора Сержа на родину», возглавляемый Магдаленой Маркс-Паз, в который входили Жорж Дюамель, Шарль Вильдрак, Жорж Пьюш, Леон Верт, Анри Пулай, Марсель Мартине.

⁷ Согласно каталогу BNF, статья Ж. Дюамеля с таким названием существует в рукописи и хранится в библиотеке в его фонде (NAF 28275) в разделе «Статьи» и числится среди неопубликованных.

⁸ Вандервельде Эмиль (Vandervelde Émile, 1866–1938) — бельгийский государственный деятель, министр иностранных дел Бельгии (1925–1927). Играл значительную роль в международном социалистическом движении.

⁹ Статья Ж. Дюамеля не обнаружена.

¹⁰ Первое издание романа В. Сержа «Полночь века» – Serge V. *S'il est minuit dans le siècle*. Paris: Grasset, 1939.

¹¹ Письмо В. Сержа было написано в Москве 1 февраля 1933 г. и нелегально переслано в Париж супругам Паз, М. Мартине и Ж. Менилю. Автограф хранится в фонде М. Мартине в BNF. Это письмо называют «завещанием» В. Сержа. Начиная с первой полной публикации в брошюре «16 расстрелянных, куда идет Русская революция?» (*16 fusillés, où va la Révolution russe?* Paris: Editions Spartacus, 1936), его неоднократно перепечатавали. С французским текстом можно познакомиться: <https://www.revue-ballast.fr/la-lettre-testament-de-victor-serge/>. В связи с кампанией в прессе в защиту Сержа Ж. Дюамель отметил в своем дневнике в мае 1933 г.: «Я встретился с Мартине, чтобы получить от него дополнительные сведения, так как не получал от Сержа писем уже 8–10 месяцев. <...> Мартине мне передал письмо, которое Серж сумел доставить нескольким друзьям. Мартине заявил, что не может дать мне его на время. С моей точки зрения, этот документ был настолько значителен, что я захотел получить его копию. Мартине уступил» (Duhamel G. *Le livre de l'amertume. Journal 1925–1956*. Paris: Mercure de France, 1984, pp. 196–197). Сам М. Мартине опубликовал в июне 1933 г. в *La grande revue* статью «Куда идет Русская революция? Дело Виктора Сержа» (*Où va la Révolution russe ? L'Affaire Victor Serge*).

Перевод с франц. и примечания Е.А. Легеньковой

Дата поступления в редакцию: 26.06.2021

Дата публикации: 20.11.2021

Received: 26.06.2021

Published: 20.11.2021

Вечер Рильке в ФОСПе

© 2021 К. М. Азадовский

УДК 82.091

https://doi.org/10.54791/27823792_2021_1_224_231

Rilke Memorial Soiree at the Federation of Associations of Soviet Writers (FOSP)

© 2021 Konstantin M. Azadovsky

Информация об авторе:

Константин Маркович Азадовский, член Германской Академии языка и литературы (Дармштадт). Санкт-Петербург. E-mail: azadovski@mail.ru.

Ключевые слова: русско-немецкие литературные связи, поэтический перевод, Р.-М. Рильке, Б. Пастернак, О. Мандельштам, П. Эттингер.

Аннотация: В статье рассмотрен интересный эпизод литературной жизни Москвы 1931 г. – вечер в клубе ФОСПа, посвященный поэзии Р.-М. Рильке. Ход этого вечера и его программа реконструируются по отчету в пражской газете «Prager Presse», составленному Павлом Эттингером, искусствоведом, библиофилом, деятельным пропагандистом русской культуры на Западе и западной в России. На вечере прозвучали стихотворные переводы из Рильке, книга которого планировалась издательством «Academia»; героем вечера стал Б. Пастернак. В статье высказано предположение, что среди слушателей был и О. Мандельштам.

Information about the author:

Konstantin M. Azadovsky, PhD in Philology, German Academy of Language and Literature (Darmstadt, Germany). St. Petersburg. E-mail: azadovski@mail.ru

Keywords: Russian-German literary connections, poetic translation, Rainer Maria Rilke, Boris Pasternak, Osip Mandelstam, Pavel Ettinger.

Abstract: The paper dwells upon an episode of Moscow literary life in 1931 – a literary soiree held in the FOSP (Federation of Associations of Soviet Writers) club and dedicated to Rilke's poetry. The events of the soiree and its program are reconstructed on the basis of the report published in *Prager Presse* by Pavel Ettinger – historian of art, bibliophile, kulturtraeger who actively promoted Russian culture in the West and Western culture in Russia. The proceedings of the soiree included reading translations of Rilke's poetry made presumably for an edition planned by *Academia* (Moscow publishing house). The hero of the day was Boris Pasternak. The paper makes a hypothesis that Osip Mandelstam was also present at the soiree.

вечер Рильке в Фоспе

Много лет назад, занимаясь темой «Рильке и Россия» и просматривая в связи с этим подшивку «Литературной газеты» за декабрь 1931 г. (см. примеч. 6), я обнаружил в номере от 20 декабря (в рубрике «Клуб писателей») сообщение о том, что 22 декабря в Клубе¹ состоится вечер Рильке, организованный переводческим кружком при ФОСПе² (мероприятие, очевидно, было приурочено к пятилетию со дня смерти поэта).

Одним из тех, кто посетил этот вечер, был Павел Давыдович Эттингер (1866–1948), искусствовед и коллекционер, активный участник московской художественной жизни на протяжении четырех десятилетий и деятельный пропагандист русской культуры на Западе и западной в России. Свободно писавший по-польски и по-немецки (владея также английским и французским), Эттингер в течение многих лет сотрудничал и в русских, и в западноевропейских периодических изданиях, информируя читателей «по обе стороны» о важных, с его точки зрения, событиях: выставках, книжных новинках, достижениях в области книжной графики, антикварных изданиях и т.д.³

Присутствие Эттингера в Доме Герцена вечером 22 декабря 1931 г. не было случайностью: Рильке принадлежал некогда к числу его знакомых и корреспондентов. Они познакомились весной 1900 г. в Москве и в дальнейшем активно переписывались и обменивались редкими книжными изданиями⁴. Посредником в их знакомстве был художник Леонид Пастернак, с семьей которого Эттингер дружил с конца 1890-х гг.⁵ После отъезда Л. Пастернака за границу он продолжал поддерживать отношения с его сыном Борисом.

Среди изданий на Западе, с которыми Эттингер сотрудничал в советское время, выделяется немецкоязычная «Prager Presse» (1921–1939) – либеральная европейская газета, основанная Т.Г. Масариком и охотно информировавшая

¹ Т.е. Клуб писателей, или Клуб ФОСП в Доме Герцена на Тверском бульваре, где размещался тогда Секретариат Федерации объединений советских писателей, созданной в 1928 г. В том же здании помещалась и редакция «Литературной газеты».

² См.: Литературная газета. 1931. № 68 (167), 18 декабря. С. 4.

³ Точно так же Эттингер ознакомил русских читателей с художественной жизнью на Западе. См. о нем: Эттингер П.Д. Статьи. Из переписки. Воспоминания современников / Сост. А.А. Демская, Н.Ю. Семенова. М.: Советский художник, 1989 (на с. 284–285 – неполный список опубликованных трудов Эттингера); Чудецкая А. «Рыцарь графического образа» // Наше наследие. 2005. № 73. С. 112–127; Музей Павла Эттингера. Из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. М.: Художник и книга, 2004 (в изданиях 1989 и 2004 г. – множественные выдержки из писем разных лиц к Эттингеру).

⁴ Переписка Рильке и Эттингера, охватывающая 1900–1902 гг., неоднократно публиковалась (и по-русски, и по-немецки). Впервые: Сообщения Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Вып. 5. М.: Советский художник, 1975. С. 126–149; публикация (на немецком и русском языках) А.В. Михайлова.

⁵ Переписка Эттингера с Л.О. Пастернаком частично опубликована в кн.: Пастернак Л. Записки об искусстве. Переписка. М.: Азбуковник, 2013 (см. по именному указателю, изданному как отдельное приложение).

своих читателей о России, СССР и русской культуре. Одним из редакторов «Prager Presse» был чешский славист Антонин Станислав Магр (1887–1960), горячий поклонник Рильке. Магр особенно интересовался темой «Рильке и Россия» и не раз возвращался к ней на страницах пражской газеты, а также в своей многолетней переписке с Эттингером.

Побывав на вечере Рильке в Доме Герцена и сразу же набросав небольшую заметку, Эттингер поспешил отправить ее А. Магру для публикации в «Prager Presse». Цель его была, по-видимому, двоякой: сообщить, что в советской России не угасает интерес к творчеству Рильке и его поэзии, а также привлечь внимание к имени Бориса Пастернака, еще не слишком известного на Западе. Между переводческим вечером в Доме Герцена и появлением отчета о нем в «Prager Presse» прошло менее двух недель.

Ниже приводится полный текст этой заметки в русском переводе:⁶

«Дорогу общественности» гласит один из новых лозунгов, определяющих культурную жизнь в советской России. Любое творчество – еще до того, как оно станет достоянием общественности, – должно пройти коллективный смотр, стать предметом свободной критики и дискуссии. Такое требование послужило стимулом к проведению вечера Рильке, устроенного кружком московских переводчиков при «Федерации объединений советских писателей». По поручению издательства «Academia» и ввиду его новой серии «Мастера стиля», в которой предполагается издать и том Рильке⁷,

⁶ Знакомство с заметкой Эттингера послужило в свое время толчком к моим поискам даты вечера и иных подробностей, с ним связанных. См. указание на эту публикацию в обоих изданиях (немецком и русском) моей книги «Рильке и Россия»: *Rilke und Russland. Briefe. Erinnerungen. Gedichte*. Hrsg. von Konstantin Asadowski. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1986. S. 616–617 (Lizenzausgabe für die Bundesrepublik Deutschland – Frankfurt am Main: Insel Verlag, 1986); Рильке и Россия. Письма. Дневники. Воспоминания. Статьи. Стихи. Издание подготовил К. Азадовский. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2003. С. 597.

⁷ В 1931–1932 гг. в издательстве «Academia» обсуждалась серия «Мастера стиля». В публикации, посвященной сотрудничеству А.В. Луначарского с «Academia», сообщается:

«По инициативе Луначарского в редакционный план изд-ва «Academia» была введена серия под заглавием «Мастера стиля». Предполагалось, что в эту серию войдут и произведения, во многом чуждые советским читателям по своей идеологии, но являющиеся образцами высокого поэтического мастерства. К изданию были намечены избранные произведения Бодлера, Верлена, Малларме, Рильке, «Сонеты» Хосе Мариа Эредиа. Первой книгой серии должно было стать известное произведение Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра» в переводе и с комментариями Я.Э. Голосовкера. Из-за смерти Луначарского и смены руководства издательства выпуск серии не осуществился» (Луначарский – редактор / Публ. и предисл. Л.М. Хлебникова // Литературное наследство. Т. 82: А.В. Луначарский. Неизданные материалы. М.: Наука, 1970. С. 525).

См. также: Rolet S. Les éditions *Academia* et la littérature étrangère. *Le rapport à l'étranger dans la littérature et les arts soviétiques 1917–1944*. <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-0075926/document>.

вечер Рильке в Фоспе

члены кружка выполнили ряд переводов с тем, чтобы прочесть и обсудить их публично⁸.

Трудно сказать, собралась ли многочисленная публика ради Рильке или же часть ее привлекло выступление Бориса Пастернака, посвятившего свою последнюю книгу («Охранная грамота») памяти поэта⁹. Во всяком случае, именно Пастернак, безусловно, самая заметная сейчас фигура на русском поэтическом небосклоне, оказался в центре внимания и более всего покорил слушателей своим переводом «Реквиема». Неуместно задерживаться на этих страницах на достоинствах и, возможно, отдельных промахах пастернаковского перевода, уже опубликованного в журнале «Звезда» (1929. № 8. С.167–170)¹⁰. Пользуясь случаем, Пастернак вновь подчеркнул, что именно Рильке, наряду с Толстым, глубочайшим образом повлиял на его поэтическое развитие, и прочитал оба произведения¹¹ с таким нескрываемым воодушевлением и в такой темпераментной манере, что слушателей охватило впечатление полнейшего сходства и они забыли, что это перевод. И хотя в отдельных местах прорывалось нечто вулканическое, чего, возможно, и нет в оригинале, тем не менее Пастернаку удалось передать естественность звучания и плавность ритма, отличающие стих Рильке.

Помимо пастернаковского «Реквиема», для тома Рильке в издательстве «Academia» предназначаются переводы покойной Ларисы Рейснер¹²,

⁸ В этом месте сделано подстрочное примечание: «К переводам, названным в публикации от 9 августа 1931 г., следует добавить...»; далее – библиографическая справка о переводах Рильке, выполненных В. Эльснером, Л. Горбуновой, Ю. Анисимовым и Г. Забужинским). Имеется в виду статья А. Магра «Рильке и Россия» (Prager Presse. 1931, Nr. 214, 9. August. Beilage "Dichtung und Welt" Nr. 32. S. III – IV; раздел «Germanoslavica»; подпись: Mgr.). В статье Магра упомянуты, в частности, А. Биск и М. Цветаева.

⁹ Повесть Б. Пастернака «Охранная грамота» публиковалась фрагментами в журналах «Звезда» (1929. № 8) и «Красная новь» (1931. № 4, 5-6): отдельное издание: Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1931. Повесть посвящена «Памяти Райнера Мария Рильке» и открывается описанием встречи автора с Рильке и Л. Андреас-Саломе («Жарким летним утром 1900 года») на Курском вокзале и в вагоне поезда. Пастернаком было написано также обращенное к Рильке «Послесловье», не включенное в издание 1931 г. (впервые: *Пастернак Б. Воздушные пути. Проза разных лет / Вступ. статья Д.С. Лихачева. Сост., подг. текста и подбор илл. Е.В. Пастернак и Е.Б. Пастернака. Коммент. С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова. М.: Советский писатель, 1982. С. 479–481*).

¹⁰ В указанном номере журнала «Звезда» был опубликован переведенный Пастернаком «Реквием» Рильке (1908), посвященный поэту и переводчику графу В. фон Калькройту (1887–1906), добровольно ушедшему из жизни.

¹¹ Имеются в виду оба «Реквиема». Второй, посвященный памяти художницы П. Модерзон-Беккер (1876–1907), был написан Рильке сразу же после ее смерти. Перевод Пастернака опубликован в журнале «Новый мир» (1929. № 8/9. С. 63–69).

¹² Лариса Рейснер (1895–1926), поэтесса, писательница, активная участница революционных событий и Гражданской войны, дипломат. Автор статьи «Райнер Мария Рильке» (Летопись. 1917. № 7/8. С. 303–315). Сохранился выполненный Л. Рейснер перевод стихотворения Рильке «Эсфирь» и ряд черновых набросков (НИОР РГБ. Ф. 245. Карт. 3. Ед. хр. 49).

Сергея Д. Усова¹³, к сожалению, отсутствовавшего на этом вечере, и Николая Вильяма-Вильмонта¹⁴, который искусно, хотя, может быть, и не всегда адекватно, перевел несколько произведений из обеих частей «Новых стихотворений», среди них – три стихотворения о Сафо и «Рождение Венеры»¹⁵. С прозаическими переводами выступили Абрам Эфрос¹⁶ и Михаил А. Петровский¹⁷. Первый великолепно справился со стилистикой примитива «Историй о Господе Боге»¹⁸, из коих он выбрал две: «О том, кто умел слушать камни» и «Как завелась на Руси измена»; и как раз во второй истории ему великолепно удалось воспроизвести характер национальной легенды¹⁹. Более трудную задачу взял на себя М.А. Петровский (романист по профессии); переложив на русский «Песнь о любви и смерти корнета Рильке»²⁰, он выполнил эту задачу с любовью и тончайшим проникновением в замысел поэта²¹.

Заседание московского переводческого кружка и тот напряженный интерес, с которым воспринималось каждое выступление, можно считать доказательством того, что желание узнать и понять Рильке все более нарастает в советской столице и начинает захватывать все новые круги. При этом следует отметить, что далеко не все московские переводчики Рильке смогли выступить на этом вечере.

П. Эттингер²²

¹³ Дмитрий Сергеевич Усов (1896–1943; репрессирован в 1935 г.), поэт, переводчик, филолог-германист; сотрудник ГАХН (до ликвидации Академии в 1931 г.). Переводчик и ценитель поэзии Рильке (начиная с 1910-х гг.). См.: Усов Д. «Мы все сведены на нет...» Т. 1. Стихи. Переводы. Статьи / Изд. подготовила Т.Ф. Нешумова. М., 2011.

¹⁴ Николай Николаевич Вильям-Вильмонт (1901–1986), германист, литературовед, переводчик. Родственник и многолетний друг Бориса Пастернака.

¹⁵ Имеются в виду сапфические фрагменты и стихотворение «Рождение Венеры» из сборника Рильке «Новые стихотворения» (1907).

¹⁶ Абрам Маркович Эфрос (1888–1954), искусствовед, театровед, переводчик.

¹⁷ Михаил Александрович Петровский (1887–1937, расстрелян), литературовед, переводчик; сотрудник ГАХН. Арестован в мае 1935 г. по делу «О немецко-фашистской контрреволюционной организации на территории СССР».

¹⁸ «Geschichten vom lieben Gott» (1899) – цикл коротких рассказов Рильке, изложенных простым, «детским» языком. Три «русских» истории («Как на Руси появилась измена», «Как старый Тимофей пел, умирая» и «Песнь о Правде») опубликованы в кн.: Рильке Р.-М. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. М.: Искусство, 1971. С. 394–416 (пер. Е.А. Огневой).

¹⁹ Рукопись перевода сохранилась в архиве А.М. Эфроса (НИОР РГБ. Ф. 589. Карт. 2. Ед. хр. 21).

²⁰ Точное название: «Песнь о любви и смерти корнета Кристофа Рильке» (1899) – одно из наиболее известных произведений Рильке.

²¹ Перевод не обнаружен; судьба его не известна.

²² Ettinger P. Neue russische Rilke-Übertragungen. Prager Presse, 1932, Nr. 3, 3 Januar, S. 8 (раздел «Germanoslavica»).

вечер рильке в фоспе

Отклик Эттингера – яркое и ценное для нас историко-литературное свидетельство очевидца. Сообщая об успехе Бориса Пастернака (чье участие в переводческом вечере ФОСПа 22 декабря 1931 г. до сих пор ускользало от внимания его биографов), он существенно расширяет наше представление о русском «рилькеанстве» 1920–1930-х гг. и позволяет, в частности, воссоздать, хотя и приблизительно, состав несостоявшегося сборника Рильке в издательстве «Academia»²³. Русская Rilkeana советского периода пополняется таким образом новыми сведениями.

Напрашивается вопрос, на который заметка Эттингера, к сожалению, не дает ответа: кто еще посетил вечером 22 декабря писательский клуб, желая послушать переводы из Рильке? Вопрос не праздный. Есть основания полагать, что одним из посетителей этого вечера был – Осип Мандельштам.

В воспоминаниях Николая Вильмонта читаем:

Позднее²⁴, в Москве Пастернак и я читали в Доме литераторов²⁵ наши переводы из Рильке. Пастернаку устроили овацию, мне тоже похлопали. Тут ко мне подошел Мандельштам и патетически произнес:

– Вы доказали существование души! Я говорю о Ваших переводах из Рильке.

Не скрою, я очень обрадовался, но и ужасно смутился²⁶.

Попробуем разобраться.

Хорошо известно, что в декабре 1931 г. Мандельштам с женой находились в подмосковном доме отдыха Болшево. Этот бесспорный факт позволяет все же предположить, что поэт, озабоченный в тот период своими жилищными делами, мог на день или два приехать в Москву.

Все, что касается местожительства Мандельштама в последние недели 1931 г., остается до настоящего времени не вполне ясным. Согласно общепринятой хронологии, Мандельштам с женой поселились в правом флигеле Дома Герцена не ранее января-февраля 1932 г. Это зыбкое утверждение повторяют А. Мец, составитель «Летописи...», и Л. Видгоф, знаток и исследователь мандельштамовской Москвы.

²³ Основная причина – смена руководства издательства в начале 1932 г. (директором вместо И.И. Ионова становится Л.Б. Каменев) и его последующая реорганизация: ликвидируются, в частности, некоторые серии, созданные или задуманные в 1930–1931 гг. (см.: *Крылов В.В., Кичатова Е.В.* Издательство «Academia»: люди и книги. 1921–1938–1991. М.: Academia, 2004. С. 63–66 (о серии «Мастера стиля» не упоминается)).

²⁴ Т.е. после пребывания на Украине летом 1930 г., о чем Вильмонт рассказывает на предыдущих страницах своей книги.

²⁵ Название возникло, видимо, по ассоциации с Центральным домом литераторов (ЦДЛ), открытым в 1934 г. (воспоминания Вильмонта написаны после смерти Б. Пастернака).

²⁶ *Вильмонт Н.* О Борисе Пастернаке. Воспоминания и мысли. М., 1989. С. 175.

Однако поэт мог оказаться жильцом Дома Герцена уже в конце ноября или в декабре 1931 г. – сразу после решения жилищной комиссии ФОСПа от 24 ноября (о выделении ему комнаты в писательском доме)?²⁷ Существует к тому же документальное свидетельство проживания Мандельштама в Доме Герцена в 1931 г.²⁸ И наконец: разве Мандельштам не мог, приехав на день или два из Болшева, переночевать в одной из пустующих комнат Дома Герцена или у знакомых?

В любом случае, появление Мандельштама на переводческом вечере 22 декабря представляется вполне возможным и даже закономерным.

Но, может быть, Вильмонт имел в виду другой вечер?

Вряд ли. Никакого «другого вечера», тем более в Доме Герцена, на котором Пастернак читает оба реквиема Рильке в своем переводе и одновременно с ним выступает Вильмонт, в литературе, нам известной, не засвидетельствовано.

Но для окончательного суждения на этот счет требуются, конечно, дополнительные разыскания.

Сотрудничество Эттингера в «Prager Presse» в 1932 г. не ограничилось заметкой о вечере в Доме Герцена. В августе того же года он публикует свои воспоминания о Рильке²⁹. Его переписка с А. Магром продолжается вплоть до декабря 1938 г.; обоим по-прежнему интересуют Рильке и все, что с ним связано. Впрочем, Эттингер не упускает случая коснуться и других сюжетов: сообщает о томе «Литературного наследства», посвященном Гете, о пушкинских материалах; пишет о Маяковском-художнике, о изобразительном искусстве (Ю. Фалат, Б. Сандомирская); посылает разного рода библиографические уточнения и справки³⁰. За годы своего сотрудничества с «Prager Presse» (1928–1938) Эттингер отправил Магру несколько десятков статей и заметок, насыщенных конкретным фактическим материалом; некоторые из них остались неопубликованными. Эта сторона его деятельности настоятельно ждет своего исследователя.

²⁷ См.: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. 3-е изд., испр. и доп. / Сост. А.Г. Мец при участии С.В. Василенко, Л.М. Видгофа, Д.И. Зубарева, Е.И. Лубянской, П. Мицнера. СПб.: Интернет-издание., 2019. С. 361. <https://imwerden.de/publ-5275.html>.

²⁸ Таким свидетельством является составленный В. Смирновой-Ракитиной список лиц, проживавших в Доме Герцена в 1931 г.; среди них значится и О. Мандельштам. Список был впервые опубликован Л. Витгофом, однако, опровергающим (на наш взгляд, неубедительно) дату «1931»: «Это понятная неточность, план составлялся по памяти» (*Видгоф Л. Мандельштам и... Архивные материалы. Статьи для энциклопедии. Работы о стихах и прозе Мандельштама. М., 2018. С. 99*).

²⁹ *Ettinger P. Erinnerungen an Rilke // Prager Presse. 1932. Nr. 215, 7. August. S. 8* (раздел «Kulturchronik. Literatur»).

³⁰ Письма А. Магра к Эттингеру хранятся в Отделе рукописей Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Ф. 29. Оп. XI. Ед. хр. 394–406).

Литература

Видгоф Л. Манделъштам и... Архивные материалы. Статьи для энциклопедии. Работы о стихах и прозе Манделъштама. М.: Новый хронограф, 2018. 312 с.

Вильмонт Н. О Борисе Пастернаке. Воспоминания и мысли. М.: Советский писатель, 1989. 224 с.

Крылов В.В., Кичатова Е.В. Издательство «Academia»: люди и книги. 1921–1938–1991. М.: Academia, 2004. 336 с.

Летопись жизни и творчества О.Э. Манделъштама. 3-е изд., испр. и доп. / Сост. А.Г. Мец при участии С.В. Василенко, Л.М. Видгофа, Д.И. Зубарева, Е.И. Лубянской, П. Мицнера. СПб.: Интернет-издание., 2019. <https://imwerden.de/publ-5275.html>

Чудецкая А. «Рыцарь графического образа» // Наше наследие. 2005. № 73. С. 112–127.

Рильке и Россия. Письма. Дневники. Воспоминания. Статьи. Стихи / Издание подготовил К. Азадовский. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2003. 656 с.

References

Chudetskaia A. "Rytsar' graficheskogo obraza" ["Knight of the Graphic Countenance"]. *Nashe nasledie* [Our Heritage], 2005, no 73, pp. 112–127. (In Russ.)

Krylov V.V., Kichatova E.V. *Izdatel'stvo "Academia": liudi i knigi. 1921–1938–1991* [Academia Publishing: People and Books]. Moscow, Academia Publ., 2004. – 336 p. (In Russ.)

Letopis' zhizni i tvorchestva O.E. Mandel'shtama [O.E. Mandelstam. Life and Works. A Chronology], 3rd rev. edition, eds A.G. Mets, S.V. Vasilenko, L.M. Vidgof, D.I. Zubarev, E.I. Lubiannikova, P. Mitsner. Saint-Petersburg, Internet-izdanie [Online edition], 2019. <https://imwerden.de/publ-5275.html>. (In Russ.)

Ril'ke i Rossiia. Pis'ma. Dnevniki. Vospominaniia. Stat'i. Stikhi [Rilke and Russia. Letters. Diaries. Memories. Articles. Poems], ed. K. Azadovskii. Saint-Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2003. – 656 p. (In Russ.)

Rilke und Russland. Briefe. Erinnerungen. Gedichte. Hrsg. von Konstantin Asadowski. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1986. – 659 S. (In Germ.)

Rolet S. Les éditions Academia et la littérature étrangère. *Le rapport à l'étranger dans la littérature et les arts soviétiques 1917–1944*. <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-0075926/document>. (In French)

Vidgof L. *Mandel'shtam i... Arkhivnye materialy. Stat'i dlia entsiklopedii. Raboty o stikhakh i proze Mandel'shtama* [Mandelstam and... Archived Materials. Encyclopedic Articles. Works on Mandelstam's Prose]. Moscow, Novyi Khronograf Publ., 2018. – 312 p. (In Russ.)

Vil'mont N. *O Borise Pasternake. Vospominaniia i mysli* [On Boris Pasternak. Memories and Soliloquies]. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1989. – 224 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию: 12.09.2021

Дата публикации: 20.11.2021

Received: 12.09.2021

Published: 20.11.2021

Сокрытый диалог двух классиков (Драйзер и красноармеец)

© 2021 С.И. Панов, О.Ю. Панова

УДК 82.091

https://doi.org/10.54791/27823792_2021_1_232_243

Hidden Dialogue of Two Classics (Dreiser and a Red Army Soldier)

© 2021 Sergei I. Panov, Olga Yu. Panova

Информация об авторах:

Сергей Игоревич Панов, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: sergeipanov@mail.ru

Ольга Юрьевна Панова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия; профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия. E-mail: olgapanova65@gmail.com

Ключевые слова: Теодор Драйзер, Ильяс Есенберлин, диалог писателей, Великая отечественная война, литература и пропаганда.

Аннотация: В статье восстанавливается контекст краткого текста «Ответ красноармейцу», входившего в советские собрания сочинений Теодора Драйзера. Устанавливается, на какое обращение откликнулся американский писатель, и раскрывается имя его адресата. Им оказался младший политрук Ильяс Есенберлин, который впоследствии стал плодовитым романистом, классиком советской казахской литературы, автором трилогии «Кочевники» и «Золотая орда».

Information about the authors:

Sergei I. Panov, PhD., Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: sergeipanov@mail.ru

Olga Yu. Panova, Doctor of Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: olgapanova65@gmail.com

Keywords: Theodore Dreiser, Ilias Esenberlin, dialogue of writers, German-Soviet war, literature and propaganda

Abstract: The article reconstructs the history and the context of a brief text "Reply to a Red Army Soldier" by Theodore Dreiser, included in his Soviet collected works. The article comments upon the letter that Dreiser answered, and gives information about its author, Ilias Esenberlin, a Red Army political instructor in 1941, who after war became a classic of Soviet Kazakh literature and a prolific novelist (trilogies *Nomads*, *The Golden Horde*).

сокрытый диалог двух классиков (драйзер и красноармеец)

4 июля 1942 г. в № 27 газеты «Литература и искусство» в подвале на первой полосе появился такой материал:

Ответ Теодора Драйзера красноармейцу

Американский писатель Теодор Драйзер получил из Действующей Красной Армии письмо-поэму. Прочитав опубликованное в нашей прессе высказывание Драйзера о солидарности с Советским Союзом и презрении к фашистским бандам, боец Красной Армии приветствовал американского писателя.

В ответ Драйзер прислал Союзу советских писателей следующее письмо:

«Глубоко тронут этой данью уважения; разумеется, я вполне оценил ее значение и искренно признателен. Не знаю, что еще сказать. Это произведение принадлежит к тем прекрасным творениям искусства, которые рождает жизнь.

Мир знает, как глубоко я восхищаюсь русским народом в целом и уважаю его и все, что сделано им для того, чтобы жизнь человечества стала более справедливой и достойной.

То, что такое письмо прислал мне один из героических бойцов Советского Союза, превосходит то, что я заслуживаю.

Я благодарен вам за это письмо и буду его бережно хранить.

Искренно ваш,

Теодор Драйзер».

Прочитанное в газете письмо (закавыченный текст) как самостоятельная заметка под тем же заглавием «Ответ красноармейцу» входило в советские издания Драйзера, начиная от первого 12-томника ГИХЛ – до сборника его нон-фикшн 1988 года¹. Отсутствие в примечаниях ко всем этим изданиям какого-либо пояснения, кроме указания: «печатается по тексту газеты», – лишило фрагмент и того минимального контекста, который он имел на газетной полосе («получил... письмо-поэму»). Неудивительно, что никакому фактологическому, биографическому истолкованию данный текст подвергнут быть не мог – годился лишь для риторического пропагандистского использования как особенно «трогательный» документ². Переписка Иностранной комиссии Союза советских писателей с Драйзером помогает прояснить эту историю.

¹ Драйзер Т. Жизнь, искусство и Америка. М.: Радуга, 1988. С. 353. В этом изд. по недоразумению указано, что текст приводится в переводе О. Миндрул.

² Анисимов И. Драйзер и его публицистика последних лет // Драйзер Т. Собр. соч.: В 12 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 12. С. 391.

с. и. панов, о. ю. панова

Во-первых, сохранилось само письмо красноармейца, пересланное с фронта через ряд инстанций в Союз писателей:

Дорогой начальник!

Только недавно я узнал о письме великого писателя Т. Драйзера. Это стихотворение было написано на следующий день, но отправить его своевременно мне не удалось. Посылаю его сегодня Вам (а также и другие свои стихи).

Прошу Вас, если считаете уместным, передать его Т. Драйзеру через нашу печать.

Мл. политрук И. Есенберлин.

Мой адрес: действующая армия, 557 – полевая почтовая станция, ВПУ, подразделение 3.

6.8.1941 г.³

Нападение Германии на СССР Драйзер прокомментировал в ряде заявлений, заметок и интервью, в том числе – направленных в советские организации и органы печати. Уже 2 июля 1941 г. «Правда» и «Известия» публикуют его краткую телеграмму:

Ничто не имеет большего значения для либеральной и демократической Америки, чем успех России в борьбе против Гитлера. Дело русских является всегда и везде подлинным делом демократии, ибо Россия уже сделала для простого человека больше, чем какая-либо другая страна в истории.

14 июля Драйзер послал телеграфом развернутый текст в Союз писателей; это была целая статья: «Ничто в истории человечества <...> не может сравниться по своему бессмысленному варварскому разрушению и смертоносности с ничем не оправданным нападением Гитлера на Советскую Россию» и т.д. Телеграфно же Драйзер приветствовал подписанное 12 июля советско-британское соглашение о «совместных действиях в войне против Германии». Во всех летних номерах 1941 г. «Литературная газета» публикует послания иностранных писателей в поддержку СССР – индивидуальные (например, от Т. Манна, Э. Синклера, Ж.-Р. Блока в № 29 от 20 июля) и коллективные (например, «Обращение американских деятелей науки, литературы и искусства» за 32 подписями в № 30 от 30 июля). Но развернутый текст Драйзера решено было поместить не в писательской газете,

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 26. Л. 93.

сокрытый диалог двух классиков (драйзер и красноармеец) а в центральной печати – статус автора в рейтинге зарубежных друзей СССР соответствовал уровню «Правды», в которой (вновь одновременно с «Известиями») 18 июля он и был напечатан на первой полосе⁴.

В конце июля номер «Правды» попал в руки младшего политрука, и он прочел такие знакомые по занятиям политграмотой рассуждения американского классика о советском народе, скинувшем столетиями тяготивший страну гнет кучки угнетателей, принявшем «социально-прогрессивную форму правления» и нашедшем радость в труде, стремлении «как к духовному, так и к материальному прогрессу и миру». Тут были слова и о «прекрасной программе, созданной Лениным» и развиваемой «выдающимся вождем и другом народов Иосифом Сталиным», и «гигантские начинания» и «социальная справедливость в семье народов, справедливость, которой, кроме как в СССР, не только никогда не достигал, но и о которой и не помышлял ни один народ, ни одна раса». Гитлер и Германия были изруганы последними словами за «варварское нападение на мирный народ». Еще недавно сдававший партминимум при приеме в ВКП(б) младший политрук понял, что и товарищ Драйзер смог бы выдержать ответственный экзамен. Политрук, кроме того, был молодым поэтом, и он знал, что поэты всех народов СССР в эти дни выражают свой гнев и веру стихами. Та же «Литературная газета» из номера в номер печатала прекрасные стихотворные отповеди «фашистским бандитам» в переводах с белорусского, еврейского, узбекского, азербайджанского, татарского и многих других братских языков, а ясные и звучные стихи Миколы Терещенко поместила прямо по-украински (№ 28 от 13 июля). Политрук был казахом, но чтобы не утруждать загруженных работой переводчиков, в этот раз он писал сразу по-русски. Как писать на русском языке казахские стихи, он знал – например, так, как с 1936 г. по всей стране звонко звучали песни орденоносного Джамбула, или как величаво текут строки в «казахском народном» произведении «Праздник Сталинской конституции»:

Новый закон гонцы привезли,
 В нем – радость для всех народов земли,
 В нем – слава побед величавых встает,
 В нем сердце сталинское живет!
 С ним будет могучей, как арстан,
 Союзной республикой наш Казахстан⁵.

⁴ Три текста Драйзера в поддержку СССР были перепечатаны в сдвоенном номере журнала «Интернациональная литература» (1941, № 7-8), вышедшем в августе. См. также письма Драйзера военных лет в: Иностранная литература. 1967. № 5. С. 143; 1970. № 5. С. 218.

⁵ Творчество народов СССР / Под ред. А.М. Горького, Л.З. Мехлиса. М.: Правда, 1938. С. 340.

Вся стихотворная подборка, приложенная к письму, до нас не дошла, но центральный текст – отклик на статью Драйзера – сохранился. Он написан не бодрыми ямбами или ритмичными 8-10-сложниками Джамбула, но более длинным «народным стихом» с парной рифмовкой, как в казахском треносе о Ленине:

Ленин! Как снежные горы, ты перед нами высок.
 Читит тебя освобожденный волей твоей Восток.
 . . . . .
 Пусть нас ведет закаленный в грозных боях большевик,
 Самый твой верный, любимый, самый родной ученик⁶.

Народная поэтическая образность («элегия природы», по словам автора) орнаментирует в стихотворении политрука четкое описание политической ситуации и важное значение поддержки справедливой войны СССР со стороны прогрессивной мировой общественности, в том числе «одного из титанов двадцатого века Теодора Драйзера, писателя-человека». Политграмотно расставлены акценты: «двухсотмиллионный советский народ – великан», Сталин у руля, враг будет уничтожен.

Теодору Драйзеру

Это было в солнечном Казахстане, лет десять тому назад
 Наступал вечер... Пели птицы... Где-то шумел водопад...
 Отдавшись элегии природы, среди живописных гор –
 Стоял я опьяненный. Вдруг случайно упал мой взор:
 Передо мною, на синем фоне неба, чернела одинокая скала,
 На ее далекую вершину, усталый охотой с утра, –
 Летел стремительно, властелин воздуха, орел молодой.
 Там, в холодном просторе, надеясь найти отдых и покой...
 Задумался я: почему этому орлу доступно так легко,
 То, что остальным птицам невозможно или далеко?
 Но мой юный ум ответил: потому что он
 Для полета на такие вершины могучими крыльями вооружен.
 Этот эпизод оставил в моем сознании глубокую печать.
 Когда я окреп и стал о подвигах мечтать,
 Чтобы понять диалектику бытия, он мне сравнением служил,
 И я о единстве жизни и мышления так заключил:
 Человеческая мысль – вершина, но не неподвижна, как та скала,

⁶ Там же. С. 78.

сокрытый диалог двух классиков (драйзер и красноармеец)

А растуца, самой живописью жизни создана.
С переходом веков, чем выше поднимаемся мы по ней, –
Тем она идет вверх круче и быстреей.
Нам, этой вершины живым творителям-людям
Выше и выше подняться по ее сияющим ступеням
Надо крылья сильнее чем у орла,
Этими крыльями должны быть: труд и борьба.

И вот... –

когда упорным трудом и неустанной борьбой достигли мы
Социализма, – одной из блестящей ступеней человеческой мысли,
Напал на нас нацизм. Его «фюрер» Гитлер-идиот,
Переименовав свой авантюризм в «крестовый поход»,
Натравил на нас Антонеску, Маннергейма и прочих собак,
Но не удался «блицкриг», поднялся народный грозный кулак. –
Раздались крики возмущенных, как весенний гром:
«Победа Советскому Союзу! – Фашизму разгром!»
Среди них: одного из титанов двадцатого века,
И письмо Теодора Драйзера, писателя-человека.
Сердце бьется от волнения... Лучшие люди мира с нами!
Охватывает радость, она крепит веру... Ее хочется выразить словами:
Одна судьба у экипажа одного корабля,
Когда капитан этого корабля великий Сталин у руля,
Его экипаж – двухсотмиллионный советский народ – великан,
С объединенным оружием врагов фашизма всех стран,
Уничтожить его на той земле, куда напасть он смел!
Верьте в это, ведь воля появляется там, где цель!

Ильяс Есенберлин⁷

В Союзе писателей оценили пришедшие с фронта стихи, правда, публиковать в центральной печати произведение самодеятельного автора сочли неуместным, но решили использовать этот факт в диалоге с «лучшими людьми мира», сообщив «писателю-человеку» о том, какой живой отклик нашло его заявление в поддержку СССР. В середине сентября 1941 г. заместитель председателя Иностранной комиссии Союза писателей СССР М.Я. Аппетин подготовил Драйзеру письмо:

⁷ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 26. Л. 94–95.

С. И. ПАНОВ, О. Ю. ПАНОВА

Дорогой мистер Драйзер,

Пользуясь случаем еще раз поблагодарить Вас за Вашу телеграмму, посылаю Вам полученное мною для Вас письмо из Действующей Армии. Автор письма красноармеец прочитал в газете Вашу телеграмму. Она вдохновила его на поэму, которую он просит Вам переслать. Поэма-письмо состоит из трех частей. В первой части автор дает картину вечера в Казахстане – живописные горы, очаровательная природа, скала, чернеющая на фоне синего неба.

На недоступную вершину скалы стремительно прилетает могучекрылый молодой орел – властелин воздуха.

Во второй части автор сравнивает человеческую мысль с вершиной, но не неподвижной как скала, а растущей, поднимающейся все выше. Чтобы подняться по ее сияющим ступеням, надо еще более могучие, чем у орла, крылья – труд и борьба.

В последней части письма-стихотворения говорится о нашей стране, которая упорным трудом и борьбой достигла высокой ступени развития. На нее нападает фашизм. Раздаются крики возмущения и голоса: «Победа Советскому Союзу! – Фашизму разгром!»

Среди них: одного из титанов двадцатого века, –

Письмо Теодора Драйзера, писателя-человека

Сердце бьется...и т.д. ....крепит веру...

Эти бесхитростные сердечные строки выражают Вам благодарность тех, кто с оружием в руках бьется за свою родину и за свободу народов, за уничтожение фашистской гадины.

С сердечным приветом,

Мих Аплетин (подпись)⁸

19 сентября был подготовлен английский перевод письма – уже за подписью секретаря ССП А.А. Фадеева:

Dear Mr. Dreiser: —

I want to thank you once again for your cable and at the same time to send you a letter addressed to you which I received from one of our men in the army. The writer of the letter, a rank-and-filer of the Red Army, read your cable printed in our press and it inspired him to a poem which he asks us to forward to you.

The poem-letter consists of three parts. The first part describes an evening in Kazakhstan: the beautiful mountains, the rich, enchanting nature and a rock which dims black against the blue sky.

⁸ Там же. Л. 127.

сокрытый диалог двух классиков (драйзер и красноармеец)

Armed with mighty wings, a young eagle – master of the air – tempestuously flies towards the inaccessible summit of the rock.

In the second part the author compares the human mind to the summit, but not as immobile as is the rock, but as a growing, ever rising factor. In order to rise to its dazzling heights one needs still mightier wings than the eagle's – labor and struggle.

The poem-letter speaks of our country which by persistent labor and struggle has reached a high stage of development. Fascism has attacked her. Voices full of indignation and fury are heard: "Victory for the Soviet Union! Down with the fascism!"

"Among them the voice of one of the titans of the twentieth century – that of Theodore Dreiser, the Writer and Man".

"The heart beats faster at the thought that the best minds of humankind are with us... The heart is overfilled with joy, and that strengthens our confidence..."

These simple ardent lines reflect the thanks of those who with guns in their hands fight for their fartherland and for the freedom of nations, for the extermination of the fascist reptile.

Sincerely yours,
*A. Fadeev*⁹

Драйзер был тронут, хотя и не смог вполне оценить поэтическое произведение красноармейца; 11 декабря 1941 г. писатель отвечал советским товарищам:

Dear Mr Apletin:

You do not give me the name of the Russian soldier who wrote the exquisite poem which you describe, and as I have no knowledge of Russian, I can not even make out his name.

None-the-less, from the quality of your own interpretation of what he wrote, I am satisfied that the original must be all that you convey.

I am deeply moved by this tribute, of course – fully appreciative of its importance, and therefore, grateful indeed. But what more to say I do not know. It belongs with all the aesthetic and beautiful things that life produces.

⁹ Там же. Л. 104–105.

С. И. ПАНОВ, О. Ю. ПАНОВА

The world knows how deeply I admire and respect the Russian people as a whole, and their contribution to the equality and the dignity of life.

That such a letter should come to me from a hero of the Soviet Union, is much more of a tribute than I feel I deserve.

None-the-less, I am grateful to you for sending it to me and will treasure it accordingly.

Very truly yours,
Theodore Dreiser¹⁰

В условиях войны и эвакуации ответ Драйзера был получен лишь 21 июня 1942 г. (помета Союза писателей), переведен и с опущением первых двух абзацев («Вы не назвали мне фамилии русского солдата, написавшего чудесную поэму, о которой вы мне пишете, а так как я не знаю русского языка, я даже не мог разобрать его фамилию. — Все же, судя по достоинствам которыми отличается ваше изложение того, что им написано, я уверен, что оригинал несомненно соответствует данной вами оценке») опубликован 4 июля в газете «Литература и искусство», о чем Аpletin известил писателя телеграммой: «Thanks for beautiful letter acknowledging receipt letter poem stop [= тчк] Not knowing address of author Red Army man we published your answer in newspaper literature and art — Greetings — Michael Apletin»¹¹.

На этом локальный сюжет заочной переписки Драйзера с младшим политруком, по всей видимости, завершился. В корпусе советских текстов Драйзера «Ответ красноармейцу» занял достойное место – наряду с юбилейными приветствиями СССР, благодарственным письмом Союзу писателей за присылку иллюстрированного издания «Слова о полку Игореве», соболезнованием по поводу смерти М. Горького, «Письмом к советской молодежи» и проч. Сложившийся канон публицистики «русского Драйзера» заметно отличается от американского¹², и не только за счет того, что многие оригинальные статьи не удовлетворяли требованиям советских издателей, излишне усложняя и запутывая образ «писателя-человека», но и потому, что более десятка текстов присутствовали лишь в советской периодической печати (а затем – в советских же собраниях сочинений). Такая ситуация характерна для ряда «советских зарубежных классиков»¹³ – как сказано в комментариях к тому публицистическим

¹⁰ Там же. Л. 121.

¹¹ Там же. Л. 117.

¹² См., напр.: *Theodore Dreiser. Political Writings*, ed. J. Davis. Urbana; Chicago, University of Illinois Press, 2011; *Theodore Dreiser. Interviews*, eds D. Pizer. F.E. Rusch. Urbana; Chicago, University of Illinois Press, 2004.

¹³ См. об этом феномене, например: *Панова О.Ю., Панов С.И. Теодор Драйзер – «советский зарубежный классик» // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 4. С. 249–262.*

сокрытый диалог двух классиков (драйзер и красноармеец) статей другого титана XX века, – «Эта статья, как и последующие, публиковавшиеся в советской прессе 30-х годов, во французские издания не включалась»¹⁴.

А что же корреспондент Драйзера, младший политрук Ильяс Есенберлин? Оцифрованные документы Министерства обороны СССР, представленные в интернете в рамках проекта «Память народа»¹⁵, дают возможность легко идентифицировать этого красноармейца и представляют материалы о его недолгом, но достойном боевом пути.

Есенберлин Ильяс, казах, родился 10.01 (вариант: 07.08).1915 в Аتبасаре, уездном городе в Северном степном Казахстане, с 1939 г. – райцентр Акмолинской обл. Казахской ССР. Был призван в армию в октябре 1940 г. Фрунзенским райвоенкоматом Алма-Аты. Член ВКП(б). С момента призыва в армию до лета 1941 г. как партиец проходил обучение в военно-политическом училище в Риге (не окончил). В 1941 г. воевал на Северо-Западном фронте в звании младший политрук; 16 сентября 1941 г. был тяжело ранен, из других источников известно, что долго лечился в госпитале в Костроме, дата окончания службы в действующей армии – январь 1942 г., в составе 46 танкового полка 184 мсд. Со второй половины 1942 г. – в Алма-Ате, в должности инструктора партийных кадров ЦК ВКП(б) Казахстана. Составленный Алма-Атинским военкоматом наградной лист фиксирует основные эпизоды боевого пути Есенберлина.

Награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденом «Отечественной войны» II степени¹⁶. Последнее воинское звание – капитан. Дата выбытия (смерти): 06.09.1983.

Военная биография младшего политрука Есенберлина была лишь началом его большого жизненного и творческого пути, к концу которого ему предстояло стать классиком казахской литературы. Его именем названы улицы в Аتبасаре, Алма-Ате, Астане (Нурсултане), ему поставлены памятники, а тиражи его книг превышают 8 млн экз.

¹⁴ Роллан Р. Собр. соч.: В 14 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 13. С. 503 (коммент. Т.В. Балашовой).

¹⁵ <https://pamyat-naroda.ru/heroes/>; то же: «Подвиг народа» – <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome>

¹⁶ Ср.: Неизвестный орден Ильяса Есенберлина: о какой награде писатель так и не узнал. <https://elitar.kz/ru/materialy/news/neizvestnyy-orden-ilyasa-yesenberlina-o-kakoy-nagrade-pisatel-tak-i-ne-uznal>. С достаточной долей уверенности можно сказать, что не узнал он и о том, что его ранние стихи стали известны адресату и вызвали сочувственный отклик Драйзера.

Все графы передать властям

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

МЕДАЛЬ
За боевые заслуги

- Фамилия, имя и отчество: **ЕСЕНБЕРЛИН Ильдос**
- Звание: **младший политрук**
- Должность, часть: **Инструктор отдела партийных кадров Центрального Комитета КП Казахстана.**
- Представляется к: **Правительственной награде**
- Год рождения: **1915**
- Национальность: **Кавказ**
- Партийность: **Член ВКП(б)**
- Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда): **на Северо-Западном направлении с 23.6.41 по 16.9.41г.**
- Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне: **сквозное пулевое ранение в ногу**
- С какого времени в Красной Армии: **с Октября 1940 г.**
- Какие РВК призван: **Фрунзенском Райвоенкомвом гор.Ады-Ата, Казакской ССР**
- Чем ранее награжден (за какие отличия): **Наград не имеет**
- Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

3

I. Крайнее, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Младший политрук **ЕСЕНБЕРЛИН Ильдос** - участник отечественной войны.

8 июня 1941 года на подступах к гор.Пскову лично руководил группой бойцов по выявлению диверсионтов - сигнальщиков, сброшенных с самолетов. Диверсанты-сигнальщики были задержаны и доставлены в комендатуру гор.Пскова.

14 сентября 1941 года у ст. лично руководил группой бойцов по подавлению огневых точек противника. За умелое выполнение задания часть бойцов и лично **ЕСЕНБЕРЛИН** представлялись к правительственной награде.

16 сентября 1941 года при наступлении руководил в боях в деревне, где был тяжело ранен.

Достоин правительственной награде "МЕДАЛЬ ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ".

АДМА-АТИНСКИЙ ОБЛВОЕНКОМ НАЧАЛЬНИК ПОЛИТОТДЕЛА ОБК
МАИОР (МОШКИН) *Майор* **МАНОР (ЧЕБОТАРЕВ)**
 Коллежский (начальник) *Майор* (полковник)

194 г.

В 1940-е Есенберлин выступает как казахский поэт (поэмы «Айша», «Султан», сборник стихотворений «Песни благородства»), а с 1950-х переходит на прозу, оставив после себя около 20 романов, в том числе две исторические трилогии – «Кочевники» и «Золотая Орда». Вторая книга первой трилогии легла в основу монументального франко-казахского (с участием

сокрытый диалог двух классиков (драйзер и красноармеец) кинематографистов России и США) фильма «Кочевник» (2005), с успехом прошедшего во многих странах мира. Многотомные собрания сочинений Ильяса Есенберлина изданы на казахском и русском языках.

Литература

Анисимов И. Драйзер и его публицистика последних лет // Драйзер Т. Собр. соч.: В 12 т. Т. 12. М.: ГИХЛ, 1955. С. 373–392.

Драйзер Т. Жизнь, искусство и Америка. Статьи, интервью, письма. М.: Радуга, 1988.

Панова О.Ю., Панов С.И. Теодор Драйзер – «советский зарубежный классик» // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 4. С. 249–262.

References

Anisimov I. Dreiser i ego publitsistika poslednikh let [Dreiser and Political Writings of His Last Years]. In Dreiser T. *Collected Works in 12 vols*. Vol. 12, Moscow, GIKHL Publ., 1955, pp. 373–392. (In Russ.)

Dreiser T. *Zhizn', iskusstvo i Amerika. Statii, interviu, pis'ma* [Life, Art and America. Article, Interviews, Letters]. Moscow, Raduga Publ., 1988. (In Russ.)

Panov, S.I., Panova, O.Yu. Theodore Dreiser - "Sovetskii zarubezhnyi klassik" [Theodore Dreiser as a "Soviet Foreign Classic"]. *Filologicheskii Klass*, 2021, vol, 26, no. 4, pp. 249–262. (In Russ.)

Theodore Dreiser. Interviews, eds D. Pizer. F.E. Rusch. Urbana; Chicago, University of Illinois Press, 2004.

Theodore Dreiser. Political Writings, ed. J. Davis. Urbana; Chicago, University of Illinois Press, 2011.

Дата поступления в редакцию: 10.09.2021

Дата публикации: 20.11.2021

Received: 10.09.2021

Published: 20.11.2021

Анна Ахматова на иврите

© 2021 Аминадав Дикман

УДК 82.091

https://doi.org/10.54791/27823792_2021_1_244_253

Anna Akhmatova in Hebrew

© 2021 Aminadav Dykman

Информация об авторе:

Аминадав Дикман, профессор Еврейского университета в Иерусалиме, член Академии языка иврит, Израиль. E-mail: aminadav.dykman@mail.huji.ac.il.

Ключевые слова: Анна Ахматова, поэтический перевод, литература на иврите, Л. Яффе, Рахель, Элишева, А. Шлионский, Л. Гольдберг, Э. Зусман.

Аннотация: Представлен очерк вековой истории переводов стихотворных произведений Анны Ахматовой на иврит, начиная с 1920-х годов, когда ее стихотворения переводили Арье-Лейб Яффе, Рахель, Элишева. Вехами в этой истории стали антологии «Русская поэзия» (1942), отдельное издание стихов в переводе Эзры Зусмана (1970). В конце XX века и в 2000-е годы появился ряд отдельных изданий и подборок переводов в антологиях, новое поколение ивритских поэтов продолжает обращаться к Ахматовой, помещая переводы в печати и на интернет-сайтах.

Information about the author:

Aminadav Dykman, Professor at the Hebrew University of Jerusalem, fellow of the Academy of Hebrew Language, Israel. E-mail: aminadav.dykman@mail.huji.ac.il.

Keywords: Anna Akhmatova, poetic translation, literature in Hebrew, L. Jaffe, Rachel, Elisheva, A. Shlionsky, L. Goldberg, E. Sussman,

Abstract: The essay presents a hundred year history of Anna Akhmatova's poetic work into Hebrew beginning with the 1920s, when her poems were translated by Arie-Leib Jaffe, Rachel, Elisheva. Milestones on the way were anthologies *Russian Poetry* (1942) and a book edition of poems translated by Ezra Sussman (1970). In the end of the XXth century and in the 2000s there appeared several editions and collections of translations in anthologies. A new generation of Hebrew poets continue to make Akhmatova's translations and publish them in press and online.

Не будет преувеличением сказать, что еще одно-два поколения назад и на протяжении предшествующего столетия вся художественная литература на иврите следовала образцам русской литературы. Достаточно вспомнить, что в начале своего литературного пути ивритский национальный поэт Хаим Нахман Бялик размышлял о Пушкине и Лермонтове, что Йосеф Хаим Бреннер, центральная фигура в прозе на иврите, создавая свои повести и романы, думал о Достоевском, а сочиняя критические статьи – о Белинском. Подавляющее большинство ивритских поэтов, начиная с середины XIX века и кончая первой третью века XX, были уроженцами Российской империи и так или иначе были непосредственно знакомы с русской словесностью. Также существенная часть читавшей их публики знала русский язык и литературу на нем. Начиная со второго десятилетия и по конец 60-х годов XX века газеты и литературные журналы на иврите буквально ломались от обилия русского материала: переводы, статьи, хроникальные сообщения о литературной жизни в России и потом в СССР.

Не задаваясь целью обрисовать полную картину присутствия ахматовской поэзии в ивритской литературе, перечислю лишь вехи этой богатой и разнообразной истории.

Началом перевода стихов Ахматовой на иврит стал 1921 год, и этот первый период длился лет тридцать-сорок. В номере от 11 февраля 1921 г. в газете «Га-Арец», на третьем году ее издания, под рубрикой «Из стихов Анны Ахматовой» был напечатан перевод стихотворения «Сжала руки под темной вуалью»¹. Переводчиком, не указавшим своего имени, был сионистский деятель, редактор и переводчик Арье-Лейб Яффе (1876–1948), который в то время был редактором этой газеты. Русскому читателю Яффе был известен как инициатор и редактор (совместно с Владиславом Ходасевичем) «Еврейской антологии» (Москва, 1917)². Ивритскому читателю наших дней перевод Яффе покажется устаревшим, но – что удивительно! – устаревшим лишь слегка. Синтаксис кое-где отличается от современного, вышла из употребления форма некоторых слов, однако в целом стихотворение читается легко. Сравнение с подлинником тотчас обнажает свойственные Яффе принципы перевода, которыми руководствовались люди его поколения: прежде всего, сохранить размер и характер рифмовки, тогда как точность в передаче содержания важна гораздо менее. Намерение во что бы то ни стало соблюсти размер стиховой строки вынудило переводчика опустить ряд деталей оригинала и добавить кое-что от себя. Более всего пострадала от

¹ См.: *Тименчик Р.* Ахматова и Ветхий Завет. (Десятые годы) // *Jews and Slavs. Vol. 4.* Jerusalem, 1995. P. 239, 250.

² *Лавров А.В.* Лейб Яффе и «Еврейская антология»: К истории издания // *Лавров А.В.* Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 516–535.

этого вторая строфа: конкретную констатацию Ахматовой «Я сбежала, перил не касаясь, / Я бежала за ним до ворот» Яффе заменил туманной парафразой:

"בְּרוּצֵי־אֶחָרָיו לֹא יֵדְעֵנִי נַפְשִׁי / בְּרֻחוֹב הַשְּׁזִיבוֹתֶיךָ"

(«Сбегая за ним, я не знала себя, / На улице нагнала его, дрожая».) С другой стороны, необходимость добавлять в перевод слова с целью набрать требуемое размером число слогов, привела к ненужному удвоению. Так, вместо эпитета «бледна» в переводе читаем "אֶלְמָה־חַוְרָה", т.е. «нема и бледна», вместо слова «шутка» в третьей строфе в переводе снова находим два слова: "שְׂחֹק וּמְשָׁגָה", т.е. «смех и ошибка». И так же в последней строке: вместо «не стой на ветру» – "קוֹרֵר לְכִי לְהִרְדֵּךְ", т.е. «холод и ветер – иди к себе в комнату». Однако при всех этих недостатках, которые обнаруживаются лишь при тщательном сопоставлении перевода и подлинника, перевод Яффе сохранил от стихотворения больше, чем потерял.

Две самые важные в истории новой ивритской поэзии поэтессы – Рахель и Элишева – связаны с рецепцией Ахматовой в первой четверти XX столетия. Поэтесса Рахель (Рахель Блювштейн; 1890–1931) была, без сомнения, самой известной женской фигурой в новой поэзии на иврите³. Ее популярности способствовала также трагичность судьбы: приехав в 1907 году в Палестину и решив там остаться, она поселилась в земледельческой колонии на берегу озера Кинерет и в 1913-м уехала в Тулузу получать агрономическое образование. Она провела там около года, познакомилась с поэтессой Марией Шкапской, которая училась в том же городе, а летом поехала ненадолго в Россию, но ее визит затянулся на все годы Первой мировой войны. Во время войны Рахель безвозмездно обучала детей еврейских беженцев, осевших в Брянске и Саратове, и, как видно, тогда заразилась от них туберкулезом легких. В 1919 году вернулась в Палестину с группой центральных фигур той волны иммиграции, которую принято называть *третьей алией*, и в ту же земледельческую коммуны Дгания на берегу Кинерета. Но болезнь развивалась быстро, и товарищи изгнали ее из коллектива. Несколько лет она кочевала с места на место, пытаясь излечиться в Палестине, и, наконец, умерла в нищете и почти в полном одиночестве в Тель-Авиве. За небольшой срок пребывания в Палестине она выпустила три поэтических сборника и опубликовала несколько рецензий в газете социалистического толка «Давар». Ее стихи очень полюбилися читателям, и со временем Рахель прочно заняла центральное место в литературном каноне на иврите. Читатели нескольких поколений читали и заучивали ее стихи и слушали их как песни, созданные разными композиторами.

³ Копельман З. Еврейские скрижали и русские вериги. (Русский голос в творчестве ивритской поэтессы Рахели) // Новое литературное обозрение. 2005. № 73. С. 117–138.

Рахель переводила немного, однако ее переводы были известны не менее, чем ее стихи. С русского языка она перевела отдельные тексты Пушкина, Анненского, Ходасевича, Есенина, два стихотворения Шкапской и четыре – Ахматовой: «Песню последней встречи», «Где, высокая, твой цыганенок», «Помолись о нищей, о потерянной» и «Тяжела ты, любовная память». Замечу, что Ахматова знала об этих переводах, хотя известие об этом пришло к ней через много лет после смерти переводчицы⁴.

Эти переводы также выполнены в соответствии с принятыми в то время принципами, и снова форма не раз сохраняется за счет содержания. Сравнение этих переводов с оригиналами показывает, что Рахель позволяла себе пропуски и изменения текста, что вполне укладывалось в норму поэтического перевода той эпохи, однако она также допускала изменения в размере и рифмовке, что нарушало эту норму. Так, при переводе стихотворения «Где, высокая, твой цыганенок» она не перевела слова «цыганенок», поскольку на иврите уменьшительно-ласкательная форма практически невозможна, и оставила лишь «черный ребенок», "לד שחור", а во второй строфе того же стихотворения заменила Магдалину *ангелами в Райском саду*.

С другой стороны, в довольно точном в плане содержания переводе стихотворения «Помолись о нищей, о потерянной» она изменила размер и не зарифмовала четные строки:

"התפלל עלי, על נפשי החולה / עול נפשי, האובדה נויבאה"

т.е. «обо мне помолись, о душе больной, / о пропащей, нищей душе». Несмотря на все эти частности, которые при педантичном подходе к теории перевода можно счесть недостатками, переводы Рахели оказались более чем удачными, поскольку передавали то ускользающее, трудноуловимое, что принято называть «тональностью». Их тональность и впрямь совершенно ахматовская. По крайней мере, ивритской публике они очень нравились.

Во многих отношениях, во всяком случае, в восприятии читателей, близка к Рахели поэтесса Элишева, или, как она звалась изначально, Елизавета

⁴ *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой// Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 4. Симферополь, 2006. С. 169; ср.: «Число переводов из Ахматовой не превышает числа ее [Рахели] переводов из Франсиса Жамма или Шарля Ван Лерберга, тем не менее строки из стихов русской поэтессы чаще появляются в черновиках и в письмах Рахели, например, на листке с пометой "1929" она записала: "Одной надеждой меньше станет, Одною песней больше будет", не совсем точно цитируя строки стихотворения "Я улыбаться перестала..." из раскритикованной ею "Белой стай". <...> "...Кстати, — спрашивает она в письме Сару Мильштейн, — рассказывала ли я тебе, что купила у книжника, поторговавшись, за 4 гроша, стихи... Ахматова – Белая стая, – о которых мечтала несколько лет. Однако выяснилось после этого, что большинство моих самых любимых стихов входят как раз в *Четки*, ее первую книгу. Странно: вместо того, чтобы подниматься – спуск"» (*Копельман З.* Еврейские скрижали и русские вериги. С. 137).

Ивановна Жиркова (1888–1949)⁵. Элишева, как и Рахель, относится к первому поколению поэтов в новояврейской поэзии. Ее необычная судьба привлекала к ней всеобщее внимание: русская и христианка, она выучила идиш и иврит, и ее неоднократно называли «Руфью с берегов Волги», хотя она никогда не имела намерения перейти в иудаизм. На долю Элишевы выпало несколько лет крупного литературного успеха: она вышла замуж за ивритского литератора Шимона Быховского, который ради издания ее книг основал в Палестине свое издательство. Элишева перевела на русский язык несколько рассказов важных для ивритского литературного процесса авторов, а ее собственные стихи и проза на иврите были хорошо приняты и сделали ее знаменитой. Все благоденствие вмиг закончилось со смертью ее мужа в 1932 году. Элишеву стали забывать, источники литературного заработка иссякали, и в конце концов она умерла, одинокая и больная, в жалком бараке в Тель-Авиве.

В 1927 году, через два года после переезда в Палестину, Элишева опубликовала в еженедельнике «Ктувим», органе молодой ивритской писательской организации, небольшую статью «Анна Ахматова – ее поэзия и поэтика», которая, несомненно, заслуживает похвалы за взвешенное и точное изложение, за множество тонких наблюдений, которые позднее не раз были отмечены также российской критикой. Элишева представила Ахматову как первую женщину-поэта в современной русской поэзии, оговорив, что ни Зинаида Гиппиус, ни Мирра Лохвицкая не могут претендовать на эту честь, что ее достойна только Ахматова, поскольку ее поэзия и ее женственность неразделимы.

В качестве примеров Элишева привела в своем переводе три стихотворения полностью и одно – частично. Эти переводы лишены метра и рифмы, а деление текста на строки соответствует подлиннику. Подобная техника перевода принципиальным образом отличалась от принятой в то время при поэтических переводах на иврит. Как правило, даже поэтические фрагменты, приводимые в статьях или книгах, предлагались читателю с соблюдением метра и рифмовки. Аналогичным образом поступила Элишева и при цитировании стихов Блока в написанной ею большой статье «Человек и поэт: Александр Блок», изданной также отдельной книжечкой в 1929 году. Попутно замечу, что когда тем же методом попробовал воспользоваться другой переводчик и перевел прозой стихи Гейне, старший и более авторитетный поэт Шаул Черниховский подверг его критике, требуя, чтобы переводы стихов передавали метр оригинала.

Следующей вехой в истории переводов Ахматовой на иврит стало знаковое событие в ивритской литературе. В 1942 году в Тель-Авиве вышла поэтическая антология под названием «Русская поэзия». Инициаторами

⁵ См.: Копельман З. Элишева: секрет успеха // Вестник Еврейского университета. 1999. № 1 (19). С. 159–177.

издания были Авраам Шлионский и Леа Гольдберг, два главных поэта ивритского модернизма, утвердившегося в поэзии примерно двумя десятилетиями позже русского. «Русская поэзия» была заявлена как первый том в серии антологий, представляющих на иврите поэзию разных стран и народов, однако так и осталась единственной. Подавляющее большинство переводов в ней было выполнено поэтами-модернистами, и лишь отдельные стихи были переведены поэтами предшествующего литературного поколения.

Антология содержала стихи тридцати четырех поэтов, начиная с Владимира Соловьева и включая мало заметного Н.И. Незлобина (1891–1951). Главное место в ней отводилось Блоку, Маяковскому и Есенину. Ахматова была представлена переводами восьми стихотворений, два из которых принадлежали Рахели. Шесть остальных перевели Шлионский (три перевода), Леа Гольдберг (два перевода) и начинающая переводчица поэзии Тамар Должанская. Самым опытным из них был, разумеется, Шлионский, на счету которого к тому времени был полный перевод «Евгения Онегина», до сих пор считающийся ивритской классикой.

Шлионский виртуозно владел искусством поэтической формы, хотя стихи Ахматовой не позволяли ему в должной мере им блеснуть, как, скажем, перевод «Двенадцати» Блока или стихов Маяковского. Однако и его переводы из Ахматовой не лишены этого блеска. Например, перевод первых двестишты в стихотворении «Сероглазый король» звучит так:

אפור המלך הוא מת / מפלט אין דאבון, לך בשח המבט //
 ערב של סתו מְחַנֵּק, חכלילי. / שב ואמר בשלֵוה בעלי"

Значение этих переводов, на мой взгляд, – в том отклике, который они вызвали. Целое поколение, а то и два, выросло на стихах «Русской поэзии», многочисленные свидетельства чему мы находим в воспоминаниях о той поре. Важно отметить, что эта антология впервые представила Ахматову в более широком контексте русской поэзии «серебряного века».

Следующей вехой в истории переводов Ахматовой на иврит следует назвать вышедший в 1970 году отдельный сборник с переводами ее стихов. Все переводы были выполнены поэтом Эзрой Зусманом (1900–1970)⁶. Замечу, что, строго говоря, Зусман, начинавший свой путь в литературе еще в Одессе (под псевдонимом Александров), был и остался писавшим на иврите русским поэтом. Он начал публиковаться на иврите в 1928 году, через шесть лет по приезде в Палестину, однако свой первый поэтический сборник выпустил много позже, лишь в 1968 году.

⁶ См. о нем: *Тименчик Р.* Деталь двойного назначения // Лехаим. 2006. Май. № 5 (169).

Книга стихов Ахматовой на иврите, обложку которой украшал известный рисунок Модильяни 1911 года, содержала 80 переводов, в том числе полностью «Реквием», который незадолго до того вышел на иврите отдельной книжкой. Переводы Зусмана необходимо рассматривать как часть всей его культурной деятельности. Он выступал как литературный и театральный критик, как переводчик и как один из лучших израильских культуртрегеров. Благодаря Зусману израильтяне узнали поэзию Манделштама и Бродского, каждому из которых Зусман посвятил в 70-е годы отдельный сборник переводов. Правда, судьба переводов Зусмана была незавидной: читатели хранили верность классическим переводам Рахели, Гольдберг и Шлионского. И хотя то были лишь считанные стихи Ахматовой, переводы Зусмана читались без восторга. Это можно объяснить тем, что Зусман силился сохранить на иврите как можно больше из того, что было заключено в русском подлиннике. Результатом этого почти героического усилия стали строки и фразы, которые нарушали нормативное строение и струение иврита и выглядели по меньшей мере странно. Но переводы Зусмана оказались полезны тем, *кто понимает*. Покойная Нили Мирски, выдающаяся переводчица с русского языка, переводившая Толстого, Чехова, Платонова и других, поведала мне, что по-настоящему познакомилась с поэтессой Ахматовой именно благодаря переводам Зусмана.

Через двадцать лет после сборника Зусмана стихи Ахматовой увидели свет в антологии «Современная поэзия», составленной и переведенной Биньямином Грушовским-Харшавом (1928–2015). Харшав был академическим исследователем⁷ в области ивритской литературы, теории стихосложения и компаративистики, а также поэтом на идише и на иврите. Он много занимался поэтическим переводом и даже разработал тут свою теорию. Будучи одним из вдохновителей эстетического переворота, произошедшего в ивритской поэзии в середине 50-х годов, Харшав, естественно, призывал отказаться от того отношения к ивриту, которое отличало литераторов предшествующего поколения. На практике это было стремление сделать литературный иврит как можно ближе к разговорному, искоренить приподнятый стиль и употребление лексики и морфологии с отчетливо архаичной, как правило, библейской, окраской. Критический взгляд на антологию «Русская поэзия» помог понять, как важно было вписать стихи Ахматовой в широкий контекст мирового модернизма.

Антология Харшава содержит 18 стихотворений Ахматовой, среди них пять, которые были переведены заново, как бы в пику прежним и ставшим классическими переводам (таким, как «Сероглазый король» и «Настоящую нежность не спутаешь» в переводе Шлионского). К сожалению, я вынужден признать, что эти переводы Харшава представляют исключительно академический интерес. Переводчик сумел выполнить поставленную задачу и добился того, чтобы языковой регистр перевода соответствовал регистру оригинала, однако он даже близко не смог передать свободно льющуюся поэтическую речь Ахматовой. Слишком часто его явные лингвистические усилия привели к тому, что стихотворение в стилистическом отношении напоминает лоскутное одеяло и читается с трудом. Антология Харшава получила не много критических откликов, и все оценили ее как слабую, отметив те же недостатки.

В 2000 году в Тель-Авиве вышла книга переводов поэзии Ахматовой, сделанных известным переводчиком Шломо Эвен-Шошаном. Уроженец Минска, Шломо Эвен-Шошан (1910–2005) был братом лексикографа, составителя толкового словаря иврита. Эвен-Шошан опубликовал в разное время поэтические переводы из Евтушенко, Цветаевой, Мандельштама и Переца Маркиша. Его новая книга содержала 79 стихотворений Ахматовой, но критика обошла ее молчанием. К сожалению, я вынужден признать, что переводы Эвен-Шошана оказались несостоятельными при обоих подходах: они не достигли точности и совершенства языка модернистов, но и никоим образом не смогли приблизиться к поэтическому стилю современной ему израильской поэзии.

⁷ В издательстве «Текст» в Москве в 2008 г. вышла книга Харшава «Язык в революционное время» (перевод с англ. Любви Черниной).

В 2002 году я выпустил антологию поэзии русского «серебряного века» «Век мой, зверь мой», в которую включил 59 переводов из Ахматовой. Я старался не отдаляться от традиции ивритских переводчиков-модернистов. Если верить критике, мой опыт удался не вполне: часть критиков по-прежнему предпочитала переводы из антологии 1942 года «Русская поэзия». Моей книге придают ценность примечания, которые я писал, консультируясь с проф. Романом Тименчиком.

В 2007 году томик стихов Ахматовой выпустила переводчица Мири Литвак. Эти 50 переводов явились частью более общего ее проекта, включающего сборники Блока, Цве-

таевой и Мандельштама. Ограничусь одним общим замечанием: у многих переводчиков, приехавших в Израиль в 1970-е и позже, иврит выглядит неорганично, *не по-ивритски*, хотя переводчики к этому не стремились.

В последние годы не было специальных книг со стихами Ахматовой, однако молодежь, приехавшая в Израиль в 90-е годы, не забыла Ахматову и публикует свои переводы в журналах и в интернете. Так что традиция перевода Ахматовой прожила в иврите почти непрерывно уже ровно сто лет.

Литература

Копельман З. Еврейские скрижали и русские вериги. (Русский голос в творчестве ивритской поэтессы Рахели) // Новое литературное обозрение. 2005. № 73. С. 117–138.

Копельман З. Элишева: секрет успеха // Вестник Еврейского университета. 1999. № 1 (19). С. 159–177.

Лавров А.В. Лейб Яффе и «Еврейская антология»: К истории издания // Лавров А.В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 516–535.

Тименчик Р. Ахматова и Ветхий Завет. (Десятые годы) // *Jews and Slavs*. Vol. 4. Jerusalem, 1995. P. 226–252.

Тименчик Р. Деталь двойного назначения // Лехаим. 2006. Май. № 5 (169). <https://lechaim.ru/ARHIV/169/timenchik.htm>

Тименчик Р. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 4. Симферополь, 2006. С. 142–180.

References

Kopel'man Z. Evreiskie skrizhali i russkie verigi. (Russkii golos v tvorchestve ivritskoi poetessy Rakheli) [Hebrew Tables and Russian Shackles (Russian voice in the works by Rachel, a Hebrew poet)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2005, no 73, pp. 117–138.

Kopel'man Z. Elisheva: sekret uspekha [Elisheva: A Secret of Success]. *Vestnik Evreiskogo universiteta*, 1999, no 1 (19), pp. 159–177.

Lavrov A.V. Leib laffe i *Evreiskaia antologija*: K istorii izdaniia [Leib Jaffe and Hebrew Anthology]. Lavrov A.V. *Simvolisty i drugie: Stat'i. Razyskaniia. Publikatsii* [Symbolists and Others: Articles, Studies, Publications]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2015, pp. 516–535.

Timenchik R. Akhmatova i Vetkhii Zavet. (Desiatye gody) [Akhmatova and The Old Testament (1910s)]. *Jews and Slavs*, vol. 4. Jerusalem, 1995, pp. 226–252.

Timenchik R. Detal' dvojnogo naznacheniiia [A Detail of a Dual Capability]. *Lekhaim*, 2006, May, no 5 (169). <https://lechaim.ru/ARHIV/169/timenchik.htm>.

Timenchik R. Iz Imennogo ukazatel'ia k *Zapisnym knizhkam* Akhmatovoi [From the Name Index to Akhmatova's Notebooks]. *Anna Akhmatova: epokha, sud'ba, tvorchestvo: Krymskii Akhmatovskii nauchny sbornik*, vyp. 4 [Anna Akhmatova: Era, Destiny, Works: Crimean Akhmatova Collection, issue 4]. Simferopol, Krymskii Arkhiv Publ., 2006, pp. 142–180. (In Russ.)

Перевод с иврита Зои Копельман

Дата поступления в редакцию: 10.10.2021
Дата публикации: 20.11.2021

Received: 10.10.2021
Published: 20.11.2021

ROSSICA:
Россия и Запад. Литературные связи и контакты

В ближайших номерах:

Советский Союз глазами иностранных писателей

Scaena mundi: из истории театральных контактов

Международное объединение рабочих театров: труды и дни

Эрнест Хемингуэй и НКВД

Сталинские премии иностранным писателям

Джон Апдайк и Россия

Литературные вояжи десятилетия «оттепели»

Полная библиография переводных изданий Валерия Брюсова

Зарубежные писатели: указатели публикаций в советских журналах

1920–1930-х

Советские читатели о зарубежных писателях: почта ГИХЛа

Вышли первые выпуски книжной серии
«ROSSICA. Россия и Запад. Литературные связи и контакты»

«Иисус против Бога». «Творцы» / Издание подготовил **А. Строев**. — М.: Литфакт, 2019. — 280 с.: илл. (Серия ROSSICA. Россия и Запад. Литературные связи и контакты. Вып. 1). ISBN: 978-5-9500994-8-9

Книга впервые представляет произведения Анри Барбюса, написанные в жанре «социалистической агиографии»: мистерию о жизни революционера Иисуса, оболганного и погубленного христианами (1927), и сценарий кинофильма о Сталине (1935), кующий легенду о вожде народов. Французские тексты мистерии и сценария публикуются полностью впервые по оригиналам из Французской Национальной библиотеки и Отдела рукописей ИМЛИ РАН; также впервые публикуется (по фонду РГАСПИ) русский перевод сценария, выполненный для несостоявшихся съемок в 1934 г. В Приложении приводятся статьи, воспоминания и письма, связанные с разработкой А. Барбюсом сюжетов данных произведений.

Издание подготовлено в рамках совместного проекта Российского фонда фундаментальных исследований и Национального центра научных исследований Франции (Centre National de la Recherche Scientifique, CNRS) «Финансирование советской культуры (1917-1941)».

Константин Азадовский. Сюжеты и судьбы: Немецко-русские отражения. – М.: Литфакт, 2019. – 320 с.: илл. (Серия ROSSICA. Россия и Запад. Литературные связи и контакты. Вып. 2). ISBN: 978-5-6043382-2-3

Новая книга выдающегося историка литературы и переводчика Константина Марковича Азадовского состоит из работ, написанных в разные годы и посвященных взаимным «отражениям» русской и немецкой культур. Хронологический диапазон сюжетов, собранных в этой книге, охватывает два века – XIX и XX, а ее герои – выдающиеся философы (Шеллинг, Ницше), поэты (Грильпарцер, Блок, Ст. Георге, Вяч. Иванов), прозаики (М. Горький, Ст. Цвейг, Г. Гессе, Г. Бёлль), а также яркие посредники и культуртрегеры (Александр Тургенев, Максимилиан Шик). Все статьи объединены общей авторской установкой – обнаружить и выявить содержательный немецко-русский культурный пласт, обогатить его свежим (как правило, архивным) материалом и предложить читателю свое видение неизвестных или мало изученных историко-литературных событий.

ROSSICA. Литературные связи и контакты

Рецензируемый научный журнал

2021 № 1

Основан в 2021 г.
Выходит 2 раза в год

Учредитель, издатель: ООО «Литфакт».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-81839 от 16 сентября 2021 г.
ISSN 2782-3792

Адрес редакции:
117624, Москва, ул. Скобелевская, д. 20, оф. 122.
Телефон: +7 495 716-73-79
e-mail: litfakt_rossica@mail.ru
сайт: <http://lfizdat.ru/>

Компьютерная верстка и дизайн обложки: Н.Э. Чайковская.

Подписано в печать 20.11.2021.
Формат 60 X 90 1/16
Усл. печ. л. 16
Тираж 500 экз.
Цена свободная

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6.
Заказ №

